

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ

Малов Н.М.

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В САРАТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1918–1940 гг.): ОРГАНИЗАЦИОННОЕ СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И РЕПРЕССИИ

В истории советской исторической науки время от октября 1917-го до середины тридцатых годов традиционно рассматривается как первый период развития, организационного становления, создания специальных исторических учреждений, «консолидации историков-марксистов и усиления борьбы с антиленинскими концепциями». В рамках первого периода выделяют, как минимум, два основных этапа. Вместе с тем, некоторые авторы рассматривают эти этапы как самостоятельные периоды. Кроме того, имеются расхождения в хронологических границах периодов-этапов, в их содержании и характеристике. Так или иначе, выделяемые «этапы-периоды, подпериоды» в общих чертах характерны для саратовской вузовской археологической школы этого времени.

При традиционном подходе первый этап первого периода охватывает время от послеоктябрьских дней до 1929 года. Он «связан с формированием советской археологии на новых организационных началах и собиранием основных научных сил»¹. В 1920-е годы в провинциальных археологических центрах создаются новые местные археологические учреждения, общественные организации, где первоначально еще трудились дореволюционные археологи. В университетах вводится преподавание археологии, готовятся специалисты-археологи и открываются аспирантуры. Организационные преобразования археологии и первые опыты внедрения марксистской парадигмы приходятся на 1919–1929 годы². Одновременно усиливаются репрессии против научной интеллигенции. Дореволюционные научные организации закрываются по идеологическим соображениям или преобразовываются в новые, из-за политической неблагонадежности. Так, например, на первом

¹ Генниг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов) // Киев, 1982. С. 14–16.

² Лебедев Г.С. Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии. СПб., 1993. С. 2–4.

этапе реформ СУАК преобразуется в Истархэт, затем в Нижневолжское общество краеведения при СГУ, а в начале второго этапа – закрывается.

Второй этап характеризуется существенным вниманием к методологическим проблемам, к разработке теории первобытнообщинной формации, а также крупной организационной перестройкой структуры научных учреждений, ростом полевых исследований, переводом советской археологии на позиции «научного историзма, вооружением ее методологией марксизма-ленинизма»³. В 1930-е годы, в условиях тоталитаризма и продолжающихся политических репрессий, конструируется и утверждается марксистская парадигма, в советскую археологию внедряется теория стадильности.

Обращаясь к истории организационного становления и развития советской археологии в СГУ, нельзя обойти молчанием политические репрессии, которые, в конечном итоге, фактически привели к распаду саратовского вузовского археологического центра, являвшегося к тому времени одним из крупнейших в провинции. Вплоть до начала 1980-х годов отечественные исследователи, освещавшие ключевые моменты истории русской археологии советской эпохи, вынуждены были умалчивать о репрессиях ОГПУ и НКВД или говорили об этом крайне скупно.

Вместе с тем, отдельные сюжеты, связанные с саратовскими археологами, косвенно затрагивал еще П.Н. Милоков, говоря об исследованиях П.Д. Рау и П.С. Рыкова в работе «Очерки по истории Русской культуры» (Париж, 1937)⁴. Основываясь на слухах, о репрессированных археологах впервые пытался рассказать профессор Ростовского университета М.А. Миллер, ушедший с немецкими оккупантами на запад⁵. Его работа «Археология в СССР» (Мюнхен, 1954), в которой перестройка в отечественной археологии 1930–1934 годов названа «революцией», не только оформлена в явно антисоветском ключе, шокировавшем «даже привычных к этому западных читателей», но содержит ошибки и неточности⁶. Специальные книги В.Ф. Генинга, А.Д. Пряхина и Л.С. Клейна⁷ по различным причинам не могли восполнить образовавшийся пробел⁸. В разделе «Археология сталинской державы» полемической публикации Л.С. Клейна о репрессированных археологах также говорится очень кратко, вероятно, потому, что книга изначально предназначалась для зарубежных читателей и преследовала другие цели⁹.

Более подробно данный вопрос освещен в специальных работах А.А. Формозова, небезосновательно заключившего, что значительной части истории советской археологии, а в 1920–1930-е годы особенно, сопутствовали

³ Генинг В.Ф. Указ. Соч. С. 14–16; Пряхин А.Д. Советская археология: периоды развития // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж., 1984. С. 3–28; Его же. История советской археологии (1917 – середина 1930-х гг.). Воронеж, 1986.

⁴ Малов Н.М. П.С. Рыков и проблемы изучения покровской культуры // Древности Волго – Донских степей в системе Восточно-Европейского бронзового века. Волгоград, 1996. С. 43–48.

⁵ Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // РА. 1998. № 3. С. 191–206.

⁶ Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993. С. 12–13, 21.

⁷ Клейн Л.С. Указ. соч.

⁸ Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М., 1995. С. 4–5.

⁹ Формозов А.А. О книге Л.С. Клейна «Феномен советской археологии» и о самом феномене. // РА. 1995. №3. С. 225–232.

террор и репрессии¹⁰. Социологические исследования также показывают, что безраздельно господствующая с начала НЭПа большевистская власть ставит новые задачи, поэтому «история развития отечественной науки в 20-е годы представляет собой историю неравной борьбы научного сообщества с властью за свободу научного творчества, борьбу, результат которой был предопределен, однако отечественная наука, тем не менее, сохранилась»¹¹.

В связи с изучением вопросов о репрессиях и преследовании саратовских археологов следует особо отметить специальные статьи Е.К. Максимова, посвященные П.Д. Рау, П.С. Рыкову и Н.К. Арзютову¹². В некоторых статьях других авторов также анализируются малоизвестные публикации и архивные документы тридцатых годов, предшествовавшие аресту П.С. Рыкова и свидетельствующие о преследовании «политически неблагонадежного» саратовского археолога А.А. Кроткова¹³. Думается, что разработка темы «Репрессированные советские археологи» достаточно актуальна и заслуживает специального внимания исследователей.

Открытие нового, историко-филологического факультета в Саратовском государственном университете существенно повысило уровень археологического изучения Нижнего Поволжья¹⁴. Однако, история становления и развития археологии, как научного направления, так и учебной дисциплины, на историко-филологическом, а затем и на историческом факультете Саратовского государственного университета с 1917 по 1940 годы разработана еще недостаточно подробно. В некоторых статьях только сообщается, что в двадцатые годы на историко-филологическом факультете СГУ организуется *кафедра археологии и этнографии*, которую сначала возглавил П.С. Рыков, а в

¹⁰ Формозов А.А. Русские археологи и политические... С. 191–206.

¹¹ Черных А.И. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 126.

¹² Максимов Е.К. Павел Сергеевич Рыков // Археология Восточно-европейской степи. Саратов, 1989. С. 3; Максимов Е.К. П.С. Рыков и археология Нижнего Поволжья // Историографический сборник. Вып. 15. Саратов: СГУ. 1991. С. 50–62; Максимов Е.К., Войтенко Л.А. Новые материалы о П.С. Рыкове и Н.К. Арзютове // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 151–152; Максимов Е.К. Неизвестное в биографиях П.С. Рыкова и Н.К. Арзютова // Срубная культурно-историческая область. Саратов; СГУ. 1994. С. 3–5; Максимов Е.К. Николай Константинович Арзютов // РА. 1998. № 2. С. 194–196.

¹³ Рокитянский Я.В. Обреченные. Переписка академика Д.Б. Рязанова с профессором П.С. Рыковым (май 1937 г.) // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 96; Малов Н.М. Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1999. С. 22–36; Малов Н.М. П.С. Рыков и проблемы изучения... С. 43–48; Малов Н.М. П.С. Рыков – директор музея краеведения и «дело изучения Н.Г. Чернышевского» // Историк и историография. Саратов, 1999. С. 229–235; Малов Н.М., Миронова А.И. Саратовский областной музей краеведения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Саратовский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Труды СОМК. 2005. Вып. 6. С. 9–10; Кубанкин Д.А. Война глазами советского интеллигента (из дневника археолога и краеведа А.А. Кроткова) // Там же. С. 168–169.

¹⁴ Рыков П.С. Археологические работы в Среднем и Нижнем Поволжье с 1917–1932 гг. (К 15-летию Октябрьской революции) // Известия Саратовского Нижне-волжского института краеведения имени М. Горького. Т. V. Историческая секция. Саратов, 1932. С. 7–17; Синицын И.В. Итоги археологического изучения древней истории Нижнего Поволжья // Ученые записки СГУ. 1959. Т. 68. С. 3–14; Саратовский университет 1909–1959. Саратов, 1959. С. 95–103; Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 24–28.

1940–1946 годах – И.В. Сеницын¹⁵. Тем не менее, в истории данной кафедры, название которой изменялось, еще много неопределенного.

Не все еще ясно в данном вопросе и потому, что в то время региональная поволжская археология присутствовала на структурно реформируемых историко-филологическом, педагогическом и историческом факультетах СГУ. Поэтому одни кафедры открывались, другие – упразднялись. Названия университетских факультетов, где были представлены историческое отделение и археология как учебная дисциплина, также изменялись. Кроме того, при СГУ поволжская археология как научное направление развивалась до начала 1930-х годов в Обществе истории, археологии и этнографии, Нижневолжском обществе краеведения, а также в Нижневолжском институте археологии, НИИ краеведения им. М. Горького, функционировавшем еще в 1939 году. Археологическая деятельность этих научных учреждений также требует специального рассмотрения.

Поэтому в немаловажных деталях организационного становления и развития саратовской вузовской археологии вплоть до 1941 года многое еще не конкретизировано. Основная цель данной статьи – привлечение более пристального внимания исследователей к изучению ранней истории советской региональной археологии в Саратовском государственном университете, ее организационному становлению и «перестройке» в условиях тоталитаризма и политических репрессий.

Создание историко-филологического факультета СГУ стало возможным благодаря февральской революции 1917 г.: «Были направлены ходатайства в комиссию И.М. Гревса, ведавшую делом расширения Саратовского университета; комиссия их поддержала, и в начале 1917–1918 учебного года историко-филологический факультет был открыт»¹⁶. В условиях буржуазно-демократических преобразований готовилось открытие факультета и подбирались первые кадры преподавателей. Согласно постановлению Временного правительства от 1 июля 1917 года в Саратовском университете образовались три новых факультета, среди которых был и историко-филологический, открытый в начале 1917–1918 учебного года. Новые факультеты начали разворачивать свою деятельность и функционировали в чрезвычайных по экстремальности условиях: Октябрьская революция, гражданская война, разруха и голод 1921–1922 гг.; «Людям предстояло решать вопрос, как выжить, а не как жить науке – сохранится ли она вообще, а не как ей надо дальше развиваться»¹⁷.

Первыми преподавателями, исследователями и организаторами археологической науки в СГУ стали археологи, примыкавшие в те годы к «московской дореволюционной научной школе»: Франц Владимирович Баллод (Balodis), Алексей Алексеевич Захаров, Алексей Степанович Башкиров и Павел Сергеевич Рыков. Все они, начиная с дореволюционных времен, учились или работали в Московском университете, Московском Археологическом институте, Государственном историческом музее и поддерживали отношения с

¹⁵ Дербов Л.А. Указ. соч. С. 124; К 70 – летию Ивана Васильевича Сеницына // АМА. 1972. Вып. I. СГУ. С. 6; Максимов Е.К., Малов Н.М. Профессор Иван Васильевич Сеницын – советский археолог XX века // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов – Энгельс, 2000. С. 12.

¹⁶ Отчет о деятельности историко-филологического... Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.

¹⁷ Формозов А.А. Русские археологи до... С. 29.

В.А. Городцовым. Можно полагать, что это были исследователи, тесно связанные с Историческим музеем¹⁸. Вероятно, по политическим мотивам несколько десятилетий в советской региональной историографии исторической и археологической науки их деятельность в СГУ освещалась очень кратко (Баллод, Рыков) или совсем не упоминалась (Захаров, Башкиров).

Дело в том, что в последствии Ф.В. Баллод покинул большевистскую Россию, переехав в буржуазную Латвию, откуда после ввода советских войск, эмигрировал в одну из скандинавских стран (Швеция). Русских археологов А.С. Башкирова, А.А. Захарова и П.С. Рыкова не обошли стороной политические репрессии. Профессора МГУ, сотрудника ГИМ и РАНИОН, заведующего археологической секцией Московского отделения ГАИМК, прикованного к креслу антиковеда и востоковеда А.А. Захарова (1884, Москва – 1937, Алма-Ата) после очередного ареста по одному и тому же делу с профессором МГУ А.С. Башкировым, выслали в Алма-Ату, где затем расстреляли¹⁹. После казахстанской ссылки и возвращения к активной научной и педагогической деятельности А.С. Башкиров защитил докторскую диссертацию в 1945 г, а в 1955 был реабилитирован²⁰. П.С. Рыков и его саратовские коллеги по музею и НИИ Краеведения (Н.К. Арзютов, Н.Н. Дмитриев, В.А. Сушицкий) были осуждены по клевете как «враги народа» и закончили свой жизненный путь в ГУЛАГе. Т.М. Минаева, ученица П.С. Рыкова, до 1939 года отбывала ссылку в г. Соль-Илецке²¹. Бывшему сотруднику Саратовского областного музея и НИИ краеведения археологу А.А. Кроткову (1866–1944), поддерживавшему отношения с высланной Т.М. Минаевой и подвергавшемуся арестам ОГПУ в 1930 и 1935 гг., в 1942 году паспортный стол предписал покинуть г. Саратов²². Таким образом, у истоков организационного становления, развития и перестройки советской региональной археологии в СГУ стояли репрессированные исследователи, являвшиеся по данным НКВД «политически неблагонадежными» или «врагами народа».

Поэтому к настоящему времени в истории становления и развития советской археологии в СГУ остро обозначился ряд проблем источниковедческого и историографического характера. Большая часть документов о многих репрессированных и выехавших в двадцатые годы за рубеж профессорах историко-филологического и исторического факультетов СГУ канула в недрах ОГПУ и НКВД или хранится в архивах, бывших до недавнего времени недоступными. В этой связи основная масса новых источников стала выявляться, публиковаться и анализироваться сравнительно недавно.

Кроме того, ждет своего специального исследования вопрос об общественно-политической деятельности и социальной активности местных членов СУАК в 1920-е годы, а также об их взаимодействии с советской властью и учеными СГУ. Это представляет особый интерес, поскольку еще со второй половины XIX века местные дворяне – учредители и основатели СУАК – достаточно целенаправленно ставили перед центральными властями вопрос о

¹⁸ Там же. С. 33.

¹⁹ *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак. 2006. С. 237 - 241.

²⁰ Там же. С. 230 - 240.

²¹ *Формозов А.А.* Русские археологи до. С. 202.

²² *Малов Н.М., Миронова А.И.* Указ. соч. С. 9–10.

необходимости открытия в Саратове университета, организации общества археологии и этнографии и исторического факультета²³. В Отчете о деятельности нового историко-филологического факультета подчеркнуто, что «Саратов, особенно его Губернская Архивная Комиссия с самого открытия медицинского факультета стала хлопотать об открытии и других факультетов, но все старания долгое время оставались напрасными»²⁴.

1918–1920 годы для СУАК выделяются в особый этап. Архивная комиссия перестраивает свою деятельность «на потребности новой власти», оказывает практическую помощь школьному образованию и Саратовскому университету, пропагандирует исторические знания²⁵. Члены бывшей СУАК не принимали участия в Октябрьской революции и гражданской войне и в двадцатые годы оставались беспартийными. Вероятно, первоначально они возлагали на новую власть определенные надежды, связанные с более плодотворной реализацией своих научно-творческих, общественно-политических и социальных интересов. Многие из них сотрудничали с советской властью в различных сферах: культуре, музейном деле, охране памятников, просвещении и образовании.

Тем не менее, далеко не все члены СУАК смогли сохранить или повысить свой социальный и научно-творческий статус, а также реализовать интеллектуальные амбиции и претензии. К тому же, в начале 1920-х годов в СГУ начинают формироваться новые, советские научные школы (археологическая, этнографическая, лингвистическая, историко-краеведческая, фольклорная и др.), затронувшие интересы многих дореволюционных саратовских краеведов. Поэтому действия, предпринимаемые профессорами СГУ в ходе формирования советских вузовских научных школ, воспринимались и оценивались некоторыми деятелями местного культурного строительства, просвещения и музейного дела отрицательно.

Первым исследователем и преподавателем, с которым связано организационное становление археологии как научного направления и учебной дисциплины в СГУ, был профессор Франц Александр Владимир [Франц Владимирович] Баллод (1882, Лифляндия – 1947, Швеция). Известный археолог, искусствовед и египтолог работал в Саратове заведующим кафедрой (1918–1924) и деканом историко-филологического факультета СГУ (1919–1921)²⁶. (См. в приложении № 1 документы с анкетными данными исследователя).

Родился Ф.В. Баллод в 1882 году в г. Вольмар, Лифляндской губернии, «образование получил в Рижской городской гимназии, Юрьевском университете, Московском университете, Московском археологическом институте и Мюнхенском университете, куда был командирован как оставленный для

²³ Малов Н.М. Поволжская региональная археология... С. 22–26.

²⁴ Отчет о деятельности историко-филологического факультета Саратовского Университета за 1917–1919 гг. и краткая справка по организации и деятельности Саратовского университета // ГАСО. Ф. Р – 332. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.

²⁵ Миронов В.Г. Деятельность СУАК по пропаганде исторических знаний // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Ч. 2. Материалы научной межвузовской конференции (Саратов, 2–4 июня 1993 г.). Саратов. 1995. С. 45–46.

²⁶ Саратовский университет 1909–1959. С. 22, 101, 281; Дербов Л.А. Указ. соч. С. 24, 125; Малов Н.М. Поволжская региональная археология...С. 26–27; Год кончины Ф.В. Баллода указан по: Зернов В.Д. Записки русского интеллигента. / Подготовка, вступительная статья, комментарии и указатель имен В.А. Соломонова. М. 2005. С. 224, 359.

подготовки к профессуре. С 9 октября 1912 года состоял преподавателем Московского археологического института, с 25 апреля 1915 года – приват-доцентом Московского университета, с 1 июля 1918 года состоит профессором историко-филологического факультета Саратовского университета по кафедре истории и искусств».

Отец ученого также занимался археологией. Его статьи Франц Владимирович упоминает в своих ранних публикациях²⁷. Напомним, что на Археологическом съезде в Риге в 1896 году от СУАК присутствовали в качестве депутатов А.А. Васильчиков, К.А. Военский, В.Н. Смолянинов, К.П. Медокс и М.А. Лакомтэ²⁸. Первые полевые археологические исследования Ф.В. Баллод начал осуществлять в начале XX века. Так, летом 1909 года Франц Владимирович был командирован на раскопки в Прибалтийский край и затем опубликовал свой отчет об этих полевых работах в трудах Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда²⁹.

Ф.В. Баллод прочитал в Императорском Московском Археологическом Обществе доклад «О латышских городищах». Археологические предметы он сдал в Императорский Российский Исторический музей (Москва). В Отчете исследователь использовал более раннюю свою публикацию по латышским средневековым древностям³⁰. Непосредственно перед приездом в Саратов он преподавал в I Московском государственном университете на археологическом отделении факультета общественных наук. Франц Владимирович известен как египтолог и специалист по восточному искусству³¹. Среди работ по этой теме в 1917 г. им опубликована статья с двумя таблицами и шестью рисунками³².

В Отчете историко-филологического факультета СУ за 1917–1919 годы, в разделе об избрании новых профессоров, указано: «27. V. 18 избран на кафедру теории и истории искусств доцент Московского Университета Ф.В. Баллод; специальность – восточное искусство; он же – египтолог»³³. По данным на 15 января 1919 года известно, что Ф.В. Баллод «читает курсы по истории искусств и археологии, заведует кабинетом истории искусств и археологии; состоит преподавателем Саратовского педагогического института»³⁴.

В 1919 году Ф.В. Баллод становится деканом историко-филологического факультета и заведующим научной секцией Подотдела музеев и охраны па-

²⁷ Austrums, 1895. V.D. Ballod. Antine un Metimne. S. 628; Каталог Латышской Этнографической выставки. Рига, 1886.

²⁸ Известия X Археологического съезда в Риге 1–15 августа 1896 г. Рига, 1896. С. 3–5.

²⁹ Баллод Ф.В. Отчет о командировке в Прибалтийский Край летом 1909 г. (Беверенские раскопки) // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда. М., 1911. С. 21–46.

³⁰ Баллод Ф.В. Некоторые материалы по истории латышского племени с IX по XIII столетие. Москва, 1910.

³¹ Павлов В.В. Русская дореволюционная и советская наука о египетском искусстве // ВДИ. 1968. № 2.

³² Баллод Ф.В. Реализм и идеализация в египетском искусстве, как результат представлений о потустороннем бытии // Сб. Московского общества по исследованию памятников древностей имени А.И. Успенского при Московском Археологическом институте. В честь Профессора Владимира Константиновича Мальмберга. М., 1917 Вып. 2.

³³ Отчет о деятельности... // ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

³⁴ Списки профессоров и преподавателей Саратовского университета на 1919 г. // ГАСО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 17, 45.

мятников искусства и старины при Губотнаробе Саратовского ГубОНО³⁵. Вскоре, по результатам доклада Ф.В. Баллода на факультете было открыто *отделение истории искусств и археологии*. В течение 1918–1919 учебного года на кафедре проводились три семинария, в кафедральном кабинете имелось 1060 наименований книг, числом томов – 1860. «На высокий интерес к занятиям показывают такие факты, как участие 15–20 человек в специальном семинарии по классической филологии и на занятиях египетскими и греческими текстами в летнем семестре под руководством проф. Ф.В. Баллода и С.В. Меликовой»³⁶.

По спискам профессорско-преподавательского состава СГУ на 15 апреля 1919 года профессор Ф.В. Баллод значится при «*кафедре теории и истории искусств*, уг. Гимназической и Часовой д. 72 кв. Голикова № 3»³⁷. Ф.В. Баллод оставался деканом историко-филологического факультета и в 1920 году³⁸. Можно полагать, что на кафедре теории и истории искусств, возглавляемой Ф.В. Баллодом, для студентов нового отделения «*История искусств и археология*» впервые преподавались дисциплины археологического профиля. В названии кафедры явно сохраняется приверженность досоветской научной традиции. Как известно, на четвертом археологическом съезде в г. Киеве обсуждался вопрос «О предмете кафедры теории и истории искусств». При кафедре был кабинет *истории искусств и археологии*. В эти годы преподавателям университета приходилось заниматься не только педагогической и научной деятельностью. Так, например, ректор СГУ В.Д. Зернов упоминает профессора Ф.В. Баллода как участника эпизода по вырубке просеки на «Садомовских дачах» во время наступления на Саратов войск Деникина³⁹.

По приезду в Саратов 27 октября 1918 года Франц Владимирович вступил в общество Истархэт, где указан в списке организации до 1924 года включительно, а почетный член СУАК – В.А. Городцов с 25 декабря 1922 года⁴⁰. По различным спискам сотрудников, почетных и действительных членов, устанавливается, что в 1920 году Ф.В. Баллод занимал должность заведующего «Историко-археологическим музеем и Общественным движением Общества истории, археологии и этнографии», но оплаты за это не получал. Содержание и исполнение работ заведующего музеем включало «руководство научной деятельностью музея, составление планов археологических работ и изысканий в Крае, специальные занятия по археологической хронологии и топографии, научное руководство археологическими экспедициями»⁴¹.

Здесь же, в разделе о стаже, отмечены 8 лет службы, а также имеется запись: «с 1912 года профессор Московского археологического института, с 1914 года приват-доцент Московского Университета, а с 1918 года профессор

³⁵ Миронов Д.В. Формирование структуры Саратовского областного музея краеведения в 1920-е годы // Труды СОМК. Саратов, 1996. Вып. 4. С. 83

³⁶ Отчет о деятельности... // ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 4 об, 6 об, 7 об, 8.

³⁷ Списки... // ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 4, 8.

³⁸ Отчет о деятельности... // ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 3. Л.3

³⁹ Зернов В.Д. Указ. соч. С. 224, 359.

⁴⁰ Список почетных и действительных членов Саратовского областного общества ИстАрхЭт 1923–1924 гг. // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 433. Л. 2.

⁴¹ Саратовская губернская ученая архивная комиссия. Списки служащих библиотеки и археологического музея Саратовского об – ва истории археологии и этнографии. Начато 1920 г. // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 359. Л. 1.

Саратовского университета». Относительно образования заведующего музеем указано: «высшее образование, доктор философии, магистр теории и истории искусств, профессор Саратовского университета». В другом списке, за 1921 год, Ф.В. Баллод представлен на оплату труда в размере 261,60 руб. за заведывание историко-художественным отделом, научно-техническую работу и членство в Правлении Саратовского общества истории, археологии и этнографии⁴². В 1921 году Франц Владимирович проживал в Саратове по адресу: «угол Гимназической и Введенской д. 48»⁴³. В это время, до 1925 года, он состоял также в «Комиссии по изучению татарской культуры (Отделение Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения)»⁴⁴.

Как отмечал Ф.В. Баллод, Советами педагогического и историко-филологического факультетов университета «было постановлено организовать, помимо иных (лингвистических и этнографических), также археологическую экспедицию с тем, чтобы в ней участвовало студенчество. Ввиду того, что к чтению в летнем триместре мною [Баллодом] был назначен курс археологии восточной Европы...»⁴⁵. Выполняя это решение, летом 1919 года историко-филологическим факультетом СГУ, совместно с Подотделом Губотднароб (Губернского отдела народного образования) по делам музеев и охране памятников старины и искусства и Педагогическим институтом, под руководством Ф.В. Баллода были организованы и осуществлены археологические раскопки на золотоордынском Увекке. Таким образом, впервые студенты историко-филологического факультета выехали в археологическую экспедицию 10 июля 1919 года.

В проведении этих полевых работ Ф.В. Баллоду помогали профессор С.Н. Чернов, Б.В. Зайковский, П.Н. Шишкин (инструктор музейного дела Р.-Ур. ж. д. и хранитель музея СУАК). По окончании раскопок Ф.В. Баллод прочитал публичную лекцию, в которой любопытен один момент: «Вещи, найденные при раскопках, находятся ныне в музее университета... Этот музей, согласно постановлению Совета профессоров, два раза в неделю открыт для публики»⁴⁶. Судя по всему, к 1919 году, а может быть и раньше, музей в университете уже существовал. Формироваться он начал достаточно давно: «При создании Императорского Николаевского университета туда из музея СУАК были переданы палеонтологические и геологические коллекции, легшие в фундамент будущих музеев СГУ»⁴⁷. В 1920–1921 гг. студенты отделения истории искусств и археологии историко-филологического факультета, научный сотрудник Ф.Е. Арьков и ассистент Б.В. Зайковский участвовали уже в четырех экспедициях («Терновская», «Даниловская», «Царицынская»), организо-

⁴² Список членов Правления Саратовского Об-ва Истории, Археологии и Этнографии на утверждение оплаты труда с 1-го июля 1921 года // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 461. Л. 3.

⁴³ Саратовская губернская ученая архивная комиссия. Список членов (действительных и почетных) об-ва. Начато 1 октября 1927 г. // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 546. Л. 1. Среди действительный член общества указан «Баллод Ф.В. – проф. Риж. Ун-та».

⁴⁴ Комиссия по изучению татарской культуры (Отд. Всероссийск. Научной Ассоциации Востоковедения) // Весь Саратов. Альманах – справочник на 1925 год. Издание Саратовской Губ. Ком. по улучшению быта детей при Сар. ГИКе. С. 383.

⁴⁵ Баллод Ф.В. Отчет о раскопках на Увекке летом 1919 года. Саратов, 1919. С. 2.

⁴⁶ Отчет о деятельности... // ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 3. Л. 10–10 об.

⁴⁷ Миронов В.Г. К истории областного музея краеведения (1918 год) // Труды СОМК. Саратов, 1996. Вып. 4. С. 64.

ванных и возглавившихся Ф.В. Баллодом, благодаря поддержке М.Н. Покровского и В.А. Городцова⁴⁸. Говоря о расцвете советской науки в РСФСР, в связи с пятилетием Октябрьской революции, М.П. Покровский приводит в качестве примера раскопки Ф.В. Баллода на Увеке⁴⁹. Работа экспедиции 1921 года протекала в тяжелейших условиях голода, распространения холеры, сыпного и брюшного тифа. Об этом рассказывается в романе Б. Пильняка «Голый год», где Ф. Баллод назван Баудеком⁵⁰.

По приведенным выше архивным документам очевидно, что основным местом работы Ф.В. Баллода в 1919–1924 гг. был историко-филологический факультет Саратовского университета. Поэтому заключение И.Л. Измайлова о том, что в 1919–1922 гг. Франц Владимирович был профессором Казанского университета⁵¹, совершенно не обосновано, не аргументировано и не подтверждено документально. Возможно, это заблуждение связано с тем, что раскопки Ф.В. Баллода (при участии Б.В. Зайковского и инженера А.И. Горшенина) в 1922 году на Селитренном и Царевском городищах проводились на средства Татарнаркомпроса, через Татпредставительство в Москве, а полученные материалы поступили на хранение в Казань⁵².

Вероятно, с осени 1924 года Ф.В. Баллод уже не работал в СГУ. По некоторым сведениям, в том же году Франц Владимирович еще мог быть деканом историко-филологического факультета, а позже работал в Институте археологии и искусствознания Московского университета⁵³. В конечном итоге он покинул Советскую Россию и уже в 1927 году служил в Рижском университете. Это косвенно фиксируется по спискам членов Нижневолжского общества краеведения, в которое (тогда еще СУАК) Ф.В. Баллод вступил в 1918 году. Его фамилия указана на 1 октября 1926 г., через год вычеркнута, а в 1927 году опять внесена, но уже с отметкой, что он профессор Рижского университета. В конце двадцатых годов, работая в Рижском университете, Ф.В. Баллод продолжал поддерживать отношения с П.С. Рыковым и другими саратовскими исследователями. Например, в библиотеке кафедры археологии и этнографии СГУ есть статья, опубликованная Ф.В. Баллодом в Риге в 1928 году, с дарственной надписью⁵⁴.

В списке историко-филологического факультета СГУ «Б. Преподаватели» значатся еще два крупных и талантливых русских археолога: А.А. Захаров и А.С. Башкиров. Они, так же как и Ф.В. Баллод, прежде преподавали в Московском университете. В одном случае запись гласит: «20. IX. 18.

⁴⁸ Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». Москва – Петроград, 1923. С. 7–11.

⁴⁹ Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. С.315.

⁵⁰ Там же. С. 39.

⁵¹ Измайлов И.Л. Баллод Франц Владимирович // Татарская энциклопедия. Казань, 2002. С. 293; Башкиров Алексей Степанович // Там же. С. 324.

⁵² Баллод Франц. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (результаты археологических работ летом 1922 года) // Татарская археология. № 1 (2) – 2 (3). Казань. 1998. С. 14–31, 108–134; Халиков А.Х. Археологические исследования Казанского университета // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986. С. 37.

⁵³ Измайлов И.Л. Баллод Франц. С. 293; Савельева Е.К. «Не писать Вам, а видеть Вас я хотел бы...» (Письма А.Д. Скалдина А.В. и В.В. Леонтьевым) // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2005. Вып. 2. С. 290.

⁵⁴ Balodis Fr. Mūsu Pilskalni // Études archeologiques., Fasc. I. Riga, 1928. T. IV. S. 5–17.

избран преподавателем по древней истории А.А. Захаров»⁵⁵. Здесь же среди преподавателей историко-филологического факультета СГУ за 1919 год числится: «Алексей Алексеевич Захаров. Древняя история», но вверху карандашом помечено «всеобщая история»⁵⁶. Еще сообщается: «Алексей Алексеевич Захаров – Курс древней истории; к месту службы еще не прибыл»⁵⁷.

По прибытии в Саратов профессор А.А. Захаров проживал по адресу «Вольская ул., д. 30». Он читал курс древней истории, который, вероятно, проходил по учебному плану кафедры всеобщей истории. Алексей Алексеевич преподавал в Московском археологическом институте, работал в ГИМе, был научным сотрудником Археологической комиссии московской секции ГАИМК. Исследователь корректировал монографию Ф.В. Баллода «Приволжские «Помпеи»⁵⁸, позже поддерживал контакты с П.Д. Рау, П.С. Рыковым и другими саратовскими археологами⁵⁹.

В том же году А.С. Башкиров числился преподавателем кафедры теории и истории искусств⁶⁰, возглавляемой Ф.В. Баллодом. Доктор исторических наук Алексей Степанович Башкиров (1885, г. Кукмор Казанской губ. – 1963, г. Москва) – участник Дагестанской этнолого-лингвистической и художественно-археологической экспедиции в Дербенте. Специалист в области древнего зодчества, монументального строительства античных городов юга СССР, древней культуры и искусства народов Кавказа. После окончания в 1913 году Петербургского университета и Археологического института, в качестве научного сотрудника Алексей Степанович был направлен в Русский археологический институт (Константинополь), после чего три года изучал античное и средневековое искусство в Греции, Италии, Франции, Англии и Скандинавских странах⁶¹. Вернувшись в Россию в начале 1917 года, он читает курсы по античному и средневековому искусству и археологии в Петроградском и Московском университетах, в Самарском университете и Педагогическом институте. До 1924 года, перед тем как вернуться в Москву и стать сотрудником ГИМ, А.С. Башкиров был директором Самарского музея краеведения и председателем Истархэт при Самарском университете.

Факт, вероятно, состоявшегося преподавания Алексея Степановича Башкирова в СГУ представляет несомненный интерес, а также объясняет, почему исследователь позднее длительное время поддерживал научные контакты с саратовскими археологами. Так, например, в 1949–1951 и 1960 гг. для исследования античного городища Патрей на Таманском полуострове он

⁵⁵ Отчет о деятельности историко-филологического факультета за 1917–1919 и краткая справка по организации и деятельности Саратовского университета // ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 2 об.

⁵⁶ Список профессоров и преподавателей Саратовского университета на 1917 г. // ГАСО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 14.

⁵⁷ Списки профессоров и преподавателей Саратовского университета на 1919 г. // ГАСО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 41, 51 об.

⁵⁸ Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи»... С. 4.

⁵⁹ Малов Н.М. Памяти археолога Пауля Рау: к 100 – летию со дня рождения // Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Саратов, 1997. Вып. 5. С. 106.

⁶⁰ Списки профессоров... на 1919 г. Л. 52. О том, что А.С. Башкиров указан в данном документе сообщил В.А. Волков, за что автор статьи искренне признателен исследователю.

⁶¹ Пятыешева Н. Башкиров А.С. // СА. 1963. №3. С. 316–317 [Некролог]; Гензинг В.Ф. Указ. соч. С. 208; Длужневская Г.В. Деятельность РАИМК – ГАИМК: 1919–1937 гг. // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». М., 1991. Вып. 1. С. 36.

привлекал сотрудников и студентов Саратовского университета. Скорее всего, А.С. Башкиров и П.С. Рыков также контактировали друг с другом, как директора музеев и научные сотрудники Комиссии по археологии Московской секции ГАИМК. Как известно, она возникла в апреле 1924 г.⁶²

Определенный вклад в становление и развитие саратовской вузовской археологии внесли также действительные члены СУАК, с 1920 года переименованной в Общество истории, археологии и этнографии при СГУ. В октябре 1925 года Истархэт закончило свою реорганизацию, получило статус юридического лица и уже как Нижневолжское областное научное общество краеведения просуществовало до 1931 года⁶³.

Бывший хранитель музея СУАК Б.В. Зайковский (23.06.1878 – 16.06.1933, Саратов) в своей анкете от 5 марта 1921 года писал: «15 ноября 1919 г. я избран при кафедрах, имеющих отношения к изучению местного края (при ист.-фил. фак. Ун-та) и в этой должности состою поныне... В настоящее время... веду преподавание краеведения в Институте народного образования, строит.-техническом училище и VII школе взрослых»⁶⁴. В октябре 1918 года заведующий музейной секцией ГУБОНО, эмиссар по делам музеев, Б.В. Зайковский выступал с докладом на заседании временной комиссии по организации Областного музея краеведения⁶⁵. В качестве ассистента университета по кафедре местного края, губинспектора и действительного члена Археологического института, возникшего в 1920 году, Б.В. Зайковский участвует (1919–1923) в археологических и этнографических экспедициях, возглавляемых профессорами Ф.В. Баллодом и Б.М. Соколовым⁶⁶. До 1925 года Богдан Викторович некоторое время работал заместителем директора Саратовского этнографического музея, затем инспектором архивного дела. Затем следы его дальнейшей профессиональной и научной деятельности теряются. «Неистовый Богдан» скончался одиноким, несемейным человеком, впавшим в мистицизм. Жизнь Б.В. Зайковского оборвалась в г. Саратове 16 июня 1933 г.⁶⁷ Ссылаясь на мнение Б.В. Зайковского и признавая его объективным, В.Г. Миронов заключил, что именно П.С. Рыков изгонял со своих постов дореволюционных краеведов⁶⁸.

Без ссылки на конкретные документы А.А. Формозов также категорично утверждает что, П.С. Рыков: «разогнал» в 1920-е годы сильную группу краеведов СУАК⁶⁹. Однако, например, по другому не бесосновательному мнению: Б.В. Зайковского, А.А. Герасимовича, М.В. Готовицкого, В.А. Доброва и других

⁶² Егоров Д. Общий очерк деятельности Московской секции // Сборник ГАИМК. К десятилетию Октября. М., 1928. С. 3–4.

⁶³ Скиданов М.Е. К истории создания Нижнее-Волжского областного общества краеведения // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность Саратов, 2003. С. 100–102.

⁶⁴ Анкеты и биографии членов общества краеведения. Б.В. Зайковский // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 385. Л. 43–45.

⁶⁵ Петрова Н.Ф. Организация музейного дела в Саратове. Областной музей краеведения (20–30-е годы XX века) // Проблемы истории идеологии и культуры. Саратов, 1992. С. 119.

⁶⁶ Миронов В.Г. «Неистовый Богдан» // Годы и люди. Саратов., Вып. 6.1992. С. 72–83.

⁶⁷ Архив Саратовского городского ЗАГСа. Акты смерти за 1933 г. Ч. II. С. 40.

⁶⁸ Миронов В.Г. «Неистовый Богдан»... С. 72–83.

⁶⁹ Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. С. 23–24.

уволил из саратовских музеев А.Д. Скалдин – заведующий музейной секцией ГУБОНО и Саратовским Губмузеем⁷⁰.

К тому же, в 1920 – годы для членов СУАК ситуация изменилась принципиально. До революции большинство рядовых краеведов зарабатывали средства к существованию не в СУАК. Как правило, деятельностью в комиссии они занимались в свободное от основной работы время. Большинство краеведческих организаций СУАК (ИСТАРХЭТ, НВОК) уже существовали за счет советского государственного бюджета, а не как ранее – за счет пожертвований, благотворительности, попечительства или покровительства губернатора и членов царской семьи. Существенное значение имело и то что, по советскому законодательству архивные и музейные коллекции, в том числе и собранные СУАК, уже стали государственной собственностью.

Кроме того представители советской археологической научной школы, формирующейся на историческом факультете, все более закреплялись в школах и рутинных учебных заведениях, музеях, Нижневолжском обществе и Институте краеведения при СГУ. Среди молодых археологов это, прежде всего, бывшие студенты – ученики П.С. Рыкова: П.Д. Рау, И.В. Сеницын, П.Д. Степанов, Т.М. Минаева, Н.К. Арзютов и др. Таким образом, дореволюционные краеведы, не имевшие специального исторического и археологического образования, стали испытывать более существенные сложности с трудоустройством, чем до 1917 г.

Отдельные аспекты собирательской и экспедиционной работы особенно остро и конфликтно обозначились в саратовском краеведении и музейном деле в связи с ужасным голодом 1921–1922 годов и обесцениванием денежных знаков. В эти годы практиковался сбор этнографических, художественных, религиозно – культовых коллекций путем обмена их у населения на мануфактуру. Иногда, приобретенные таким образом экспонаты, оказывались не в саратовских музеях или даже за рубежом. Некоторые историографы считают что, экспонаты обнаруженные у А.Д. Скалдина, позволили «сфабриковать» против него скандальное дело по «обвинению в присвоении музейных ценностей». Это дело к настоящему времени не сохранилось.

В дневнике М.Н. Чернышевского есть запись, к которой относятся как к сплетне или слухам, о том что, в 50 ящиках багажа А.Д. Скалдина, якобы, оказались редчайшие книги, ризы, даже вещи и миниатюры из Радищевского музея. В этой связи, напомним, что не только А.Д. Скалдин, но и другие саратовские краеведы отзывались о профессорах СГУ: Б.М. Соколове, Ф.В. Баллоде и П.С. Рыкове в резкой форме и крайне субъективно. В определенной степени это можно объяснить тем, что три профессора дали показания на судебном процессе не в пользу А.Д. Скалдина. К тому же, три профессора активнее всех проводили археолого – этнографические экспедиции, группировали вокруг себя студенческую молодежь, возглавили некоторые отделы и музеи СУАК – ИСТАРХЭТ и Археологический институт.

Деятельность в последующем репрессированного А.Д. Скалдина в Саратове «внешне закончилась для него полным и окончательным поражением»⁷¹.

⁷⁰ Миронов Д.В. Формирование структуры Саратовского областного музея краеведения в 1920-е годы // Труды СОМК. Саратов. 1996. Вып. 4. С. 80.

⁷¹ Скалдин А.Д. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. Т.С. Царьковой. – СПб. Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. С. 18; Савельева Е.К.

Итогам четырехлетнего руководства Алексея Дмитриевича музеями и другими учреждениями культуры Саратовской губернии, прекратившегося в результате «травли» и «обвинения в присвоении ценностей», сейчас достаточно сложно дать объективную оценку. Пока еще крайне мало опубликовано и проанализировано архивных документов, непосредственно отражающих исполнение должностных обязанностей «последним петербургским символистом» в г. Саратове. Кроме «обвинения в присвоении ценностей», в истории советского саратовского музееведения А.Д. Скалдин еще известен как «музейный реформатор». По его распоряжению с осени 1921 года административно объединялись в одно целое под названием Областной Саратовский музей: Этнографический, Исторический, Археологический, Общественного движения и Дом-музей Н.Г. Чернышевского⁷².

В Саратове А.Д. Скалдин активно занимался административной и общественной деятельностью, чтением популярных курсов лекций. «С марта 1919 года состоял на государственной службе в должности Заведующего Литературной Секцией Саратовского п/отд. Искусств, Заведующего Художественным Отделом Педагогического Музея и с I/IX 20 года – Заведующего Губернской Музейной Секцией и охраны памятников; с 25/XII 20 заведующ. Отделом Культур при Историко-Археологическом Музее Сарат. Общества «Истархэт» и с 15/ III 21 – Государственным Радищевским Музеем (последние три должности совмещаются и в настоящее время)... С XII 20 г. член Правления Саратовского о-ва Истории, Археологии, Этнографии... Работает по изучению церковного Искусства Саратовского края с 1920 г. Читал много популярных лекций по истории искусств; в настоящее время читает два курса: в Саратовских Высших Художественно-Технических Мастерских «История и Теория вещественных искусств» и в Высших Театральных Мастерских «Философия человеческого действия»⁷³. Алексей Дмитриевич получал оплату как член Правления Саратовского общества истории, археологии и этнографии в 1921 г.⁷⁴ Одновременно А.Д. Скалдин, при стаже 5 лет и «домашнем образовании», заведовал музеем Культур с месячным окладом 165888 рублей⁷⁵.

Для изучения ранней истории факультета, саратовского краеведения и музейного дела можно использовать и другие документы, отражающие деятельность преподавателей и студентов историко-филологического и других факультетов СГУ. Так, например, в 1921 году по двум «Спискам» Истархэт проходят:

- С.Н. Чернов (зав. обществом);
- А.А. Гераклитов (товарищ председателя, зав. музеем рукописей и отделом «Старая Книга»);
- Б.М. Соколов (товарищ председателя);
- П.Г. Любомиров (зав. историческим отделом);

Указ. соч. С. 275–307; Малов Н.М. Этнография в саратовском музееведении и краеведении // Народы саратовского Поволжья: история и современность. Труды СОМК. Саратов, 2005. Вып. 5. С. 79–86.

⁷² Миронов Д.В. Указ. соч. С. 81.

⁷³ Анкеты и биографии членов... А.Д. Скалдин // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 385.

⁷⁴ Список членов Правления Саратовского Об-ва Истории Археологии и Этнографии на утверждение оплаты труда с 1-го июля 1921 года // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 461. Л. 3.

⁷⁵ Список служащих Музеев и Библиотеки... Л. 4об. – 5.

- П.С. Рыков (*зав. археологическим отделом*);
- С.Д. Соколов (член правления, образование домашнее, зав. библиотекой);
- Е.Н. Кушева (секретарь исторического отдела, *зав. отделом скифо-сарматских древностей*);
- А.Н. Кушева (*зав. отделом каменных орудий*),
- О.А. Кроткова (*зав. отделом финских древностей*);
- В.П. Воробьев (научный сотрудник);
- А.П. Ручьева (*зав. отделом славянских древностей*);
- Ф.Д. Охлябинин;
- Н.А. Аполлова (зав. дворянским архивом);
- П.Н. Шишкин (член правления, Ученый секретарь, зав. музеем, образование получил в Цвикаусском Инженерном училище в Германии).

В данных списках фигурирует почасовая оплата и группы оплаты труда членов правления, секретарей, сотрудников музея и библиотеки Истархэт. Тогда группы и категории оплаты труда научных сотрудников подразделялись по месту работы и типам учреждений.

В связи с ранней историей факультета интересна Анкета (Приложение № 2) нашего выдающегося земляка Георгия Петровича Федотова (1 (13). 10. 1886, г. Саратов – 1. 09. 1951, г. Бэкон, штат Нью-Джерси, США). Будущий религиозный мыслитель, историк, философ и публицист, Г.П. Федотов происходил из небогатой провинциальной дворянской семьи правителя дел губернаторской канцелярии. До окончательного отъезда за рубежи России Георгий Петрович теснейшим образом был связан со своей малой родиной – городом Саратовом. Семья Федотовых в разное время проживала на саратовских квартирах по адресам: ул. Константиновская, д. 14 (ул. Советская), ул. Угодниковская (ул. Ульяновская д. 5) и ул. Н.Г. Чернышевского, д. 151, (здание фельдшерской школы).

В 1905–1906 годах Георгий Петрович принимал участие в работе Саратовской организации РСДРП⁷⁶. В мае 1905 г., будучи отличным оратором, он активно выступал на митингах и собраниях в народной аудитории (ул. М. Горького д. 40, здание Областной научной библиотеки). В 1910 году за доставку и распространение в Саратове марксистской литературы «...оба большевика – Г.И. Ломов-Опшюков и Г.П. Федотов – были арестованы и высланы в Архангельскую губернию на три года»⁷⁷. Георгий Петрович, вероятно, поддерживал товарищеские отношения с А.А. Кротковым и С.Н. Черновым, по представлению которых его избрали с 17 мая 1914 года членом СУАК. После 1917 года на своей петроградской квартире Г.П. Федотов руководил кружком, продолжавшим традиции «Религиозно-философского общества». Некоторые исследователи считают этот кружок масонской организацией⁷⁸.

⁷⁶ Малинин Г.А. Свяжите нас с «Вавилоном» (Из истории распространения произведений В.И. Ленина в Саратовской губернии). Саратов, 1973. С. 228.

⁷⁷ Там же. С. 132.

⁷⁸ Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731–1996. М., 1996. Изд. 2-е. С. 377.

В 1920–1922 годах Георгий Петрович Федотов – профессор СГУ⁷⁹. Из Анкеты следует, что эту должность он занимал с 1920 года. Вероятно, это произошло после тяжелого заболевания сыпным тифом, когда Георгий Петрович взял отпуск и уехал из Петрограда в Саратов. Здесь он работал на кафедре всеобщей истории факультета общественных наук. В эти тяжелые годы профессор дополнительно подрабатывал в краеведческих музеях Саратова. В 1921 году Георгий Петрович первоначально служил заведующим Музеем Революции, имея стаж 4 года с месячным окладом 345 600 рублей⁸⁰. Затем, судя по бухгалтерской ведомости, Г.П. Федотов до мая 1922 года заведовал историческим отделом СОМК (ул. Гимназическая – ул. Некрасова, д. 17) с заработной платой 2116800 рублей⁸¹.

Известный археолог Павел Сергеевич Рыков [7 (19). 10. 1884, г. Москва – 26. 03. 1942, Владлаг (под Владивостоком)] – доцент (с 24 сентября 1920), профессор (с 1922), *заведующий кафедрами археологии* (с 24 сентября 1920) и *древнего мира*, заместитель декана (1923) и декан (1924–1927) и исторического факультета (с 1935 по 1937), заместитель ректора (с 1927 по 1932), заместитель директора (с 1922) и директор (1923–1937) *Археологического института* (с 1924 – Саратовского института краеведения) – внес самый существенный вклад в организационное становление и развитие Нижневолжской археологии СГУ первого советского периода⁸². После отделения педагогического факультета П.С. Рыков работал профессором и заведовал *кафедрой истории материальной культуры* в Саратовском государственном педагогическом институте (бывшем педагогическом факультете госуниверситета) и в Краевом институте повышения квалификации кадров народного образования⁸³. Исследователь по праву считается основателем региональной научной археологической школы в СГУ.

Член ВКПб (с 1930), П.С. Рыков активно занимался музейной и краеведческой деятельностью, с 1922 года заведовал Археологическим музеем, музейным отделом Саратовского ГУБОНО (1923–1925) и сектором науки Саратовского КрайОНО (1931–1933), был директором Саратовского государственного краевого музея (1923–1937) и председателем Общества краеведения (1926–1927). Профессор состоял сверхштатным сотрудником ГАИМК и Археологического комитета НКП РСФСР (с 1931), действительным членом и заведующим секцией археологии Государственной Академии искусствознания (1932).

П.С. Рыков был также членом многих научных обществ и учёных советов: Всесоюзной Ассоциации востоковедения (1922–1926), Государственного Учёного Совета при Народном Комиссариате Просвещения (с 1932), Научно-

⁷⁹ Саратовский университет... // Профессора университета. С. 288.

⁸⁰ Список служащих Музеев и Библиотеки Саратов. Об – ва Истории, Археологии и Этнографии на утверждение оплаты труда с 1-го июля 1921 года // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 384. Л. 5 об. – 6.

⁸¹ Миронова А.И. Научные кадры музея (по материалам научного архива СОМК) // Доклад на заседании Ученого совета, посвященном 115-летию СОМК. 2001.

⁸² Арзютов Н.К., Сеницын И.В., Суцицкий В.А. 25-летие научной, педагогической и общественной деятельности П.С. Рыкова // Известия НВИК. 1936. Т. 7. С. 5 – 8; Сеницын И.В., Степанов П.Д. Памяти П.С. Рыкова (1884–1942 гг.) // СА. 1964. №1. С. 126–130; Рыков Павел Сергеевич // БСЭ. Т. 22. Издание третье. М., Советская энциклопедия. 1975. С. 449 (1334); Шавелев С.П. Курский дебют П.С. Рыкова как археолога-полевика // Труды СОМК. 1996. Вып. 4. С. 160–166; Малов Н.М. Поволжская региональная... С. 27–30;

⁸³ П.С. Рыков. Автобиография // Архив В.Г. Миронова в СОМК.

методического Совета музейного отдела НКП (с 1924), Центрального бюро краеведения (с 1927), Общества изучения Казахстана (с 1926), Оргбюро ЦК Союза высшей школы и научных учреждений (с 1934)⁸⁴. В 1928 году Павел Сергеевич находился в заграничной командировке от Наркомпроса по изучению музейного дела в Германии.

Непосредственно перед приездом в Саратов П.С. Рыков уже имел практический опыт не только в научной археологической деятельности, но также и в вопросах охраны памятников, преподавании истории (с 1910 г.), педагогической и музейной работе (Приложение № 3)⁸⁵. Он был директором и председателем совета гимназии в г. Скопине, председателем общества краеведов, работал по архивному делу под руководством С.Д. Яхонтова (репрессированного в начале 1930-х годов)⁸⁶.

Летом 1920 года, осведомившись в Российском историческом музее о возможности работать в нашем городе, Павел Сергеевич подал заявление о приеме на службу в Саратовский Университет. Ученый совет педагогического факультета избрал его в сентябре того же года штатным преподавателем (доцентом) при кафедре археологии, заведующим означенной кафедрой и кабинетом археологии. Таким образом, в сентябре 1920 года в СГУ открыта кафедра археологии, первым заведующим которой стал П.С. Рыков. Он читал курс лекций по первобытной и бытовой археологии, вел семинарские занятия. В 1921 году «Павел Сергеевич сдает магистерские испытания, а через год утверждается ГУСом в звании профессора»⁸⁷.

В 1924–1925 годах П.С. Рыков – уже декан и член президиума педагогического факультета, а также профессор археологии СГУ⁸⁸. Согласно архивным документам, местом проживания тогда еще беспартийного и не имевшего собственности, П.С. Рыкова в 1923–1925 годах являлся Дом Ученых, а в 1927–1929 годах ул. Приютская, д. 31, кв. 1⁸⁹. Кафедра археологии функционировала при педагогическом факультете СГУ и в 1926 году, поскольку в рекомендациях губернской музейной конференции отмечена необходимость ее укрепления⁹⁰. Вместе с тем в 1927 г. она именуется кафедрой археологии и этнографии и полностью строит свою научно – исследовательскую работу по материалам Археологического отдела Саратовского государственного областного музея, расположенного в доме А.А. Тилло⁹¹.

С 1924 года в течение трёх лет П.С. Рыков был деканом самого крупного в СГУ факультета – педагогического. Кафедра археологии и этнографии просуществовала на педагогическом факультете СГУ с 1920 по 1931 год, то есть до

⁸⁴ Там же; Сидицын И.В., Степанов П.Д. Указ. соч. С. 127.

⁸⁵ Анкеты и биографии членов общества краеведения. // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2 Дело № 385. Л. 97.

⁸⁶ Формозов А.А. Русские археологи и политические... С. 196.

⁸⁷ Арзютов Н.К., Сидицын И.В., Сушицкий В.А. Указ. соч. С. 6.

⁸⁸ Весь Саратов. Альманах – справочник на 1925 год. С. 342–345.

⁸⁹ Переписка учредителей Нижневолжского научного общества. 1923–1925 // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 431. Л. 12; Материалы губернской краеведческой конференции. 1927 // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 541. Л. 13. Местом проживания П.Д. Рау в 1927 г. указан г. Покровск; Анкета учредителей и членов органов объединений, не преследующих целей извлечения прибыли. Рыков Павел Сергеевич. 21 сентября 1929 г. // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 567.

⁹⁰ Саратовская Областная Музейная Конференция (12–15 октября 1926 г.). Саратов. 1926. С. 12.

⁹¹ Рыков П.С. Музейная работа в Саратовской губернии за десять лет // Нижнее Поволжье. 1927. С. 5.

выделения факультета в самостоятельный Педагогический институт. В Педагогическом институте археология преподавалась уже на кафедре *истории материальной культуры*, которой заведовал П.С. Рыков.

Смена названия кафедры отражает организационную ориентацию П.С. Рыкова – члена ВКПб и сотрудника ГАИМК – в «перестроечных» дискуссиях и «новых веяниях» того времени. После восстановления исторического факультета в СГУ профессор П.С. Рыков стал его первым деканом и заведующим кафедрой *истории древнего мира*⁹². Исследователь активно участвовал «в создании новой, марксистской археологии, опирающейся на методологию исторического материализма, стремясь к использованию археологического материала для разработки социально-экономических и общеисторических проблем», сумел сохранить «методическую четкость в изучении археологических источников»⁹³. П.С. Рыков принадлежал к числу тех университетских преподавателей, которые идейно поняли «смысл великого переворота..., искренне стремились осознать значение произошедших исторических перемен в государстве и приступили к овладению марксизмом»⁹⁴.

П.С. Рыков активно работал в Истархэт, а затем в Нижневолжском обществе краеведения. Свою историю Нижневолжское Областное научное Общество Краеведения («Истархэт») вело от 12 декабря 1886 г., т.е. от основания СУАК. По данным А.А. Кроткова на 1925 год: «Об-во числится уже при Саратовском Государственном имени Н.Г. Чернышевского Ун-те..., носило до 1920 года название «Саратовская Ученая Архивная Комиссия. Средства на содержание Об-ва отпускает Главнаука по §1 и XVI, а на другие расходы – местный Губоно. Ныне в Об-ве работают следующие отделы: 1) отдел археологии (предс. проф. П.С. Рыков)...»⁹⁵.

В документах «Истархэт» 19 февраля 1921 года зафиксировано: «Заседание заслушало просьбу профессора Саратовского университета П.С. Рыкова о том, чтобы общество передало ему в постоянное пользование, для организации *археологического кабинета* при Саратовском университете, показательные дублеты предметов археологического и палеонтологического значения, археологическую литературу, географические карты Саратовского края. Постановили: Предоставить обозначенные предметы»⁹⁶.

В марте 1921 года Павлу Сергеевичу было предложено возглавить *отдел археологии и этнографии «Истархэт»*⁹⁷. Вскоре он стал (17 ноября 1921 года) членом правления этого общества, о чем имеется следующая запись: «...освободить от занимаемой должности Соколова и Шишкина, взамен назначить проф. С.В. Юшкова и П.С. Рыкова»⁹⁸. О деятельности П.С. Рыкова в «Истархэт» есть и другие документы: «16 июня 1922 года. Удостоверение

⁹² Дербов Л.А. Указ. соч. С. 123–124.

⁹³ Мерперт Н.Я., Шилов В.П. Бронзовый век Поволжья: исследования П.С. Рыкова и современное состояние проблемы // АВЕС. Саратов, 1989. С. 24–33.

⁹⁴ Саратовский университет... С.31.

⁹⁵ Кротков А. Нижнее – Волжск. Областное Научн. О – во Краеведения // Весь Саратов. Альманах – справочник на 1925 год. Издание Саратовской Губ. Ком. по улучшению быта детей при Сар. ГИКе. С. 376–378.

⁹⁶ Протоколы заседания членов правления Саратовского общества «Истархэт». ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 304. Л. 8.

⁹⁷ Там же. Л. 10.

⁹⁸ ГАСО. Фонд. 407. Д. 364. Л. 67. Д. 435. Л. 1.

правления Саратовского общества «Истархэт». Настоящим удостоверяет, что предьявитель сего, товарищ председатель общества профессор П.С. Рыков (с 15 октября 1921 года назначен учёным секретарём общества «Истархэт») ⁹⁹ командирован в Хвалынский и Вольский уезды для археологических работ. С ним отправляются научные сотрудники, члены общества А.П. Ручьёва, А.Н. Кушева, Е.Н. Кушева» ¹⁰⁰. После реорганизации «Истархэт» П.С. Рыков продолжал работать в Нижневолжском обществе краеведения, Устав которого был утвержден членами-учредителями 11 октября 1925 года. П.С. Рыков был товарищем председателя, председателем и почетным членом этого общества.

Ученики П.С. Рыкова полагали, что именно по его инициативе на педагогическом факультете СГУ была учреждена кафедра археологии, а в 1922 году открыт Научно-исследовательский археологический институт ¹⁰¹. Однако вряд ли один П.С. Рыков был инициатором создания кафедры и – особенно – Археологического института, поскольку в 1924 году он еще только исполнял обязанности директора этого научного учреждения. Кроме того, в своей автобиографии профессор указывает, что в 1922 году он был заместителем директора, а директором данного НИИ стал в 1924 году. Тогда *Археологический научно-исследовательский институт (и. о. директора П.С. Рыков, зав. делами Б.В. Зайковский)* располагался по адресу «Университет, Ленинская площадь» ¹⁰². Целью деятельности Археологического института СГУ были «исследовательские работы в Нижнем Поволжье и смежных с ним районах». После преобразования Археологического института в Нижневолжский Краеведческий институт, Павел Сергеевич был его бессменным директором до 1937 года. По некоторым данным, Археологический институт был создан раньше 1922 г., а точнее – в 1920 г. ¹⁰³, и первым его директором, вероятно, был Ф.В. Баллод.

По решению Главнауки данное учреждение было преобразовано в октябре 1924 года. Академический центр Наркомпроса РСФСР дал 21 июля 1924 года правлению СГУ следующее указание: «Состоящий при университете *Археологический научно-исследовательский Институт* упраздняется как таковой от начала будущего операционного года /с 1-го октября 1924 г/. Считаю целесообразным создание взамен его *Нижневолжского Краеведческого Института* на основе общих положений к сему прилагаемых, Главнаука просит Правление Университета совместно с Нижневолжским Краеведческим Об-вом план организации Института, Программу его работ на будущий операционный год и проект персонального заполнения прилагаемых штатов...препроводить все упомянутые материалы в Главнауку» ¹⁰⁴. С 1 октября 1930 года *Нижневолжский институт краеведения*, «переведенный на краевой бюджет, состоит в ведении Наркомпро-

⁹⁹ Списки членов правления Саратовского общества «Истархэт». ГАСО. Ф. 407. Оп. 2, Д. 384. Л. 2.

¹⁰⁰ Удостоверения членов общества «Истархэт». 1922 г. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2, Д. 387. Л. 15.

¹⁰¹ Арзютов Н.К., Синицин И.В., Указ. соч. ; Саратовский университет... С. 103.

¹⁰² Археологический Научно – Исследовательский институт // Весь Саратов. Альманах – справочник на 1925 год. Издание Саратовской Губ. Ком. по улучшению быта детей при Сар. ГИКе. С. 383.

¹⁰³ Миронов В.Г. «Неистовый Богдан»... С. 82.

¹⁰⁴ Дело о ликвидации Археологического научно – исследовательского института при СГУ им. Н.Г. Чернышевского и организации Нижневолжского краеведческого института. Начато 21. VII. 1924 // ГАСО. Ф.407. Оп. 2. Д. 461. Л. 1.

са РСФСР и, согласно положению, пользуется для своих работ научно-вспомогательными учреждениями и лабораториями Саратовского Государственного Университета и Педагогического Института, что особенно обеспечивает возможность лабораторных работ»¹⁰⁵.

Институт краеведения имел свою аспирантуру, которую, судя по протоколам заседаний Ученого совета и приказам, из историков в разные годы закончили: А.Н. Кушева; по археологии и истории доклассового общества – И.В. Сеницын (1928–1932) и Н.К. Арзютов (20 ноября 1935); по истории народов СССР – М.Г. Голубева, Десницкая, Косенко (все 20 ноября 1935). Многие преподаватели и сотрудники различных факультетов СГУ работали в этом институте. Так, например, приказ № 9 от 1 февраля 1938 г., завизированный и. о. директора И.В. Сеницыным, гласит: «Назначить старшим научн. сотрудником Ин-та тов. Осипова Владимира Алексеевича, поручив ему вести работу по теме «Колонизация Нижнего Поволжья во 2-й половине XVIII и первой половине XIX вв.» с оплатой в 200 руб в месяц с 1 февраля с/г»¹⁰⁶.

Последний свой приказ № 5 по Нижневолжскому институту краеведения директор П.С. Рыков отдал 25 июня 1937 года:

«1. Считать находящимися в Перелюбском и смежных с ним районах научн. сотр. П.Д. Степанова и А.М. Ардабацкую – с 23 июня по 15 июля (условно).

2. Считать находящимися в научной командировке в Калмыцкую АССР научн. сотр. И.В. Сеницына (уч. секр.) и Н.К. Арзютова – с 25 июня по 10 августа (условно).

3. Считать в научной экспедиции туда же и меня с 1 июля по 10 августа.

4. Исполнение обязанностей директора на тот же срок возлагаю на ст. научн. сотрудника Ин-та А.А. Сушицкого»¹⁰⁷.

Вскоре после возвращения из последней калмыцкой экспедиции П.С. Рыкова арестовали по клеветническому доносу. Арест П.С. Рыкова произошел в день, который сейчас связан с неофициальным празднованием «Дня археолога». По этому поводу в официальных документах музея краеведения сообщалось:

«14 августа 1937 года арестован органами НКВД бывший директор музея Рыков. 2/IX-37 г. приказом по ОблОНО Рыков снят с 14/VIII с работы в Музее, как разоблаченный враг народа...

18 октября 1937 г. арестован органами НКВД научн. сотр. Отдела Капитализма Дмитриев /высланный в 1935 г. из Ленинграда/»¹⁰⁸.

Дело П.С. Рыкова и т. н. «Академическое дело» вел один и тот же следователь А.Р. Стромин¹⁰⁹. Поэтому не исключено, что оба дела каким-то образом связаны. Тем более что Николай Николаевич Дмитриев (род. 21 ноября 1985 г. г. Санкт-Петербург), высланный 4 марта 1935 г. органами НКВД на три

¹⁰⁵ Рыков П., Можаровский Б. Краткий отчет Нижневолжского Института Краеведения имени М. Горького на 1931 г. // Известия Саратовского НВИК. Т. V., Историческая секция. 1932. С. 85.

¹⁰⁶ Протоколы заседаний ученого совета Института краеведения им. М. Горького с 4 января 1932 по 12 января 1938 г. и Приказы по административным вопросам и личному составу. Начато 4 января 1932 г. Окончено 2 сентября 1939 г. // Научный архив СОМК. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 34 об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 32.

¹⁰⁸ Отчёт о работе музея за 1937 год // Научный архив СОМК. №470/2. Оп. 1. Ед. хр. № 153. Л. 2.

¹⁰⁹ Формозов А.А. Русские археологи и политические... С. 195

года в г. Саратов, до этого служил в Петроградском отделе Центрального Архива: «куда был привлечен к работе непосредственно после увольнения Платонова и в период чистки Центрального Архива от ставленников Платонова и антисоветской интеллигенции вообще в порядке советизации учреждения»¹¹⁰. Выпускник историко-педагогического отделения историко-филологического отделения СПб университета, специализировавшийся по русской истории у проф. Грекова и Заозерского, Н.Н. Дмитриев жил некоторое время в г. Курске с декабря 1930 г. состоял старшим научным сотрудником Института Истории Феодалного общества ГАИМК. Находясь в ссылке в Саратове Николай Николаевич работал по договорам в НВИИК и Областном музее краеведения, выполняя задание по теме: «Эльтонский соляной промысел и соляная торговля в Н/Поволжье в XVIII и первой половине XIX в».

Пока шло следствие, в Нижневолжском институте краеведения издавались соответствующие приказы. Один из документов, заверенный Зав. Саратовским Облоно Поляковым, «Приказ № 545 по саратовскому областному отделу народного образования от 14 сентября 1937 года», свидетельствует:

1. Рыкова – директора института краеведения, как разоблаченного врага народа, с работы снять с 15 августа 1937 года.

2. Временное исполнение обязанностей возложить на Сеницына И.В.¹¹¹

Восстанавливается хронология трагических событий в последние годы существования института краеведения. Приказ И.В. Сеницына № 6 от 1 ноября 1937 года гласил: «С 1-го ноября с/г. освободить от работы по Ин-ту краеведения Дмитриева Н.Н.»¹¹². 12 января 1938 года, вероятно, на последнем общем заседании института краеведения, присутствовали: Сеницын, Трофимов, Степанов, Акимов, Рассудова, Ардабацкая, Кротков и Арзютов. Ровно через год, и опять в августе месяце, после возвращения из очередной экспедиции, И.В. Сеницын вынужден был издать «Приказ № 16»:

1. Б. научн. сотр. Института Сушицкого В.А., как арестованного органами НКВД, снять с работы с 1-го августа с/г.

2. Научн. сотр. Института Арзютова Н.К., как арестованного орган. НКВД, с работы снять с 5 августа с/г.

5/VIII – 38 г.»¹¹³.

По протоколам устанавливается, что с 1 октября 1938 года П.Д. Степанов уходит из института краеведения на другую работу. М.Г. Голубева, будущий директор СОМК, назначается научным сотрудником с 29 сентября 1938 г. После окончания следствия по делу С. Рыкова и осуждения его учеников, «врагов народа», по приказу Саратовского ОблОНО И.В. Сеницын сложил с себя исполнение временных обязанностей директора института. С 1 июля 1939 г. он возвратился к обязанностям Ученого секретаря. И.В. Сеницын исполнял обязанности директора института краеведения почти три трагических для саратовской вузовской археологии года: с 15 августа 1937 г. до конца июня 1939 г. Сразу же И.В. Сеницын переходит работать на исторический

¹¹⁰ Жизнеописание Николая Николаевича Дмитриева // Научный архив СОМК. Оп. 2. ед. хр. 9. С. 131–132.

¹¹¹ Отчёт о работе музея за 1937 год // Научный архив СОМК. Оп. 1. Ед. хр. № 102., вкладыш между л. 31 и 32.

¹¹² Протоколы заседаний ученого совета Института краеведения... Л. 33.

¹¹³ Там же. Л. 35 об.

факультет СГУ (с 1 сентября 1939 г.) и вскоре (с 1940 г) приступает к исполнению обязанностей заведующего вновь воссозданной кафедрой *археологии и этнографии*¹¹⁴.

В 1941 году И.В. Сеницын вступает в партию и избирается заместителем секретаря парткома университета. В годы войны Иван Васильевич успешно защищает (30 декабря 1943 г.) кандидатскую диссертацию (оппоненты В.А. Равдоникас и В.В. Мавродин) на эвакуированном в г. Саратов историческом факультете Ленинградского университета. Вероятно, предвоенные трагические события не прошли бесследно и для Ивана Васильевича, поскольку пока не удалось выявить ни одной его опубликованной статьи по археологии за 1937–1941 гг.

Судьбы археологов Саратовской вузовской региональной научной школы сложились в эти годы трагически. В начале революционной перестройки покончил с жизнью П.Д. Рау, затем были репрессированы как «враги народа» и умерли в «ГУЛАГе» П.С. Рыков и Н.К. Арзютов. П.Д. Степанов покинул г. Саратов, Т.М. Минаева была сослана в Оренбургскую область. После этого разгрома археологи СГУ почти на протяжении 10 лет не опубликовали ни одной научной статьи. Примечательно, что самая поздняя работа уже арестованного П.С. Рыкова вышла в 1938 году в г. Тарту. И.В. Сеницын возобновил свои публикации лишь в 1946 г., где отказался от дальнейшего использования термина «хвалынская культура», признав «неверным заключение о существовании самостоятельных культур – срубной и хвалынской»¹¹⁵. Репрессии и «революция в археологии» крайне негативно сказались на поволжской региональной науке в СГУ, в том числе и на теоретическом осмыслении памятников эпохи бронзы Нижнего Поволжья. Так, например, при моделировании срубной культуры возобладали односторонний подход, предложенный В.И. Равдоникасом, А.П. Кругловым и Г.В. Подгаецким, в противовес «эволюционно-миграционным» и «стадиальным» гипотезам В.А. Городцова и П.С. Рыкова. Все полтавкинские памятники, а также комплексы хвалынской культуры (по П.С. Рыкову), в том числе и Покровские курганы, без каких-либо обоснований стали автоматически включаться в состав единой срубной культуры. Образно говоря, в конце 1940-х и в 1950-е годы формируется «Миф о Покровских курганах» как эталонном памятнике ранней срубной культуры.

Приложение 1

Curriculum vitae Фр. В. Баллода.

Проф. Франц Владимирович Баллод родился в 1882 году в г. Вольмар, Лифляндской губ. Образование получил в Рижской Городской гимназии, Юрьевском Университете, Московском университете, Московском Археологическом Институте и Мюнхенском Университете, куда был командирован как оставленный для подготовки к профессуре. С 9 октября 1912 года состоял преподавателем Московского Археологического института, с 25 апреля 1915 года приват-доцентом Московского университе-

¹¹⁴ Максимов Е.К., Малов Н.М. Указ. соч. С. 12

¹¹⁵ Сеницын И.В. Древние памятники в бассейне Иргица по раскопкам 1938–1939 гг. // Уч. зап. СГУ. Т. 17. (выпуск исторический). 1947. С. 8.

та, с 1 июля 1918 года состоит профессором историко-филологического факультета Саратовского Университета по кафедре истории и искусств.

Напечатал ряд работ по истории искусства и археологии; важнейшие: Беверенские раскопки; Материалы по истории латышского племени с IX по XIII столетие; Введение в историю бородатых карликообразных божеств в Египте; Древний Египет, его живопись и скульптура; Египетское искусство времени Аминофиса IV; Египетский ренессанс; Реализм и идеализация в египетском искусстве как результат представлений о потустороннем бытии; Египетская ваза с изображением «беса».

(Анкеты и биографии членов об-ва краеведения // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 385. Начато – 1921 г. Окончено – 1926 г. Л. 9)

Приложение 2

Curriculum vitae

Я, Георгий Петрович Федотов, родился в 1886 году, окончил в 1904 Воронежскую классическую гимназию и изучал философские и исторические науки в Германии /в Берлине и Жене/. С 1908 г. поступил в Петроградский Университет, окончив который был оставлен при нем с 1912 г. для подготовки к профессорской деятельности. Выдержав магистерские испытания, я с 1916 г. был избран приват-доцентом Университета при кафедре всеобщей истории /специальность: история средних веков/. С 1918–1920 г. я состоял одновременно преподавателем истории в Петроградском Политехническом Институте, а с 1920 состою профессором Саратовского Университета. Из научных работ моих, кроме переводов и статей в Энциклопедических словарях, была напечатана статья «Письма бл. Августина» в сборнике «Ивану Михайловичу Гревсу», и печатается сейчас «В культуре гробниц в Моравинской Галлии».

Г. Федотов. 26 февраля 1921 г.

(Анкеты и биографии членов об-ва краеведения // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 385. Л. 126.)

Приложение 3

Curriculum vitae

Преподавателя при кафедре историко-филологического факультета Саратовского университета Павла Сергеевича Рыкова.

П.С. Рыков, род. 7 октября 1884 г. в г. Москве, по окончании 4 Московской гимназии вступил в число студентов истор.-филол. факультета Московского университета в 1905 г., где и окончил курс, сдав государственный экзамен в мае 1910 года. Одновременно слушал лекции в Московском Археологическом Институте с 1906 года, будучи с весны 1910 года зачислен в состав действительных слушателей. По окончании курса в Институте защитил диссертацию на тему: «Булавки Европейской России, применение типологического метода исследования», и получил звание «ученого археолога» и Действительного члена Института. В 1908 г. был командирован Институтом для работ по разбору большого архива Н.Н. Кашкина в Калужской губ. Будучи студентом, работал в Историческом Российском музее и участвовал в практических работах под руководством В.А. Городцова. С осени 1910 года, состоя преподавателем истории, в сред. учеб. завед. г. Курска, работал в качестве члена Курской Ученой Архивной Комиссии и Совета Публичной библиотеки.

В 1912 году производил самостоятельные раскопки курганного могильника бл. с. Гочева, Обоянского у., Курской губ. по поручению б. Императорской Археологиче-

ской Комиссии, продолжая исследования пок. проф. Д.Я. Самоквасова. Результаты раскопок были сообщены Археологической Комиссии в виде отчета, получившего одобрение А.А. Спицына, и в виде доклада Московскому Археологическому Обществу в одном из его заседаний. В 1912 г. Рыков был удостоен избрания в члены быв. Императорского Московского Археологического общества и получил предложение произвести обследование Островского уезда Псковской губ. (протяжение реки Великой) на предмет составления археологической карты к предстоящему Псковскому археологическому съезду, не состоявшемуся вследствие начавшейся войны в 1914 году. Подробный отчет с планами, рисунками, фотогр. снимками и картой (далее неразборчиво – Н.М.), с запиской В.К. Трутовского, в делах П.С. Уваровой.

Подготовленный же отчет о произведенных тогда раскопках был сделан в январе 1914 г. в заседании Москов. Археол. Об-ва. Одновременно же в 1914 году Рыков получил предложение Императорской Археологической Комиссии через А.А. Спицына продолжить работы по обследованию Гочевских курганов, но не мог уже принять его вследствие ранее принятого поручения по обследованию р. Великой. В 1915 г. Рыков, состоя преподавателем истории Виленской I-й гимназии, был одновременно приглашен Виленским Учебным Округом Заведующим (хранителем) Виленского музея древностей и вскоре назначен членом комиссии по устройству Виленской Публичной Библиотеки, где заведовал Отделом книг на иностранных языках.

В том же году был избран членом Западного Отделения быв. Импер. Русского Географического общества, где выступал с докладами. На средства общества производил раскопки курганов бл. г. Сморгони, Виленской губ. (отчет напечатан в записках Общества и издан отдельным оттиском). В следующем году производил раскопки курганов бл. им. Маркененты, Отмянского у., Виленской губ. (отчет напечатан в Зап. Общества).

Работал, производя пробные раскопки, по поручению Моск. Археол. Общества и состоя членом Виленского Церковного (далее неразборчиво – Н. М.) хранилища, в Виленском древнем Митрополитанском Соборе – «Пречистенском», в целях открытия гробниц кн. Ольгерда, кн. Юлиании и Елены Ивановны.

Работая, по предложению Виленского Учебного Округа, в Музее в целях приведения его в порядок, Рыков обратил внимание на кольчугу – байдану XVI в., хранившуюся без должной осторожности, и по обследовании, сообщил свои наблюдения в статье, напечатанной в честь 50 летия Московского Археологического общества (напечатано отдельным оттиском). Состоя членом комиссии по выработке и утверждению плана постройки здания для Литовского Центр. Архива древ. актов.

Переведенный, по обстоятельствам военного времени, инспектором Режицкого уезда Витебской губ. Рыков продолжал исследования Западного края и производил раскопки могильников Режицкого, Двинского и Люцинского у.у. с разрешения бывш. Императорской Археологической комиссии, а также совершал поездки по означенным уездам, предполагая составить археологическую карту. Отчет о раскопках был напечатан под заглавием «Древности Латгалии», причем в него же вошли работы 1917 г., оставшиеся без литературной обработки вследствие произошедшей вскоре эвакуации по военным обстоятельствам гимназии, где Рыков уже состоял директором в г. Скопин Рязанской губ. В г. Режице Рыков совместно с кс. Ранданом, местным латышским деятелем (латгальцем), учредил утвержденное правительством дореволюционной эпохи историко-этнографическое общество и небольшой при нем Музей, вошедшее было в среду ведения Московского Археологического Общ., в силу политических условий, умершее, т.к. Латгалия, в качестве части Латвии, отделилась от России.

В Скопине Рыков оставался сначала директором, после издания декрета, избранный председателем совета гимназии – школы 2 ст., продолжал по мере возможности

археологическую работу и близкую по интересам к ней. Там им было обращено внимание местной советской власти на необходимость сохранения памятников старины и искусства в уезде от разрушения и хищения, следствием чего было решение на организацию музея, который существует до настоящего времени с 1918 г., значительно пополняющийся доставляемыми предметами из уезда.

Летом 1920 г. Рыков произвел небольшие раскопки новых курганов, оказавшихся принадлежавшими Вятичам. Одновременно Рыков состоял представителем Уполномоченного глав. Архива по Рязан. губ. С.Д. Яхонтова. В г. Скопине Рыков организовал Общество изучения местного края, председателем коего и состоял до отъезда из Скопина. С 1919 г. Рыков был избран председателем Совета Постоянных педагогических курсов (реформир. Учительская семинария) и заведовал ими. Кроме того, заведовал секцией по охране памятников старины и искусства при У. отдел. Нар. Об.

Летом 1920 г. Рыков, осведомившись в Российском историческом Музее о работе в Саратовской губ., подал заявление о желании работать в Университете, Советом истор.-филолог. факультета которого и был избран в сентябре того же года штатным преподавателем (доцентом) при кафедре археологии, заведую означенной кафедрой и кабинетом археологии.

Ведет курсы первобытной и Бытовой археологии и семинарий.

Работы:

1. Отчет о раскопках курганного могильника бл. с. Гочева, Обоян. У. Курской губ. (Хранится в быв. Импер. Археол. Ком.)

2. «Булавки Европейской России» - диссертация на Зв. Ученого археолога (хран. В М. Археолог. Инст.)

3. Отчет об исследованиях по р. Великой и в Островском у., Псковской губ. (хран. В Москов. Археол. Обществ. или при делах гр. П.С. Уваровой).

4. Раскопки бл. г. Сморгони, напечатан в Запис. Рус. Геогр. О-ва Зап. Рус. О-ва).

5. Раскопки бл. им. Маркененцицы, Отмянского у. Виленской губ. - напечатан там же.

6. «Древности Латгаллии» вып. I напечатан отд. Книжкой.

7. «Кольчуга Виленского музея» напечатано в сборнике 50-летия Моск. Арх. Об. И об этой работе имеется лестный отзыв хранит. Эрмитажа Э. Лемма.

Кроме того, печатались мелкие заметки в повременных изданиях и составлено два устава - Скопине. Общества изучения местного края и Реженского Историко-Этнографического Общества.

П. Рыков. 3 марта 1921 г. г. Саратов

(Анкеты и биографии членов об-ва краеведения // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 385. Л. 96-97 об.)

Волков В.А.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
САРАТОВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ
И ФОРМИРОВАНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Период конца XIX – начала XX вв. явился новым этапом в развитии историко-краеведческой и археологической отраслей гуманитарного знания в России. Прежде всего, этот процесс был связан с деятельностью провинциальных научных обществ, ставивших основной своей задачей всестороннее изучение местной истории. Деятельность указанных обществ осуществлялась в различных организационных формах. Первые российские историко-археологические общества стали образовываться еще в начале XIX в. В Среднем и Нижнем Поволжье первые подобные объединения появились в 1870-х гг.: Петровское общество исследователей Астраханского края (официально с 1874 г.), Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (с 1878 г.). Некоторые краеведческие работы велись также Губернскими статистическими комитетами и частными объединениями любителей.

С 1884 г. функции по устройству и направлению деятельности научных обществ взяло на себя государство, открыв Губернские ученые архивные комиссии (ГУАК). Согласно Положению о ГУАК [Высочайше утвержденное положение..., 1908. С. 1, 2], основной их задачей был разбор и хранение архивных материалов. Но также в Положение был включен пункт, гласивший, что «ученые комиссии независимо от прямой своей обязанности могут по местным обстоятельствам включать в круг своих занятий разыскание, описание, объяснение всяких других памятников старины». Воспользовавшись этим пунктом, члены ГУАК развернули активную исследовательскую деятельность не только по архивному делу, но и по краеведческому, археологическому, этнографическому направлениям, а также по музейному делу.

По данным музееведов, только за период 1870–1880 гг. было создано до 80 музеев в большинстве губернских и некоторых уездных городах [Разгон., 1957. С. 75]. До 1918 г. в стране был 151 музей [Гарданов., 1957. С. 29], из них около 100 – местные [Ионова., 1957. С. 37]. С 1884 г. постепенно ведущую роль в формировании местных историко-краеведческих музеев начинают играть ГУАК. В 1910 г. они действовали уже в 27 губерниях [Разгон., 1957. С. 94]. К 1918 г. число комиссий выросло до 40 [Формозов., 1986. С. 161]. Комиссии создавали свои специальные подразделения, организовывали биб-

лиотеки, музеи и архивы. По словам председателя Владимирской УАК А.В. Селиванова, музеи возникали «как бы чудом в самое короткое время при каждой комиссии и собрали множество древностей и всякого рода памятников прошлого... Эти местные музеи по своему громадному научному и воспитательному значению представляют наиболее... выдающиеся из всех провинциальных учреждений» [Зубова., 1990. С. 66, 67].

12 декабря 1886 г. была открыта Саратовская ученая архивная комиссия (СУАК) вместе с архивом и историко-краеведческим музеем. Еще до открытия комиссии была сформирована определенная вещественная база будущих фондов. Коллекции предметов, позднее вошедших в музей СУАК, стали собираться еще в первой половине XIX в. путем археологических исследований. Значительную часть фондов музея составили вещи, собранные при Статистическом комитете, и монеты из музея Саратовской мужской (первой) гимназии [Соколов., 1911. С. 54].

Сами члены СУАК отмечали, что уже с самого начала «музей комиссии сделался центром, куда стекаются все археологические открытия в Саратовском крае. Постепенное увеличение поступлений находок служит наглядным доказательством, что в местном обществе все более и более уясняется правильный взгляд на остатки старины и уважение к этим остаткам, как свидетелям прошлого» [Соколов., 1911. С. 54; Отчет о деятельности СУАК в 1888–1889 году..., 1890. С. 23]. Большую часть музейных фондов составили археологические материалы и нумизматические коллекции. Судя по систематическому каталогу, выделялись следующие разделы музея: палеонтологические экспонаты; каменные орудия; предметы эпохи бронзы (бронзовые орудия и изделия, керамика); предметы, найденные при раскопках Бельджамена близ посада Дубовки (череп, кирпичи, бусы и т. д.); вещи, найденные на Увеке (изразцы, обломки глазированной посуды и т. д.); находки с городища Старого Саратова (кресты, фрагмент пушки и т. д.); нумизматическая коллекция (большая часть монеты Золотой Орды) [Систематический каталог исторического музея СУАК..., 1890. С. 19–27]. По данным В.П. Соколова, в 1889 г. музей комиссии состоял из 144 вещей [Соколов, 1911. С. 56]. Пополнение музея осуществлялось за счет археологических раскопок, разведок и сборов членом комиссии, в значительном количестве поступали случайные находки и иные вещи, передаваемые в дар комиссии жертвователями.

Первоначально комиссия и ее музей располагались в здании присутственных мест на Соборной площади [Малов, 2003. С. 45; Празднование 25-летнего юбилея СУАК..., 1911. С. 8]. Постоянное пополнение музейных фондов и теснота помещения вынуждали комиссию искать новое помещение для музея. В феврале 1889 г. Городская дума дала согласие на выставку коллекций СУАК в здании Радищевского музея, но в разных помещениях, указанных администрацией. В выделении отдельной комнаты было отказано. Обязательным условием размещения коллекций было их временное содержание в экспозиции, комиссия обязана была освободить помещения по первому требованию художественного музея [ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 15. Л. 2, 2 об]. Комиссия не согласилась на это, т. к. необходимо было размещение в одной комнате, чтобы при посещении у посетителей складывалось целостное представление о коллекциях [Соколов., 1911. С. 10]. После новых прошений комиссии Городская дума постановила в 1893 г. выделить для ее музейных

коллекций уже особое помещение, но на тех же условиях, что и ранее [ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 15. Л. 47]. Согласившись с предложенным, комиссия принялась за переезд музея в новое здание.

Экспонаты историко-археологического музея СУАК были помещены в Радищевском музее в восьми витринах, из которых шесть были новые, приобретенные на личные средства председателя комиссии князя Л.Л. Голицына. При перемещении музея коллекции, особенно нумизматические, были приведены в полный беспорядок. Потребовалось несколько месяцев усиленных работ для приведения их в прежнее состояние, чем и занялся хранитель музея В.П. Медокс. Он же составил каталог музея, напечатанный в количестве 500 экземпляров, две трети из которых были предназначены для раздачи посетителям музея, «расположенным к археологии местного края и сочувствия задачам музея», с целью ознакомления. Прием посетителей осуществлялся по воскресениям и четвергам [Соколов, 1911. С. 93, 103].

Основной груз работы по приему, учету, систематизации и каталогизации вновь поступавших и уже имевшихся в наличии экспонатов лег на плечи хранителей музея комиссии и их помощников («товарищей хранителя музея»). Неоплачиваемые и совершенно добровольные обязанности хранителя брали на себя: К.П. Медокс (21.XI.1892 – 19.XII.1896 гг.), А.А. Васильчиков и А.Т. Танков (оба в период с 19.XII.1896 по 23.I.1899 гг.), И.А. Покровский (23.I.1899 – 29.II.1900 гг.), Б.В. Зайковский (16.XI.1902 – 16.IV.1911 гг.), С.А. Щеглов (с 16.IV.1911 гг.) [Соколов, 1911. С. 261]. В 1915 г. на эту должность был избран А.А. Кротков [Малов, 2003. С. 45], проработавший на этом поприще, по всей видимости, до весны 1917 г. В 1917 г. А.А. Кротков покинул состав правления комиссии, и до возвращения поздней осенью Б.В. Зайковского музей оставался без хранителя [ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 309. Л. 2]. По имеющимся архивным данным, в 1918 г. обязанности хранителя музея выполнял товарищ председателя комиссии А.А. Гераклитов [ГАСО. Ф. 407. Д. 294. Л. 20 Об.], а в 1919–1920 гг. вновь А.А. Кротков [Кубанкин, 2003. С. 116; Малов., 2003. С. 45].

Сбор материалов для музейных коллекций требовал их научного анализа и систематизации. Первоначально, составляя экспозиции, музейщики распределяли вещи по группам, учитывая эпохи, к которым принадлежали экспонаты. В одном из отчетов комиссии отмечено, что предметы и коллекции музея разделены на два главных отдела, выделенных хранителем музея К.П. Медоксом: «период первобытный» и «период человеческий» [Отчет о деятельности СУАК за 1892/1893 год..., 1894. С. 13, 14]. В состав первого входили окаменелости, остатки ископаемых животных, отпечатки растений и т. д. Во втором были собраны находки времен употребления человеком «каменных, медных, бронзовых и железных орудий». Наличие на Нижней Волге широчайшего спектра археологических культур и начало их систематического изучения в значительной мере были отражены в коллекциях музея. Кроме названных, в музее были также представлены нумизматический отдел с коллекциями монет, охватывающими период с VII в. до н. э. по XIX в. включительно, отдел XIX века и художественный отдел. Преобладающая часть предметов являлась оригиналами, лишь незначительная — снимками. К наиболее богатым по численности относились отдел ископаемых животных, отделы

медных, бронзовых и железных вещей и нумизматический отдел. Всего в музейных фондах насчитывалось более 1,5 тыс. предметов. Пополнение музея новыми экспонатами происходило практически постоянно. В октябре 1901 г. на общем собрании членов комиссии отмечалось, что в музее собрано уже 765 предметов и 2654 монеты [Протоколы общих собраний членов СУАК. 24 октября 1901 года..., 1902. С. 106]. К примеру, только лишь в одном 1902 г. в музей поступило 594 вещи, в том числе 393 монеты [Отчет СУАК за 1902 год..., 1903. С. 44]. Столь обширная нумизматическая коллекция объясняется, прежде всего, находением на территории Саратовского Поволжья большого числа монетных кладов. Случайные находки поступали в комиссию со всей губернии, самые богатейшие материалы давало золотоордынское городище Увек.

Следует особо отметить, что среди членов комиссии складывается вполне четкая установка на необходимость не только исследования, но и охраны памятников археологии. Внимание было обращено, прежде всего, на погивавшее Увекское городище. Члены СУАК всегда выделяли первостепенную важность охраны и изучения этого крупнейшего и некогда богатейшего в Саратовском Поволжье памятника археологии. Не имея возможности провести крупные археологические исследования городища, архивщики делали все возможное по спасению как можно большего числа находок. Особо ситуация с Увеком обострилась в 1893 г., когда стало известно о начале строительства железнодорожного полотна через Самарскую и Саратовскую губернии, в том числе и через Набережный Увек. Не имея возможности произвести охранные раскопки в зоне строительства (такого понятия еще даже не существовало, и законодательно необходимость подобных исследований еще не была закреплена), комиссия поручила надзор за работами своим членам – правителю дел А.О. Лебедеву и Ф.В. Духовникову. На последнего было возложено также поручение Археологической комиссии – скупать археологические вещи у рабочих и крестьян Увека. В результате их деятельности в музей СУАК поступило около 300 предметов, из которых более 200 были добыты на Увеке, из них около половины – золотоордынские монеты, а остальное – глиняные сосуды и тигели, курительницы, светильники, обломки кувшинов с татарским орнаментом, серебряный браслет, медные тельные кресты, бусы разных видов и из разных металлов, железная игла, части окаменелых деревьев, металлические зеркала, точильный камень уральских пород и пр. [Соколов, 1911. С. 96].

Одной из задач в деятельности комиссии было спасение историко-археологических ценностей. С этой целью была организована их покупка у населения. Для этого в 1893 г. был даже сделан запрос в Саратовскую ремесленную управу о ценах на лом цветных и драгоценных металлов: золота, серебра, меди и т. д. [ГАСО... Д. 15. Л. 20]. В ежегодные сметы расходов комиссии специально закладывался пункт о покупке предметов в музей. Суммы, затрачиваемые на покупки «древностей» и вознаграждения за находки ценных в историческом плане предметов, зависели от доходов комиссии и росли пропорционально их увеличению. Так, с 1889 по 1893 гг. на приобретение вещей было потрачено 36 руб. 46 коп. Из них на 1893 г. приходится 19 руб. 8 коп. [Отчет о деятельности СУАК за 1892/1893 год... С. 24, 25]. Даже обладая весьма скудными финансами и находясь порой на грани банкротства, комиссия не отказывалась от этого пункта своей деятельности.

Впервые перед общественностью г. Саратова музейные и архивные материалы комиссии предстали в научно-художественном отделе Саратовской выставки в 1889 г. Комиссия исходила из того положения, что «свои работы она соединяет с умственной жизнью местного общества и его духовными интересами». С другой стороны, участвуя в выставке, комиссия, существовавшая за счет средств городов и земств губернии, показывала субсидирующим учреждениям и населению Саратовской губернии, что в полной мере оправдывает производимые на нее затраты. Архивная комиссия представила на выставку: кости животных третичной геологической эпохи, остатки домашнего быта древнейших обитателей Саратовского края, коллекцию монет XV–XVIII столетий, вооружение до XVI в., 23 неизданных пугачевских дела и 13 выпусков своих «Трудов» и «Протоколов» [Соколов, 1911. С. 55]. Музей комиссии с честью выдержал столь серьезное испытание и получил заслуженные лестные отзывы со стороны общественности города.

В мае 1890 г. в Казани под покровительством Его Императорского Высочества Государя наследника Николая Александровича прошла научно-промышленная выставка. Одной из существенных задач являлось ознакомление общества с историей и археологией Волжско-Камского края, Сибири и Востока России в целях формирования у населения регионально-исторического самосознания. Для этого в научный отдел выставки были включены историко-этнографическое и антрополого-археологическое отделения. Устроители предложили СУАК прислать на выставку вещи по истории и этнографии края. Комиссия согласилась, попросив предоставить ей витрину в археологическом отделе [ГАСО... Д. 18. Л. 1 – 3 об, 7]. Таким образом комиссия хотела войти в «радушную семью почтенных казанских ученых, очень много потрудившихся для исторического изучения Поволжья» [Отчет о деятельности СУАК в 1888–1889 году..., 1890. С. 25]. Помощь СУАК в размещении экспозиций музея оказали ее казанские члены: профессор Д.А. Корсаков и П.В. Знаменский [Соколов, 1911. С. 56]. Ученый комитет выставки присудил саратовской комиссии высшую награду по научному отделу (почетный отзыв с присвоенным ему знаком отличия – серебряной звездой, украшенной золотой короной) [Отчет о деятельности СУАК в 1889/1890 году..., 1893. С. 10]. Видимо, уже в этот период музей комиссии становится одним из лучших краеведческих музеев Поволжья, активно собирающим обширнейшие материалы по геологии, археологии, истории, этнографии и ряду других научных дисциплин.

В 1891 г. председатель комиссии князь Л.Л. Голицын и правитель дел С.С. Краснодубровский ходатайствовали о посылке музейных вещей на выставку международных конгрессов доисторической археологии, антропологии и зоологии, состоявшейся в августе 1892 года в Москве [Протокол общего собрания СУАК 12 апреля 1891 года..., 1893. С. 140]. По неясным причинам комиссия не приняла участие в московском конгрессе: либо он так и не состоялся, либо комиссия не смогла принять в нем участие [Соколов, 1911. С. 56]. Все же, участвуя в подобных мероприятиях, комиссия популяризировала свою научную деятельность и перенимала опыт музейного строительства ведущих научно-исследовательских организаций страны.

Каждый годовой отчет о деятельности музея содержит в себе информацию о проведенных за текущий период археологических изысканиях членов

комиссии. Авторы отчетов объясняют это тем, что данные мероприятия легли в основу обогащения музея предметами древности, частью пожертвованных частными лицами, частью добытых при археологических экскурсиях, наконец, приобретенных за счет средств комиссии. Эти три источника на протяжении всей деятельности комиссии составляли основную базу пополнения фондов. Можно выделить и другие источники пополнения коллекций. В дар комиссии передавали экспонаты и столичные историко-археологические общества. Со стороны комиссии предпринимались попытки наладить межмузейный обмен дубликатами.

Весьма интересные материалы о посещении музея СУАК содержатся в «Памятной книге посещения музея и библиотеки Саратовской ученой архивной комиссии», в которой было учтено не менее 160 посетителей. В ней есть автографы членов императорской фамилии, министров, губернаторов, аристократов, титулованного и рядового дворянства, крупных военных чинов, генералов, известных российских и иностранных ученых, членов различных губернских комиссий и ученых обществ, общественных деятелей, организаторов музейного дела, писателей и художников. Дважды (в 1895 и 1912 гг.) комиссию и ее музей посещал известный русский археолог, член Археологической комиссии А.А. Спицын. В 1914 г. музей удостоил своим визитом другой крупнейший отечественный археолог – В.А. Городцов [Малов, 2003. С. 52, 53, 59]. Оба эти археолога сотрудничали с комиссией и оказывали ей по мере возможности, свою помощь (вели с ней переписку, консультировали ее членов, содействовали в вопросе организации в Саратове археологического съезда и т. д.). Деятельность комиссии и ее музей вызывали интерес не только у отечественных, но и у иностранных специалистов. Во время своего визита в Россию известный французский археолог барон де-Бай посетил также Саратов. Барон прибыл 22 сентября 1895 г. на четыре дня в сопровождении председателя Симбирской ученой архивной комиссии В.Н. Поливанова (кстати, немало сделавшего для средневожской археологии), археолога А.В. Толстого, секретаря и переводчика с целью осмотреть музей комиссии и Увекское городище [ГАСО... Д. 33. Л. 95].

В течение целых 25 лет комиссии не хватало прежде всего финансовой стабильности. В 1897 г. было открыто рисовальное училище имени профессора В.А. Боголюбова, в связи с чем музей и библиотека комиссии были выдворены из занимаемого помещения. Музей был размещен в тесной комнате и конуре под лестницей в доме графа Нессельроде, где уже находился архив комиссии, там же действовала Городская публичная библиотека. Летом 1901 г. все имущество комиссии (архив, музей и библиотека) было собрано в одном месте при Городской публичной библиотеке [Соколов, 1911. С. 104, 105].

Основной задачей деятельности музея, по мнению членов комиссии, являлось служение «делу развития интереса и любви к старине Саратовского края – среди местного населения вообще, а в частности – среди учащихся» [ГАСО... Д. 142. Л. 1]. С этой целью в 1903 г. музей был открыт публике для бесплатного посещения, при этом хранитель музея и дежурный представитель СУАК давали интересующимся необходимые объяснения. В первое время число посетителей было невелико, человек 5–6 в приемный день. Но уже в следующем году оно стало заметно возрастать и в середине 1908 г. достигло 80 человек в день, преимущественно учащихся, для которых музей являлся

весьма полезным пособием при прохождении курса всеобщей русской истории. Своей деятельностью музей завоевывал интерес учащейся молодежи, экскурсии принимали характер научных бесед, после чего многие из посетителей приносили в дар старинные вещи и монеты [От высочайше утвержденной СГУАК..., 1908. С. 2].

Число посещений росло с каждым годом, несмотря на общие социальные катаклизмы и неблагоприятную экономическую ситуацию в стране. В 1903 г. запись посещений не производилась, в 1904 г. было 262 посетителя, в 1905 г. — 595, в 1906 г. — 642, в 1907 г. — 828. Приток пожертвований в музей усиливался параллельно с увеличением числа посетителей. Если со времени учреждения комиссии по 1 января 1903 г., т. е. за 16 лет, в музее комиссии было собрано около 2800 предметов и монет, то за относительно небольшой промежуток, с 1903 по 1907 гг. включительно, поступило 1480 предметов и монет. Таким образом, среднегодовое поступление выросло с 175 до 296 предметов в год [ГАСО... Д. 142. Л. 1–3]. Как уже отмечалось, большую часть новых экспонатов составляли монеты и предметы археологии. Данное обстоятельство не могло не сказаться на профиле музея комиссии. Он зарождался и развивался не только как историко-краеведческий, а более как историко-археологический музей.

1900-е гг. были очень тяжелыми для комиссии в финансовом плане. Поступления сократились до минимума, угрожавшего самому существованию общества, за комиссией образовались долги. Из-за отсутствия средств и прекращения выхода изданий комиссия поддерживала свое общение с публикой, особенно с учащейся молодежью, лишь через музей. Об этом говорит рост числа посещений и пожертвований.

В 1908 г. музей посетило уже 1173 человека, а жертвователей было более 100 [Отчет по музею СУАК за 1908 год..., 1909. С. 89]. В этот год финансовое положение комиссии немного улучшилось. С помощью обширной переписки с корреспондентами, проживавшими в наиболее интересных в археологическом плане местах губернии, массовой рассылки опросных листов по археологической карте и целому ряду поездок членов комиссии для непосредственного ознакомления с остатками старины на местах, комиссия получила возможность приступить в 1908 г. к систематическому исследованию вещественных памятников и приобретать таковые из первых рук. Это обстоятельство позволяло более правильно устанавливать место и значение находок. А благодаря еженедельным поездкам членов комиссии на Увек, удалось сохранить от гибели более 600 мелких предметов, состоящих из разных вещей, поделок из глины, камня, стекла и кости, разнообразных осколков орнаментированной и глазурованной посуды и древних мозаик, когда-то украшавших стены построек [Отчет по музею СУАК за 1908 год..., 1909. С. 89, 90]. В 1909 г. активное обследование Увека было продолжено. Группа членов комиссии — В.В. Гераклитов, А.А. Кротков, П.Н. Шишкин, С.А. Щеглов — еженедельно проводила на городище разведки и тщательное собирание материала [Отчет по историческому музею за 1909 год..., 1910. С. 67]. Находки с Увецкого городища составляли гордость археологического отдела музея, а задача по сохранению от гибели и научному изучению этого памятника обозначалась как наиглавнейшая в деятельности комиссии наряду с археологическим картографированием губернии.

Главной проблемой комиссии в течение 25 лет являлось отсутствие собственного помещения. В 1908 г. она располагалась в двух небольших плохо освещенных комнатах над городской публичной библиотекой. В одной комнате находился архив и библиотека, а в другой – музей; неразобранные архивные дела хранились под лестницей. В музее царила невообразимая теснота. За неимением свободных мест многие предметы лежали на полу, на шкафах, под витринами без всякой системы, вследствие чего теряли свое научное значение и не были доступны для обозрения. Из-за малой площади музей мог вместить не более 10–12 человек одновременно; поэтому, когда бывало до 80 посетителей в день (а музей был открыт лишь по воскресеньям с 11 до 14 часов), публике приходилось ждать на лестнице и многие, не дождавшись очереди, уходили и более не возвращались [От высочайше утвержденной СУАК..., 1908. С. 2].

К 1908 г. положение СУАК ухудшилось настолько, что вставал вопрос о закрытии комиссии и ее музея до «более благоприятного времени». Однако вскоре финансовая ситуация в комиссии в целом стабилизировалась, и ее члены смогли продолжить свои научные изыскания. Продолжалось и пополнение музея путем покупок ценных находок у населения. В финансовой смете на 1909 г. было заложено 50 рублей на покупку экспонатов для музея, но сумма оказалась превышена и составила 77 руб. 26 коп [Кассовый отчет СУАК за 1909 год..., 1910. С. 33]. В связи с этим обстоятельством в смету на 1910 г. по той же статье было заложено уже 75 руб. [Приходно-расходная смета СУАК на 1910 год..., 1910. С. 36], однако реальный расход в этом году составил меньшую сумму – 47 руб. 33 коп. [Кассовый отчет СУАК за 1910 год..., 1911. С. 47]. В 1911 г. из заложенных в смету на покупки древностей 100 руб. было потрачено 66 руб. 65 коп. [Кассовый отчет СУАК за 1911 год..., 1912. С. XLVI]. В 1914 г. на покупки древностей было потрачено 39 руб. 39 коп. [Кассовый отчет за 1914 год..., 1915. С. 181], а в следующем году – 39 руб. 65 коп. [ГАСО... Д. 287. Л. 2]. Часто в финансовых отчетах статьи о покупке экспонатов в музей и о затратах на археологические поездки идут одной строкой, что делает невозможным их полный анализ и заставляет лишь констатировать факт того, что включение сумм на приобретение древностей составляло постоянную статью расхода комиссии и увеличивалось или уменьшалось по мере необходимости.

Приток новых поступлений требовал научной систематизации фондов. Еще в 1902 г. хранитель музея Б.В. Зайковский распределил вещи музея по эпохам и местам их находок [Отчет о деятельности СУАК за 1902 год..., 1903. С. 44]. В 1909 г. музей располагался на небольшом, пространстве менее 7 кв. саженей, остальное место занимали шкафы и архив. Как отмечал хранитель музея Б.В. Зайковский, инвентарь музея составляли 6 витрин и 2 шкафа, «которые давно уже были переполнены предметами разнородных эпох и групп. Так что вновь приобретенные предметы по необходимости размещались и в шкафах, и в витринах, и на полу под витринами, и в проходах между витринами» [Отчет по историческому музею за 1909 год..., 1910. С. 89]. Летом 1909 г. архив перенесли в подвал, и площадь музея увеличилась на несколько кв. саженей. Были приобретены 2 новые витрины, 3 стенные полки и 50 деревянных ящиков для хранения экспонатов. Хранитель музея в конце 1909 г. приступил к подготовительным работам по приведению в порядок музея и к составлению карточного каталога по географической системе [Отчет по ис-

торическому музею за 1909 год..., 1910. С. 89, 90]. По одной большой витрине занимали отделы: церковный, этнографический, минералы и окаменелости, материалы Увека, материалы Даниловки и Терновки, находки с территории Самарской губернии, русские и иностранные монеты, кредитные билеты, медали и жетоны [ГАСО... Д. 63. Л. 24, 24 об]. По сравнению с предыдущим годом число посетителей музея сократилось. В 1909 г. их было 982 человека. Поступления в музей шли настолько активно, что хранитель музея вынужден был заметить, что «если и в 1910 г. поступит в музей так же много вещей, как и в 1909 г., то музей придется закрыть для публики: ведь проходы будут заполнены, и публике негде будет повернуться» [ГАСО... Д. 63. Л. 24 об]. По предложению Б.В. Зайковского стали составляться карточки на каждый экспонат и общий музейный каталог — «для более наглядного представления о прошлом». Им был предложен историко-географический принцип организации экспозиции музея [Миронов, 1992. С. 78]. Значение деятельности Б.В. Зайковского по организации музея очень велико. Занимаясь всеми музейными делами, он лично проводил экскурсии и объяснял публике научную ценность экспонатов, проводил многочисленные археологические изыскания с целью пополнения фондов, собирал коллекции.

Одной из причин столь активного пополнения фондов музея была рассылка по губернии вопросных листов с рисунками старинных вещей с целью составления археологической карты. В вопросных листах содержалась информация о деятельности комиссии и призыв к местному населению передавать «древности» в музей комиссии.

Для пополнения фондов музея в 1909 г. комиссия обратилась через российские консульства и императорские миссии, дипломатические агентства и посольства в ведущие мировые музеи с просьбой выслать по возможности дубликаты «каких-либо древностей и античных монет». Известно, что такие обращения были сделаны в музеи Вены, Лондона, Рима, Берлина, Афин, Христиании, Токио и Каира. Но музеи ответили, что-либо не имеют дубликатов, либо, по действующему законодательству страны, исторические ценности не могут вывозиться за ее пределы страны [ГАСО... Д. 158. Л. 103, 104, 106 – 109, 111, 136].

В 1910 г. в книге музея были записаны уже свыше трех тысяч предметов, большая часть из которых представляла бытовые остатки, собранные членами комиссии при поездках на городища и места древних поселений Саратовской губернии [Отчет о деятельности музея комиссии за 1910 год..., 1911. С. 54]. Разросшийся музей комиссии требовал нового, более просторного, и при этом собственного помещения.

Огромным событием в жизни СУАК и ее музея стало их размещение в просторном и роскошном доме, переданном им почетным членом А.А. Тилло в сентябре 1911 г. Предметы музея были расставлены в пяти комнатах, заняв собой «витрины, горки, шкафы и стены» [ГАСО... Д. 139. Л. 11 об]. По замечанию хранителя музея того времени С.А. Щеглова, до перехода в новое помещение «музей не являлся в собственном смысле этого слова музеем», он был лишь скорее, так некрасиво звучащим, «свалочным местом» [Отчет по музею за 1911 год..., 1912. С. XXIX]. Администрации музея, при активном участии товарища правителя дел Б.А. Зайковского, с октября по декабрь включительно, пришлось затратить массу труда и энергии на такое расположение соб-

ранных коллекций, чтобы музей представлялся «действительным хранилищем памятников старины, позволяющим знакомить с ними широкие слои населения». График работы музея остался прежним – свободный вход посетителей с 11 до 14 часов по воскресным дням. Особо музейщики выделяли школьные экскурсии, относясь к ним с огромным вниманием и теплотой.

Благодаря кропотливой и интенсивной работе членов комиссии в музее было выделено несколько отделов: по археологии – доисторический, русский период X–XI вв., золотоордынская эпоха; русский период XVI–XVII вв., исторический отдел, нумизматика, фотографический отдел, географический отдел, художественный отдел, христианские древности, а также отдел поступлений по минералогии, палеонтологии, зоологии и этнографии [Отчет по музею за 1911 год..., 1912. С. XXXI–XXXVIII]. Решено было просить известного столичного археолога профессора А.А. Спицына (кстати, почетного члена СУАК) составить «степную таблицу» доисторических и первобытных древностей Саратовского края по материалам музея комиссии и изданным источникам [Отчет по музею за 1911 год..., 1912. С. XLI]. Тем самым ставилась задача организации деятельности музея с учетом самых последних научных теорий в области археологии, более четкого определения принадлежности археологических экспонатов к известным археологическим культурам. А.А. Спицын с успехом провел предложенную работу, разделив музейные фонды на ряд эпох: конец нового каменного века, медный век, ранняя пора железного, поздняя финская культура, кочевническая, татарская культура и т. д. [Историко-археологический музей комиссии в 1914 году..., 1915. С. 213].

Очень важно отметить ту просветительскую роль, которую играл музей в жизни города. Его историко-археологические выставки привлекали очень большое, год от года увеличивающееся число посетителей. Так, в 1913 г. музей посетило уже 1979 человек, в том числе 308 учеников разных школ, как городских, так и сельских [Общий отчет о деятельности комиссии за 1913 год, 1914. С. 252]. Рост интереса со стороны публики к музею комиссии, проявлявшийся в том числе и во внимании, с которым посетители выслушивали краткие объяснения хранителя музея и его товарищей, побудили комиссию к организации в 1914 г. общедоступных чтений по истории и археологии Саратовского края [Доклад правления..., 1914. С. 292]. Существенная роль в чтениях отводилась и музею: в целях наглядного объяснения лекторы обращались к его археологическим экспонатам, специально приготовленным для данного случая. Выставка, как и сами лекции, несмотря на новизну дела, имела очень большой успех, так как очень удачно их иллюстрировала и полностью выполнила возложенные на нее функции. Успех выставки обуславливался также огромным временным охватом представленных памятников вещественной истории, многие из которых отражали не только малоизвестные, но и практически неизученные пласты древней истории Поволжья, явившиеся полным откровением для отечественных археологов.

Для школьников-подростков посещение музея комиссии всегда было событием ярким и незабываемым, ведь здесь было столько интересного и ранее невиданного. 27 апреля 1914 г. музей и архив комиссии посетили с экскурсией 35 учениц старшего отделения одной из начальных городских школ в сопровождении трех учительниц. Объяснение предметов музея давал его хранитель, а наиболее характерных и древних документов архива – архивариус.

После экскурсии ученицы написали ряд отзывов об увиденном и услышанном [ГАСО... Д. 261. Л. 12 - 31 об]. Ученицы писали, что им особо запомнились и понравились палеонтологический отдел, археологические отделы (первобытная археология и материалы Увека), а также церковный отдел. В 1916 г. в музее побывало 106 экскурсантов: учащиеся и учителя гимназий Саратова, Покровска, Вольска, а также весь состав народных учителей с учительских курсов в Николаевском городке [ГАСО... Д. 261. Л. 33-33 об].

В 1910-х гг., по мере стабилизации финансов и расширения сферы приложения интересов комиссии, более четко определились возможности, а в связи с этим и направления деятельности комиссии. Комиссия ставила себе целью: 1) хранить в своем музее прежние и собирать новые памятники старины, находящиеся в пределах Саратовской и в смежных с ней губерниях; 2) следить и охранять, по возможности, те памятники, которые по своему составу и размерам не могут быть помещены в музей (например, городища, курганы и т. д.); 3) освещать и популяризировать эти памятники, насколько позволяют силы и средства [ГАСО... Д. 261. Л. 31]. С большой долей уверенности можно сказать, что эти направления музейной деятельности комиссии по комплексному изучению истории и археологии края сложились уже в первые годы ее работы, но наибольшего размаха они смогли достичь в период с 1912 по 1916 гг. Фактически на эти годы приходится расцвет СУАК: были разработаны обширные планы по археологическому изучению края, постоянно росли музейные фонды, появились средства. Поступательное движение в деле развития комиссии продолжалось вплоть до 1917 г. и было прервано исключительно из-за внешних факторов.

Сложная политическая и социально-экономическая ситуация в стране в течение 1917 и ряда последующих годов не могла не отозваться на широко-маштабной деятельности комиссии, включая все ее структурные подразделения. Наиболее молодые и активные члены комиссии нашли себе работу, более отвечающую их потребности в общественной деятельности. Ярким примером был уход из состава правления виднейшего работника – А.А. Кроткова, избранного на должность председателя Петровской земской управы. Музей комиссии оставался в течение нескольких месяцев без правителя дел, т. к. Б.В. Зайковский вернулся в Саратов и принял на себя эту обязанность лишь поздней осенью [ГАСО... Д. 309. Л. 2, 3]. После февральских событий, опасения связанные с возможностью эксцессов со стороны антисоциальных элементов населения, вынудили правление комиссии закрыть музей для публики на неопределенное время до наступления успокоения в обществе. В октябре музей был открыт для посетителей, но известные осенние революционные события вынудили вновь его закрыть. Товарищ председателя А.А. Гераклитов отмечал по этому поводу, что «риск если не разгрома его, то просто хулиганской выходки был слишком велик» [ГАСО... Д. 309. Л. 21].

Несмотря на сложное, беспокойное время, музей продолжал пользоваться популярностью у посетителей. Контингент посетителей, если не считать довольно значительного военного элемента, был тот же, что и прежде, т. е. главным образом учащая молодежь. Как отмечал А.А. Гераклитов, приходили иногда целыми школами, но большей частью – сами по себе. По особому соглашению школьные экскурсии допускались и в те дни, когда музей был закрыт. В 1917 г. музей осуществлял прием лишь в течение 11 дней (так-

же по воскресеньям), приняв за это время 14 экскурсий с числом участников в 414 человек, кроме того, было принято 398 посетителей без экскурсий. Всего же в этот год было 812 посетителей [ГАСО... Д. 309. Л. 21].

1918 г. стал кризисным в истории комиссии. Она полностью лишилась финансовой помощи, однако продолжала свою собирательскую и просветительскую деятельность. Музей продолжал принимать посетителей бесплатно, а члены СУАК активно выступали перед населением. Активисты СУАК приступили к созданию в Саратове и уездах губернии широкой сети музеев и краеведческих организаций [Миронов, 1993. С. 59, 60; 1996. С. 62–78; Миронов, 1996. С. 79–91].

К 1918 г., т. е. за 30 с лишним лет своей истории, музей комиссии разросся настолько, что фактически стал представлять самостоятельную единицу и мог вести работу автономно. По выражению А.А. Гераклизова музей стал представлять собой «одно из крупнейших провинциальных хранилищ и даже можно сказать, что в некоторых отношениях равного ему в России (за исключением столиц) не имеется» [ГАСО... Д. 294. Л. 17 об]. Доказательством этому служили отзывы ведущих специалистов, имевших возможность познакомиться с музеем воочию, например, ведущих русских археологов А.А. Спицына, В.А. Городцова, хранителя Археологического музея в Стокгольме Т.И. Арне [Малов, 2003. С. 52–76]. По данным 1918 г., к этому времени в музее было собрано уже более 10 тыс. предметов [ГАСО... Д. 294. Л. 17 об]. Для проведения даже беглой экскурсии с объяснениями по всему музею требовалось не менее 2–2,5 часов [ГАСО... Д. 309. Л. 24].

После октябрьских событий музей комиссии стал, несмотря на нестабильность политической и социально-экономической обстановки в стране в целом и в регионе в частности, даже более популярен, нежели ранее. Всплеск интереса к собственной истории часто проявляется в переломные моменты, на фазе резкой смены общественной традиции и привычных жизненных устоев. Музей фактически являлся одним из немногих источников исторического познания для широчайшей публики губернского центра. В течение 1918 г. его посетило 929 человек [ГАСО... Д. 321. Л. 6 об, 7]. Основной контингент, как и ранее, составляли учащиеся средних и высших учебных заведений и самые широкие слои общества. Объяснения посетителям давали хранитель музея А.А. Кротков, товарищи хранителя музея П.Н. Шишкин и Б.В. Зайковский, а также член комиссии К.Я. Виноградов. Интенсивно продолжалось пополнение музея (поступило около 400 предметов).

Постоянно уточнялась классификация экспонатов в связи с новыми теориями и достижениями ведущих отечественных специалистов. Археологические экспонаты поделили на следующие эпохи: древний медный век, средний медный или бронзовый век (эпоха киммерийская), эпоха нового бронзового века (скифо-сарматская эпоха), тюрко-монгольская эпоха, эпоха русской колонизации [ГАСО... Д. 294. Л. 14 об]. Соответственно были распределены вещи и по комнатам музея. По сохранившемуся схематическому черновому плану дома комиссии две самые большие комнаты занимали доисторический отдел (сюда были отнесены предметы геологии и выделенных периодов эпох камня и меди) и отдел «Поволжье в средние века» (к нему были отнесены финно-мордва, кочевники-тюрки и три витрины с материалами Золотой Орды). Следующую комнату занимали русский отдел

(русская этнография, инородная этнография, древности), церковный отдел и отдел архивный. В четвертой комнате экспонировались фотографии, карты, монеты, медали и пр. А в двух меньших были расположены материалы по общественному движению до 1907 г., а также войне и революции [ГАСО... Д. 294. Л. 4, 4а].

В то время как музей превращался во вполне определенную самостоятельную и самоценную единицу, ему становилось тесно в стенах здания комиссии, как в прямом, так и в переносном смысле. Если в 1911 году дом А.А. Тилло рассматривался архивщиками как весьма просторный и очень удобный во всех отношениях, то по мере роста структурных подразделений комиссии эти акценты кардинально изменились. Здание уже совершенно не подходило для помещения в нем столь обширного музея: 1) оно было просто мало, к тому же значительную часть здания занимали другие учреждения СУАК; 2) здание было деревянным, обложенным кирпичом, что весьма опасно в пожарном отношении; 3) близлежащие деревянные и также обложенные кирпичом здания увеличивали опасность пожара вдвойне; 4) комнаты музея были слишком малы и низки (громоздкие предметы – каменные бабы, большие золотоордынские корчаги, каменные ступы и т. д. стояли и портились во дворе комиссии) [ГАСО... Д. 294. Л. 15]. Средств на аренду более просторного и подходящего для музея помещения не имелось.

Обладая определенной структурной самостоятельностью и столь мощной вещественной базой, музей фактически давно уже вырос из музея архивной комиссии. Ликвидация монархии и утверждение большевистской власти и большинства, созданных ей органов, организаций и учреждений, поставили вне закона и ГУАК. После настойчивых ходатайств членов комиссии СУАК и ее музей были включены в сеть учреждений местного Губернского отдела народного образования, таким образом, она являлась уже одним из советских учреждений. Исполнительный совет рабочих депутатов предложил совету народного образования включить комиссию в свою сеть культурных учреждений, на что последний полностью согласился и постановил также оказать материальную помощь [ГАСО... Д. 321. Л. 2 об]. В январе 1919 г. комиссия просила Сарсовет выделить 5 тыс. руб. на содержание музея, в ответ решением президиума было постановлено об ассигнации 10 тыс. руб. [ГАСО... Д. 337. Л. 1, 2]. Выделение средств не решало всех проблем комиссии. Мероприятия новой власти и возникновение в связи с этим новых задач культурного строительства, деятельность членов СУАК по созданию на базе комиссии задуманного еще в начале 1880-х гг. Общества истории, археологии и этнографии, а также переполнение фондов требовали реорганизации всего музейного дела г. Саратова. Этим активно занимались с 1918 г. Б.В. Зайковский, А.А. Кротков, П.Н. Шишкин и другие члены научного общества, по сути заложившие основы, реализованные в крае в первые годы советской власти.

Подводя итог музейной деятельности Саратовской ученой архивной комиссии, следует отметить, что развитие аспектов исторической памяти выступает в определенной степени индикатором зрелости социокультурных характеристик общества. Формирование интереса к собственной праистории вылилось в 80-е гг. XIX века в создание местного историко-археологического музея. Это направление в 90-е гг. стало одним из основных и развивалось в

тесной связи с археологическими изысканиями членов научного общества. В рамках поставленных научных целей решались сложные задачи, связанные с изучением материальных свидетельств, маркирующих присутствие древнейших пластов первобытной человеческой культуры на территории края.

С самого начала музей комиссии сделался центром, куда стекались все археологические открытия края. Активные мероприятия по археологическому изучению территории губернии членами комиссии определили главное направление в развитии музея. Пополнение фондов осуществлялось путем археологических исследований (разведок, раскопок), сборов материалов комиссией через покупку у местного населения, а также путем принятия пожертвований. Еще одной особенностью было то, что музей комиссии стал, по сути, рупором просвещения. Через участие в выставках, организацию лекций с привлечением материалов музея, устройство бесплатных экскурсий и посещений комиссия популяризировала историческое знание среди самых широких слоев населения. Наибольший упор был сделан на воспитание учащейся молодежи посредством формирования интереса к далекому прошлому родного края, через собственную любовь и уважение к его многовековой истории.

Архивщики достигли ряда существенных успехов в своей музейной деятельности. Свидетельством тому было признание музейных заслуг комиссии после участия в ряде выставок и ознакомления с его фондами видных отечественных и иностранных археологов. В целом к 1918 г. музей фактически стал самостоятельной исследовательской организацией с собственными задачами, определенным кругом научных интересов и творческим коллективом. Все эти обстоятельства, а также новая социально-политическая ситуация в стране предопределили меры по реорганизации музейного дела, да и всей деятельности комиссии в крае.

Значение деятельности музея СУАК велико. Его фонды ныне составляют гордость Саратовского областного музея краеведения. Заложенные принципы комплексного историко-археологического изучения края развиваются и сегодня. Это был первый и весьма важный этап в становлении Саратова как крупного музейного центра нижеволжского региона.

Литература:

Высочайше утвержденное положение об Ученых архивных комиссиях и губернских исторических архивах // Труды СУАК. Саратов, 1908. Вып. 24.

Гарданов В.К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.) // Труды НИИ музееведения. Вып. 1 (История музейного дела в СССР). М., 1957.

Доклад правления об устроенных в Великом Посту сего 1914 года общедоступных чтений // Труды СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31.

Зубова Н.Л. Архивно-просветительские организации в России в конце XIX–начале XX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. М., 1990. № 2.

Ионова О.В. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет советской власти // Труды НИИ музееведения. Вып. 1 (История музейного дела в СССР). М., 1957.

- Историко-археологический музей комиссии в 1914 году // Труды СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32.*
- Кассовый отчет Саратовской губернской ученой архивной комиссии за 1909 год // Труды СУАК. Саратов, 1910. Вып. 26.*
- Кассовый отчет Саратовской Ученой архивной комиссии за 1910 год // Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 28.*
- Кассовый отчет Саратовской губернской ученой архивной комиссии за 1911 год // Труды СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29.*
- Кассовый отчет за 1914 год // Труды СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32.*
- Кубанкин Д.А. Александр Августинович Кротков – археолог, краевед... // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Саратов, 2003.*
- Малов Н.М. Из истории Саратовского областного музея краеведения: памятная книга посетителей музея и библиотеки Саратовской ученой архивной комиссии (1895–1918 гг.) // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Саратов, 2003.*
- Миронов В.Г. Неистовый Богдан // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 6.*
- Миронов В.Г. Нижневолжское краеведение в 1917–1920 годы // Краеведческие чтения. Доклады и тезисы I–III чтений. Саратов, 1993.*
- Миронов В.Г. К истории создания областного музея краеведения (1918 год) // Труды СОМК. Саратов, 1996. Вып. 4.*
- Миронов Д.В. Формирование структуры Саратовского областного музея краеведения в 1920-е годы // Труды СОМК. Саратов, 1996. Вып. 4.*
- От высочайше утвержденной Саратовской губернской ученой архивной комиссии // Труды СУАК. Саратов, 1908. Вып. 24.*
- Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии в 1888–1889 году. Саратов, 1890.*
- Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии в 1889/90 году. Саратов, 1893.*
- Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1892/1893 год // Труды СУАК. Саратов, 1894. Т. IV, вып. 3.*
- Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1902 год // Труды СУАК. Саратов, 1903. Вып. 23.*
- Отчет о деятельности музея комиссии за 1910 год // Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 28.*
- Общий отчет о деятельности комиссии за 1913 год // Труды СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31.*
- Отчет по историческому музею за 1909 год // Труды СУАК. Саратов, 1910. Вып. 25.*
- Отчет по музею Саратовской ученой архивной комиссии за 1908 год // Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25.*
- Отчет по музею за 1911 год // Труды СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29.*
- Празднование 25-летнего юбилея Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1912.*
- Протокол общего собрания Саратовской ученой архивной комиссии 12 апреля 1891 года // Труды СУАК. Саратов, 1893. Т. IV, вып. 1.*
- Протоколы общих собраний членов Саратовской ученой архивной комиссии. 24 октября 1901 года // Труды СУАК. Аткарск, 1902. Вып. 22.*

Приходно-расходная смета Саратовской ученой архивной комиссии на 1910 год // Труды СУАК. Саратов, 1910. Вып. 26.

Разгон М.А. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861-1917 гг.) // Труды НИИ музееведения. Вып. 1 (История музейного дела в СССР). М., 1957.

Систематический каталог исторического музея Саратовской ученой архивной комиссии. 1886-1888 годы // Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии в 1888-1889 году. Саратов, 1890.

Соколов В.П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.

ЭПОХА НЕОЛИТА – ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Юдин А.И.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА

Закономерности и общие тенденции культурно-исторических процессов в регионе на достаточно продолжительном хронологическом отрезке – немногим менее трех тысячелетий – определены на основании изучения материалов бытовых и погребальных памятников неолитического и энеолитического населения Нижнего Поволжья и комплексного рассмотрения вопросов, связанных с культурной динамикой: процессами формирования, развития и трансформации археологических культур и культурных типов [Юдин, 2006].

Это дало возможность проследить генезис материальных комплексов, отметить периоды инноваций и трансформаций на рубеже неолита – энеолита и в конце энеолитической эпохи. Сравнение культурно-хронологических комплексов с культурами сопредельных регионов позволяет увидеть культурную эволюцию нижеволжского населения на широком историческом фоне. Его включение на каждом новом историческом этапе в более широкую культурную область стимулировало развитие общества.

Накопление материалов по исследуемому периоду показало нелинейность развития культурных процессов в позднем каменном веке и на рубеже каменного и бронзового веков. От простой схемы последовательной смены культур исследователи пришли к выводу о синхронности этапов разных культур в рамках энеолита, затем о синхронности позднего неолита и раннего энеолита, а для лесостепной зоны появляются данные о смыкании позднего пережиточного неолита с ранним бронзовым веком [Синюк, Гапочка, 2005. С. 50-51].

Если неолитический период предстает перед нами как поступательное развитие нижеволжской культурной общности, имеющей четкую локализацию как во времени, так и в пространстве [Юдин, 2003а. С. 33-36], то в энеолитическое время картина культурной эволюции вырисовывается сложная, многогранная, территориально выходящая за пределы Нижнего Поволжья и пока еще далекая от своего завершения. В результате проделанной работы теперь можно утверждать, что на территории Нижнего Поволжья имел место не только нео-энеолитический период, когда сосуществовали поздние неолитические культуры.

тические (орловские, сероглазовские) и ранние энеолитические (прикаспийские) племена, но также происходило параллельное развитие других энеолитических культур и культурных типов памятников (культурных линий развития), легших затем в основу формирования ямной культуры.

Нижнее Поволжье в физико-географическом отношении четко локализовано бассейном нижнего течения Волги. Именно Волга, с ее многочисленными левобережными притоками, являлась основой вмещающего ландшафта для культурогенеза оседлого неолитического населения. Возможность перемещения населения вдоль Волги при усилении неблагоприятных воздействий природно-климатических факторов обусловила культурные контакты внутри нижневолжского региона уже в неолитическое время и определила автохтонность большей части населения на протяжении двух эпох.

Неолит региона представлен нижневолжской культурной общностью, которая включает три культуры: сероглазовскую в Северном Прикаспии (левобережье Волги) [Козин, 2002], джангарскую в Северо-Западном Прикаспии (правобережные районы Волги) [Кольцов, 1987] и орловскую в степной зоне Поволжья и части Донского левобережья [Юдин, 1995].

Культурное единство в рамках общности поддерживалось схожими природно-климатическими условиями степной и полупустынной зон и единым генетическим происхождением. Формирование раннеолитических памятников Нижнего Поволжья происходило на местной мезолитической двухкомпонентной (истайской и жекалганской) основе. Мезолитическое население жекалганской культуры и истайского культурного типа, занимавшее районы Северного и Северо-Западного Прикаспия и Волго-Уральского междуречья, вплоть до низовьев Узеней, оставило после себя сероглазовскую индустриальную традицию обработки камня, продолженную в неолите [Васильев, Выборнов, Комаров, 1991. С. 3–30]. Культурогенез среднего и позднего этапов неолита наиболее отчетливо прослеживается по археологическим материалам степной зоны Волго-Уралья и Волго-Донья. Все три культуры нижневолжской общности на протяжении неолита выступают в качестве культур-доноров для лесостепного населения Южного Приуралья, Среднего Поволжья и, в меньшей степени, Среднего Дона. Восприимчивость к внешним воздействиям была ограниченной, хотя географическое положение региона не препятствовало вероятности опосредованных контактов с культурными центрами Передней Азии через Кавказ и Восточный Прикаспий.

Пока остается недостаточно изученным ранний неолит региона, изучение которого в перспективе может многое прояснить в процессе становления неолитических культур Восточной Европы, так как в силу своего географического положения Нижнее Поволжье являлось транзитным пунктом распространения достижений древнейших земледельческо-скотоводческих очагов через территорию Кавказа и Восточного Прикаспия. Хорошо прослеживается влияние Кавказа в процессе становления мезолитических культур южной половины Нижнего Поволжья, которые затем легли в основу раннего неолита региона. Вероятно, и само знакомство с керамикой шло под воздействием кавказского импульса через население Нижнего Дона или напрямую.

Переднеазиатское влияние прослеживается слабее, в виде отдельных проявлений в материальных комплексах. В частности, это сосуды, близкие к ладьевидным формам в сероглазовских (каиршакских) и орловских коллек-

циях; несколько орудий из нефрита, происходящего с современной территории Афганистана или Пакистана; обычай окрашивать полы и стены жилищ красной краской. Факт сложения на единой генетической основе нижневолжской культурной общности уже к середине VI тыс. до н. э., на среднем этапе неолита, наглядно подтверждается материальными комплексами сероглазовской, джангарской и орловской культур, для которых всегда отмечается накольчато-прочерченная плоскодонная керамика и пластинчатый орудийный комплекс с геометрическими микролитами. Поскольку мы имеем дело с самостоятельными культурами, то в некоторых параметрах комплексов керамики и каменных орудий есть различия. Однако даже при беглом сравнении с окружающими культурными областями нижневолжский неолит выделяется на их фоне стабильностью своих основных культуроопределяющих признаков на протяжении всей неолитической эпохи.

Культурное единство общности не препятствовало самостоятельному культурному развитию населения разных регионов Нижнего Поволжья, где отдельные культуры имеют ряд собственных признаков. Максимального подъема в своем развитии нижневолжская неолитическая общность достигает к концу неолитической эпохи, во второй половине V тыс. до н. э., что проявляется в увеличении количества памятников, расширении площади стоянок и мощности культурных напластований, развитии керамического комплекса, зарождении производящего хозяйства.

Все культуры нижневолжской общности эволюционировали в одном направлении, но уровень развития северных (орловских) племен региона оказался несколько выше: здесь сложилось комплексное присваивающее хозяйство, на основе которого зародилось производящее хозяйство – скотоводство; здесь произошло первое знакомство неолитического нижневолжского населения с металлом; на этапе позднего неолита можно говорить о сложении очага искусства, в первую очередь декоративно-прикладного, с ярко выраженным самобытным стилем [Юдин, 2003б. С. 37-71]; это же население оказывало сильное культурное воздействие на северные лесостепные племена.

Анализ остеологических коллекций неолитических памятников дал возможность определить хозяйственный тип неолитических культур как комплексный охотничье-рыболовческий, а в орловской культуре отмечен переход к началам производящего хозяйства. Трасологическим анализом был определен высокий уровень развития домашних производств – керамического, скорняжного, косторезного. Комплексный анализ археологических материалов в культурно-историческом контексте функционирования Варфоломеевской стоянки позволил проследить процесс зарождения экономики производящего типа и начальный этап доместики лошади на этапе позднего неолита [Юдин, 2003в. С. 90-96].

Отмечены общие традиции домостроительства как на протяжении неолитического времени в рамках культур, так и между культурами общности (сероглазовской и орловской).

Нижневолжская культурная общность сыграла значительную роль в формировании развитого и позднего этапов неолита юга лесостепи, в керамике и пластинчатой части комплексов каменных орудий которого отчетливо видно южное культурное воздействие.

Культуры нижневолжской общности обнаруживают ряд параллелей с ракушечноярской культурой Нижнего Дона, что объясняется возможной близкой мезолитической подосновой, а также расположением в одной природной зоне и в смежных регионах, что способствовало культурным контактам. С другими, более западными неолитическими культурами, черты общего порядка проявляются только в среде степных культур азово-черноморской области. В юго-восточном направлении нижневолжская общность осуществляла культурный обмен с неолитическими культурами Восточного Прикаспия, но эти связи пока недостаточно документированы.

В северо-западной части Саратовской области (Прихоперье), неолит нижневолжского региона также представлен стоянками лесостепной зоны, отличающимися коренным образом от степных. Стоянки Прихоперья включают комплексы с тычковой (точечно-накольчатой) керамикой; накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой среднедонского типа; ямочно-гребенчатой керамикой. Все культуры и культурные типы памятников локализованы в донском бассейне, и их функционирование связано с традициями лесостепного неолита среднедонского и средневолжского регионов [Ставицкий, Хреков, 2003]. Нижневолжские неолитические культурные традиции здесь проявляются очень слабо и на периферийных памятниках. Намного больше общих черт появляется со времени раннего энеолита, когда лесостепной и степной регионы Нижнего Поволжья и Подонья начинают развиваться в рамках генезиса мариупольской культурно-исторической области.

Основу культурных черт населения восточной части мариупольской области составили культурное наследие и достижения неолитических культур нижневолжской общности. Поздненеолитическое население нижневолжской общности явилось основным субстратом при сложении прикаспийской энеолитической культуры.

Наследие культур нижневолжской общности проявляется в формах, составе теста, способах орнаментации раннеэнеолитической керамики. Техничко-типологические характеристики энеолитического комплекса каменных орудий также сложились в недрах местного неолита, где на позднем этапе отмечается общее увеличение параметров первичных заготовок, постепенное увеличение доли кварцитового сырья. Неолитическое наследие проявилось также в сохранении традиций художественной обработки кости. Мощный пласт энеолитических памятников, особенно в северной части Нижнего Поволжья, был подготовлен всем предыдущим развитием местного поздненеолитического населения, культурные достижения которого легли в основу прикаспийской энеолитической культуры.

Одним из главных итогов изучения неолита и энеолита Нижнего Поволжья явилось установление факта длительного параллельного развития нескольких культур в позднем неолите-энеолите, что еще в недавнем прошлом допускалось только для культур экологически более емкой лесостепной зоны. Рассмотрим это подробнее. В V тыс. до н. э. на территории Нижнего Поволжья синхронно развивались поздненеолитические культуры нижневолжской общности, прикаспийская культура, хвалынская культура и памятники алтатинского культурного типа. Культурно-историческое развитие населения Нижнего Поволжья на протяжении энеолита проходило на фоне достаточно пестрой культурной картины и завершилось культурной

интеграцией с формированием единых идеологических представлений, что стимулировалось переходом к подвижному скотоводству и выразилось в сложении местного варианта древнеямной культуры. Это было время широкого восприятия производящего хозяйства и широких культурных связей, нашедших отражение в материальных комплексах поселенческих памятников и наборах погребального инвентаря. Особая роль в этих процессах принадлежала населению хвалынской культуры.

Пока остается много неясного в хронологических позициях поздненеолитических и энеолитических памятников, так как материальных свидетельств в виде импортов или технологических заимствований в коллекциях исследованных стоянок немного, а синхронизация хвалынских комплексов с поздним нижневолжским неолитом пока может быть проведена только по данным радиоуглеродных определений. Предполагается, что пришлые скотоводческие хвалынские племена занимали разные хозяйственные ниши с неолитическим населением, так как экологический резерв региона, особенно его южных районов, невелик. Последнее, вероятно, явилось одной из причин расселения хвалынского населения вверх по Волге.

Хронологическая схема сосуществования памятников неолита-энеолита Среднего и Нижнего Поволжья, предложенная в одной из последних работ И.Б. Васильева, где выделяются два этапа в развитии энеолита (1 – ранний и развитой, 2 – развитой и поздний), отразила синхронность поздних неолитических и энеолитических памятников и подтвердила необходимость пересмотра схем развития культур [Васильев, 2003. С. 55-58]. В этом плане интересно отметить различную трактовку памятников мариупольской культурно-исторической области. Украинскими исследователями они включаются в неолитическое время, а российскими – в энеолитическое. Выделение значительного по продолжительности нео-энеолитического периода [Телегин и др., 2001. С. 124-133] весьма своевременно и необходимо, так как убирает искусственную границу между неолитическими и энеолитическими памятниками не только в случае простого хронологического сосуществования, но и в случае эволюционного перехода от неолита к энеолиту. Длительность этого периода будет различаться в зависимости от природно-географического региона и скорости культурного развития.

Для степей Нижнего Поволжья процессы культурогенеза, синхронизации, смены культур и типов памятников представлены в таблицах 1 и 2, объективно отражающих картину культурного генезиса по состоянию источников и степени их изученности на данный момент.

Культурогенез прикаспийской культуры происходил на местной поздненеолитической (орловской и сероглазовской) основе при активном участии лесостепного населения Среднего Поволжья. Наличие на окраине степной зоны и севернее населения с глубокими культурными традициями гребенчатой орнаментации керамики, несомненно, отразилось на культурном генезисе раннего энеолита степи, что нашло отражение в появлении гребенки (в том числе и шагающей) на керамике прикаспийской культуры. В сложении культур мариупольской области явственно отражается не только воздействие культур лесостепи, но и степных культур Нижнего Дона и Приазовья, которые поддерживали культурные контакты с Нижним Поволжьем еще с неолитического времени.

По стратиграфическим наблюдениям (табл. 1), раннеэнеолитическая прикаспийская культура начинает складываться на этапе существования слоя 2 А Варфоломеевской стоянки и сосуществует с финальным этапом орловской культуры. Это отражено в верхнем (1) слое Варфоломеевской стоянки и в нижней части энеолитического слоя поселения Кумыска. В обоих случаях прикаспийская керамика залегала совместно с неолитической. Как показывают радиоуглеродные даты, в это время в Нижнем Поволжье уже существовало население хвалынской культуры, но следов контактов с прикаспийским и орловским населением не обнаружено. Правда, в слое 2 А Варфоломеевки встречено медное изделие, происхождение которого можно логически связать только с хвалынским населением, но и в этом слое, самом насыщенном находками на данной стоянке, хвалынской керамики, или близкой ей, нет.

Керамика, аналогичная неолитической орловской, есть в алтатинских комплексах. Там же встречены хвалынские фрагменты. В среднем слое Кумыски совместно залегают часть прикаспийской и хвалынская керамика. Таким образом, на основании стратиграфических наблюдений можно с большой долей вероятности предполагать одновременное существование на каком-то отрезке V тыс. до н. э. позднейшего неолитического, прикаспийского, хвалынского и алтатинского населения. При использовании серии калиброванных дат Хвалынского могильника, Варфоломеевки и одной даты алтатинской стоянки Ветёлки (табл. 2), это время сосуществования разнокультурных и «разноэпохальных» (в культурологическом отношении) памятников определяется последней четвертью V тыс. до н. э. Естественно, что на шкале культурогенеза эти культуры занимают различное место. Для нижневолжского неолита это была финальная стадия, а для алтатинской линии – начальная. Прикаспийское население, вероятнее всего, продолжило свое дальнейшее развитие в памятниках типа Кумыски – эволюцию прикаспийской культурной линии можно увидеть в керамическом комплексе второй группы керамики этого поселения [Юдин, 1999. С. 131, рис. 7]. Естественно, керамика этой группы уже несколько видоизменена и отягощена лесостепными влияниями. Но на Кумыске хорошо представлен комплекс каменной индустрии [Юдин, 1999. С. 146-148, рис. 15-17], который по своим основным характеристикам обнаруживает максимальное совпадение именно с прикаспийским комплексом каменных орудий, значительно отличающимся от алтатинского, хвалынского и, тем более, репинского.

Относительно происхождения хвалынской культуры сейчас представляется наиболее аргументированной точка зрения о переднеазиатских истоках происхождения основных ее признаков [Горащук, 2003], но при условии окончательного сложения хвалынской культуры в Нижнем Поволжье.

Калиброванные радиоуглеродные определения (первая половина V тыс. до н. э.) показывают хронологический приоритет хвалынской культуры относительно прикаспийской, хотя это противоречит немногочисленным данным стратиграфии (ср. табл. 1 и 2). Обычно длительное сосуществование различных культурных линий развития находит свое отражение в материальных комплексах. Но в данном случае синхронность хвалынских комплексов со слоем 2 Б Варфоломеевки материалами пока не подтверждается. Нет такого подтверждения и в Среднем Поволжье для поздних неолитических и ранних самарских комплексов с одной стороны, и хвалынских – с другой. Отсутству-

ют достоверные данные и о синхронности хвалынских и неолитических сероглазовских комплексов в Северном Прикаспии.

В плане частичной или полной синхронизации прикаспийских и хвалынских памятников остается еще много неясностей, которые могут быть решены только после дальнейших полевых исследований. Если согласиться с мнением о неместном происхождении хвалынского населения, которое принесло с собой навыки производящего хозяйства, то вполне допустимо предположить отсутствие тесных культурных контактов его с местным поздним неолитическим и ранним прикаспийским населением, которое переживало в V тыс. до н. э. период стабильного развития. Хвалынское население, занимаясь скотоводством и находясь на более высоком уровне развития (производящее хозяйство, металл), объективно могло не нуждаться в контактах с местными племенами, так как занимало другую экономическую нишу.

Об этом, возможно, говорит и расположение хвалынских поселений только в южной лесостепи Среднего Поволжья и песках Северного Прикаспия. Если рассмотреть расположение хвалынских памятников Нижнего Поволжья на карте, обнаруживается интересная закономерность. Грунтовые могильники есть только в Правобережной лесостепи и, возможно, в песках Прикаспия. Все немногочисленные подкурганые захоронения обнаружены на левом берегу (за исключением одного пункта) вдоль Волги, в степной зоне. Поселений с выраженным хвалынским слоем, как это наблюдается в лесостепи Среднего Поволжья, в степи нет. Есть только отдельные находки и небольшие серии хвалынской керамики на стоянках других культур.

Создается впечатление, что долгое время население хвалынской культуры локализовалось в основном в лесостепи и близких к ней по природно-климатическим условиям участках Волжской поймы и, занимаясь отгонным скотоводством, частично перемещалось в зимние месяцы в пески Северного Прикаспия. Неолитическое население при этом могло параллельно развиваться в глубинных районах степи, занимаясь охотничье-рыболовческим хозяйством и постепенно перенимая навыки скотоводства, хотя контакты с хвалынскими племенами были минимальны. Только такой моделью культурного сосуществования можно объяснить полное отсутствие следов хвалынского культурного воздействия в вещевых комплексах неолитических культур нижеволжской общности.

Калиброванные радиоуглеродные определения показывают максимальную вероятность времени бытования хвалынских могильников в первой половине V тыс. до н. э. (табл. 2) [Телегин и др., 2001, рис. 61], а первые инновации в комплексе слоя 2 А Варфоломеевской стоянки (медное изделие и кости овцы) приходятся на вторую половину – последнюю четверть V тыс. до н. э., что хорошо согласуется с высказанным выше мнением.

Третья линия культурного развития в энеолите Нижнего Поволжья представлена памятниками алтатинского типа, которые в настоящее время могут уже рассматриваться как потенциально новая культура. В памятниках алтатинского типа явно отразилось влияние племен лесного культурного мира. Находка фрагментов хвалынского сосуда в культурном слое стоянки Алтата – первое свидетельство контактов хвалынского и местного населения. Хвалынская керамика, найденная на Алтате и Царице 1 в одном слое с алта-

тинской, определяет достаточно раннюю хронологическую позицию части алтатинских стоянок.

Конец первого этапа энеолита Нижнего Поволжья (Алтата, Петропавловка, часть материалов Кумыски, Царица 1) по аналогиям в материальных комплексах синхронизируется с IV–V и, возможно, частично с VI слоями Раздорского поселения на Нижнем Дону. Второй, поздний этап энеолита отсчитывается со времени полного затухания культур нижеволжской неолитической общности. Продолжение прикаспийских традиций на втором этапе энеолита видно в материалах энеолитического слоя поселения Кумыска, где отразилось влияние как северной, «токской», так и южной, нижедонской, культурных традиций. В частности, близкие аналогии керамике четвертой группы Кумыски [Юдин, 1999. С. 133, рис. 9] обнаруживаются среди керамики ливенцовской культуры на Нижнем Дону и в Приазовье, которая сменяет раннеэнеолитическую нижедонскую. [Нечитайло, Козюменко, Жеребилов, 1997. С. 40–57].

На втором этапе развития нижеволжского энеолита происходит сплав культурных традиций, вызванный развитием производящего хозяйства и усилением культурных контактов. О сложных процессах культурной метисации в позднем энеолите свидетельствуют не только синкретические керамические комплексы, но и многочисленные типы каменных наконечников стрел алтатинских стоянок и Кумыски, отражающих связи от Приуралья до Северного Кавказа.

Культурогенез алтатинских памятников проходил параллельно с поздними прикаспийскими, а многокомпонентность алтатинского керамического комплекса предполагает участие в процессе сложения культурного типа местного позднеэнеолитического населения и пришлого лесостепного. Алтатинские памятники переживают хвалынские, они в позднем энеолите представлены поселениями Пшеничное и Первомайское. Здесь в керамических комплексах уже отмечено широкое использование шнурового орнамента, толстостенность и желобчатость венчиков, грубые расчески на поверхности. Типологически позднеэнеолитические памятники могут быть синхронизированы с VI–VII слоями Раздорского I поселения.

Таким образом, поздний энеолит степей Нижнего Поволжья и Прикаспия представлен материалами двух основных культурных линий развития – поздней прикаспийской (кумысской) и поздней алтатинской. Третья линия – хвалынская – пока слабо подтверждается материалами (часть хвалынско-бережновских захоронений? грунтовые могильники типа Екатериновки?) [Васильев, Фадеев, 2004. С. 43–46], но возможно и ее существование, так как по-иному нельзя объяснить совпадение многих признаков погребального обряда в хвалынских могильниках и подкурганых ямных захоронениях. В зоне лесостепи Нижнего Поволжья картина была более сложная: там в позднем энеолите доминировали памятники алексеевского типа, а также отмечен ряд памятников лесного круга с гребенчатой, поздней ямочно-гребенчатой и волосовской керамикой.

Если считать, что хронологические рамки позднего энеолита ограничиваются временем появления памятников «городцовской» ямной культуры, то несомненно, что между ямными и хвалынскими памятниками существует значительный хронологический разрыв. Этот разрыв составляет как минимум

пятьсот лет (вторая и третья четверть IV тыс. до н. э.) и, по нашему мнению, должен быть заполнен уже названными поздними алтатинскими памятниками и поздними прикаспийскими памятниками с керамикой, аналогичной второй группе керамики Кумыски для степной зоны Нижнего Поволжья, и памятниками алексеевского типа для лесостепи Правобережья Нижней Волги.

Освоение степей разнокультурными энеолитическими племенами нарушило неолитическую монолитность; культурогенез энеолитического населения выплеснулся за пределы нижневолжского бассейна, произошло включение Нижнего Поволжья в сферу развития энеолита степной Евразии [Нечитайло, 1996], что ускорило культурно-исторические процессы и привело к культурной нивелировке нижневолжского населения. Процесс формирования степной энеолитической общности, несомненно, был «запущен» первыми скотоводами – племенами хвалынской культуры. Археологически процесс нивелировки в поселенческих памятниках фиксируется очень слабо и находит отражение уже в гомогенном погребальном обряде древнеямной культуры.

Культурно-исторические процессы в неолитическую и энеолитическую эпохи подвержены общим закономерностям, характерным и для других периодов исторического развития и нашедшим теоретическое обоснование в ряде работ отечественных ученых [Маркарян, 1981; Массон, 1989; 1990; 1991; Бочкарев, 1995]. Культурно-историческое развитие населения Нижнего Поволжья связано в неолитическую эпоху с эволюционными процессами, а трансформации носили спонтанный характер и вызывались внутренними причинами. Неолитическая эпоха характеризуется определенным культурным единством в рамках нижневолжской культурной общности. Культурное воздействие этой общности ощущалось далеко за пределами Нижневолжского региона.

С появлением энеолитического населения заканчивается эволюционный период развития. Энеолитическая эпоха отличается инновациями, которые были обусловлены стимулированными трансформациями и прямыми миграциями. Например, сложение прикаспийской культуры сочетает в себе два момента, когда, с одной стороны, наблюдается сохранение эволюционного процесса и происходит наследование ряда неолитических культурных признаков, а с другой стороны, отмечены процессы культурной трансформации под воздействием позднеэнеолитического лесостепного и хвалынского населения.

Аналогичная модель развития присуща алтатинским памятникам, но там к процессам культурной трансформации добавляется миграция населения. Для энеолитического времени отмечено параллельное существование нескольких культурных линий (культур), развитие которых пришлось на поздний неолит и всю эпоху энеолита. Как видно из детального анализа таблиц 1 и 2, культурно-историческому развитию населения Нижнего Поволжья характерна полилинейность.

Параллельное развитие культур неолита и энеолита наблюдается на протяжении практически всего V тыс. до н. э. Особенно наглядно процесс синхронного культурно-исторического развития проявляется во второй половине V тыс. до н. э. Фактически, в приложении к процессам культурогенеза Нижнего Поволжья, V тысячелетие до н. э. выступает в ранге самостоятельного этапа археологической периодизации, когда не просто наблюдается сосуществование позднеэнеолитического и раннеэнеолитического населения, а происходит

трансформация неолитических культур на качественно иной уровень (окончательное утверждение производящего хозяйства и переход к использованию металла) в результате расширения межкультурных связей и внешних культурных воздействий. К концу V тыс. до н. э. культуры нижневолжской общности из доноров превращаются в реципиентов, следствием чего является широкое распространение новаций. Культурное развитие неолитического населения постепенно разделяется на две линии – часть населения вовлекается в активные внешние контакты и запускается процесс сложения прикаспийской культуры. Внешняя культурная стимуляция идет по двум направлениям – с юга оказывается хвалынское влияние, а с севера – культур лесостепи. К концу неолита культурная картина приобретает мозаичный характер.

Энеолитическую эпоху вполне допустимо разделить всего на два этапа – ранний, синхронный позднему неолиту, и поздний, смыкающийся с ранней бронзой, что не отрицает традиционное трехступенчатое членение внутри отдельных культур.

Энеолитическая эпоха завершается культурной интеграцией на этапе раннего бронзового века (ямная культурно-историческая область). Цикличность культурно-исторических процессов повторяется и в дальнейшем историческом развитии населения Нижнего Поволжья, когда периоды эволюционного развития сменяются этапами трансформаций и миграций, например, на этапе финала средней бронзы – начала поздней бронзы, который, в свою очередь, опять сменяется периодом эволюционного развития (срубная культурно-историческая общность).

Проделанная работа по реконструкции картины культурно-исторических процессов в нео-энеолитическое время на территории Нижнего Поволжья и по выявлению закономерностей и общих тенденций развития определяет перспективы дальнейших исследований, которые должны быть направлены на разрешение многих спорных вопросов, что касается ранних этапов обеих эпох. В неолите это вызвано малой источниковой базой, в энеолите – отсутствием серий датировок, полученных естественнонаучными методами для алтатинских, прикаспийских и хвалынско-бережновских памятников. Изучение погребальных памятников позволит в дальнейшем поставить вопросы социальной организации и этнической принадлежности неолитического и энеолитического населения региона.

Литература:

Бочкарев В.С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995.

Васильев И.Б. Культурно-хронологическое соотношение мариупольских и хвалынских памятников в Поволжье // Чтения, посвященные столетию деятельности в Государственном Историческом музее В.А.Городцова: Тез. конф. М., 2003.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М. Мезолит Северного Прикаспия (итоги и задачи изучения). Свердловск-Самара, 1991.

Васильев И.Б., Фадеев В.Г. Сосуд из грунтового могильника ямной культуры на юге Самарской области // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тез. докл. Волгоград, 2004.

Горащук И.В. Технология изготовления каменных орудий на стоянках хвалынской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3.

Кольцов П.М. Неолит Северо-Западного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1987.

Маркарян Э.С. Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход // Системные исследования. М., 1981.

Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.

Массон В.М. Феномен культуры и культурогенез древних обществ // Археологические культуры и культурная трансформация. Л., 1990.

Массон В.М. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991.

Нечитайло А.Л. Европейская степная общность в эпоху энеолита // РА. 1996. № 4.

Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е. Новые объекты эпохи энеолита в Нижнем Подонье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы междунар. конф. Саратов, 1997. Ч. 2.

Синюк А.Т., Гапочка С.Н. К истории изучения культурной принадлежности, периодизации и хронологии неолитических памятников лесостепного Подонья // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2005.

Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит – ранний энеолит Посурья и Прихоперья. – Саратов, 2003.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск, 2001.

Юдин А.И. Неолит и энеолит степного Заволжья: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1995.

Юдин А.И. Многослойное поселение Кумыска на р.Торгун // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.

Юдин А.И. Нижневолжская культурная общность эпохи неолита: проблемы формирования, контактов и эволюции // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. М., 2003а.

Юдин А.И. Неолитическое искусство населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003б. Вып. 5.

Юдин А.И. Хозяйство населения орловской неолитической культуры // Археологические записки. Ростов н/Д., 2003в. Вып. 3.

Юдин А.И. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья: Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. Ижевск, 2006.

Таблица 1

Стратиграфическое соотношение нео-энеолитических культур
Нижнего Поволжья

Культура (тип памятника)	Стратиграфическое соотношение памятников и слоев			
Ранняя ямная (с репинскими чертами)				
Алтатинская			Алтата, Петропавловка	Пшеничное, Кумыска, средний слой, Первомайское
Хвалынская			Хвалынские могильники, Хлопков бугор	Подкурганые бережновские (?)
Прикаспийская			Варфоломеевка 1; Кумыска, нижний слой, средний слой	
Орловская	Варфоломеевка 2Б	Варфоломеевка 2 А; Орловка	Варфоломеевка 1	

Таблица 2
Хронологическое соотношение нео-энеолитических культур Нижнего Поволжья по данным радиоуглеродного анализа

Культура (тип памятника)	VI тыс. до н.э.										V тыс. до н.э.										IV тыс. до н.э.											
	60	59	58	57	56	55	54	53	52	51	50	49	48	47	46	45	44	43	42	41	40	39	38	37	36	35	34	33	32	31		
Ранняя ямная (с ретинисными чертами)											Павловск, 38/4 - 3500±100 Н.Орланка 1/5 - 3350±100																					
Алтайская																						Ветелки - 4631±98 (ГИП-6554)										
Хвальская											Хвальские могильники от 4927±107 до 4637±103											Крайняя нижняя дата (5969±152)										
Прикаспийская																						Крайняя верхняя дата Стойка Кара-Худук (3884±67)										
5285±223 (Лу2620) 5020±180 (Лу-2642)											Варфоломеевка, слой 2 Б - 4247±75 до 4027±64											Варфоломеевка 1: Кумыска, нижний и средний слой										
Орловская											Варфоломеевка, слой 3 2Б 5801±172											Варфоломеевка 1										

Бочкарёв В.С., Рысин М.Б.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ
ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ ЭНЕОЛИТА –
РАННЕГО ЖЕЛЕЗА)¹¹⁶

Благодаря крупномасштабным исследованиям курганных могильников на юге Восточной Европы, существенно обогатились наши знания о степных культурах времён энеолита – раннего железа. Получены также новые данные о самих этих могильниках, их планировке, территории распространения, временной структуре и т. д. Предварительный анализ этих данных показывает, что со сменой археологических эпох, периодов и культур зачастую происходит заметная передислокация погребальных памятников. Может также меняться их качественный и количественный состав и некоторые другие параметры. Чтобы проверить и уточнить эти предположения, нами проведён пространственно-временной анализ курганных погребений энеолита – раннего железа, раскопанных за последние 30 лет на территории Волгоградской области.

Выбор этого материала мотивирован несколькими причинами. Во-первых, он достаточно представлен. Нами учтено 90 курганных групп, содержащих 2698 погребений различных эпох. Как правило, этот материал изучен на достаточно высоком полевом уровне и хорошо документирован. Сведения о нём получены из публикаций и, главным образом, из научных отчётов, хранящихся в архивах ИА РАН, ИИМК РАН и Волгоградского областного музея.

Во-вторых, этот материал сравнительно равномерно распределён по всей территории Волгоградской области (около 114 тыс. кв. км.). Это обстоятельство особенно важно, так как в состав Волгоградской области входят районы с различными биоклиматическими параметрами: Доно-Донецкая равнина, Приволжская возвышенность, Ергенинская возвышенность, Прикаспийская низменность и т. д. Очевидно, что наличие столь разнооб-

¹¹⁶ В работе использованы данные из научных отчётов и публикаций Н.Я. Мерперта, В.П. Шиловой, В.И. Мамонтова, Е.П. Мыськова, А.С. Скрипкина, А.Н. Дьяченко, И.В. Сергацкова, А.В. Лукашова, А.М. Комарова и др. Авторы выражают благодарность заведующей археологическими фондами Волгоградского Краеведческого музея Н.В. Хабаровой за возможность ознакомления с коллекциями музея и с научными отчётами.

разных экологических ниш открывает дополнительные возможности для изучения связей археологических объектов с природным окружением. Это явилось той третьей причиной, по которой мы остановили свой выбор на территории Волгоградской области.

Собранный нами материал был обработан по определённой программе. Вначале он был разбит на 5 культурно-хронологических групп в соответствии с той классификацией, которая принята в современной археологической науке. Более подробно эти группы будут описаны ниже.

На втором этапе работы проверялась связь этих групп с тремя (А, В и С) биоклиматическими (ландшафтными) зонами Волгоградской области. Полученные результаты представлены в графической форме.

Далее, в пределах каждой из этих трёх зон установлена зависимость расположения могильников различных эпох от гидрографической сети.

В заключительной части работы были синтезированы полученные результаты и рассмотрена возможность корреляции пространственного распределения памятников с динамикой биоклиматических изменений за последние 5000 лет. При этом широко использовались данные палеоклиматологии и палеопочвоведения, собранные нами по различным изданиям.

Как уже говорилось, нами было обработано более 2698 погребений из 90 курганных могильников. Могильники располагаются на краях надпойменных террас или вдоль края коренного берега, а в открытой степи – у понижений, соров, отмечающих существовавшие в древности озёра. Могильники обычно состоят из 4–6, реже – из 10–20 курганов. Наиболее крупные могильники насчитывают несколько десятков насыпей. Курганы обычно имеют диаметр до 10 метров и высоту менее 1 метра. Немногие насыпи достигают размеров 30–40 метров и в высоту 2–3 метров. Наиболее крупные могильники расположены на левых берегах Дона, Волги и Ахтубы и левобережных притоках Дона. В кургане обычно совершено от одного до семи погребений. В самых крупных курганах обнаружено от 10 до 30 погребений.

Этот материал разбит нами на 5 культурно-хронологических групп, каждая из которых соответствует определённой археологической культуре. В дальнейшем имеется возможность более дробного членения материала по хронологическому признаку. В перспективе это касается материала сарматской культуры.

К первой группе отнесены погребения энеолитической эпохи, которые, по всей вероятности, принадлежат к так называемой хвалынской и репинской культурам. Они очень немногочисленны и составляют всего 14 погребальных комплексов, что составляет около 0,5% от общего количества учтённого материала (поэтому в графических таблицах данные по энеолитической группе погребений нами не учитываются). Погребения энеолитического времени являются древнейшими в нижневолжских курганных могильниках. Над ними были возведены первые курганные насыпи, в которые впоследствии «впущены» погребения всех последующих эпох. Такие курганы открыты на берегах Волги, Дона, Ахтубы и по берегу левобережного притока Дона – реки Аксай. Как правило, в этих курганах встречается одно, реже – два энеолитических погребения.

Несколько лучше представлена вторая группа погребений. В неё включено 183 комплекса, что составляет 6,5% от общего числа учтенных погребений. Все эти комплексы по археологической номенклатуре относятся к ямной культуре, которая датируется эпохой ранней бронзы. Курганы с ямными погребениями известны по обоим берегам Волги, Дона, Ахтубы и их притоков - Медведицы, Лиски, Аксая, Мышковы. Во многих случаях такие курганы составляют небольшие могильники (по 2-3 насыпи). Известны также одиночные «ямные» курганы. Число погребений ямной культуры в одном кургане редко превышает 2-3, но обычно ограничивается одним. Только в наиболее крупных насыпях число ямных могил достигает 4-6 (могильник у хутора Вертячий на правом берегу Дона - 6 погребений; Водянский могильник на реке Аксай - 4 погребения; Первомайский могильник на реке Мышкова - 4 погребения). К числу самых значительных «ямных» могильников относятся Бережновский могильник на берегу Волги (33 погребения) и Первомайский на реке Мышкова (22 погребения).

Ещё более значительна третья группа, куда вошли погребения катакомбной и полтавкинской культур, которые относятся к эпохе средней бронзы. Всего нами учтено 469 таких погребений, что составляет 17% от всего массива наших данных. Катакомбные и полтавкинские курганы открыты во всех районах Волгоградской области. Особенно часто они встречаются в Волго-Донском междуречье. В количественном отношении преобладают захоронения катакомбной культуры. Обычно в одном кургане их встречается от 2-3 до 5. В крупных курганах их число может доходить до 10 (например, могильник Вертячий на Дону, Химкомбинат на Волге). Как полтавкинские, так и катакомбные курганы зачастую группируются в могильники. К числу наиболее значительных могильников относятся Бережновский на Волге и Орешкин на реке Тишанке - до 47 погребений, Первомайский на реке Мышкова - 83 погребения и Артановский на реке Тишанка - 22 погребения. Катакомбные погребения могут быть как основными в кургане, так и впускными. Иногда фиксируются так называемые семейные кладбища. Они представляют собой курган, насыпанный над одним катакомбным погребением с несколькими впускными погребениями той же культуры.

В четвёртую группу включено 963 погребения эпохи поздней бронзы (32% от общего числа учтенных погребений). Они в основном представлены комплексами срубной культуры (на всех этапах её развития) и очень незначительным числом погребений так называемой культуры многоваликовой керамики (КМК). Материалы КМК встречены только в правобережных районах Нижнего Поволжья и Подонья и синхронны раннему (покровскому) этапу срубной культуры. В силу малочисленности, пока нет смысла выделять их в отдельную группу.

Срубные курганы зачастую образуют более или менее значительные могильники. Часть из них расположена в тех же местах, что и могильники эпохи средней бронзы. Вместе с тем, они появляются и в тех районах, которые ранее не были освоены. К числу таких районов относится, например, Прикаспийская низменность. В отличие от предшествующего периода, срубные могильники, по-видимому, являются родовыми кладбищами. В каждом «срубном» кургане содержится обычно 3-4 погребения, реже 6-8 и более могил, которые могут группироваться в ряды.

Наибольшее число могил зафиксировано в следующих пунктах: Красновский могильник - 19 погребений; Голубинский могильник на реке Дон - 14 погребений. Наиболее крупные могильники следующие: Политотдельский на Волге - 70 погребений; Бережновка на Волге - 123 погребения; Первомайский на реке Мышкова - 97 погребений; Шляховский на Дону - 46 погребений; Ветютнев на реке Арчеда - 39 погребений; Ильёвский на реке Карповка - 34 погребения; Подгорный на Медведице и Иловатка на Волге - по 28 погребений; Артановский на Тишанке и Калиновский на Волге - по 22 погребения.

В пятую группу входит наибольшее число погребений - 1215, что составляет 44% от всего учтенного нами материала. В громадном большинстве случаев эти погребения относятся к сарматской культуре, которая датируется эпохой раннего железа (VII в. до н. э. - IV в. н. э.). Сарматские памятники концентрируются на левых берегах Волги и Дона, на берегах Ахтубы и Прицимлянском плато. Часть памятников расположена на Приволжской возвышенности, в Прикаспийской низменности, в долине Медведицы и Арчеды.

В кургане обычно насчитывается от 2-х до 4-х сарматских погребений. Наиболее крупные курганы обнаружены в составе следующих могильников: Волжском на Ахтубе - 12 погребений; Политотдельском на Волге - 11 погребений; Колобовке 1 на Ахтубе - 9 погребений; Быкове на Волге - 9 погребений; Первомайском на Мышкове - 8 погребений. Наиболее крупные могильники: Бережновка на Волге - 315 погребений; Калиновка на Волге - 159 погребений; Первомайский на Мышкове - 137 погребений; Политотдельское на Волге - 74 погребения; Волжский на Ахтубе - 26 погребений. Впервые в сарматское время появляются могильники, состоящие из одиночных сарматских погребений, перекрытых курганной насыпью. Наиболее крупный могильник содержит 17 сарматских могил в 15 курганах - Жутовский на Аксае.

Охарактеризованные нами курганы различных эпох дают важные стратиграфические данные. Так, в насыпи энеолитического времени оказались впущены погребения всех последующих эпох, начиная с ямной культуры.

В ямные курганы впущены погребения всех последующих стадий. В четырёх случаях впущены срубные и могилы более поздних стадий (левый берег Волги, река Бердия, река Аксай). В двух ямных могильниках - впускные сарматские и кочевнические могилы (Ахтуба, правый берег Волги).

В катакомбные могильники также впущены погребения всех стадий. В одном случае впущены сарматские и кочевнические погребения (река Медведица).

В срубные могильники впущены сарматские и кочевнические погребения. В двух случаях в срубные могильники впущены средневековые кочевники (Ахтуба, Эльтон). Зафиксированы четыре отдельных срубных могильника без впускных погребений последующих стадий (река Осиновка, река Ольшанка, река Кардаил, река Медведица).

В сарматские могильники впущены погребения средневековых кочевников. Зафиксированы два отдельных сарматских могильника (река Солёная Куба, река Ерик).

Дальнейшее рассмотрение материалов всех 5 пространственно-временных групп было приурочено к ландшафтным зонам, которые выделе-

ны на территории Волгоградской области. Согласно данным современной науки, в пределах Волгоградской области выделены три ландшафтно-климатические зоны. К зоне А относятся северо-западные районы Волгоградской области до реки Медведицы. Для неё характерны умеренно-засушливые степи на чернозёмных почвах. Зона В занимает центральную часть области (между Медведицей и Волгой), захватывая бассейн Дона. Небольшой анклав этой зоны расположен в Заволжье, на крайнем северо-востоке Волгоградской области. В этой зоне распространены сухие степи на каштановых почвах. Зона С в основном приурочена к Заволжскому региону (западная граница – река Волга) и юго-восточной части Волгоградской области (см. карту № 1). Для неё характерны полупустыни на светло-каштановых почвах.

С точки зрения жизнеобеспечения наиболее благоприятной представляется зона А, где можно было заниматься разнообразной хозяйственной деятельностью. А зона С относится к числу экстремальных, где хозяйственная деятельность могла развиваться в очень специфических и специализированных формах. Зона В может рассматриваться как промежуточная между двумя указанными.

Для каждой из этих трёх зон были составлены гистограммы (рис.1), в которых отражены процентные соотношения 4-х культурно-хронологических групп (ямной, катакомбно-полтавкинской, срубной и сарматской). Уже беглый взгляд на эти гистограммы показывает существенные различия между зонами. Так, например, хорошо заметно возрастание числа сарматских погребений от зоны А к зоне С при одновременном падении количества срубных и катакомбно-полтавкинских погребений. Более детальный анализ позволяет нарисовать следующую картину. Во всех трёх зонах количество ямных погребений очень незначительно и, возможно, поэтому не даёт заметить существенной разницы между ними по зональному признаку. Всё же обращает на себя внимание, что в самой неблагоприятной зоне С они представлены в том же количестве (по 3%), что и в зоне А. Больше всего их в средней зоне В (9%). Возможно, эта зона была самой благоприятной для населения ямной культуры.

Погребения катакомбно-полтавкинской и срубной групп лучше всего представлены в зоне А (соответственно 43% и 42%). В совокупности они составляют 85% от всех погребальных комплексов, открытых в этой зоне. В зоне В наблюдается резкое падение материалов III группы (катакомбно-полтавкинской). Их количество уменьшается более чем в два раза. При этом количество срубных погребений остаётся почти неизменным (38%). Наконец, в третьей зоне (С) наблюдается дальнейшее падение количества как катакомбно-полтавкинских, так и срубных памятников (соответственно 13% и 32%). Но между собой они сохранили примерно то же соотношение, что и в предыдущей зоне.

Количество сарматских погребений неуклонно возрастает от зоны к зоне. В зоне А их – 12%, В – 34% и С – 52%. Иными словами, здесь наблюдается картина прямо противоположная тому, что мы видели в распространении памятников III и IV групп.

Резюмируя, можно сказать, что зона А оказалась наиболее благоприятной для распространения памятников катакомбно-полтавкинских и срубных (85% от всего массива материала), зона В – для памятников сруб-

ной и сарматской культур (в совокупности 72%), а зона С – для сарматских памятников (52%).

Кроме наблюдений за распределением погребальных памятников культурно-хронологических групп по трём зонам, представляет также интерес выявление зависимости этого размещения от гидрографической сети. Опыт такой работы уже имеется [Отрощенко, Болтрик, 1982].

На серии графиков и гистограмм можно проследить такую зависимость для всех трёх зон. В зоне А максимальное количество памятников всех четырёх культурно-хронологических групп приурочено к речным долинам (до 1000 метров; рис. 2). На расстоянии 2000 метров от воды происходит резкое падение показателей всех групп. Это своего рода мёртвая зона. Далее, на расстоянии от 2000 метров до 5000 метров незначительное, но неуклонное возрастание количества памятников наблюдается только у сарматов. Незначительно увеличивается число катакомбно-полтавкинских и срубных памятников. Ямных памятников растёт на расстоянии 4000 метров, а затем их количество снижается.

В зоне В (рис. 3), на отметке 1000 и 2000 метров, наблюдается сходная картина с зоной А. Правда, здесь нет такого резкого падения показателей и нет, следовательно, мертвой зоны. Следует также отметить, что наибольший уровень падения сарматских памятников приходится на отметку 3000 метров.

Чем больше удаление от речных долин, тем ощутимее уменьшение числа всех групп памятников. Примечательны только подъёмы кривых на отметках от 9000 метров до 10000 метров для сарматских и, особенно, срубных памятников.

В самой неблагоприятной зоне С (рис. 4) на отметке от 1000 до 2000 метров наблюдается картина, сходная с предыдущей зоной. Следует только отметить резкое падение количества катакомбных памятников на отметке 2000 метров и их возрастание на отметке 5000 метров, а новое падение на отметке 6000 метров. Кривые для остальных культурно-хронологических групп показывают сложные изгибы, но количество этих памятников падает к отметке 8000 метров. Примечателен только подъём количества памятников срубного времени к отметке 8000 метров и замедление падения числа сарматских памятников.

Приведённые здесь материалы, как нам кажется, свидетельствуют о зависимости расположения памятников всех групп во всех трёх зонах от гидрографической сети. Больше всего памятников сосредоточено в речных долинах. Чем дальше от речных долин, тем больше падает их количество. Лучшее всего в открытой маловодной степи представлены погребальные памятники срубной и сарматской культуры.

Следующим шагом в нашей работе явилась проверка гипотезы, согласно которой пространственное размещение погребальных памятников различных эпох зависит от динамики биоклиматических условий.

Установлено (в результате комплексных исследований с применением методов геоморфологии, палинологии, палеопедологии, лимнологии, гляциологии и др.), что изменения биоклиматических условий в голоцене зависели от ряда факторов и образовывали сложную зонально-региональную картину. Среди этих факторов, влиявших на динамику и характер палеоклимата, в первую очередь можно выделить следующие: положение региона

по широте с севера на юг; положение его в системе почвенно-климатических фаций или областей; дренированность территории.

Для выбранного региона характерен степной тип динамики изменения климатических условий [Иванов, Васильев, 1995], относящийся к восточноевропейской климатической области с преобладанием атлантических воздушных масс и их взаимодействием с сибирско-азиатским антициклоном [Иванов, 1992]. Нижнее Поволжье в основном относится к возвышенным дренированным равнинам, за исключением большей части Прикаспийской низменности, включающей два дренированных района – Приволжскую песчаную грядку и Эльтонскую возвышенную равнину. В анализируемую эпоху (последние 5000 лет) реконструирована следующая динамика климата. Вторая половина Атлантического периода Голоцена (6000–4500 лет назад) характеризуется климатическим оптимумом, выразившемся в значительном смягчении континентальности климата, понижении летней температуры, увеличении годового количества осадков на 100–150 мм по отношению к современному уровню. Увеличилась облесённость территории (в частности, площадь пойменных лесов и лесов на севере возвышенности Ергени и на Арчединских песках). На вторую половину атлантического периода приходится время существования населения энеолитических культур. К сожалению, у нас слишком мало количественных данных о погребениях этого времени, и, следовательно, мы не можем сделать достоверных выводов об их пространственном размещении.

Суббореальный период характеризуется резкими изменениями климата. После 2500 г. до н. э. происходила ярко выраженная аридизация и усиление континентальности климата. К этому времени относят период ямной культуры. Для этой культуры мы также имеем недостаточно данных. Всё же обращает на себя внимание наличие ямных памятников в самой неблагоприятной зоне С. Наиболее резкая аридизация отмечена для периода 2200–1700 гг. до н. э. На это время приходятся памятники катакомбно-полтавкинского типа. Количество атмосферных осадков было в это время на 50 мм меньше современного. Сократилась площадь долинных лесов, в два–четыре раза уменьшилась скорость прироста торфа на болотах, произошло смещение растительных зон в степи на величину подзоны к северу [Иванов, 1992]. Аридизация в Нижнем Поволжье совпадает с регрессивной стадией Каспийского моря [Варущенко и др., 1987].

Как видно на гистограммах (рис. 1), больше всего ямных и катакомбных памятников расположено в самой благоприятной зоне А, а менее всего – в полупустынной зоне С. В свете биоклиматических данных это размещение выглядит понятным и объяснимым.

Между 1500 и 800 гг. до н. э. отмечается довольно продолжительная фаза уменьшения континентальности и увеличения влажности климата. Летняя температура была на два градуса ниже современной, осадков выпадало на 100 мм больше, чем в настоящее время. В Нижнем Поволжье существовали благоприятные условия для жизни и ведения хозяйства в степной зоне. Расширилась площадь лесов [Кременецкий, 1997]. На это время приходится распространение памятников срубной культуры. Они, в общем-то, хорошо представлены во всех трёх зонах. Показательно, что их сравнительно много (32%) в самой засушливой и полупустынной в настоящее время зоне С. Веро-

ятно, во второй половине II тыс. до н. э. здесь были более благоприятные условия, что и объясняет достаточно высокий уровень заселения этой территории срубными племенами.

В субатлантическом периоде в целом климатические условия были близки к современным. В то же время фиксируется неравномерность динамики по регионам и чередование аридов и пльвиалов. Так, кратковременное улучшение экологических условий отмечено во II–IV вв. н. э. (сарматское время) и в IX–XIII вв. н. э. (период средневековых кочевников и Золотой орды). В XIV–XVIII вв. н. э. фиксируется похолодание, соответствующее Малому ледниковому периоду в северном полушарии.

Как уже отмечалось, наибольшее количество сарматских памятников приходится на зону В и особенно – С. Очевидно, что тяготение этих памятников к засушливой степи и к полупустыне связано с особенностью хозяйства (кочевое скотоводство) сарматского населения.

Итак, мы можем заключить, что размещение памятников той или иной культуры обнаруживает зависимость от палеоклиматических изменений. Общества с комплексным скотоводческим хозяйством (срубная культура) по мере улучшения климата освоили новые, до того пустующие, районы (зоны В и особенно С). Кочевники (сарматы), напротив, несмотря на все изменения, предпочитали сухие степи и полупустыни. Прделанный анализ позволяет сделать ряд ответственных выводов:

1) Наблюдается достаточно отчётливая зависимость размещения памятников различных эпох от биоклиматических изменений, ландшафтных зон и гидрологической сети. Эта зависимость проявляется в разной степени в различном количественном выражении.

2) Для всех эпох характерно тяготение погребальных памятников к речным долинам. В открытую маловодную степь отчётливо выходят лишь памятники срубной и сарматской культур. Вероятно, это связано с особенностью их хозяйственных систем и с биоклиматическими изменениями.

3) В наиболее благоприятной зоне А преобладают памятники катакомбно-полтавкинской и срубной групп. В экстремальной зоне С преобладают сарматские памятники.

4) Более дробная хронологическая градация памятников позволит более точно и дифференцированно представить картину пространственного размещения археологических памятников в пределах Нижнего Поволжья.

Литература:

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.

Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М., 1992.

Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клиге Р.К. Изменения уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене голоцена // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.

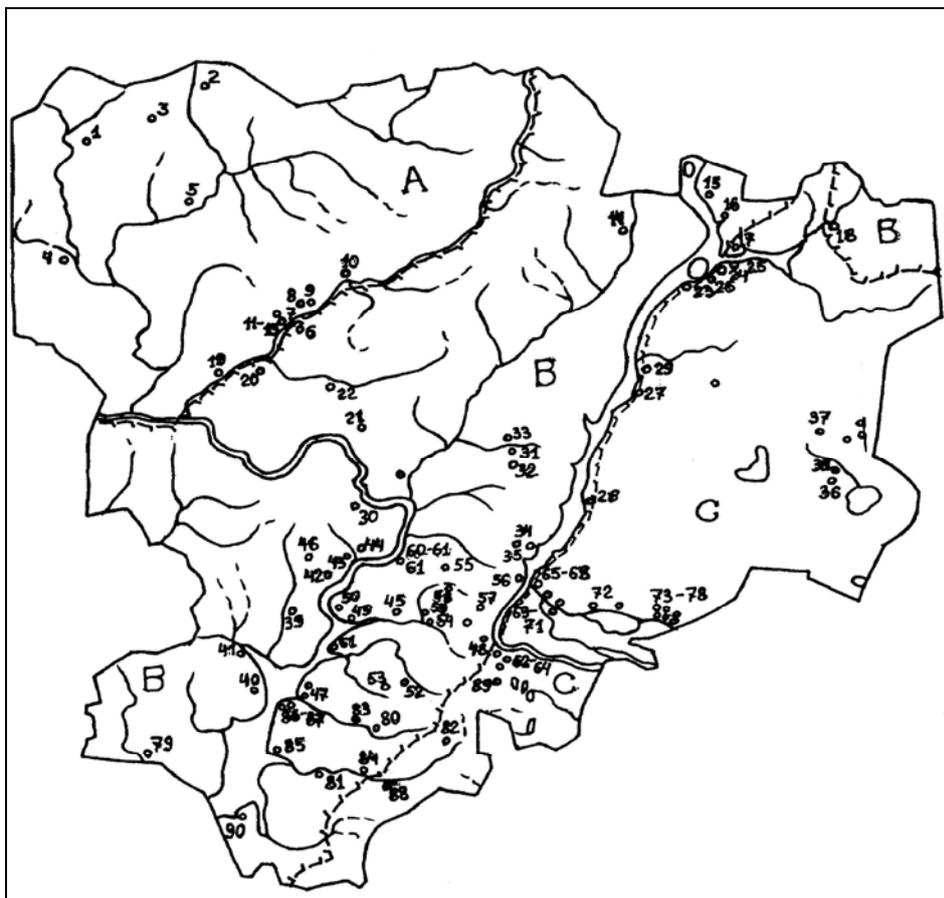
Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М., 1987.

Хотинский Н.А. Климат и человек в голоцене аридной и гумидной зон Северной Евразии // Аральский кризис. М., 1991.

Кременецкий К.В. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины. М., 1991.

Отрощенко В.В., Болтрик Ю.В. Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников Днепро-Молочанской степной области // СА, 1982.

Кременецкий К.В. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ: Труды Государственного исторического музея. М., 1997. Вып. 97.

Карта 1. Курганные могильники на территории Волгоградской области: 1 - Учхоз, 2 - Верхний Кардаил, 3 - Новониколаевский, 4 - Артановский, 5 - Березовский, 6 - Глинище, 7 - Глушица, 8 - Сидоры, 9 - Орешкин, 10 - Сенной, 11 - Карьер, 12 - Труд-1, 13 - Подгорный, 14 - Барановка, 15 - Белокаменка, 16 - Идоватка, 17 - Потемкин, 18 - Кановский, 19 - Глазуновский, 20 - Трясиновский, 21 - Шляховский, 22 - Ветютнев, 23 - Политотдельское, 24 - Бережновка, 25 - Молчанов, 26 - Ямки, 27 - Калиновка, 28 - Новоникольский, 29 - Быково, 30 - Хмелевой, 31 - Петропавловский, 32 - Малая Ивановка, 33 - Усть-Погожий, 34 - Челюскин, 35 - Пичуга 1, 36 - Эльтон, 37 - Громки, 38 - Красная деревня, 39 - Остров, 40 - Нижний Чир, 41 - Чир 1, 11, 42 - Голубинский, 43 - Голубинский II, 44 - Малый Набатов, 45 - Мариновка, 46 - Осиновка, 47 - Первомайский, 48 - Ежовка, 49 - Ильевский, 50 - Калачевский, 51 - Шельган, 52 - Степанов, 53 - Крепь 1,11, 54 - Орошаемый, 55 - Бородин, 56 - Виновка, 57 - Царицынский, 58 - Россоска, 59 - Новый Рогачик, 60 - Вертячий, 61 - Вертячий II, 62 - Бекетовка, 63 - Сарепта, 64 - Химкомбинат, 65 - Волжский, 66 - Волжский II, 67 - Волжский III, 68 - Средне-Погромный, 69 - Осадная Балка, 70 - Заплавное, 71 - Киляковка, 72 - Ленинск 1, 73 - Царёвский, 74 - Солодовка, 75 - Царёвский II, 76 - Колобовка, 77 - Журов курган, 78 - Зубовка, 79 - Лозной 1, 80 - Ивановка, 81 - Водянский, 82 - Абганерово, 83 - Громославка, 84 - Антонов, 85 - Ромашкин, 86 - Верхний Рубежный, 87 - Шебалине, 88 - Жутовский, 89 - Дубовой, 90 - Нагавский.

А;В;С - ландшафтные зоны

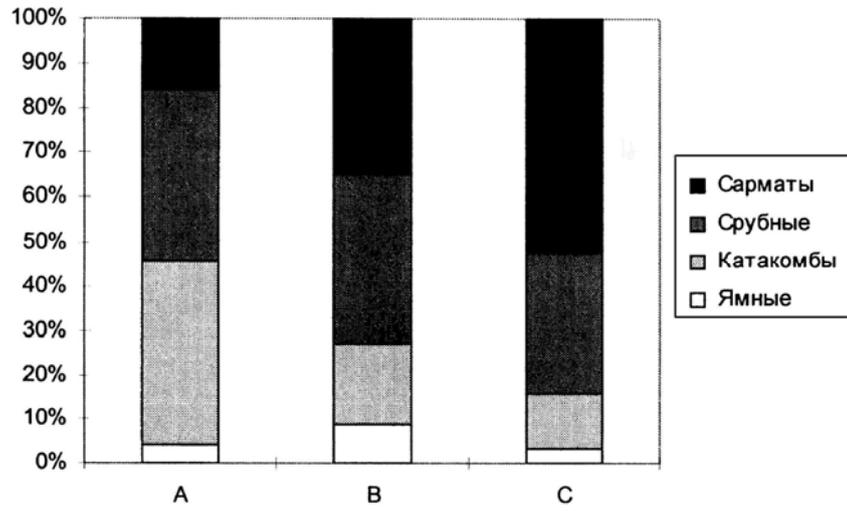

Рис. 1 Соотношение количества погребений по биоклиматическим зонам

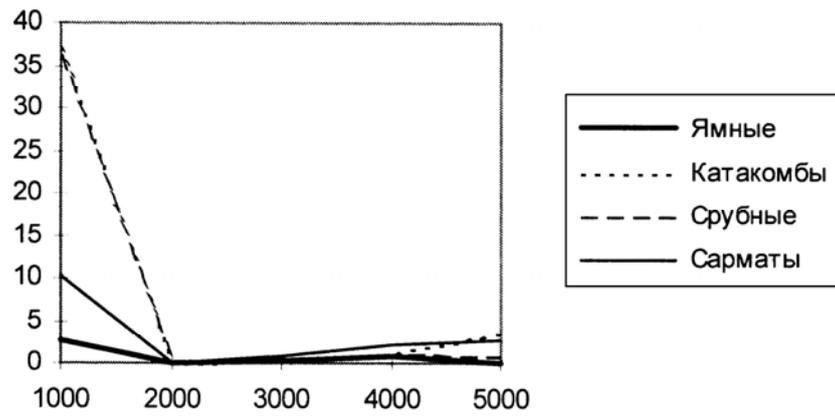

Рис. 2. Зона А.

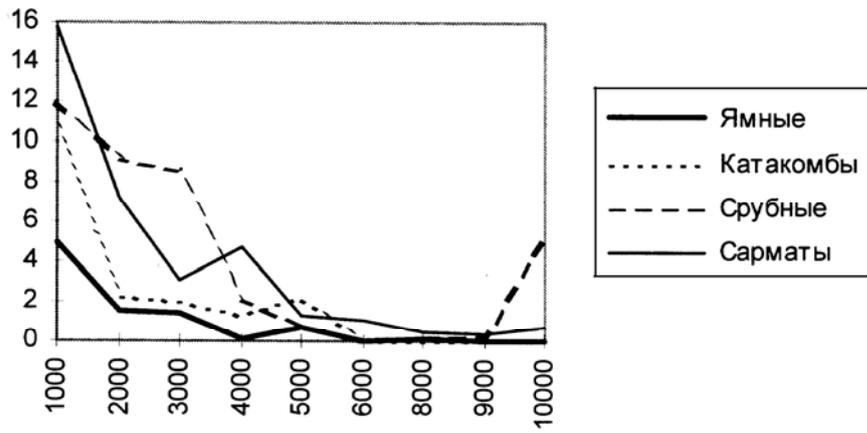

Рис. 3. Зона В.

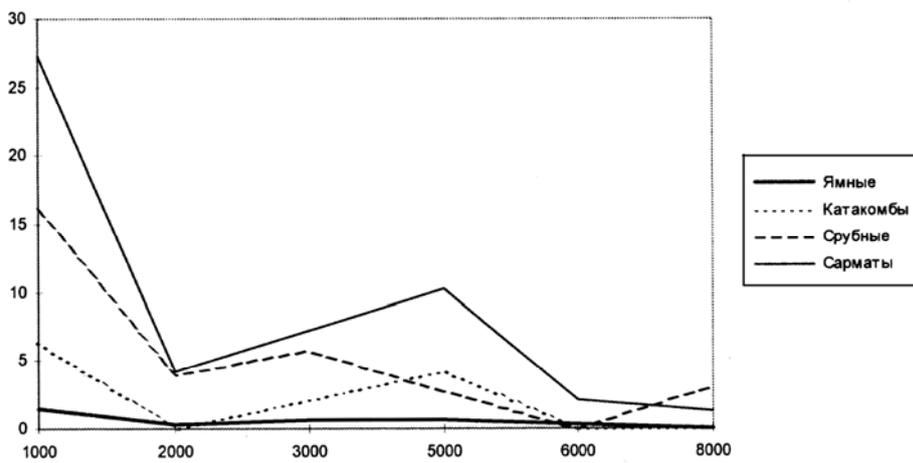

Рис. 4. Зона С.

Григорьев С.А.

ПРОИЗВОДСТВО ЖЕЛЕЗА В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ
И ИССЛЕДОВАНИЯ ШЛАКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ
В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Происхождение металлургии железа является одной из наиболее важных проблем историко-металлургических исследований. Самые ранние железные изделия датируются около 5000 г. до н. э. и происходят из Саммары в Северной Месопотамии и Сиалка в Иране. Далее, в течение IV–II тыс. до н. э. количество железных изделий постепенно увеличивается, хотя они продолжают оставаться большой редкостью, особенно по сравнению с бронзовыми изделиями. В Анатолии железо появляется в III тыс. до н. э. Из Аладжа-Хейюк (РБВ) происходит шесть железных изделий [Yalcin, 1999. P. 177, 184]. В позднюю бронзу количество железных предметов, обнаруженных на Ближнем Востоке, достигает 74 [Waldbaum, 1980. P. 69–77]. Расширяется и география этих находок. Они известны не только в Анатолии, но и в других регионах, например, в Колхиде [Yalcin, 1999. P. 177]. Но в течение всего этого времени железо оставалось редкостью и обладало значительной ценностью. Стоимость его в 35–40 раз превосходила стоимость серебра. Из этого металла изготавливали украшения и культовые предметы. Находки железа, как правило, связаны с престижным контекстом. Из хеттских источников мы знаем о царском троне и скипетре из железа, подаренном Анните человеком из Пурусханды. Кинжал с железным лезвием обнаружен в гробнице Тутанхамона. Наконец, известна переписка хеттского царя Хаттусили III с Салманасаром V, в которой он сообщает о посылке в подарок железного клинка. Торговля железом была широко распространена в Анатолии в период ассирийских торговых колоний, и железо уже тогда выступало как ценный металл. Его меняли на золото и серебро, но не на медь. 8 сиклей золота было недостаточно для обмена на 1 сикль железа. Другие тексты утверждают, что железо в 40 раз дороже серебра и торговля им строго контролировалась. Последнее относится уже к хеттскому времени, когда железо выступает символом монархии, и упоминания о нем в текстах чаще идут в контексте с упоминаниями царя¹

¹ Существует попытка оспорить это распространенное мнение об относительной редкости железных изделий и их дороговизне. Так, Г. Гиоргадзе опровергает мнение об ограниченном использовании и изготовлении железа, считая, что его использовали и для бытовых нужд. Но его

[Иванов, 1983. С. 91–96; Muhly, 1980. P. 37, 50; Waldbaum, 1980. P. 76,76; Yalcin, 1999, P. 182; Muhly et al., 1985. P. 73; Гиоргадзе, 1988. С. 239]. Лишь с XVIII в. до н. э. железо начинает широко использоваться для изготовления оружия. Один из текстов упоминает 400 единиц оружия из железа [Yalcin, 1999. P. 182]. Вероятно, с этого времени намечается и определенная специализация в этой области, поскольку в описаниях хеттских фестивалей упомянуты работники по железу, хотя не ясно, занимались они плавкой или ковкой. Однако есть еще один признак, указывающий на рост объемов производства железа. В текстах этого периода золото и серебро измеряются в сиклях, а железо и медь, в минах² [Yalcin, 1999. P. 183]. Развитию специализации в железоделательном производстве способствовало еще одно обстоятельство. Железо в древности не отливали, а ковали, так как литье появилось гораздо позже. Эта операция, требовала большого мастерства, а среди артефактов встречаются довольно сложные вещи. Ясно, что этим занимались специализированные кузнецы по железу. В Анатолии это происходит в XVI в. до н. э., когда в текстах начинают упоминаться кузнецы по железу, а в Месопотамии – с XII–XI вв. до н.э. [Muhly et al., 1985. P. 80; Гиоргадзе, 1988. С. 242].

При этом необходимо отметить, что вплоть до XII в. до н. э. следы плавки железных руд отсутствуют. На это же время приходится начало массового распространения железных изделий, причем теперь речь идет уже не об украшениях и небольших предметах, а о довольно массивном оружии. Таким образом, в этот период происходят качественные изменения в технологии добычи железа, что позволяет отсчитывать начало раннего железного века на ряде территорий именно с этой даты. Интересно наблюдение Мули, указавшего, что широкое распространение железа на Ближнем Востоке совпадает с миграцией дорийцев и «народов моря» [Muhly, 1980. P. 51]. Например, на могильнике Карагюндоз (XI–X вв. до н. э.) обнаружены уже сотни изделий, включая украшения, но чаще оружие и инструмент. А с VIII в. до н. э. железо становится основным металлом [Yalcin, 1999. P. 182, 185]. При этом, несмотря на ранние данные об изготовлении железных изделий в Анатолии, вклад хеттов в широкое распространение соответствующих технологий в конце II тыс. до н. э. сомнителен [Muhly et al., 1985. P. 82].

Эта ситуация позволяет поставить вопрос: в чем причины подобных изменений и что вызывало столь незначительные масштабы производства железа в предшествующие эпохи. В некоторых работах предполагается, что железо на Древнем Ближнем Востоке получали из железной руды, но регулировать процесс по настоящему еще не умели. Это и обусловило дороговизну этого металла, и его относительную редкость. Однако целенаправленное получение железа является довольно сомнительным. Железные руды распространены гораздо шире, чем руды медные, а химизм процесса получе-

точка зрения основана преимущественно на данных Богазкёйского архива, наиболее богатого упоминаниями о железе. И речь идет уже о второй половине II тыс. до н. э. [Гиоргадзе, 1988. С. 239, 248]. Подсчеты упоминаний различных металлов в письменных источниках хеттского времени и учет веса перечисляемых в инвентарных списках изделий однозначно указывают на то, что доля железа среди прочих металлов была мизерной, сопоставимой лишь с золотом, но несравнимо меньшей, чем доля серебра. Сравнивать с медными и бронзовыми изделиями эту долю и вовсе бессмысленно [Muller-Karpe, 2000. P. 114, 115].

² 1 мина соответствует 505 г, 1 сикль – 8,4 г [Гиоргадзе, 1988. С. 247].

ния железа из его оксидов проще, чем восстановление меди из окисленных медных руд. Поэтому, если бы технология выплавки железа существовала бы, например, в III тыс. до н. э., она бы довольно быстро получила распространение, чего не наблюдается вплоть до XII в. до н. э. Недопустим и вариант изготовления изделий из самородного железа, которое встречается в природе скорее как исключение. При этом самородное железо может содержать никель. Последнее вызывает интерес в свете еще одной гипотезы о природе древнего железа.

Она сводится к тому, что это железо имело метеоритное происхождение. Это мнение подкрепляется хеттскими и египетскими текстами, где железо обозначается «металлом неба», а также анализами древних изделий, которые выявили во многих из них повышенное содержание никеля, что и является признаком метеоритного происхождения сырья [Waldbaum, 1980]. Однако далеко не все древние изделия содержат повышенные концентрации никеля. В частности, в одном кинжале из Аладжа-Хёйюк примеси никеля отсутствуют, что указывает на его земное происхождение. Кроме того, метеоритное железо содержит обычно от 6 до 20% никеля, а его содержание во всех изделиях этого памятника – менее 2–3%. Следовательно, все объекты этого анатолийского памятника эпохи ранней бронзы сделаны из земного железа. Предполагается, что оно получено из самородного железа или из руды. Более определенно высказаться по этому поводу нельзя, так как отсутствуют соответствующие аналитические данные. Нет уверенности даже относительно характера многих железных изделий. В частности, предполагается, что знаменитая железная булава из Трои II сделана из куска железного оксида [Yalcin, 1999. P. 180]. Вообще, различить земное и метеоритное железо трудно. Эта проблема актуальна для большинства ближневосточных изделий, которые, будучи редкими находками, являются большой музейной ценностью и недоступны для аналитиков. Однако редкие анализы, например, изделий из того же Аладжа-Хёйюк (II тыс. до н. э.) показали присутствие шлаковых включений, из чего следует, что они могли быть получены из руды. Но уверенности и в этом случае нет, так как эти включения могли образоваться при ковке. Аналогичные включения были обнаружены и в изделиях из Богазкёя (где есть две находки шлака), а также некоторых других памятников, что позволило предположить существование с XIV в. до н. э. плавки железной руды. Вероятно, это позволило резко увеличить производство железа. Источники упоминают, например, железный таз (или сосуд) весом 90 мин (45 кг) [Yalcin, 1999. P. 181, 182, 184]. Первые надежные данные о получении железа из железной руды относятся ко второй половине II тыс. до н. э., но находок печей и шлака этого времени нет. Самый ранний шлак происходит из архаического поселения Милета [Yalcin, 1999. P. 185; Muhly et al., 1985. P. 80].

Следует отметить, что связь повышенных концентраций никеля с метеоритами не безусловна. Микенские железные предметы содержали от 1–5 до 10–77% никеля. При этом, соответствующее месторождение есть на Эвбее. Поэтому железо не может быть названо метеоритным только по наличию этой примеси [Muhly et al., 1985. P. 74].

Есть еще одно любопытное наблюдение. Как правило, в анатолийском железе содержится мало никеля. В железе Месопотамии и Египта его больше. Например, одно изделие из Эль Герзех, датированное 3500 г. до н. э., содержало

7,5% никеля. Вполне вероятно, что оно имеет метеоритное происхождение [Yalcin, 1999. P. 184]. Традиционная же связь производства железа с Анатолией и более низкие концентрации никеля в анатолийском железе, по-видимому, не случайны. Дело в том, что рудное железо может иногда содержать никель. Пиасковский (1988)³ полагает, что источником рудного железа могли быть речные пески севера Анатолии, где зафиксировано высокое содержание никеля, и железо халибов Аристотеля происходило оттуда [Yalcin, 1999. P. 184]. Халибы и их железо описаны в эллинистическом источнике *De mirabilibus auscultationibus*, (по-видимому, этот источник Аристотелю приписывается ошибочно). Их железо выглядело как серебро и не окислялось. Мнение Пиасковского о том, что это железо должно было содержать значительные примеси никеля, базируется не на аналитических данных, а на параллелях с железными изделиями в Европе, датируемых I тыс. до н. э. [Muhly et al., 1985. P. 74].

Связь производства железа с Анатолией подчеркивается также тем, что в хеттской Анатолии железо часто использовалось для бытовых предметов, в то время как на остальном Ближнем Востоке – для декоративных и престижных. Если судить по текстам из Мари, железо производили в Анатолии [Muhly et al., 1985. P. 73, 75]. Источники Староассирийского периода называют Каппадокию районом, откуда железо поступало в Вавилонию [Reiter, 1999. P. 168].

Кроме того, имеются четкие описания, указывающие на искусственное производство железа и на большую сложность этого процесса. В частности, в том же письме Хаттусили III к Салманасару говорится: «Относительно хорошего железа, о котором ты упоминаешь в своем послании, на складе в Кищуватне нет хорошего железа. Я писал тебе, что сейчас неподходящее время для производства хорошего железа. Они будут делать железо, но пока еще не закончили. Когда они закончат, я пришлю его тебе. Пока я посылаю тебе железные острие (кинжал?)». Из этого отрывка также следует, что железо изготавливали не в столице и его производство находилось под контролем царя. Не исключено, что он требовал, чтобы все произведенное железо отдавали в его распоряжение [Yalcin, 1999. P. 183].

По этой причине большинство исследователей допускают долю метеоритного железа среди древних изделий Ближнего Востока, но полагают, что существовала какая-то не вполне понятная сейчас технология извлечения железа из железных руд [Waldbaum, 1980. P. 80, 88]. Чарльз считает, что древнее железо получали при плавке медной руды с использованием железосодержащих флюсов. По мере роста достигаемых температур и изменения баланса CO/CO₂ росло и производство железа [Charles, 1980. P. 166; Charles, 1992. P. 24, 25].

Из выше приводимой переписки Хаттусили и Салманасара видно, что существовало некое «хорошее железо», и речь здесь идет, вероятно, не только о качестве. Возможно, хотя это надежно и не подтверждено, что хетты под хорошим железом понимали сталь. Из текстов можно понять, что они знали науглероженное железо. Вместе с кунеиформным термином AN.BAR существовал термин AN.BAR.SIG. Другое обозначение для стали (*habalkinu*) известно из Амарнских табличек. В письме миттанийского царя Тушратты к фараону Аменофису III (1413–1375) различаются кинжалы из железа и стали. Видимо,

³ Мнение этого автора приводится по другой публикации [Yalcin, 1999].

только с хеттского времени появляются первые данные по метеоритному железу, отсутствующие на самом деле в более ранних археологических источниках. Вероятно, термин AN.BAR обозначал земное железо, а AN.BAR.GE₆ – метеоритное. Однако термин «железо неба» не всегда обозначал железо метеоритное, поскольку само небо может описываться в текстах как железо, например, «железное небо». Речь идет, таким образом, о цвете. Существовало, видимо, различие железа металлургического и железа метеоритного, хорошего железа и белого, и совершенно неясно, что понималось под последним термином [Yalcin, 1999 P. 183, 184]. Вместе с тем, есть обозначения для железа, взятого из печи – AN.BAR ЪА GUNNI. В одном тексте может различаться AN.BAR ЪА GUNNI и AN.BAR.SIG₅, или «хорошее, чистое железо» [Гиоргадзе, 1988. С. 244]. Другой текст упоминает 22 кусочка железа, взятых прямо из печи. Г. Гиоргадзе солидарен с большинством исследователей, рассматривая AN.BAR в качестве термина для обозначения земного железа, а AN.BAR.GE₆ – для метеоритного. Последний термин означает, скорее, «черное железо», но он часто сочетается с термином AN.BAR перильаль («небесное железо»), поэтому его рассмотрение как метеоритного, видимо, правомерно⁴. Но если уточнение отсутствует, а употребляется термин AN.BAR («железо»), то речь идет о земном железе [Гиоргадзе, 1988. С. 243, 244]. Различение «хорошего железа» (или стали?) и «железа из печи» как будто указывает на то, что его не получали при непосредственной плавке руды, хотя в данном случае могло иметься в виду лишь качество. «Черное железо» уступало по качеству «чистому железу», но было лучше «железа» [Гиоргадзе, 1988. С. 245].

Существует еще один парадокс. Если исходить из текстов, где AN.BAR – земное железо, а AN.BAR.GE₆ – метеоритное, то выплавленное было известно раньше, но это лишь теоретическая возможность. Это различие есть уже в эпосе о Лугальбанде. Эпос отражает события периода РД2, но до нас он дошел в текстах Старовавилонского периода, поэтому в данном случае это может быть лишь отражением более поздней ситуации [Muhly et al., 1985. P. 75]. Вместе с тем, мы вправе допускать, что само употребление метеоритного железа стало возможным потому, что металлурги были уже знакомы с железом металлургическим. В пользу такого предположения может говорить еще один факт. В контексте III тыс. до н. э. лишь две вещи из Урука и Ура в Месопотамии периода РД2 содержат никель. Поэтому предполагается, что это железо может быть метеоритным. Другие вещи этого времени никеля не содержат, и происходят, видимо, из земного выплавленного железа. В противовес этому, русский шумеролог А.А. Вайман полагал, что термин AN обозначал метеоритное железо, а AN.BAR явилось уже более поздней модификацией, указывающей на начало плавок [Muhly et al., 1985. P. 75]. Но даже это говорит о раннем знакомстве с металлургическим железом на Ближнем Востоке.

Сталь появляется со II тыс. до н. э., но технология ее получения также не ясна. Тем не менее, с 1200 г. до н. э. сталь широко распространяется во многих регионах [Muhly et al., 1985. P. 81]. По мнению древних греков, изобретателями стали были халибы, жившие на юго-востоке Черного моря и имевшие различные отношения с хеттами, митаннийцами и урартами. Сталь, в прин-

⁴ То же сопоставление можно сделать и на более поздних абхазских источниках, что подкрепляет данную версию [см.: Ардзинба, 1988. С. 270, 271].

ципе, можно получать двумя способами: плавить из руды, а также науглероживать железо и быстро остужать его. В I тыс. до н. э. использовались оба этих способа [Yalcin, 1999. P. 185]. Позднее, с конца этого тысячелетия и в Средние века, в Иране, Индии и Средней Азии для изготовления стали использовали два способа – дамасский (сплав в тигле высокоуглеродистого и низкоуглеродистого железа с получением стали с характерным дамасским узором) и индийский (нагревание железа с органическим материалом и медленным остыванием) [Feuerbach et al., 1998]. Однако весьма сомнительно, чтобы какой-то из этих способов использовался в Анатолии в древнюю эпоху.

Существуют, хотя и весьма ограниченные, аналитические данные, подтверждающие наличие раннего металлургического железа в Восточном Средиземноморье [Muhly et al., 1985. P. 76, 78, 79].

Один изученный образец происходит из Богазкёя в Анатолии. Предполагается, что это шпейза (арсенид металла), так как в образце присутствует слой сульфида железа и железного арсенида с включениями силикатного шлака. Мули и соавторы реконструировали процесс следующим образом. Плавильщик использовал для плавки арсенопирит или иной минерал, содержащий железо, серу и мышьяк. В результате плавки на дне формируется железо, выше его – сульфид железа с мышьяком. Еще выше должна лежать изученная фаза, а над ней шлак. Изученный материал не мог быть ковким. В северо-западной Турции есть месторождение железа с повышенным содержанием мышьяка. Однако оно отдалено от Богазкёя, и нет уверенности, что это месторождение может рассматриваться в качестве источника сырья для данной плавки. Вторая находка из Богазкёя – ручка топора с включениями перлита. Перлит формируется при медленном остывании и содержит также фазу с углеродом. Лезвие топора более науглерожено. Но возможно, это обусловлено большей длительностью кузнечных операций, что и приводило к данному эффекту, и не нужно искать в этом признаки целенаправленного процесса получения стали. Из Аладжы изучено три вещи. Первая представлена острием. В металле зафиксирована структура феррита со следами перлита. Есть мелкие включения шлака. Все эти признаки типичны для доменного шлака. В Тиринфе из слоя периода Позднеэлладский III происходит железисто-мышьяковый предмет. Но размер его невелик, и Килиан полагает, что это тоже шпейза, а не полученный металл для изготовления изделий. Из этих данных Мули с соавторами сделали следующие выводы. Древние металлурги плавил железо, возможно, из арсенопирита. Образец шпейзы показывает, что хетты не могли нормально контролировать процесс плавки. Они не имели достаточных навыков и не знали оптимальных технологий.

Подытоживая сказанное, отметим, что на Ближнем Востоке, судя по письменным источникам и аналитическим данным, было известно метеоритное железо. Вместе с тем, использовалось и металлургическое железо, получаемое в печах. Последнее различалось по качеству, и, возможно, уже была известна сталь. Отдельные термины, например, «белое железо», не ясны. Но следует иметь в виду, что в разных текстах для обозначения одного вида продукции могли использоваться разные термины. Поэтому принципиально можно говорить о знакомстве с железом метеоритным, металлургическим и со сталью. Вывод о стремлении получить железо из арсенопирита представ-

ляется сомнительным, но речь может идти об использовании в процессе плавки сульфидных минералов, содержавших железо и мышьяк.

Существует еще один парадокс в данных письменных источниках. Некоторые источники рубежа III/II тыс. до н. э. позволяют предполагать, что железо было шлаком при плавке меди [Иванов, 1983. С. 108].

Однако не столько это, сколько сама логика развития металлургии заставляет искать истоки изготовления первых железных изделий в медной металлургии. Это предположение базируется на том, что в медных рудах часто содержится железо. Поэтому, по мнению некоторых исследователей, первые железные изделия были получены случайно из медной руды [Yalcin, 1999. P. 185].

Понять сущность этой технологии помогают образцы шлака эпохи поздней бронзы Волго-Уральского региона, исследованные автором статьи в этом году на базе кафедры археометаллургии технического университета Фрайберга (Германия). Данное исследование еще далеко от своего завершения, но уже совершенно очевидно, что с началом ПБВ технология плавки медных руд резко изменяется. В рамках СБВ II металлургия базировалась главным образом на плавке окисленных руд, в меньшей степени – вторичных сульфидов, происходящих из кор выветривания ультраосновных пород [Григорьев, 1994]. Объемы выплавки были весьма незначительны, атмосфера плавки – восстановительная. С началом ПБВ плавкам характерны уже совершенно иные признаки. Судя по всему, возрастают объемы загрузки шихты, растут температуры, что было стимулировано более интенсивным дутьем. В ряде случаев, например, производство на Атасу, это приводило к значительным потерям металла в виде куприта. Рациональное объяснение подобным потерям дать довольно затруднительно.

Вместе с тем, во многих случаях купритизация происходит в весьма незначительной степени, и технологический процесс можно обозначить как вполне совершенный. Объяснение этому парадоксу удалось получить благодаря исследованию микроструктур шлаков этого времени.

Применяемая технология была ориентирована на плавку сульфидной руды. Этим и объясняется, по-видимому, значительная купритизация шлака в регионах, где в плавку поступали преимущественно окисленные руды. Необходимо отметить, что в шлаках остатки сульфидов сохраняются далеко не всегда, будучи перерабатываемы в результате металлургического процесса. Однако в значительной части образцов были выявлены изотропные сульфиды меди техногенного происхождения. В некоторых образцах выявлены мелкие частицы переработанного халькопирита. Особый интерес для обсуждаемой темы представляют решетчатые структуры вюститита, зачастую оплавленные и образовавшиеся в результате выплавления медного сульфида. Они довольно четко указывают на характер металлургических реакций, происходящих в ходе плавки халькопирита. На первом этапе происходит распад его на сульфиды меди и железа. Первые, имея низкую точку плавления, расплавляются и покидают рудное тело. Вторые, по мере выгорания серы и обогащения кислородом, переходят в вюстит (FeO). При этом точка плавления новообразованного минерала резко понижается, что приводит к появлению оплавленных структур, которые могут распадаться в оплавленные дендриты. В случае сохранения восстановительной атмосферы, вюстит может перейти в

железо, хотя и далеко не весь, поскольку значительная часть его, взаимодействуя с силикатным компонентом, формирует фаялитовый расплав. Таким образом, количество железа, получаемого в ходе подобной плавки, будет зависеть не только от атмосферы, но и от соотношения кислотных и основных окислов в шихте.

В результате создавались условия, при которых можно было получить определенное количество восстановленного железа. Иногда это приводило к образованию сплавов меди и железа, содержавших различные пропорции этих двух компонентов. В микроструктуре шлака это отражено включениями мелких корольков металла, имеющих оптические характеристики, промежуточные между характеристиками меди и железа. На использование меди, выплавленной из халькопирита и содержащей значительные примеси железа, указывал Е.Н. Черных, анализировавший металл Сосновомазинского клада [Черных, 1970. С. 19].

Исследование металлургических печей в Миттерберге (Австрия) позволило сделать вывод о том, что, начиная с эпохи средней бронзы (что соответствует ПБВ на востоке), металлурги осуществляли плавку халькопирита. При этом на поверхности черновой меди образовывалась прослойка, обогащенная железом [Prejalinger, Eibner, 1987. P. 237–239].

Вместе тем, в некоторых шлаках зафиксированы включения металлического железа, представленного тоже оплавленными корольками. Последнее вовсе не указывает на то, что в ходе плавки была достигнута температура плавления железа. Скорее всего, железо восстановилось из королька вюстита, имеющего невысокую температуру плавления. Наиболее замечателен образец № 66, происходящий с Верхней Алабуги. Он представлен кусочком восстановленного железа, имеющего дендритную анизотропную⁵ структуру. Формирование этой структуры связано, по-видимому, с плавкой халькопирита. Химический анализ на несколько элементов выявил преобладание в образце чистого железа с примесью меди, силикатов и некоторых иных компонентов (Табл. 1). Последующее использование этого железа требовало его дальнейшей переработки.

Табл. 1

SiO ₂	FeO	CaO	Cu	Fe	Fe ₃ O ₄
2,34	-	0,44	1,99	81,42	н.о.

Первичные исследования этого образца Р. Швабом в Институте археометаллургии Горной Академии Фрайберга показали, что железо науглерожено, и думается, таким образом, можно говорить о стали. Это исследование пока не закончено, но я думаю, что в случае плавки в тигле создавались условия для науглероживания железа, и речь не идет о процессе намеренного производства стали.

В небольших количествах включения восстановленного железа были выявлены во многих образцах эпохи поздней бронзы: на нескольких стоянках Аякагитминской и Буш-Булакской котловин в Средней Азии, на поселениях

⁵ Железо, как и иные металлы, изотропно, но при полировке иногда появляется эффект анизотропии.

Усть-Кенетай и Кара-Тюбе в Восточном Казахстане, Коршуново, Верхняя Алабуга и Вишневка в Западной Сибири, Новокизганово, Юкалекулевское, Быйгильдино, Новобарятино, Аитово и Верхнебиккузино в Башкирии, Шигонское и Попово Озеро в Поволжье и Мосоловское в Подонье (Fig. 4).

Таким образом, в эпоху поздней бронзы в Волго-Уральском регионе существовали условия для попутного получения железа в ходе плавки сульфидной медной руды, что должно стимулировать поиски свидетельств использования подобного железа. Отдельные факты такого использования есть. Еще Б.Н. Граков отмечал обнаружение железных изделий в слое эпохи поздней бронзы [Граков, 1958. С. 8, 9]. Особенно важен тот факт, что железные изделия известны также на поселениях, на которых обнаружены шлаки, содержащие включения железа, например, Мосоловское поселение (Fig. 5) [Пряхин, 1996. С. 55]. Представляется весьма вероятным, что были и иные подобные находки, но смущал исследователей либо сам факт их обнаружения вне привычного контекста, либо их не слишком четкая стратиграфическая позиция. Для белозерской культуры Северного Причерноморья известно уже достаточное количество железных предметов, преимущественно ножей и кинжалов. Предполагается, впрочем, что они импортированы из Балкано-Дунайского региона [Никитенко, 1998]. Думается, что в случае с этой культурой нужно говорить о принципиально иных технологических схемах получения железа, основанных на плавке собственно железной руды.

Все сказанное о волго-уральской ситуации в значительной степени относится и к ближневосточной. Вероятно, часть железа на Ближнем Востоке получали действительно из метеоритов. На это указывает этимология терминов для обозначения железа («железо неба» у египтян и «черное железо неба» хеттов⁶) [Waldbaum, 1980. P. 79]. Вместе с тем, принятие в качестве маркера для метеоритного железа наличия примеси никеля (что свойственно очень многим ближневосточным изделиям) следует признать необоснованным. Никелесодержащее железо могло быть произведено и при плавке медной руды. Теоретически это, на первый взгляд, невозможно, поскольку в системе Ni-Cu-Fe никель будет полностью переходить в медь. Однако в более сложных системах, с участием мышьяка, никель будет распределяться между железом и медью. Кроме того, следует учитывать, что в металлургическом производстве отдельные химические процессы могут быть разделены в пространстве и во времени. Поэтому в чистом виде системы Ni-Cu-Fe могло не существовать. Этому есть и экспериментальные подтверждения. В некоторых случаях никель распределялся равномерно между железом и медью [Tylecote, 1981. P. 48].

Легирование меди мышьяком имело место в Анатолии и в Закавказье, начиная с IV тыс. до н. э. В своей работе по синташтинской металлургии автор статьи показал, что легирование мышьяком осуществлялось на стадии плавки руды [Григорьев, 1994. 2000]. С учетом ближневосточного происхождения синташтинской культуры [Григорьев, 1999], можно допустить использование подобного способа легирования и там. В этом случае соотношение железных изделий с никелем и без него указывает не на

⁶ Выше мы указывали, что это могло отражать и цветовые характеристики, что вообще типично для древних обозначений металлов [см.: Иванов, 1983].

соотношение метеоритного и металлургического железа, а на соотношение легированного и нелегированного металла. Использование никелесодержащей бронзы в Передней Азии известно достаточно широко. Повышенные же концентрации никеля в древнем железе этого региона иногда сопровождаются более высокими концентрациями мышьяка [Piaskowski, 1991. Tab. 1]. Не следует забывать и о том, что, коль скоро речь идет о плавке халькопирита, сульфидные медные руды часто бывают сильно загрязнены различными примесями, включая мышьяк и никель.

Существуют и иные свидетельства попутного получения железа при плавке медных руд на Ближнем Востоке.

В наиболее древних железных изделиях встречается примесь меди, например, в изделиях из Тепечик содержание меди составляло 6,12 и 2,19% [Yener et al., 1994. P. 383].

В крупном горнодобывающем центре Тимна, на самом юге Палестины, выявлено совместное производство меди и железа при медной плавке в медеплавильных печах XIV–XII вв. до н. э. Этот вывод проверен с помощью исследования изотопов свинца в медных и железных изделиях [Gale et al., 1990. P. 182–191].

В Алалахе (XV в. до н. э.) обнаружен сплав меди с железом [Wertime, 1980. P. 15].

Проведенные на Кипре Мули и Маддином эксперименты с плавкой халькопирита без использования флюсов привели к получению некоторого количества металлического железа в шлаке [Wertime, 1980. P. 16]. Эксперименты Тиликота с окисленной медной рудой, содержавшей значительное количество окислов железа, были тоже достаточно успешными [Tylecote, 1980. P. 188, 189].

Вызывает интерес и сырье, из которого производили железо. В староассирийских текстах термином *amutum* обозначено железо рудного происхождения. Сырьем для его получения служил *abi'um*. Предполагается, что это какая-то железная руда, но не гематит, поскольку ей торговали. Скорее, этим термином обозначен какой-то металл [Muhly, 1980. P. 35, 36]. Можно предположить, что речь идет о железе – продукте плавки халькопирита, требовавшем дополнительной переработки.

Возможности же для получения железа из халькопирита в Передней Азии существовали давно. На Кипре использование сульфидов началось в середине IV тыс. до н. э. и к концу тысячелетия распространилось довольно широко. С этого же времени известны и мышьяковистые лигатуры [Zwicker, 1987. S. 194, 199]. Более ранние единичные железные изделия могут быть изготовлены отчасти из метеоритного железа, отчасти из железа, полученного при плавке меди с использованием железистых флюсов. Хотя и для этого периода нельзя исключать эпизодическое поступление в плавку сульфидных руд.

Безусловно, подобный способ производства железа не мог обеспечить устойчивого результата. Принципиальную возможность для этого давали два обязательных фактора: наличие восстановительной атмосферы в печи, которой способствовала сульфидная руда (сера при горении забирает избыток кислорода), и преобладание железистых оксидов над силикатными. В противном случае вюстит образовывал фаялит, соединяясь с силикатными оксидами. Лишь избыточный вюстит в случае восстановительной атмосферы мог

перейти в железо. Все это объясняет редкость и дороговизну этого металла, а также наличие упоминаний о плохом и хорошем железе. Железо, при наличии в железе невосстановленных окислов или серы, утрачивало ковкость, хотя визуальные его характеристики не слишком отличались. Не исключено, что непосредственно в печи могли создаваться условия и для получения стали.

На этом фоне особый интерес представляют находки древнейших железных предметов Восточной Европы в ямных курганах Оренбуржья, датируемые III тыс. до н. э. Они представлены долотом, биметаллическим теслом с рукоятью из меди и рабочим концом из железа, и дисковидным предметом. Исследования этих предметов под микроскопом позволили сделать вывод о том, что они изготовлены из метеоритного железа [Терехова и др., 1997. С. 33–39]. Этот вывод полностью соответствует обосновываемым здесь положениям, поскольку в Южном Приуралье медная минерализация приурочена к медистым песчаникам, в которых отсутствуют первичные сульфиды. Она представлена почти исключительно окисленными рудами, при плавке которых железо восстановиться не могло. В особенности это было невозможно сделать в столь ранний период.

Таким образом, железо, из которого была произведена большая часть древнейших железных изделий Ближнего Востока и Восточной Европы (исключая изделия ямной эпохи), содержало в себе примесь никеля и было не метеоритного, а металлургического происхождения. Есть серьезные основания утверждать, что получено оно было главным образом, в качестве сопутствующего продукта при плавке халькопирита. С этим связана нестабильность его получения, редкость и дороговизна. Расширение добычи сульфидных руд и вело к постепенному росту количества железных изделий. Однако говорить о начале металлургии железа на этом основании нельзя. Судя по уже упомянутой выше связи миграций дорийцев и «народов моря» с распространением железа на Ближнем Востоке, начало собственно металлургии железа было положено на Европейском континенте. Наиболее вероятно и то, что движение дорийцев на юг было стимулировано резким усилением активности центральноевропейских популяций, представленных носителями культуры полей погребальных урн. Это позволяет нам искать истоки металлургии железа в Центральной Европе, где добыча сульфидных руд надежно зафиксирована, начиная с СБВ, что соответствует ПБВ восточноевропейской периодизационной системы [Woelk, 1998. P. 263]. С этого же времени в данном регионе начинают появляться единичные железные предметы, что соответствует ситуации в Волго-Уралье [Pleiner, 1980. P. 378]. Значительная их редкость позволяет предполагать, что они тоже были получены при плавке халькопирита.

Некоторых исследователей смущает пассаж из хеттской переписки, где говорится про неподходящее время для производства железа. Поэтому предполагается, что существовала какая-то особая, непонятная современному исследователю технология. Однако это может объясняться простым обстоятельством – сезонностью работы на медных рудниках. Не исключено, что горные работы в зимнее время в анатолийских горах не производились. Кроме того, в большинстве регионов мира с переходом на плавку сульфидных руд осуществляется перенос плавильного процесса с поселений на месторождения. Отчасти это

связано с тем, что при этом процессе выделяется большое количество удушливого сернистого газа. Поэтому он и мог иметь сезонный характер.

Ранее автором статьи уже сообщалось, что существенная смена культур в Центральной и Западной Европе на рубеже РБВ и СБВ была обусловлена продвижением волго-уральских популяций, за которым следует усматривать движение кельто-италийских и балто-славяно-германских племен в места их исторического проживания, что соответствует лингвистической модели, предложенной Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым [Григорьев, 1999; Гамкрелидзе, Иванов, 1984]. Не исключено, что именно эти племена привнесли в Волго-Уралье и Центральную Европу навыки извлечения железа из сульфидных медных руд и последующей его обработки. На правомерность подобной гипотезы указывает прежде всего лингвистический материал. В балто-славянских языках терминология железа заимствована, по всей видимости, из хаттских⁷ диалектов. Это заимствование происходит достаточно рано, около III тыс. до н. э. При этом на кельтские и германские языки данное заимствование не распространяется [Иванов, 1983. С. 99-102]. Следовательно, хронология заимствования соответствует более позднему движению древнеевропейских популяций, в первой половине II тыс. до н. э. с территории Ближнего Востока, а также появлению здесь в этот период плавки халькопирита и первых железных изделий. В указанной выше работе рассматривались сейминско-турбинские популяции в качестве предков кельтов и, возможно, италиков, а федоровские (и сформировавшиеся на федоровской основе) – в качестве предков балтов, германцев и славян. В своей основе подобная реконструкция соответствует изложенному выше, поскольку распространение первых навыков работы с железом происходит лишь в постсейминское время. Не вполне понятно лишь отсутствие у германцев общей с балтами и славянами терминологии для железа, что потребует дальнейших размышлений и исследований.

Тем не менее, подобный подход к распространению знания железа может быть подкреплён распространением андроновидной керамики на поселениях Южной Германии на стадии A2/B1 [Krumland, 1998]. Можно наметить и дальнейшие связи этих популяций с последующим распространением собственно металлургии железа в Переднюю Азию. Помимо греко-славянских языковых связей, а также появления на юге балканского полуострова центральноевропейских типов вооружения после дорийского вторжения, необходимо указать на распространение геометрического стиля на керамике, который наиболее рано проявляет себя в андроновской посуде, и появление посуды с валиком. Последний керамический тип характерен для волго-уральской и центрально-европейской поселенческой керамики. В Греции он появляется с дорийской миграцией, первоначально в виде лепной посуды, типологически неотличимой от волго-уральской. Впоследствии подобная посуда изготавливается гончарным способом [Kilian, 1986. P. 127. Fig. 6].

В противоположность этому, Р. Пляйнер полагает, что искусство производства железа проникло в Европу во II тыс. до н. э. непосредственно с Ближнего Востока через Грецию, Балканы и Кавказ [Pleiner, 1980]. Однако этот вывод не может быть подкреплён иным материалом.

⁷ Речь идет не о хеттском (индоевропейском), а о хаттском (прасеверокавказском) языке.

Таким образом, существенные технологические изменения, произошедшие в волго-уральской металлургии в начале ПБВ, были стимулированы импульсами с Ближнего Востока. Этими импульсами привнесены первичные знания о получении и использовании железа. В дальнейшем распространении этих знаний Волго-Уральский регион играл весьма важную роль.

Литература:

- Ардзинба В.Г.* К истории культу железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Гиоргадзе Г.Г.* Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
- Граков Б.Н.* Старейшие находки железных вещей в европейской части территории СССР. // СА. № 4. 1958.
- Григорьев С.А.* Древняя металлургия Южного Урала: Автореф. дисс. Москва, 1994.
- Григорьев С.А.* Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999.
- Иванов В.В.* История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.
- Никитенко Н.И.* Начало освоения железа в белозерской культуре // РА. 1998. № 3.
- Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж. Т.2. 1996.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Смирнов А.П.* Археологические работы ИИМК АН СССР на новостройках. КСИИМК. 1954. Вып. 55.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачова М.М.,* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.
- Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
- Charles J.A.* The Coming of Copper and Copper-Base Alloys and Iron: A Metallurgical Sequence // The Coming of the Age of Iron. London, 1980.
- Charles J.A.* Determinative Mineralogy and the Origins of Metallurgy. // Furnaces and Smelting Technology in Antiquity. Occasional Paper 48, 1992.
- Feuerbach A.M., Merkel J.F., Griffiths D.R.* An examination of crucible steel in the manufacture of Damascus steel, including evidence from Merv, Turkmenistan. // Metallurgica Antiqua. Bochum, 1998. № 72 (Der Anschnitt: Beiheft: 8).
- Gale N.H., Bachmann H.G., Rothenberg B., Stos-Gale Z.A., Tylecote R.F.* The Adventitious Production of Iron in the Smelting of Copper. // Rothenberg B. The Ancient Metallurgy of Copper. Institute for Archaeo-Metallurgical Studies. London, 1990.
- Kilian K.* Mycenaens up to Date, Trends and Changes in Recent Research. // Problems in Greek Prehistory: Papers presented at the centenary conference of the British School of Archaeology at Athens., Manchester. 1986.
- Krumland J.* Die bronzezeitliche Siedlungskeramik zwischen Elsas und Bohem: Studien zur Formenkunde und Rekonstruktion der Besiedlungsgeschichte in Nord und Sudwurttemberg. Rahden/Westf., 1998.

- Muhly J.D.* The Bronze Age Setting. // The Coming of the Age of Iron. London, 1980.
- Muhly, J.D., Maddin, R., Stech, T., Oezgen, E.* Iron in Anatolia and the Nature of the Hittite Iron Industry // Anatolian Studies. Ankara, 1985. V. XXXV.
- Muller-Karpe A.* Zur Metallverarbeitung bei den Hethitern. // Anatolian Metal I. Bochum, 2000. № 92 (Der Anschnitt: Beiheft: 13).
- Piaskowski J.* Ancient metallurgy of iron in the Near East. // Handwerk und Technologie im Alten Orient. Internationale Tagung. Berlin, 1991.
- Pleiner R.* Early Iron Metallurgy in Europe. // The Coming of the Age of Iron. London, 1980.
- Prejalinge H., Eibner C.* Bronzezeitliche Kupferverhüttung im Paläontal. // Archäometallurgie der Alten Welt (Hrsg. A. Hauptmann, E. Pernicka, G.A. Wagner). Beiträge zum Internationalen Symposium «Old World Archaeometallurgy». Heidelberg, 1987.
- Reiter K.* Metals and metallurgy in the Old Babylonian period. // A. Hauptmann, E. Pernicka, Thilo Rehren, Bursal Yalcin (ed.) The beginnings of metallurgy. Bochum, 1999. № 84 (Der Anschnitt: Beiheft: 9).
- Tylecote R.F.* Furnaces, Crucibles, and Slags. // The Coming of the Age of Iron. London, 1980.
- Tylecote, R.F.* Chalcolithic metallurgy in the Eastern Mediterranean. // Reade, J. (ed.) Chalcolithic Cyprus and Western Asia. British Museum Occasional Paper No 26. 1981.
- Waldbaum Y.C.* The First Archaeological Appearance of Iron and the Transition to the Iron Age. // The Coming of the Age of Iron. London, 1980.
- Wertime T.A.* The Pyrotechnologic Background. // The Coming of the Age of Iron. Yale University Press, New Haven, London, 1980.
- Woelk G., Gelhoit P., Bunk W.* Reconstruction and operation of a Bronze Age copper-reduction furnace. // Metallurgica Antiqua. Bochum, 1998.
- Yalcin Ue.* Early Iron metallurgy in Anatolia // Anatolian Studies. XLIX Ankara, 1999. V. 49.
- Yener K.A., Geckinli E., Uzbali H.* A brief survey of Anatolian metallurgy prior to 500 BC. // Archaeometry 94. The Proceedings of the 29th International Symposium on Archaeometry. Ankara, 1994.
- Zwicker U.* Untersuchungen zu Herstellung von Kupfer und Kupferlegierungen im Bereich des östlichen Mittelmeeres (3500-1000 v. Chr.). // Archeometallurgie der Alten Welt: Beiträge zum Internationalen Symposium «Old World Archaeometallurgy». Heidelberg, 1987.

Рубин О.С.

ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ
ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАРОДИНЫ: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР
СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Ранняя этническая история народов Европы вызывает давние и весьма оживленные дискуссии. Вопрос о том, что представляло собой древнейшее население европейского континента, связан с проблемой формирования индоевропейской языковой общности и ее локализации.

Со времени возникновения индоевропеистики в первой половине XIX в. вопрос о прародине индоевропейцев неоднократно оказывался в центре внимания исследователей, оперировавших, помимо языкового материала, данными тех смежных наук, которые в соответствующий период достигали необходимого уровня развития, в частности археологии и антропологии. Однако основная задача данной работы не предусматривает рассмотрения всех теорий, объясняющих генезис индоевропейской общности, тем более что их за два столетия сформулировано немало [подробнее об истории вопроса см., напр.: Сафронов, 1989].

Данные сравнительно-исторического языкознания имеют свои недостатки, которые можно условно подразделить на объективные и субъективные. К объективным недостаткам относится невозможность учета лингвистами этнических смен, что влекло за собой уже в историческое время переименование топонимов – важных составляющих любого лингвистического исследования. Глоттохронологические расчеты не всегда способны дать точные временные ориентиры, если речь идет о взаимоотношении языков и языковых семей более отдаленного прошлого, когда плотность населения была намного меньше, а языковая устойчивость не могла поддерживаться фиксацией слова в письменном виде. Недостатки субъективного характера заключаются в применяемой методике исследований. Лингвисты, занимающиеся сравнительно-историческим языкознанием, склонны в своих исследованиях переоценивать возраст языковых связей. Причем нигде не приводится сколько-нибудь подробно аргументированного обоснования вводимых временных шкал. Вместо этого налицо тенденция выносить суждения на основе здравого смысла, примененного к одному – двум примерам, которые затем некритически обобщаются и, в некотором смысле, канонизируются.

В свою очередь, нельзя не отметить, что насчитывающее более чем двухвековую историю сравнительно-историческое изучение индоевропейской лексики и древнейших письменных источников позволило выявить древнейшие слои словарного фонда, характеризующие социальный уровень индоевропейцев, их экономику, географическую среду, бытовые реалии, культуру, религию.

До сих пор археологические данные остаются самой разнообразной и полной категорией источников. Главный недостаток археологических источников состоит в том, что, несмотря на четкую привязку археологических культур к определенной территории, они ничего не могут сказать об этносе или этносах, которые являются носителями этих культур. Тем не менее, благодаря своей массовости, именно археологические данные, по сравнению с другими источниками, наиболее информативны. Из-за отдаленности во времени все другие источники слишком скудно освещают внутренние процессы и не позволяют судить о культурном, техническом, экономическом и социальном развитии древних обществ.

В тесном контакте с археологией находится ряд других научных дисциплин. Свои плюсы и минусы имеет симбиоз археологии с одной из них – этнологией. Археология не дает прямых сведений об общественном строе в случаях, когда изучаемая культура слишком далеко отстоит от нас по времени. Некоторые ученые выступали за возможность заполнения этого пробела на основании данных о современных племенах, находящихся на том же уровне развития материальной культуры [См., напр.: Томсон, 1958]. Но, как справедливо отметил Гордон Чайлд: «не следует полагать, что если экономическая и материальная культура сопоставляемых с древними народами современных нам племен остановилась на стадии развития, пройденной европейцами несколько тысяч лет тому назад, то и умственное развитие остановилось на той же мертвой точке» [Чайлд, 1952. С. 89].

Весьма плодотворен синтез археологии с генетикой. Именно благодаря этому союзу появился ряд важных положений, с которыми нельзя не считаться. Например, вывод о том, что поздненеолитические миграции (на рубеже IV и III тыс. до н. э.), предполагавшиеся на основании изменений в материальной культуре в Восточной и Центральной Европе, не находят отражения в современной генетической структуре населения, говорящего на индоевропейских языках [Ренфрю, 1998. С. 121; Салларес, 1998. С. 30].

Суммируя сказанное, можно сделать вывод о том, что при изучении ранней этнической истории (это относится не только к проблеме локализации индоевропейской прародины) археология является той основой, на которую нанизываются данные других источников и других наук. Это соотношение объясняется не качественной стороной состояния источников, а только количественной, так как археология предоставляет несравнимо больше информации, чем исследования лингвистов, генетиков и др., вместе взятых. Тем не менее, последние не только позволяют уточнять отдельные моменты, – некоторые положения, сделанные на основе анализа археологических материалов, были бы просто невозможны без учета той информации, которая содержится в иных источниках.

В настоящее время точки зрения по этим вопросам группируются вокруг четырех основных гипотез (каждая из которых имеет определенные недостатки), локализирующих индоевропейскую прародину:

- 1). в циркумпонтийской зоне;
- 2). в евразийских степях (в рамках данного направления следует выделить вклад Марии Гимбутас) [Смирнов, Кузьмина, 1977; Шилов, 1993; и др.];
- 3). на территории Передней Азии (сюда относятся «лингвистическая» гипотеза Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова и «археологическая» Колина Ренфрю);
- 4). так называемая теория «непрерывного развития индоевропейских племен со времен Палеолита» (Paleolithic continuity theory of Indo-European origins – далее для краткости РСТ).

Циркумпонтийская локализация. Оригинальный подход к определению индоевропейской прародины представлен концепцией так называемой циркумпонтийской локализации [Мерперт Н.Я. 1974; 1976 и др.]. Согласно выдвигаемой теории, глубокие этнокультурные сдвиги в развитии Балкано-Дунайского района во второй половине IV тыс. до н. э. шли параллельно с появлением новой системы культур, минимально связанной с предшествующими. Отмечены сложные исторические, а в отдельных случаях – и генетические связи этой системы с такими культурными общностями, как культуры шнуровой керамики, шаровидных амфор, со скотоводческими культурами каспийско-черноморских степей. Предполагается наличие определенной контактной непрерывности и культурной интеграции не только в области распространения древнейших культур, но и к югу от Черного моря, где элементы новой системы культур прослеживаются вплоть до Кавказа.

Однако из циркумпонтийского ареала явно выпадает Балкано-Карпатский регион, который вообще рассматривался В.Георгиевым и И.М. Дьяконовым в качестве индоевропейской прародины [Георгиев, 1958; Дьяконов, 1982]. Именно критика гипотезы Георгиева-Дьяконова позволяет выявить проблемы, связанные с локализацией праиндоевропейской общности в северозападном Причерноморье.

Прежде всего, данная теория не учитывает археологически выявленную ориентацию движения древнебалканских культур, которая шла в южном направлении. Признаки древнебалканских культур IV тыс. до н. э. обнаруживаются на юге Балкан и в Эгеиде, на Крите и Кикладах, но не в восточном направлении, куда должны были, согласно этой гипотезе, перемещаться отдельные группы индоевропейцев. Нет свидетельств и движения этих культур на запад европейского континента, который начинает «индоевропеизироваться» не ранее II тыс. до н. э. Поэтому в рамках балканской гипотезы остается неясным, где находились носители индоевропейских диалектов после значительных этнокультурных сдвигов в Центральной и Восточной Европе IV-III тысячелетий до н. э.

Трудности хронологического и культурно-исторического характера, связанные с принятием балканской гипотезы, усугубляются лингвистическими проблемами. Сведения о природных условиях, элементах общественного строя, экономического уклада, системы мировоззрения, восстанавливаемые для древнейшего индоевропейского периода, не укладываются в набор признаков, характеризующих центральноевропейские земледельческие культуры. Осо-

бенно показательно и то, что гипотеза балкано-карпатской прародины индоевропейцев не в состоянии объяснить, где и когда могли происходить их длительные контакты с другими языковыми семьями (картвельской, северокавказской, семитской и др.), сопровождавшиеся заимствованием культурной лексики, формированием языковых союзов и т. д. [см. подробнее: Трубецкой, 1987. С. 45-46; Иллич-Святыч, 1964. С. 3-12; Андреев, 1986. С. 278; Гамкрелидзе, Иванов, С. 259; и др.].

Наконец, локализация индоевропейской прародины на Балканах воздвигла бы дополнительные трудности перед теорией ностратического родства (восхождение индоевропейской, картвельской, уральской, алтайской языковых семей к одной макросемье). По историко-лингвистическим соображениям, время распада ностратической языковой общности, локализуемой на северо-востоке Африки и в Передней Азии, относится к XII-XI тыс. до н. э. Несмотря на гипотетичность многих частных вопросов ностратической теории, ее нельзя не учитывать в реконструкции хронологически более поздних периодов соответствующих языковых семей [Wyatt, 1970. P. 89-111; Баюн, 1988. С. 107-109]. В лучшем случае Балкано-Карпатский регион может рассматриваться в качестве «прародины» (по терминологии Гамкрелидзе и Иванова: «вторичной прародины») только для части носителей индоевропейских диалектов. Этому должен был предшествовать период их пребывания на другой территории.

Теория балкано-карпатской локализации индоевропейской прародины никогда не рассматривалась всерьез западной наукой. В циркумпонтийской локализации Балкано-Карпатский регион не может рассматриваться в качестве индоевропейской прародины. Несмотря на то что в понто-каспийских степях (и фактически на территории Поволжья) её существование наиболее полно подтверждается археологическим материалом, данное утверждение противоречит языковым свидетельствам о ландшафте, флоре и фауне индоевропейской прародины. Установлено, что на рубеже IV-III тыс. до н. э. в Поволжье распространилась ямная культурная общность, состоявшая из подвижных скотоводческих племен, которые широко контактировали с инокультурными территориями. Археологически отмечаются очень ранние связи степных племен с Югом и Юго-Востоком, причем исследователями не отрицается возможность передвижения значительных групп населения в степь из районов Кавказа и Прикаспия. Фактически, данная концепция развивает идеи Чайлда [Childe, 1958; Ср.: Sherratt, Sherratt, 1988. P. 584-595] и Марии Гимбутас, которая впервые соотнесла ареал распространения ямной культуры с прародиной индоевропейцев [Gimbutas, 1964], дополняя их аргументами как экономического, так и этнокультурного характера.

Скорее всего, северные территории циркумпонтийского ареала могут быть названы, точно так же как и Балкано-Карпатский регион, «вторичной прародиной».

В свете циркумпонтийской локализации индоевропейской прародины критика теорий Гамкрелидзе-Иванова (локализация в Южном Закавказье: см. ниже) показывает, что из «циркум», выпадают территории северного, восточного и юго-восточного Причерноморья, точно так же, как и Балкано-Карпатский регион. Остается территория Малой Азии (Анатолии) которая рассматривается в качестве индоевропейской прародины в теориях Сафро-

нова и Ренфрю. Таким образом, локализация индоевропейского первичного ареала в рамках циркумпонтийской зоны (Малая Азия, Южное Закавказье, Балкано-Карпатский регион) выглядит неубедительно.

Степи Евразии – территория, где предполагается локализация языковой общности изначально родственных индоевропейских диалектов, занимает центральное место во второй гипотезе индоевропейской прародины, разделяемой многими исследователями, как археологами, так и лингвистами.

Наиболее яркая и «популярная» гипотеза, локализирующая индоевропейскую прародину на территории евразийских степей, принадлежит американскому археологу литовского происхождения Марии Гимбутас [Gimbutas, 1964; 1974; 1977, 1980; и др.]. Данная концепция разрабатывалась Гимбутас исключительно как археологическая, и передвижения индоевропейцев здесь приводятся как миграции целых культур. Для оправдания таких миграций приводится множество аргументов как экономического, так и этнокультурного характера. Так, например, изменения, происходящие в ареале древних европейских земледельческих культур, по мнению ряда исследователей, затронули экономический уклад (резкое возрастание удельного веса животноводства по сравнению с земледелием), тип жилища и поселения, элементы культа, физический тип населения, причем наблюдается уменьшение этнокультурных сдвигов по мере продвижения на северо-запад Европы.

М. Гимбутас попыталась выделить стадии развития носителей так называемой «курганной культуры» и трех последовательных «волн» их расширения.

I стадия датируется началом IV тысячелетия до н. э. на территории между Волгой и Днепром и, как указывает Гимбутас, скорее всего развилась из самарской и сероглазовской культур Волжского бассейна. Единственное, по заявлению самой М. Гимбутас, что связывает Самарскую культуру с Днепро-Донецкими культурами, что использование лошади в домашнем хозяйстве – факт, явно недостаточный для их идентификации, к тому же отсутствуют данные по доместикации лошади. Данное положение самое слабое в гипотезе – именно здесь ощущается нехватка лингвистических свидетельств. Этой стадии предшествовала первая миграционная волна, берущая свое начало в низовьях Волги и дошедшая до Днепра и далее, до Дуная (Кукутени).

Соотнесение археологической культуры с индоевропейской прародиной необходимо начать с определения экологической ниши формирования этноса по данным лингвистики. Известно много свидетельств о тех или иных особенностях гипотетической прародины. Наиболее важным следует признать аргумент «горного ландшафта» (скорее всего плоскогорья), согласно которому индоевропейские племена жили среди невысоких гор, имевших площади для посева зерновых культур. В восточной Европе таких районов три: Предкарпатье, Предкавказье и Приуралье.

Днепро-Волжский регион данному критерию не соответствует, как и ареал Самарской и, в особенности, Сероглазовской культуры, расположенной в прикаспийской низменности. Однако расположением Самарской культуры можно объяснить контакт праиндоевропейцев с представителями уральской языковой группы, что имело место на довольно ранней стадии развития индоевропейцев (правда, непонятно, насколько ранней) и что отразилось в индоевропейской лексике.

II и III стадии - вторая половина IV тыс. до н. э. Ареал распространения индоевропейцев тот же, но в него уже включены Среднестоговская и Майкопская культуры (т. е. территории Приазовья и Предкавказья). Здесь факт использования лошади уже не вызывает сомнения [См., напр.: Rassamakin, 1994. P. 29–30]. Данным стадиям предшествовала вторая крупная миграция индоевропейских племен, результатом которой стало первое их вторжение на территории западной и северной Европы (культуры линейно-ленточной керамики [см. также: Пассек, Черныш, 1963], лендельская, воронковидных кубков и баденская) приблизительно в конце IV – начале III тыс. до н. э. Здесь М. Гимбутас имеет ввиду все так называемые Дунайские культуры, выделенные еще Г. Чайлдом [См.: Childe, 1929; Чайлд, 1952; Childe, 1958]. Таким образом, вторая миграционная волна хронологически выглядит очень растянутой. Г. Чайлд выделял 4 периода Дунайских культур V–III тыс. до н. э. К 1-му периоду он отнесил культуру линейно-ленточной керамики (конец V – начало IV-го тыс. до н. э.). Ко 2-му периоду – культуру накольчато-ленточной керамики и рёссенскую культуру, возникшие из слияния Дунайских культур 1-го периода и более примитивных местных культур. К этому же периоду относятся иордансмюльская, лендельская культуры и культура моравской расписной керамики. В 3-м периоде на придунайские территории проникли чуждые культуры: михельсбергская и воронковидных кубков. К 3 периоду Чайлд отнесил также баденскую и бодроккерштурскую культуры (III тыс. до н. э.). Как видно, в начале второй миграционной волны культура линейно-ленточной керамики уже не существовала. Логичнее связать эту миграцию с проникновением в Подунавье чуждых культур в 3 периоде.

Как уже отмечалось, Карпатский регион по целому ряду признаков не подходит для локализации индоевропейской прародины. Так называемые «аргументы бука, осины, ивы, березы, сосны, пихты, дуба, бобра, краба» исключают из зоны поиска и Приуралья. Однако территория Предкавказья почти идеально подходит для местонахождения древних индоевропейских племен, так как к данному региону приложимы почти все аргументы, касающиеся экологии, флоры и фауны индоевропейской прародины [Renfrew, 1987. P. 23–37.], за исключением «аргументов льва, слона, верблюда и вереска». Но, как отмечал И.М. Дьяконов, скорее всего можно говорить о довольно позднем заимствовании в индоевропейский лексикон понятий льва, верблюда и, в особенности, слона [Дьяконов, 1982. № 2. С. 9].

Гипотетическое расположение индоевропейской прародины (даже вторичной) на территории Северного Кавказа – Прикубанья, – может легко объяснить заимствования в индоевропейском языке из северокавказских, западнокавказских и семитских языков, причем контакт с семитскими языками произошел раньше, чем с уральскими, и он был возможен только в двух местах: либо в Малой Азии (однако тогда наблюдались бы заимствования индоевропейской лексики в хурритском, урартском, митаннийском и в ряде других языках), либо в Прикубанье, где семитский элемент четко прослеживается в Майкопской культуре [Иессен, 1950; 1951; Иессен, Формозов, 1962; 1965; и др.]. Исходя из данного положения, логично предположить продвижение индоевропейских племен не с севера на юг и запад (из степных районов на Северный Кавказ и в Приазовье), а как раз наоборот – с юга в северном и западном направлениях. С другой стороны, факты взаимодействия

с алтайскими и финно-угорскими языками позволяют «очертить» распространение индоевропейцев на территории в пределах от Северного Кавказа до Урала, соответствующим ареалу ямной культуры (!) с ее девятью локальными вариантами [Мерперт, 1974. С. 154–157]. Это позволяет объяснить дробление единой общности на отдельные языковые группы. Археология подтверждает данные выводы: следует отметить факт взаимодействия южных групп с населением Среднего Заволжья и Приуралья, получившем отражение в Криволучском комплексе, ряд элементов которого справедливо сопоставляется с находками в Нальчикском могильнике, который, в свою очередь, по ряду показателей сближается с могильниками мариупольского типа. Более того, огромное накопление новых фактических данных позволяет рассматривать формирование наиболее ранних древнеямных групп как результат уже достаточного развития производящего хозяйства и выработки специфических его форм, продуктивных в условиях степной полосы.

IV стадия: первая половина III тыс. до н. э. В это время происходит становление и расцвет ямной культуры, представители которой распространились от Урала до Румынии, Болгарии и восточной Венгрии (третья миграционная волна – 3000–2800 гг. до н. э.) (рис. 1) [Черных, 1987; 1988; Chernykh, 1992]. Данное положение гипотезы М. Гимбутас наименее спорно. Но, как уже было сказано, территория Северного Кавказа вполне может рассматриваться в качестве индоевропейской прародины (в противовес оригинальной теории Гимбутас), а «степная прародина» индоевропейцев (ямная культура) может быть соотнесена с ареалом, из которого происходило их дальнейшее расселение. То есть степная зона Северного Причерноморья – Поволжья является промежуточной областью расселения (у Гимбутас «secondary urheimat»; по Гамкрелидзе–Иванову «вторичная прародина») для большинства индоевропейских диалектных групп. Естественно, невозможно полностью ответить, насколько серьезно было влияние соседних культур (в частности майкопской) на древнеиндоевропейскую общность, но, скорее всего, именно такое соседство предопределило ускоренные темпы ее экономического развития.

Такая локализация вторичной прародины индоевропейцев объясняет путь миграций индоевропейских племен: южная часть общности мигрировала на юг (хетты); северо-восточная и восточная – на Запад и Северо-Запад (фракийцы, пеласги, протогреки, а позднее – кельтские и германские племена) [Hooker, 1976. P. 29–33; 1976. № 15. P. 129–145; Hammond, 1976]; какая-то часть, обойдя с севера Каспийское море, – в Среднюю Азию и далее в Индию (индоиранские племена).

Данная схема хорошо подтверждается хронологически (учитывая время фиксации индоевропейских племен на территориях, где заканчиваются миграции) и снимает вопрос о сильном отличии хеттского и древнегреческого языков¹ [Ehret, 1988. P. 573–574], что позволяет сократить распад вторичной

¹ Археологически доказать приход индоевропейских племен на территорию Эгеиды пытались неоднократно. В свете последних исследований картина выглядит следующим образом: культуры данного региона развивались без вмешательства новых этнических элементов начиная с эпохи неолита до конца раннего бронзового века, пока следы вторжений не фиксируются на заключительном этапе развития Тиринфской культуры приблизительно в 2200/2150 годах до н. э., когда в Элладе впервые появляется так называемая минийская керамика. Следующая

индоевропейской прародины до конца IV – начала III тыс. до н. э. [Ср.: Черных, 1987. С. 136-147; 1988. С. 37-57]. Немаловажно, что и генетика однозначно указывает на распространение праиндоевропейцев из северо-восточного ареала, центр которого находится на Украине и юге России [Салларес, 1998. С. 130; Ренфрю, 1998. С. 121].

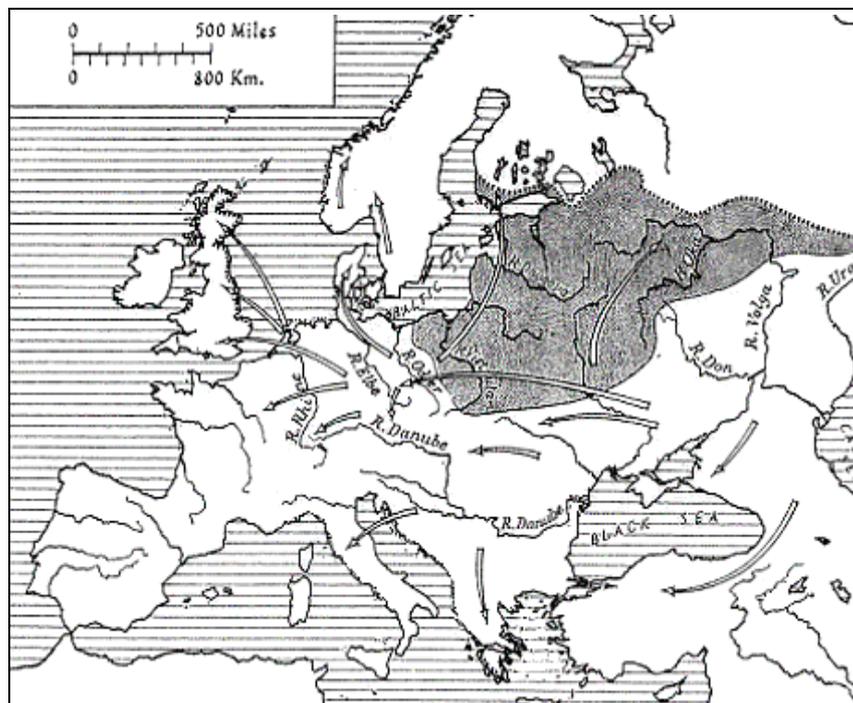

Рис. 1. Третья миграционная волна индоевропейских племен по М. Гимбутас (белыми стрелками показаны пути миграций из ареала ямной культуры, темным цветом обозначен ареал культур шнуровой керамики).

Предположение о наличии определенной контактной непрерывности и культурной интеграции в области распространения древнеямной культуры и культур Северного Кавказа, высказанной М. Гимбутас и доказанное позднее Н.Я. Мерпертом на основе археологического материала, имеет важное теоретическое значение. Причем, скорее всего, тезис о включении в процесс становления конкретных групп индоевропейцев неродственных по языково-

миграционная волна фиксируется уже приблизительно в 1900 году до н. э. и, далее, уже в самом конце позднеэлладского периода. Вполне разумно предположить, что миграционная волна 2200/2150 годов до н. э. включала индоевропейские, но не греческие (!) элементы, а уже следующее «переселение» напрямую связано с ахейскими племенами (Haley, 1928. P. 141-145; Finkelberg, 1997. P. 3-20; Hooker, 1976. P. 133). Данная схема весьма удобно сочетается не только с античными преданиями о догреческом населении Эллады, но и с данными, предоставляемыми археологией (Ср.: Drews, 1988. P. 172; Рубин, 2003. С. 180-186).

му признаку других групп представляется наиболее верным (следует учитывать также и разделение первоначальных индоевропейских групп). Такая точка зрения подтверждается и теорией, созданной на основе лингвистического материала и получившей название «лингвистической географии» [Mallory, 1989. P. 7–9. См. также статьи Д. Мэллори о культурах позднего неолита и раннего бронзового века на территории Европы, напр: Funnelbeaker culture, Fatyanovo-Balanovo culture, Middle Dnieper culture, Beaker people и др. в: Encyclopedia of Indo-European Culture (with D.Q. Adams). Ср.: Трубецкой, 1987. С. 54].

На этой огромной территории, по мнению ряда исследователей, мог происходить процесс становления конкретных групп индоевропейцев. Этот процесс был весьма сложен, он включал как разделение первоначально единых групп, так и сближение неродственных групп, втянутых в контактную зону. Распространение близких элементов внутри зоны могло быть обусловлено (наряду с исходным общим импульсом), помимо контактной непрерывности и тесного общения, также и существованием своего рода «передаточной сферы» – подвижных скотоводческих коллективов.

Все три волны миграций индоевропейцев носили, по Гимбутас, исключительно военный, радикальный характер; в результате «патриархальный культ силы и война смел мирные, матриархальные культуры «Старой Европы», что отразилось в появлении могил воинов-вождей и укрепленных поселений и крепостей на холмах» [Gimbutas, 1974. P. 36]. В последних работах Гимбутас все более подчеркивала силовой характер этого перехода от средиземноморского культа Богини Матери к патриархальному обществу и поклонению воинственному богу-громовержцу.

Многие историки, принимающие общий сценарий индоевропейских миграций, обращают внимание на то, что они, скорее всего, были более постепенны и носили более мирный характер, охватывая много поколений [См., напр.: Mallory, 1989. P. 120; Vammesberger, 1994. P. 6].

Анатолийская локализация. Южное Причерноморье, в качестве предполагаемой территории индоевропейской прародины рассматривалось компаративистами Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым, а также английским археологом К. Ренфрю. Согласно гипотезе Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванова [1980; 1984; 1989; и др.] областью первоначального расселения индоевропейцев был район в пределах Восточной Анатолии, Южного Кавказа и Северной Месопотамии V–IV тыс. до н. э. Для доказательства этой гипотезы привлекаются аргументы палеогеографии, археологии (непрерывность развития местных анатолийских культур на протяжении всего III тыс. до н. э.), данные палеозоологии, палеоботаники, лингвистики (последовательность разделения индоевропейской диалектной общности, заимствования из отдельных индоевропейских языков или их групп в неиндоевропейские языки и обратно и др.). Лингвистическая аргументация данной гипотезы основана на строгом использовании сравнительно-исторического метода и основных положений теории языковых заимствований, хотя и вызывает возражения оппонентов по некоторым частным вопросам.

Исторические лингвисты традиционно используют «сравнительный метод» для построения языковых генеалогических деревьев, исходя из дискретности лексических, морфологических и фонологических данных. К сожалению

нию, хотя сравнительный метод может обеспечить относительную хронологию, он не может обеспечить абсолютные датировки.

Метод изучения фонетических закономерностей и установления грамматических изоглосс позволяет проследить последовательное выделение диалектных групп из некоторой общности: параллельное языковое развитие, наблюдаемое в группе выделившихся диалектов, указывает на вхождение их в относительно замкнутую зону и пребывание в ней в течение определенного времени. Учет фонетических изменений принципиально важен и при анализе заимствований (это единственный способ определить характер последних – общеиндоевропейский, или индоиранский, или восточноиранский, и т. д.), и для выявления языковых союзов. Однако данный метод имеет существенный недостаток, а именно: он не позволяет определить время выделения диалектов, а следовательно, вызывают сомнения выводы Гамкрелидзе-Иванова, относящиеся к хронологическим рамкам существования и распада диалектных групп. Тем не менее, важно подчеркнуть, что индоевропейские миграции рассматриваются согласно этой концепции не как тотальная этническая «экспансия», но как движение, в первую очередь, самих индоевропейских диалектов вместе с определенной частью населения, наслаивающегося на различные этносы и передающего им свой язык. Последнее положение методологически очень важно, так как показывает несостоятельность гипотез, опирающихся на антропологические критерии при этнолингвистической атрибуции археологических культур.

Начало миграций индоевропейских племен относится по этой гипотезе к периоду не позднее IV тыс. до н. э. Первой языковой общностью, выделившейся из индоевропейской, считается анатолийская. О первоначальном, более восточном и северо-восточном расположении носителей анатолийских языков по отношению к историческим местам их обитания свидетельствуют двусторонние заимствования, обнаруживаемые в анатолийских и кавказских языках. Выделение греко-армяно-арийского единства следует за обособлением анатолийцев, причем арийский диалектный ареал предположительно отделяется еще в пределах общеиндоевропейского. Впоследствии греческий (через Малую Азию) попадает на острова Эгейского моря и в материковую Грецию, наслаиваясь на неиндоевропейский «эгейский» субстрат, включающий различные автохтонные языки; индоарийцы, часть иранцев и тохары движутся в разное время в (северо-) восточном направлении (для индоарийцев допускается возможность продвижения в Северное Причерноморье через Кавказ), тогда как носители «древнеевропейских» диалектов через Среднюю Азию и Поволжье перемещаются на запад, в историческую Европу. Таким образом, допускается существование промежуточных территорий, где оседали, вливаясь в местные популяции повторными волнами, вновь прибывающие группы населения, позднее заселившие более западные области Европы. Для «древнеевропейских» языков общим исходным (хотя и вторичным) ареалом считаются область Северного Причерноморья и приволжские степи. Этим объясняется индоевропейский характер гидронимии Северного Причерноморья, сопоставимой с западноевропейской (отсутствие более восточных следов индоевропейцев может быть вызвано недостаточной изученностью древнейшей гидронимии Поволжья и Средней Азии), и наличие большого пласта контактной лексики в финно-угорских, енисейских и других языках.

Несомненной заслугой Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова следует признать доказательство существования индоевропейской прародины приблизительно в IV тыс. до н. э. на территории от Балкан до Ирана, выдвинув серьезные аргументы о невозможности приурочивания ее к Центральной и Восточной Европе, но, как справедливо указал И.М. Дьяконов, не к Юго-Восточной Европе [Дьяконов, 1982. № 2. С. 7]. Однако авторами абсолютно не берется в расчет археологическая составляющая доказательств выведения индоевропейской прародины в Малой Азии. Например, игнорируется факт отсутствия в индоевропейском языке наименований типично азиатской средиземноморской флоры (кедр, кипарис, пальма) и фауны (немаловажно, что в Малой Азии и на Армянском нагорье приблизительно до 2000 г. до н. э. не было лошади – ни дикой, ни одомашненной, что хорошо прослеживается на основе раскопок городища Коруджу-Тепе [Дьяконов, 1982. № 2. С. 9]). Кроме того, не учитывается экологическая ниша индоевропейской прародины (аргументы осины, бука), а также отсутствие архаичной индоевропейской гидронимии и топонимии на территории Армянского нагорья и в Восточной Анатолии, где они должны были быть в большей концентрации.

Такая же ошибка наблюдается и у В.А. Сафронова, утверждающего, что раннеиндоевропейская прародина совпадала с ареалом культуры Чатал-Гююка (VI тыс. до н. э.), представители которой мигрировали в V тыс. до н. э. на территорию северных Балкан (культура Винча) и далее, в Западную Словакию (?), а затем рассеялись по всей территории индоевропейского ареала, причем часть племен (пеласги, протогреки, фракийцы, хетты и др.) повернула в обратном направлении(?) [Сафронов, 1989. С. 181]. Такое механическое соединение постулатов Гамкрелидзе-Иванова с идеями Георгиева-Дьяконова выглядит крайне неубедительно как с исторической точки зрения (учитывая время фиксации индоевропейских племен на местах своего проживания), так и с лингвистической. Слабость аргументации Сафронова особенно явно проявилась по отношению индоевропеизации Эгейского региона [Рубин, 2003. С. 193–195].

Теория неолитического разрыва К. Ренфрю. В западной историографии теория профессора Кембриджа Колина Ренфрю известна также под названием: «Neolithic Discontinuity Theory» (дословно: «теория неолитического разрыва») [Основная работа: Renfrew, 1987]. Так же как и в теории Гамкрелидзе-Иванова, Ренфрю рассматривает индоевропейские миграции не как тотальную этническую «экспансию», а как движение определенной части населения, носителей индоевропейских диалектов (относительно небольшой по численности), что приводит к смешению их с различными автохтонными этносами и, в конечном итоге, к заимствованию последними индоевропейского языка. Существенные разногласия с советско-российскими исследователями наблюдаются у Ренфрю по вопросам: локализации территории первоначального расселения индоевропейцев; побудительных причин миграций праиндоевропейских племен. По Ренфрю, на праиндоевропейском языке говорили оседлые земледельцы, жившие в конце неолита на плоскогорьях Анатолии, местности на юге современной Турции. Эта культура известна археологам по раскопкам поселений Хиджалар и Чатал-Гююк (как видно, мнение В.А. Сафронова в вопросе локализации индоевропейской прародины полностью совпадает точкой зрения К. Ренфрю).

Традиционная лингвистика всегда пыталась объяснить факт распространения индоевропейских племен за счет крупных миграций носителей данного языка. Такая схема не выдерживает критики при ближайшем рассмотрении, так как археологически подобные миграции доказать невозможно [Renfrew, 1987. P. 11]. Ренфрю, указывая на несостоятельность данного подхода, отмечает, что традиционные теории (в том числе и М. Гимбутас), по своей сути являются наследниками теории, созданной в начале XX века немецким археологом Густавом Коссинной, для которого характерен крайний национализм (априорное расовое превосходство индоевропейцев, вытекающая отсюда «агрессивность» и стремление к экспансии, и т. д.). Причем «традиционалисты», как правило, обходят вопросы о причинах увеличения экспансивности в определенные периоды времени, в частности в период распада единой праиндоевропейской общности. Кроме того, даже если принять гипотезу крупномасштабных миграций, не понятно, почему «носители индоевропейских языков так долго, беспорядочно и неустанно блуждали на территории Европы и Азии» [Там же. P. 75].

По мнению Ренфрю, объяснение причин миграций праиндоевропейцев связано в основном с социально-экономическими процессами и лишь в некоторой степени – с экологическими колебаниями. По культурно-хозяйственным признакам культуры неолита распадаются на две группы: 1) земледельцев и скотоводов и 2) развитых охотников и рыболовов. Неолитические культуры первой группы отражают последствия перехода к принципиально новым формам получения продуктов путём их производства (так называемая производящая экономика). В Европе происшедшие в результате этого кардинальные перемены в жизни общества, сказавшиеся прежде всего в развитии оседлости и резком увеличении численности населения (так называемый первый демографический взрыв, названный Г. Чайлдом «неолитической революцией»), связываются К. Ренфрю с распространением индоевропейских племен с территории Малой Азии.

Становление и распространение производящих форм экономики, произошедших в неолите, несомненно, следует связывать с культурным влиянием переднеазиатских цивилизаций, что косвенно подтверждают данные палеоботаники: большинство возделываемых в земледельческих центрах Европы полевых культур, таких как пшеница, ячмень, бобы, горох (а также виноград, культивируемый в Средиземноморье), явно заимствованы именно в эпоху раннего неолита из близлежащего западноазиатского очага происхождения культурных растений [Вавилов, 1960. С. 145].

Интенсивность связей Европы с Ближним Востоком на протяжении всего неолита необходимо проследить на примере Эгейского региона – территории, где еще в раннем неолите складываются оригинальные археологические культуры, и являющейся своеобразным форпостом во взаимоотношениях двух континентов. Н.И. Вавилов выделял Балканский полуостров (в составе всего Средиземноморья) в один из семи самостоятельных (первичных) очагов земледелия, но этот очаг содержал небольшое число автохтонных растительных культур [Там же]. Однако интенсивность связей Эгейского региона с Ближним Востоком в неолите незначительна, и они ни в коей мере не могут считаться определяющими, так как объяснить специфику развития Эгейско-

го мира только влиянием более развитых близлежащих обществ не удается [Рубин О.С., 2003. С. 52–55].

Как справедливо заметил еще Г. Кларк, распространение более передовых форм экономики напрямую связано с характером климата, почв и растительности [Кларк, 1953 С. 29]. Классический пример тому – более высокие по широте европейские территории или, если пользоваться терминологией Г. Кларка, зоны, где ареал распространения сельского хозяйства оставался неизменным в течение долгого времени, вплоть до позднего неолита. Кроме того, в некоторых областях, почти идеальных для ведения сельского хозяйства (как, например, речные долины и террасы Украины и южного Урала), внедрение новых форм экономики можно объяснить, только предположив, что они были вызваны исключительно местными факторами [Zvelebil, 1986. P. 180]. Следовательно, логичнее связать распространение земледелия не с миграцией «развитых» племен, а с постепенными изменениями в ходе простой эволюции автохтонного населения, тем более что массовые миграции с территории Анатолии археологически не фиксируются. Конечно, есть определенные черты сходства между отдельными культурными артефактами анатолийских и средневропейских археологических культур (в частности, в глиняной посуде), однако, как уже говорилось, не всегда сходство элементов материальной культуры отражает этническую общность или близость происхождения, не менее многочисленны свидетельства непрерывности развития различных европейских мезолитических и неолитических культур.

В сходных социальных и географических условиях могли независимо возникнуть сходные явления в быту и материальной культуре различных племён. Кроме того, отдельные элементы культуры могут также заимствоваться в результате распространения идей и не обязательно будут связаны с переселением этноса, носителя этой культуры; второй сценарий отнюдь не исключает первый. Как справедливо заметил М. Звелебил, «...расширение сельского хозяйства в Европе невозможно объяснить миграционными волнами с территории Западной Азии (модель волны – «wave model»), так как если посмотреть на карту Европы, то территории, где было распространено земледелие в эпоху неолита, напоминают мозаичный рисунок (mosaic-like pattern). Данное заблуждение основано на явной недооценке демографического потенциала (и, прежде всего, демографической мобильности) мезолитического населения с одной стороны, и завышения тех же показателей у носителей неолитической культуры, с другой» [Zvelebil, 1986. P. 177–178]. Другими словами, если миграции и имели место, то, скорее всего, они носили не массовый, по утверждению Ренфрю, характер.

Также вызывает сомнение лингвистическая составляющая доказательств. Ренфрю придерживается традиционных теорий «полной языковой смены» (что несколько противоречит самому характеру культурных волн) и «развития всех индоевропейских языков из единого праязыка» [Renfrew, 1987. P. 75, 80].

Как бы то ни было, индоевропейское языковое семейство не представляет особо тесной связи между отдельными своими ветвями. Каждая из ветвей индоевропейского семейства обладает значительным числом словарных и грамматических элементов, не имеющих точных соответствий в других индоевропейских языках; в этом отношении индоевропейское семейство сильно отличается от таких языковых семейств, как тюркское, семитское или семейство

языков банту. А при таких условиях предположение, что индоевропейское семейство сложилось благодаря конвергентному развитию первоначально неродственных друг другу языков (предков позднейших «ветвей» индоевропейского семейства), отнюдь не менее правдоподобно, чем обратное предположение: будто все индоевропейские языки развились из единого индоевропейского праязыка путем чисто дивергентной эволюции. Как видно, концепция Ренфрю, несмотря на явные достоинства, имеет и ряд недостатков. Однако в 90-х годах «теория неолитической неоднородности» получает дополнительные доказательства, предоставляемые глоттохронологией.

Глоттохронологические подтверждения малоазийской локализации. Р. Грей, К. Эткинсон. Типичным примером взаимодействия различных научных дисциплин является работа новозеландских исследователей Рассела Грея и Квентина Эткинсона [2003], эволюционных биологов, работающих на факультете психологии Оклендского университета, которые, применив современные методы вычислительной математики и прикладной статистики к большому массиву лингвистических данных, сумели получить веское свидетельство в пользу анатолийской версии древнейшей истории индоевропейцев.

Новозеландские исследователи опирались на глоттохронологический метод, развитый в 40–50-х годах американцем Моррисом Сводешем [1952]. Суть его сводится к тому, что в любом языке существуют слова, обозначающие некие базовые, значимые для любого человеческого сообщества понятия (можно назвать их «ядром» языка (у Сводеша и его последователей – *matrix* «матрица»)), которые в процессе языковой эволюции изменяются реже, чем слова «периферийные», не так часто используемые. Причем это относится к любому языку. Еще более интересно, что скорость замены слов, входящих в «ядро», более или менее постоянна для всех языков – это дает возможность перейти от качественных рассуждений к количественным оценкам. В «списки Сводеша» (один из них состоит из 200 слов, второй, 100-словный, является подмножеством первого) входят понятия, относящиеся к родственным связям (*мать, жена, муж...*), частям тела (*голова, ухо, спина...*), классам животных (*рыба, птица...*), рельефу и природным явлениям (*гора, озеро, небо...*), основным цветам (*красный, желтый, белый...*), геометрическим соотношениям (*короткий, длинный...*) и распространенным действиям (*держат, плыть...*), а также некоторые местоимения (*он, я, тот, кто...*). Такие слова и заимствуются редко: так, в английском языке, лексический состав которого на 50% восходит к французскому и латыни, лишь 5% списка Сводеша являются заимствованиями из романских языков. Следует подчеркнуть, что закономерное изменение слова в процессе развития языка и даже некоторая эволюция значения не считается «выпадением» из списка. Например, русское прилагательное «жёлтый», литовское «*geltonas*», исландское «*gulr*», персидское «*zard*» и английское «*yellow*» – все эти слова с общей индоевропейской основой являются, с точки зрения глоттохронологии, идентичными.

Слословный список более устойчив, чем двухсловный: за тысячелетие в них сохраняется в среднем 86% и 81% слов, соответственно. Вероятность замены слова считается не зависящей от времени (как, к примеру, вероятность распада ядра радиоактивного изотопа), а значит доля сохранившихся слов с течением времени должна убывать экспоненциально. Можно даже определить «период полураспада» языкового «ядра» – для 100- и 200-словного

списка он равен соответственно 4,6 и 3,3 тысячи лет. Если предположить, что два языка, имеющие общего предка, после разделения развивались независимо, то количество родственных слов из списка Сводеша в двух языках должно однозначно давать продолжительность их независимого существования. Например, два языка, разделившиеся 4600 лет назад, должны иметь в 100-словном «ядре» 25 совпадений (и по 50 совпадений с общим предком).

Однако постулаты глоттохронологической теории о независимом развитии языков после разделения и о равномерном ходе «глотто-хронометра» подверглись обоснованной критике. Даже в родственных языках, как выяснилось, темп эволюции «ядра» может существенно различаться. Это приводит к завышению степени родства медленно эволюционирующих языков. Если после расхождения языки интенсивно взаимодействовали и обменивались заимствованиями, то, в принципе, такие заимствования в «ядре» можно учесть и скорректировать время расхождения, но лишь если история этих языков хорошо известна. Увы, так бывает далеко не всегда. Впрочем, положение о том, что глоттохронологические данные можно использовать для относительно надежной группировки языков по степени родства и для восстановления топологии языкового дерева, никогда не оспаривалось.

По мнению исследователей из Оклендского университета, глоттохронологический метод все же способен давать достоверные количественные оценки, если рассматривать его как статистическую технику, которую просто по определению бессмысленно применять к единичному объекту. Авторы попытались датировать первую «развилку» на эволюционном древе индоевропейцев. С целью выяснить возраст этого события, Грей и Эткинсон выполнили статистический анализ родственных слов в 87 живых и мертвых индоевропейских языках (из примерно 150 известных), пользуясь лексикостатистической базой данных, и применили сложный статистический метод, используемый в популяционной генетике и позволяющий ослабить предположение о постоянстве темпа изменений в словарном «ядре». Достаточно и того, что «глотто-хронометры» в разных точках языкового дерева идут хоть и с разной скоростью, но эта скорость, во-первых, различается не на порядки величины, а во-вторых, изменяется плавно, а не скачкообразно. Исследователи генерировали миллионы случайных языковых деревьев, не заботясь об их исторической и лингвистической правдоподобности. Однако предполагалось, что скорость эволюции на ветвях дерева хоть и различна и распределена случайным образом, но разброс распределения не слишком велик.

Как выяснилось, полученные распределения уверенно указывают на возраст праиндоевропейского языка в интервале от 8 до 10 тысячелетий (точнее, от 7800 до 9800 лет с медианой распределения на 8700 лет), что укладывается во временные рамки, которые указывает анатолийская теория происхождения праиндоевропейской общности.

Эволюционное древо индоевропейских языков, восстановленное по глоттохронологическим данным, показано на рисунке 2. Длины горизонтальных ветвей пропорциональны степени изменения словарного «ядра». Красными цифрами показаны предполагаемые возрасты разделения языков, если отсчитывать их от текущего времени. Интересно, что многие из них группируются возле 5–7 тысячелетий, что не противоречит недавно полученным данным, которые указывают на появившуюся в европейском «генном пуле» в конце

неолита примесь ближневосточных генов [см., напр.: Richards, 2000; Semoni, 2000; Chikhi, Nichols, Barbujani, Beaumont, 2002].

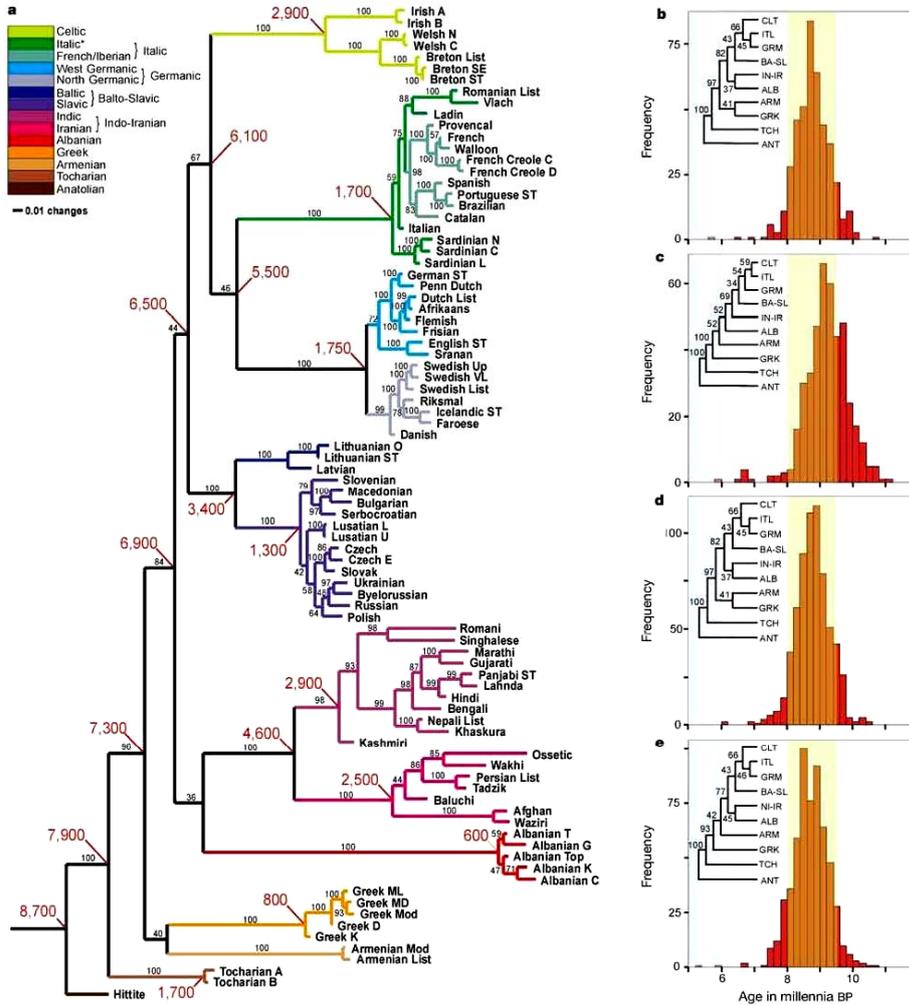

Рис. 2. Реконструкция развития индоевропейской языковой семьи.

Но всё же вопрос остается открытым. Так, некоторые лингвисты не согласны с отнесением хеттского (и других анатолийских языков) к индоевропейской семье, указывая, что хеттский и праиндоевропейский языки соотносятся не как потомок и предок, а как две ветви, идущие от общего ствола [Ср.: Gamkrelidze, Ivanov, 1995. P. 205; Rexova, Frynta, Zrzavy, 2003. P. 120–127]. С этой точки зрения разветвление, датированное в работе Грея и Эткинсона, возможно, является не концом праиндоевропейской языковой общности, а, напротив, началом ее самостоятельного существования. В этом случае обе теории, Ренфрю и Гимбутас, оказываются вполне совместимыми друг с другом. Однако второе ветвление, соответствующее отделению тохарских языков, согласно данной реконструкции, всё еще лежит вне временных рамок теории Гимбутас – а ведь тохарские языки, вне всяких сомнений, принадлежат к индоевропейской семье.

Результат исследования Грея и Эткинсона свидетельствует также о довольно быстром расхождении кельтских, балто-славянских и, возможно, индоиранских языковых семей, причем датировка этого расхождения intriguingly совпадает со временем расширения «курганых» культур, по М. Гимбутас. Тем самым, как справедливо отметил Кавалли-Сфорца, гипотезы Ренфрю и Гимбутас не являются взаимоисключающими, в какой-то степени они дополняют друг друга [Ср.: Cavalli-Sforza, Menozzi, Piazza, 1994].

Теория «Палеолитической непрерывности» относительно новая, и следует отметить тот факт, что данная гипотеза – единственная, которая была выдвинута не только археологами, но и лингвистами. Спустя несколько лет после опубликования Ренфрю своей монументальной работы, два археолога и три лингвиста независимо друг от друга представили альтернативную версию локализации индоевропейской прародины: специализирующиеся по истории среднего и позднего палеолита Центральной Европы археологи М. Отте [1995], А. Хойслер [1998; 2003; и др.] и трое представителей исторической лингвистики – М. Алинеи [2000; 2004; и др.], Г. Коста [2004] и Ц. Погирк [1992]. В дальнейшем к разработке данной гипотезы присоединились и другие исследователи, например К. Баллестер [2004] и др.

Суть данной гипотезы сводится к тезису о непрерывном развитии индоевропейской общности на территориях позднейшей ее фиксации со времени позднего палеолита (по крайней мере, мезолита), за исключением носителей индоиранских, тохарских, анатолийских и многочисленных южнобалканских языков. Данное положение опирается на многочисленные исследования представителей различных научных дисциплин: географической и исторической лингвистики, археологии, палеоантропологии, генетики и др.

Археологические доводы сводятся к утверждению отсутствия следов гигантских военных вторжений (трех огромных миграционных волн, по М. Гимбутас). Напротив, существует масса свидетельств культурной преемственности археологических культур Средней и Восточной Европы от позднего палеолита или мезолита (в зависимости от областей) до бронзового и железного веков. Даже Джеймс Мэллори, один из ведущих специалистов по индоевропеистике и ярый сторонник гипотезы Гимбутас, вынужден был признать данное положение об «относительной преемственности» [Mallory, 1989. P. 81]. Эта «непрерывность развития» подтверждает и так называемая геогенетика

(наука на стыке традиционной генетики и исторической лингвистики, основана Л. Кавалли-Сфорца), активно развивающаяся в последнее время.

Для индоевропеистики прежде всего важны следующие выводы геогенетиков: 1) ареальное распределение генетических маркеров в значительной степени соответствует современному ареалу мировых языков; 2) диалектические отклонения также соответствуют изложенному в первом пункте положению [Ammerman, Cavalli-Sforza, 1984; Contini, Cappello, Griffo, Rendine, Piazza, 1989. P. 129–130]. Более того, по результатам исследований, проведенных Брайаном Сайксом, «...80% генетического пула современных европейцев восходит к палеолиту и лишь 1/5 часть приходится на неолитические миграции» [Sykes B. 2001. P. 242].

Определенную лепту внесла и палеоантропология: исследования Ф. Тобиаса позволили сделать вывод о том, что речевая деятельность, общение, как один из видов коммуникативной деятельности человека, появляется еще у австралопитеков и становится имманентной у *Homo habilis*. Точнее, речевая функция, была вероятно, факультативна у *Australopithecus robustus* и *Australopithecus boisei*, но обязательна у *Homo habilis* [Tobias, 1996. P. 94]), а следовательно, история языков гораздо древнее, чем это представлялось традиционно. Тем самым, интервалы изменений и развития языков должны быть пересмотрены в сторону удлинения, что позволяет говорить об их большей устойчивости, а значит, различные изменения грамматических структур мировых языковых семейств, в том числе индоевропейской, не могут быть отнесены к неолитическим временам.

Основные выводы, которые можно сделать из выше перечисленных положений, следующие: 1) «прибытие» индоевропейской общности на территорию Европы и, частично, Азии следует связывать с распространением в данных регионах *Homo sapiens* в эпоху палеолита; 2) дифференцирование «протоязыка» на отдельные семьи было чрезвычайно медленным процессом, и, вероятнее всего, напрямую связанным с древнейшими миграциями популяций *Homo sapiens sapiens* из Африки.

Последствия данных положений в «практической плоскости» можно рассмотреть на примере этногенеза древних кельтов, время появления в Западной Европе которых, как и пути расселения, наиболее «традиционные» теории не могут объяснить. Сторонники антиинвазионной теории утверждают, например, что территория Западной Европы, скорее всего, начиная с мезолита, через мегалитические культуры к гальштатской и латенской культурам, всегда была кельтской, что подтверждает помимо лингвистики и археология: миграции кельтских племен фиксируются только в направлении с запада на восток, а не наоборот [Alinei, 2004. P. 52]. Соответственно, мезолитические культуры Северной Европы должны быть классифицируемы по этническому составу как протокельтские, протогерманские и протобалтские (с небольшими вкраплениями представителей уральской языковой семьи – культура Кунда, например), немного юго-восточнее находились протославянские племена. Эти довольно смелые предположения весьма слабо подтверждены археологией. В частности, не выдерживает никакой критики связывание балканских неолитических культур Димини и Сескло с протогреческими племенами. Следует заметить, что археологическая составляющая доказательств теории РСТ проработана только по отношению к тер-

риториям Западной и Северо-Западной Европы, что специально оговаривается А. Хойслером [Häusler, 2003. P. 10]. Что касается культур Южной и Восточной Европы, то предположения лингвистов в области соотнесения тех или иных этносов с археологическими культурами, в особенности М. Алинеи, выглядят по меньшей мере странными. И дело тут не столько в «непрофессионализме», сколько в тенденциозности изложения материала. Видимо, осознавая слабость своей аргументации, М. Алинеи отмечает, что «... теория РСТ удобна тем, что основное бремя ее опровержений автоматически падает на альтернативные теории...» [Alinei, 2004. P. 51]. (О проблематичности и недостаточной надежности отождествления этносов на основании сравнения археологического материала, даже весьма значительного по объему и разнообразного по представленным категориям находок, как и вообще лингвоэтнического истолкования ископаемых памятников материальной культуры, см., напр.: Монгайт, 1973. С. 77–87.) В своих работах и Алинеи, и Коста, и Погирк отвергают путь, давно ставший нормой в науке, и предпочитают иной ход работы и, соответственно, иную подачу материала: сначала они предлагают гипотезу и лишь потом подкрепляют ее позиции и промежуточные построения недостаточно продуманной аргументацией.

Что касается лингвистической стороны доказательств антиинвазионной теории, то отправным пунктом и базой исследования праиндоевропейской ономастики является только словообразовательный анализ по следующей схеме: 1) выявление характерных формантов; 2) реконструкция словообразовательных моделей; 3) этимологизация расчлененных по ранее определенным формальным признакам словоформ. Таким образом, очевидна опасность, таящаяся как в прямом сопоставлении цельных лексем малого объема, так и в произвольном морфемном членении словоформ [о недопустимости данного подхода см., напр.: Гиндин, 1981. С. 13–14].

Также необходимо оговорить некоторые моменты, связанные с интерпретацией информации, предоставляемой геогенетикой. Во-первых, сторонники теории РСТ явно спекулируют данными этой относительно молодой науки, сознательно путая далеко не всегда совпадающие антропологические и языковые характеристики. Утверждение о соответствии современному ареалу мировых языков ареального распределения генетических маркеров не позволяет говорить о языковой преемственности населения той или иной территории. Распространение языков и физическое расселение людей – это совсем не одно и то же. Языки могут распространяться не только вместе с их носителями, но и передаваться от одного этноса к другому (покоренному, испытывающему культурное влияние или оказавшемуся в такой ситуации, когда пользование чужим языком необходимо). В результате люди разного этнического происхождения оказываются говорящими на одном языке или родственных языках. Нередко наблюдается «эстафетное» распространение языка. Довольно симптоматичен пример вытеснения латынью «автохтонного» галльского языка, который затем, после прихода франков, эволюционировал во французский. Причем антропологически население территории современной Франции изменилось незначительно. Нечто подобное происходило при распространении тюркских языков с территорий нынешнего Казахстана и Синьцзяна в Среднюю Азию, где тюрки покорили и ассимилировали европеоидное население, говорившее прежде на иранских языках, а

затем из Средней Азии в Анатолию, где тюрки, происходящие в значительной степени от тюркизованных иранцев-европеоидов, покорили и ассимилировали многочисленное местное население византийской Малой Азии. В результате оказывается, что на очень близких языках говорят народы, антропологически очень далекие друг от друга: чистые южные европеоиды турки и азербайджанцы и чистые монголоиды киргизы и уйгуры.

Во-вторых, нельзя игнорировать 20-ти% изменение генетического пула современных европейцев, констатируемое Б. Сайксом и связанное с неолитическими миграциями. Как показывает тот же самый пример римского и затем франкского завоевания Галлии, для вытеснения «коренного» языка, при определенных условиях достаточно и менее чем 20-ти% «обновление» населения. Тем более, что в неолитические времена идет речь не просто о миграциях, а о переходе к принципиально новым формам производящей экономики, что неизбежно вело к кардинальным переменам всей жизни общества.

Далеко не полный, показывающий лишь основные тенденции историографический очерк показывает, что разные аспекты проблемы локализации индоевропейской прародины раскрыты на данный момент не полностью. В целом можно отметить, что перелом в подходе к индоевропейской проблематике наметился в конце 50-х – начале 60-х годов, когда расширенное изучение как археологии Центральной и Восточной Европы и прилегающих областей, так и соотношений между индоевропейской языковой семьей и другими семьями и многочисленные смежные исследования привели к выработке новых методологических основ для решения проблемы локализации прародины индоевропейцев. Именно в это время становится ясно, что решение множества вопросов, связанных с локализацией индоевропейской прародины, невозможно без привлечения данных, предоставляемых археологией, генетикой, палеоантропологией, различными естественнонаучными дисциплинами (физики, математики и т. д.), а не только наработок представителей исторической лингвистики.

Именно благодаря применению метода междисциплинарного синтеза индоевропеистика, как раздел сравнительно-исторического языкознания, получает дополнительный импульс, что несомненно способствовало и до сих пор способствует развитию данного направления. Однако «междисциплинарный эклектизм» имеет и некоторое отрицательное последствие, сказывающееся в появлении множества «дилетантов от науки», которые, нарушая все методики научного поиска, пытаются извлечь прежде всего политическую выгоду из отдельных положений (и даже строят целые «теории») индоевропеистики. Впрочем, вопросы истории индоевропейских племен всегда были излишне политизированы.

Выдвижение новых гипотез на актуальных направлениях научного поиска, безусловно, следует приветствовать, но, разумеется, лишь при условии, если они опираются на исчерпывающий охват материала и применяют современные комплексные методики исследования.

Литература:

- Андреев Н.Д.* Раннеиндоевропейский язык. М., 1986.
- Баюн Л.С.* Древняя Европа и индоевропейская проблема // История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988.
- Вавилов Н.И.* Проблема мирового земледелия в свете современных исследований // Избранные труды: В 5 т. М.; Л., 1960. Т. 5.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // Вестник Древней истории. 1980. № 3.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в древней Передней Азии // Вестник Древней истории. 1989. № 1.
- Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
- Гиндин Л.А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хеттолувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981.
- Дьяконов И.М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестник Древней истории. 1982. № 2-3.
- Иессен А.А.* К хронологии «больших кубанских курганов». М., 1950.
- Иессен А.А.* Прикубанский очаг металлургии в конце медно-бронзового века. М., 1951.
- Иессен А.А., Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Иессен А.А., Формозов А.А.* Периодизация поселений майкопской культуры // Историко-археологический сборник. М., 1962.
- Иллич-Святыч В.М.* Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.
- Кларк Г.* Доисторическая Европа. М., 1953.
- Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мерперт Н.Я.* Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Этногенез народов Балкан Северного Причерноморья. М., 1976.
- Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
- Пассек Т.С., Черныш Е.К.* Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. М., 1963.
- Ренфрю К.* Разнообразие языков мира, распространение земледелия и индоевропейская проблема // Вестник Древней истории. 1998. № 3.
- Рубин О.С.* Этнокультурные процессы в Эгеиде в эпоху бронзы (догреческий субстрат). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. Саратов, 2003.
- Салларес Р.* Языки, генетика и археология // Вестник Древней истории. 1998. № 3.
- Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958.

- Трубецкой Н.С.* Мысли об индоевропейской проблеме // Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952.
- Черных Е.Н.* Протоиндоевропейцы в системе циркумпонтийской провинции // Античная балканистика. 1987.
- Черных Е.Н.* Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
- Шилов Ю.А.* Прародина ариев. Киев, 1993.
- Alinei M.* Interdisciplinary and linguistic evidence for Paleolithic continuity of Indo-European, Uralic and Altaic populations in Eurasia, with an excursus on Slavic ethnogenesis // Quaderni di semantica. 2004. № 26.
- Alinei M.* The Paleolithic Continuity Theory on Indo-European Origins: An Introduction. L., 2004.
- Alinei M.* Towards a generalized continuity model for Uralic and Indo-European languages // The Roots of Peoples and Languages of Northern Eurasia IV, Oulu, 2000.
- Ammerman A.J., Cavalli-Sforza, L.L.* The Neolithic transition and the genetics of population in Europe. Princeton, 1984.
- Ballester X.* The First Germanic Origin of the English Language. L., 2004.
- Bammesberger A.* Did the «Indo-Europeans» collide with «Pre-Indo-Europeans»? // Lithuanian quarterly journal of arts and sciences. 1994. Vol. 40, № 1.
- Cavalli-Sforza L. L., Menozzi P., Piazza A.* The history and geography of human genes. Princeton, 1994.
- Chernykh E.N.* Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge, 1992.
- Chikhi L., Nichols R.A., Barbujani G., Beaumont M.A.* Y genetic data support the Neolithic Demic Diffusion Model // Proceedings National Academia Science USA. 2002. Vol. 99.
- Childe V.G.* The Danube in prehistory. Oxf., 1929.
- Childe V.G.* The Prehistory of European Society. L., 1958.
- Contini M., Cappello N., Griffo R., Rendine S., Piazza A.* Geolinguistique et geogenetique: une demarche interdisciplinaire // Geolinguistique. 1989. Vol. 4.
- Costa G.* Linguistica e preistoria. I: evoluzione delle lingue e delle culture // Quaderni di Semantica. 2004. Vol. 25 (2).
- Drews R.* The Coming of the Greeks: Indo-European Conquests in the Aegean and the Near East. Princeton, 1988.
- Ehret C.* Language Change and the Material Correlates of Language and Ethnic Shift // Antiquity. 1988. № 62.
- Encyclopedia of Indo-European Culture. Fitzroy-Dearborn, London, Chicago. 1997. *Finkelberg M.* Anatolian Languages and Indo-European Migrations to Greece // Classical World. 1997. 91.
- Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V.* Trends in Linguistics 80: Indo-European and Indo-Europeans. Berlin., 1995.
- Gimbutas M.* Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Mouton, 1964.
- Gimbutas M.* The first wave of Eurasian steppe pastoralists into Copper Age Europe // Journal of Indo-European Studies. 1977. Vol. 5.
- Gimbutas M.* The God and Goddesses of Old Europe. 7000–3500 B. C. L., 1974.

- Gimbutas M.* The Kurgan wave № 2 (c. 3400–3200 B. C.) into Europe and the following transformation of culture // *Journal of Indo-European Studies*. 1980. Vol. 8.
- Gray R.D., Atkinson Q.D.* Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // *Nature*. 2003. Vol. 426.
- Haley J. B.* The Coming of the Greeks I: The Geographical Distribution of Pre-Greek Place Names // *American Journal of Archaeology*. 1928. Vol. 32.
- Hammond N. G. L.* Migrations and Invasions in Greece and Adjacent Areas. Park Ridge., 1976.
- Häusler A.* Nomaden, Indogermanen, Invasionen. Zur Entstehung eines Mythos. Halle-Wittenberg, 2003.
- Häusler A.* Überlegungen zum Ursprung der Indogermanen // *The Roots of Peoples and Languages of Northern Eurasia (Turku 30.5-1.6.1997)*, Societas Historiae Fenno-Ugricae - Turku, 1998.
- Hooker J.T.* Mycenaean Greece. Boston, 1976.
- Hooker J.T.* The Coming of the Greeks // *Historia*. 1976. № 15.
- Mallory J.P.* In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. L., 1989.
- Otte M.* Diffusion des langues modernes en Eurasie préhistorique // *C.R. Acad. Sc. Paris*. 1995. T. 321. Serie II a.
- Poghirc C.* Pour une concordance fonctionnelle et chronologique entre linguistique, archéologie et anthropologie dans le domaine indo-européen // *Rekonstruktion und relative Chronologie*. Innsbruck, 1992.
- Rassamakin Y.Y.* The main directions of the Early Pastoral Societies of Northern Pontic Zone: 4500–2450 B. C. (PreYamnaya Cultures and Yamnaya Culture) // *Nomadism and Pastoralism in the Circle of Baltic-Pontic Early Agrarian Cultures: 5000–1650 B. C.* Poznan, 1994.
- Renfrew C.* Archaeology and Language: the Puzzle of Indo-European Origins. L., 1987.
- Rexova K., Frynta D., Zrzavy J.* Cladistic analysis of languages: Indo-European classification based on lexicostatistical data // *Cladistics*. 2003. Vol. 19.
- Richards M.* Tracing European founder lineage in the Near Eastern mtDNA pool // *American Journal of Human Genetics*. 2000. Vol. 67.
- Semoni O.* The genetic legacy of Paleolithic *Homo Sapiens* in extant Europeans: a Y chromosome perspective // *Science*. 2000. Vol. 290.
- Sherratt A., Sherratt S.* The Archaeology of Indo-European: an Alternative View // *Antiquity*. 1988. № 62.
- Swadesh M.* Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts. Philadelphia, 1952.
- Sykes B.* The seven daughters of Eve. London, 2001.
- Tobias P. V.* The evolution of the brain, language and cognition // *Lithic Industries, Language and Social Behaviour in the First Human Forms*. Forli, 1996. Vol. 4.
- Wyatt W.F.* The Indo-Europeanization of Greece // *Indo-European and Indo-Europeans*. Philadelphia, 1970.
- Zvelebil M.* Hunters in Transition. Cambridge, 1986.

Лопатин В.А., Четвериков С.И.

РОДОВОЙ НЕКРОПОЛЬ ПЕСКОВАТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

В конце прошлого столетия при обсуждении проблем, связанных с определениями категорий археологических культур и их этнокультурной идентификации, было сформулировано понятие о «комплексе памятников» [Захарук, 1987. С. 16–20; 1987. С. 10–25; 1990. С. 8]. Под некоторыми совокупностями исследовательских объектов подразумевалось наиболее удачное сочетание мест обитания и захоронения гипотетических групп первобытного населения. Признавалось несомненным, что данный тип артефактов открывает для археологии широкие возможности исследований на качественно более высоком уровне. Комплексное соотнесение всех культуuroобразующих признаков: типов жилищ и погребальных сооружений, инвентаря и керамики бытового и ритуализированного комплексов, остеологических компонентов, – формировало максимально полную источниковедческую базу. Её систематизация и культурно-историческая интерпретация позволяли в дальнейшем вплотную подойти к решению вопросов этносоциокультурного моделирования и, в том числе, реконструкции религиозно-мифологических систем.

Следует отметить, что попытки соотносить поселения эпохи поздней бронзы с ближайшими погребальными памятниками – курганами и грунтовыми могильниками – предпринимались неоднократно. Так, уже в конце 20-х годов Т.М. Минаева высказывала предположение о том, что некоторые курганные комплексы эталонного Покровского могильника могли быть оставлены обитателями ближайшего Покровского селища [Минаева, 1929. С. 319–321]. Исследователи возможную преемственность не только в пространственной близости памятников, но, работая с археологическими материалами, прежде всего обосновывали свои выводы на сравнении керамических комплексов – наиболее доступных индикаторов культурной близости.

Публикации «комплексов памятников», представленные в системе общего анализа, до сих пор крайне редки. Как правило, эти данные вводятся в научный оборот отдельно, иногда с обычной констатацией возможного этнокультурного единства поселения и могильника. Отметим известную работу О.А. Кривцовой-Граковой, вышедшую вскоре после войны, и две статьи В.С. Стоколоса о кизильских поселениях и могильнике, опубликованные в одном сборнике, определённо отражающие попытки представить

соотношения комплексов [Кривцова-Гракова, 1948; Стоколос, 2004. С. 207–236; Стоколос В.С, Стоколос Г.И., С. 237–256].

Недостаточно полно представлен в печати некрополь Преображенского поселения [Лопатин, Филимонова, 2003. С. 248–253]. Основное внимание авторов было уделено выявлению типологических связей между погребальным и поселенческим керамическими комплексами. Правда, это принесло некоторые результаты. Был сделан вывод о реально возможной принадлежности отдельных погребений, исследованных в трёх курганах Преображенской группы, населению расположенного поблизости поселения ранней срубной культуры. Отмечено также, что баночные сосуды представлены в культурных отложениях и в погребальном обряде почти в равном соотношении, а остроорёберные и слабопрофилированные формы резко диссонируют. Реберчатые сосуды используются в захоронениях гораздо чаще, чем округлобокие [Лопатин, Филимонова, 2003. С. 249, табл. 1]. Выведенная статистика конкретизировала, таким образом, сакральные характеристики керамических форм преображенского комплекта памятников, но прочие многочисленные параметры остались вне анализа.

Наиболее фундаментально, в большой монографии, опубликован Большекараганский некрополь Аркаима, где авторам удалось осуществить поистине полное, комплексное исследование на многих уровнях археологического анализа с привлечением данных палеоантропологии, металлографии, остеологии, петрографии, биохимии и даже археоастрономии [Зданович и др., 2002]. Вполне убедительны и показательны результаты этносоциокультурных реконструкций, воссоздающих гипотетическую модель позднепервобытного общества зауральской «страны городов».

Совершенно очевидно, что «комплекты памятников» необходимо исследовать в комплексе, представляя в печати полные и разноуровневые характеристики артефактов: топографические наблюдения, жилищные комплексы поселений, планиграфию и стратиграфию могильников, сравнительный анализ систематизированных керамических комплексов мест обитания и захоронения, подобное же исследование по вещевому инвентарю и остеологическим материалам, антропологические заключения, результаты почвоведческих, минералогических, споро-пыльцевых, спектральных, радиоуглеродных анализов.

Безусловно, подобный фундаментальный подход к проблеме «комплекта памятников» требует значительных средств, времени, гигантских трудозатрат. Прежде всего, обе составляющие «комплекта» – как поселение, так и могильник – должны быть полностью раскопаны, а полученные материалы необходимо обстоятельно систематизировать. Реальная возможность именно такого решения задачи сложилась в Саратове после завершения полевых исследований поселения и кургана на реке Мокрая Песковатка. Эта работа уже ведётся, и песковатский «комплект» получит максимально полное освещение в монографическом варианте уже в ближайшем будущем. В предлагаемой вниманию читателей статье авторы несколько смещают основной акцент в социокультурный аспект проблемы с целью продемонстрировать неоспоримую конкретность самого явления, его замкнутость и ненарушенность в диахронии исторического пространства. Вниманию читателя предлагается описание некрополя, оставленного представителями одной позднеродовой общины, патриархальной скотоводческой семьи, жившей на берегу Песко-

ватки в середине II тыс. до н. э. К сожалению, этот материал ещё не получил уточнённых антропологических характеристик, но яркая обрядность, интересный набор вещей, отчасти диагностирующих половозрастные и социальные категории, несколько восполняют этот пробел.

Раскопки кургана на Мокрой Песковатке археологическая экспедиция Саратовского государственного университета проводила в 2005 году. В непосредственной близости от него располагалось поселение срубной культуры, полностью исследованное в предыдущем полевом сезоне. В совокупности они представляют собой типичный «комплект памятников» – место обитания и могильник. Курганная насыпь стояла на слабом всхолмлении первой надпойменной террасы правого берега речки Мокрая Песковатка. Данный участок террасы ограничен заболоченной речной поймой и устьем обширной древней балки, ложе которой подпитывается слабыми родниками. Непосредственно по реке Песковатке здесь проходит административная граница между Саратовской и Волгоградской областями. В 6 км к северо-востоку от этого места находится село Большие Копены Лысогорского района Саратовской области. Вдоль западной полы кургана, в южную сторону, накатана полевая дорога из Больших Копен в деревню Песковка соседней области. Расстояние между курганом и срубным поселением, полностью раскопанным в 2004 году, составляло всего 100 м (рис. 1). Других курганов поблизости нет.

Искусственная насыпь была хорошо заметна на дневной поверхности. Несколько растянутая с юга на север, она имела овальную форму в плане и полусферический профиль. Северная пола кургана более крутая, южная заметно положе. К моменту раскопок насыпь была полностью задернована, но с юго-запада на северо-восток через её центр проходил земляной вал шириной 0,75 м и высотой 0,2 м, ограничивавший старопашотный участок. Современные размеры насыпи 24 x 19 м, высота на дневной поверхности – 0,6 м. Координаты памятника по GPS-привязкам – N 51°07,680'; E 044°57,637'.

Раскопки имели комплексный характер, проводились с применением как ручного, так и механизированного труда. Массив курганной насыпи был разработан при помощи землеройной техники, которая привлекалась также для восстановительно-рекультивационных мероприятий по окончании исследовательских работ. Вручную производились зачистки вертикалей стратиграфической бровки и горизонтальных плоскостей при выявлении могильных пятен, работы по выборке заполнений, проверке сурчиных перекопов, расчистке погребальных комплексов. Для фиксации уровней и очертаний, отдельных находок в насыпи, курганной стратиграфии и планиграфии, расчищенных погребений, для съёмки планов и составления фотодокументации использованы современные технические средства (нивелир – теодолит «Setl», цифровые фотокамеры «Pentax-optio 33 WR», навигационный прибор GPS «Garmin»). Непосредственно в полевых условиях оперативно проводилась первичная обработка и реставрация материалов, выполнение чертежей и рисунков, подробное описание работ и находок. Компьютерная обработка графики и фотоматериалов, создание текста и иллюстраций настоящей публикации осуществлялись в Учебно-научной археологической лаборатории исторического факультета Саратовского государственного университета.

Перед началом земляных работ курган был тщательно обмерян и про-нивелирован по меридиональной оси через каждый метр. Грунт насыпи снят

полностью, по всей площади до материка. Для наблюдения за стратиграфией и удобства фиксации отдельных находок и погребений оставлена одна осевая бровка шириной 1 м, ориентированная по линии «север – юг» (рис. 2). Стратиграфические данные: 1) дерновый гумусированный слой – плотная черная супесь (0,05–0,15 м); 2) старопахотный слой – разрыхлённая супесь темно-серого цвета (0,15–0,38 м); 3) аллювиальный прослой – наносная черная супесь с включениями мелкого мелового щебня (0,05–0,5 м), этот слой выявлен в южной части насыпи, вероятно, сползавший со склона террасы по промоине, заплывшие остатки которой ещё заметны за южным краем кургана; 4) насыпь – плотная супесь серого цвета с включениями опочного щебня (0,10–0,63 м), сверху она повреждена старой распашкой и несколько растянута в северном направлении, южный край нарушен указанной промоиной, насыпной грунт сильно насыщен солями, отчего все обнаруженные здесь костные остатки покрыты толстой минерализованной коркой, трудно отделяемой от скелетной основы; 5) погребенная почва – плотная супесь с прослоями суглинка темно-коричневого цвета, насыщенная мелким опочным щебнем (0,05–0,73), этот слой прослежен под северной половиной насыпи, а от центра, в южном направлении, он несколько меняет консистенцию и цветовые характеристики, суглинистые прослои в супеси становятся светло-коричневыми, мощностью до 0,37 м, слой погребенной почвы отличается от верхних напластований повышенной влажностью, а также высоким содержанием солей, которые быстро кристаллизуются на зачищенных поверхностях в виде белого порошкообразного налета; 6) материк – влажная и вязкая глина жёлтого цвета с мелкой меловой опокой. В северной части кургана материковая глина имеет примесь песка, отчего здесь плотность её заметно снижается. Верхние уровни материковой подошвы сильно повреждены активной жизнедеятельностью мелких землероев, долговременная колония которых выявлена в северной части насыпи. Вероятно, на этом месте до сооружения кургана имелось небольшое материковое поднятие. Наблюдается естественное плавное падение уровня материка в северном направлении – к краю террасы.

В ходе земляных работ в насыпи кургана были выявлены отдельные находки: часть ручного жернова, изготовленного из крупнозернистого песка, со следами сработанности на обеих сторонах и каналом от вставной рукояти; фрагмент венчика лепного сосуда с прочерченными горизонтальными линиями на внешней стороне; обломок каменного терочника овальной формы со следами сработанности; два фрагмента гончарных сосудов золотоордынского времени с горизонтальными линиями на внешней стороне. Здесь же были обнаружены обломки и целые отдельные кости людей и животных. Относительно более плотное их скопление отмечено в северо-восточном секторе кургана, в непосредственной близости от погребения № 3 (рис. 2).

В предлагаемой публикации данные погребальной обрядности выведены в отдельную таблицу, где учтены типы и параметры могильных сооружений, позиции погребений в планиграфии и вертикальном пространстве кургана, положения и ориентировки умерших, их относительные возрастные характеристики, детали внутренних интерьеров могил и категории инвентаря с необходимыми пояснениями в примечаниях (табл. 1). Это позволило сократить рабочие описания комплексов, уделить больше внимания их особым признакам.

Погребение 1 выявлено в насыпи, почти на уровне погребенной почвы, в 3 м к юго-востоку от центра кургана (рис. 2). Однородность грунта не позволила установить очертания могильной ямы. Здесь расчищен скелет подростка, сильно потревоженный землероями. Кости скелета покрыты толстой, трудно отделяющейся известково-соляной коркой серого цвета. Судя по сохранившимся остаткам, умерший был захоронен в скорченной позе, на левом боку, головой к северу. Череп лежал на своем основании, обращенный лицевым отделом к востоку. Руки были согнуты в локтевых суставах, запястьями уложены перед лицом. Ноги подогнуты в коленях, стопы притянуты к тазу. Никаких предметов погребального инвентаря возле скелета не обнаружено. По ориентировке и положению умершего, захоронение можно отнести к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 2 зафиксировано в западной поле кургана, в грунтовой яме, на расстоянии 2,3 м к северо-западу от центра. При зачистке материка выявить очертания могильного пятна было невозможно из-за плотного скопления нор землероев. Это удалось при контрольном перекопе верхнего уровня материковой глины. Могильная яма имела подпрямоугольную форму с закругленными углами и неровными очертаниями. Более длинными сторонами она была ориентирована с юга на север. Стенки ямы вертикальные, с плавным переходом в горизонтальную плоскость дна, имеющего незначительное понижение в центральной части. Могила и кости скелета сильно потревожены грызунами.

На дне ямы, на тонкой органической подстилке светло-серого цвета лежал скелет взрослого человека, погребенного в скорченной позе, на левом боку с завалом на грудь, головой к северу (рис. 3, 1). Лицевой отдел черепа обращен на юго-восток. Руки согнуты в локтевых суставах, кисти протянуты к лицевой части черепа. Ноги резко подогнуты в коленных суставах. Пяточная кость правой ноги лежала у таза, а фаланги левой стопы были направлены к южной, короткой стенке могилы. За спиной и возле левого колена погребенного зафиксированы мелкие угли.

Около локтевого сустава правой руки обнаружен развал лепного слабо-профилированного сосуда, короткий венчик которого слегка отогнут наружу (рис. 5, 1). Плоский срез устья украшен оттисками зубчатого штампа в виде зигзага, переходящего в неровную линию. По шейке сосуда тем же штампом нанесен короткошаговый зигзаг, к вершинам которого примыкают короткие вертикальные отрезки. Дно сосуда ровное. Фактура рыхлая, черного цвета, с примесью шамота, дресвы и мелкого песка. Обжиг неровный, восстановительного типа. Цвет внешней поверхности от светло-бурого до темно-коричневого. Диаметр сосуда по устью – 14,2 см, диаметр наибольшего расширения тулова – 14,6 см, диаметр дна – 11 см. Высота сосуда – 12,6 см.

Возле правого крыла таза лежала костяная пряжка ромбовидной формы с закругленными уголками, с большим центральным и малым боковым отверстиями, вогнутая по продольной оси (рис. 5, 4). Длина пряжки – 4 см, ширина – 3,15 см, диаметр большого отверстия – 1,7 см, малого – 0,6 см. Толщина – 0,3–0,4 см.

Характер обрядности и погребального инвентаря позволяет относить данное захоронение к началу эпохи поздней бронзы.

Погребение 3 выявлено в северной части кургана, в сильно перемешанной норами грызунов погребенной почве темно-коричневого цвета, на расстоянии 7 м к северо-западу от центра. Могильное пятно заметно выделялось более светлым цветом перемешанного заполнения на фоне гумусированного грунта. Яма имела в плане неправильную яйцевидную форму с сильно закругленной восточной и более широкой западной стенками. Она ориентирована длинной стороной по линии «запад – восток».

На дне могилы расчищен скелет пожилого человека, захороненного в скорченной позе на левом боку, головой к востоку (рис. 3, 2). Лицевая часть черепа обращена в южную сторону. Руки согнуты в локтевых суставах. Кисть левой руки протянута к лицу, правая лежала на левом плече. Ноги подогнуты в коленях, стопы сведены вместе.

Между длинной южной стенкой ямы и голеньями погребённого человека расчищен развал глиняного лепного сосуда, завалившегося набок, устьем к западной стене. Это высокий, слабопрофилированный горшок без орнамента, с коротким, слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 3). Его плечико покрыто рельефными горизонтальными расчёсами, напоминающими каннелюры. Ниже максимального расширения тулова имеются следы грубых косых сглаживаний внешней поверхности. Основание сосуда оформлено придонным налепом. Дно ровное, устойчивое. Фактура глиняного теста рыхлая, черного цвета, с примесью шамота, дресвы и мелкого песка. Обжиг костровой, неравномерный, восстановительного характера. Цвет внешней поверхности от буроватых до серо-коричневого оттенков. Диаметр устья – 17,8 см, диаметр наибольшего расширения тулова – 20 см, диаметр дна – 11,2 см. Высота сосуда – 20,8 см.

Под скелетом, в одном из отнорков, обнаружен бесформенный фрагмент бронзовой пластинки с отверстием, очевидно, от лоскутной оббивки деревянной посуды, которая не сохранилась (рис. 5, 2).

Особенности погребального обряда и характер инвентаря указывают на принадлежность третьего захоронения к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 4 зафиксировано в южной части подкурганного пространства, в материковой яме, в 6 м к юго-западу от центра. Могильное пятно было хорошо заметно на желтом фоне материка. Заполнение ямы – гораздо более темный, перемешанный грунт, состоящий из фракций погребенной почвы и материковой крошки. Могильная яма имела прямоугольную форму с неровными стенками и была ориентирована более длинной стороной с юго-запада на северо-восток. Стенки вертикальные, дно ровное, с незначительным понижением в центральной части.

На дне могилы обнаружен скелет молодого человека, лежавший в середине, скорченно, на левом боку с сильным завалом на грудную клетку, черепом к северо-востоку (рис. 3, 3). Лицевая сторона черепа обращена в юго-восточную сторону. Руки были резко согнуты в локтевых суставах, левая прижата к грудной клетке, кисть под нижней челюстью, кисть правой руки лежала на подбородке. Ноги подогнуты в коленях, стопы сведены вместе. Под костями скелета прослеживался органический тлен темно-коричневого цвета.

Между южной продольной стенкой могилы и правым плечем умершего стоял лепной слабопрофилированный сосуд без орнамента, с коротким пря-

мым венчиком (рис. 5, 5). Край устья закруглен. Стенки нижней части тулова плавно суживаются к ровному, устойчивому доньшку. Выше наибольшего расширения, на внешней поверхности сосуда заметны глубокие борозды горизонтального сглаживания. Глиняное тесто плотное, черного цвета, с примесью шамота, дресвы и мелкого песка. Обжиг неравномерный, костровой. Цвет внешней поверхности буроватых и светло-коричневых оттенков. Диаметр устья – 16,6 см, диаметр максимального расширения тулова – 18,4 см, диаметр днища – 9,8 см, высота 15 см.

Возле тазового отдела скелета стоял второй, также неорнаментированный сосуд баночной формы с закрытой профилировкой (рис. 5, 6). Срез устья уплощенный, с уклоном внутрь. Стенки плавно суживаются к несколько выпуклому, неустойчивому днищу. Как на внешней, так и на внутренней сторонах горшка заметны слабые разнонаправленные следы от сглаживания. Глиняное тесто плотное, черного цвета, с примесью шамота, дресвы и мелкого песка. Обжиг костровой, неравномерный, восстановительного типа. Внешняя поверхность имеет разнообразные оттенки – от светло-коричневого до темно-бурых. Диаметр устья – 14 см, диаметр наибольшего расширения тулова – 14,7 см, диаметр днища – 8,2 см. Около скелета зафиксированы кости мелкого рогатого скота.

По всем отмеченным признакам погребение № 4 можно отнести к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 5 обнаружено в середине подкурганного пространства, в плотной серой супеси, слагавшей насыпь, на глубине 0,64–0,68 м от нулевого репера. Заполнение могилы сильно переотложено в результате активной жизнедеятельности землероев, из-за чего проследить ее края по цветовым характеристикам, при горизонтальной зачистке, а также при осмотре вертикальной плоскости бровки, было невозможно. Правда, ее заполнение явно отличалось по плотности грунта, оно было более рыхлым. По-видимому, могильная яма имела овальную, вытянутую с севера на юг форму.

На дне обнаружены остатки детского скелета, по расположению которых видно, что умерший был захоронен в скорченной позе, на левом боку, головой к северу. Ноги подогнуты в коленях, стопы направлены к южной стенке ямы. Возле таза зафиксирована половинка приземистого неорнаментированного сосуда баночной формы с закрытым профилем (рис. 5, 7). Глиняное тесто уплотненное, черного цвета, с примесью шамота и дресвы. Диаметр устья – 14 см, диаметр наибольшего расширения тулова – 14,6 см, днища – 8,8 см, высота сосуда – 9,4 см. Погребение отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 6 выявлено в середине подкурганного пространства, в материковой яме, в 1,75 м восточнее условного центра. Могильное пятно заметно выделялось на фоне желтой материковой глины. Заполнение ямы – грунт темно-коричневого цвета с материковой крошкой и перемешанными фракциями из перекопов грызунов. Яма имела овальную, вытянутую с юга на север форму с неровными стенками. Края и дно могилы изрядно повреждены грызунами. Стенки вертикальные, плавно переходящие в горизонтальную плоскость дна, которое слегка понижалось в центральной части.

В центре могилы выявлено парное погребение взрослого человека и ребенка (рис. 3, 4). Взрослый человек похоронен в скорченной позе, на левом

боку, головой к северу, при этом лицом обращён к юго-востоку, в сторону ребенка. Позвоночник сильно изогнут, шейный отдел отсутствует. Руки согнуты в локтевых суставах. Кисть левой руки лежала на черепе ребёнка, правая рука, притянутая к груди, кистью перекрывала детский скелет. Ноги, подогнутые в коленях, сведены вместе, стопы направлены к южной стенке.

Ребенок был уложен с левой стороны от первого погребенного, скорченно на спине, головой на левом предплечье взрослого человека. Правая рука резко согнута в локте, кисть протянута к нижней челюсти. Ноги резко подогнуты в коленях, которые направлены в правую сторону, к взрослому умершему. По всему было заметно, что взрослый человек как бы «обнимает» ребёнка и что эта позиция преднамеренно была придана парному комплексу непосредственно при захоронении.

Под костями скелета взрослого человека прослежены остатки органической подстилки темно-коричневого цвета, а в области височных долей его черепа обнаружены мелкие, сильно окислившиеся обломки желобчатых височных подвесок овальной формы, свёрнутых в 1,5 оборота. Общие размеры украшений установить невозможно. Судя по сохранившимся фрагментам, наибольшая их ширина – 5 мм, наименьшая – 2,5 мм, толщина – 1 мм.

Парное захоронение № 6 также следует отнести к срубной археологической культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 7 было зафиксировано в центре подкурганного пространства, на уровне погребенной почвы, на глубине 0,95–0,99 м от условной нулевой отметки. Грунт на этом участке сильно перемешан грызунами. Здесь были найдены фрагменты детского черепа, обломок длинной кости, фаланга стопы и развал глиняного лепного сосуда.

Вероятнее всего, ребенок был погребен на левом боку, скорченно, с подогнутыми ногами, головой к северу. В ноги ему был поставлен лепной слабопрофилированный сосуд с коротким, отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 8). На шейке сосуда имеется орнамент в виде горизонтального ряда косых отрезков, оттиснутых коротким зубчатым штампом. Днище горшка слегка вогнуто. Глиняное тесто уплотненное, черного цвета, с примесью шамота, дресвы и мелкого песка. Обжиг неравномерный, костровой. Внешняя поверхность серого цвета, со светло-коричневыми пятнами. Диаметр устья – 14,8 см, диаметр наибольшего расширения тулова – 15 см, диаметр днища – 7,8 см, высота – 10 см. Седьмое погребение также относится к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 8 выявлено в северо-восточной части кургана, в заполнении большой могильной ямы захоронения № 9, в 4,5 м к северо-востоку от условного центра. Заполнение большой ямы – перемешанный грунт темно-коричневого цвета. В её северо-западном углу, в грунте, заполнявшем могилу, был обнаружен потревоженный грызунами скелет ребенка (рис. 4, 1).

Могильная яма погребения 8, очевидно, имела вытянутую овальную форму и была ориентирована длинной стороной с юго-востока-востока на северо-запад-запад. Данному предположению соответствует незначительное искажение северо-западного края большой могилы, в створ которой попало впускное погребение ребёнка.

Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, обращенный черепом в западную сторону, лицевым отделом к югу. Материковое дно детской могилы

прослеживалось только здесь, под черепом. Руки были слабо согнуты в локтевых суставах и расставлены в стороны, кисти у таза. Ноги свободно вытянуты и слегка разведены. Никаких предметов погребального инвентаря при скелете не оказалось.

Судя по характеру обряда и положению умершего, восьмое захоронение предположительно можно отнести к эпохе позднего средневековья.

Погребение 9 обнаружено на том же участке, в 2,3 м к северо-востоку от центра подкурганного пространства. Края и стенки могильной ямы по всему периметру сильно повреждены землероями. В западной стене, на глубине 1,61–1,63 м от вершины кургана, выявлена преднамеренно оставленная здесь материковая ступенька шириной 0,4–0,55 м, высота которой от уровня дна могилы составляла 0,28 м. Вероятно, в восточной стенке также была устроена подобная деталь, однако грызуны оставили от неё лишь сильно перерытую массу материкового грунта. На основании данных наблюдений можно предположить, что погребальная конструкция девятого захоронения представляла собой сложную яму с боковыми ступенями. Погребальная камера приобрела, таким образом, форму прямоугольника с закругленными углами. Её дно плавно понижалось в восточном направлении.

На дне, у западной стенки камеры, расчищен скелет взрослого человека, погребённого скорченно, на левом боку с лёгким завалом на спину, к основанию ступеньки, головой к северо-востоку, а лицом в юго-восточную сторону (рис. 4, 1). Руки согнуты в локтевых суставах, кисти приближены к лицевой части черепа. Рядом с ними в естественном сочленении лежали крыло таза и некоторые кости ноги мелкого рогатого скота. Ноги умершего подогнуты в коленях. Стопы сведены вместе и фалангами направлены к южной стенке ямы.

Возле черепа зафиксирован небольшой темно-коричневый комок органического глена от подстилки. Рядом с северной стенкой обнаружено полированное навершие булавы, лежавшее на боковой поверхности, проушиной с юга на север (рис. 4, 1–1; 5, 11). Оно изготовлено из зеленовато-серого кальцита, ближайшее месторождение которого известно в районе г. Жирновска Волгоградской области. В основании предмета выделена короткая втулка, внешний диаметр которой равен 3 см, а высота 0,3 см. Поперечный диаметр булавы – 5,5 см, общая высота – 5 см. Центральное отверстие сквозное, конусовидное, суживающееся к вершине. Нижний диаметр отверстия – 1,6 см, верхний – 1,35 см.

Возле локтевых суставов рук обнаружена поясная пряжка, изготовленная из массивной створки ископаемой раковины (рис. 5, 12). Деталь пояса имеет округлую форму, она оснащена большим центральным и малым боковым отверстиями. Диаметр пряжки – 4,6–4,9 см, диаметр центрального отверстия – 1,7 см, диаметр маленького бокового отверстия – 0,4 см. Толщина изделия от 0,3 до 0,6 см.

У колена правой ноги лежала костяная полированная втулка, вероятно, от деревянной рукояти плети или от древка булавы (рис. 5, 13). Внешняя поверхность втулки рельефно вогнута, что придаёт изделию характерную «приталенную» форму. Внешние боковые бортики втулки оформлены резным орнаментом в виде короткошагового зигзага. Наибольший диаметр по краям бортиков – 2,4 см, наименьший по вогнутой середине – 1,8 см. Диаметр сквозного отверстия – 1,4 см.

Между левым коленом и восточной стенкой стоял лепной слабопрофилированный сосуд с высоким, отогнутым наружу венчиком. Горшок не орнаментирован (рис. 5, 10). На внешней стороне сосуда заметны следы вертикального сглаживания. Глиняное тесто плотное, черного цвета, с примесью шамота, дресвы и мелкого песка. Обжиг неровный, восстановительного характера. Цвет внешней поверхности от светло-коричневого до красноватых оттенков. На венчике заметны черные следы от нагара пищи. Диаметр устья – 17,6 см, диаметр наибольшего расширения тулова – 19 см, диаметр доньшика – 10 см. Высота горшка – 17,8 см.

Данное захоронение также относится к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 10 было выявлено в южной части кургана, в материковой яме, на расстоянии 5,7 м к юго-востоку от условного центра. Заполнение могилы четко выделялось однородным коричневым цветом на желтом фоне материковой глины. Верхние края ямы, её стенки и дно были сильно повреждены землероями. Могила имела форму прямоугольника с закругленными углами и неровные стенки. Более длинной стороной она была ориентирована с юга на север. Стенки слегка суживали размеры ямы по мере приближения ко дну, несколько приподнятому в центральной части.

На дне ямы обнаружен скелет подростка, который был похоронен в скорченной позе, на левом боку с завалом на грудь, головой к северо-востоку (рис. 4, 2). Скелет частично разрушен грызунами. Череп обращён лицевой частью к юго-востоку. Руки согнуты в локтях, кисти протянуты к черепу. Ноги подогнуты в коленях, стопы сведены вместе, фаланги направлены к южной стенке могилы.

Возле левого колена умершего был поставлен небольшой сосуд баночной формы (рис. 5, 9). Срез устья уплощён и украшен косыми насечками. Стенки тулова, имеющие в верхней части вертикальную профилировку, плавно суживаются к ровному, устойчивому днищу с небольшим придонным наплывом. На внешней поверхности заметны следы косоугольного сглаживания. Глиняное тесто уплотненное, черного цвета, с примесью шамота и дресвы. Обжиг неравномерный, костровой. Цвет внешней поверхности от светло-коричневого до ярко-рыжего оттенка. Диаметр устья – 11,4 см, диаметр днища – 8,6 см, высота горшка – 10 см. Рядом с сосудом, сложенные горстью, лежали пять бараньих альчинок.

По всем признакам десятое погребение также должно быть отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 11 находилось в южной части кургана, в материковой яме, на удалении 9,35 м к юго-востоку от условного центра. Заполнение ямы – перемешанный бурый грунт с кусками желтой материковой глины и выбросами из нор грызунов. Форма могилы прямоугольная, углы округлены, короткие стенки неровные. Длинной стороной яма ориентирована с юго-запада на северо-восток. Стенки вертикальные, дно незначительно понижалось в северо-восточную сторону.

На дне ямы обнаружен скелет взрослого человека, погребённого в скорченной позе, на левом боку с небольшим завалом на спину, головой к северо-востоку (рис. 4, 3). Лицевой отдел черепа обращён к югу. Руки согнуты в локтевых суставах, при этом левая была несколько отставлена в сторону, а её

кисть повернута к черепу. Правая рука, напротив, была прижата к груди, а кисть лежала рядом с левым предплечьем. Ноги резко подогнуты в коленях и плотно сведены, стопы притянуты к тазу.

На запястье правой руки и на левом предплечье зафиксированы мелкие обломки сильно окислившись и почти полностью распавшихся бронзовых желобчатых браслетов. Их приблизительный диаметр 4–4,5 см, ширина – 0,5 см.

Все отмеченные признаки погребального обряда и предметы, найденные в погребении № 11, позволяют отнести данный комплекс к срубной археологической культуре эпохи поздней бронзы.

По завершении исследований в захоронениях песковатского кургана на месте раскопок были проведены все необходимые работы по полной рекультивации почвенных покровов с восстановлением плодородного слоя. Вначале на территорию раскопа и особенно в полости выбранных могильных ям при помощи техники были возвращены мёртвые грунты (суглинки с опочными фракциями и материковая глина), а затем площадь рекультивации перекрывалась заранее отделёнными поверхностными гумусированными почвами. В завершение площадка была тщательно сnivelирована, что должно способствовать скорейшему восстановлению дернового покрова пастбищной территории на берегу Мокрой Песковатки.

Песковатский курган представляет собой типичный родовой могильник, синхронный ближнему поселению срубной культуры. Это очевидно, и прежде всего отметим, что оба элемента «комплекта памятников» находятся в непосредственной близости друг от друга. Кроме того, технологические показатели керамических комплексов поселения и могильника (характер обжига, состав отощителей-присадок в глиняном тесте, способы поверхностной обработки) очень близки. Зачастую отмечаются прямые совпадения форм и декора некоторых сосудов из погребений кургана и культурных отложений хутора. Наиболее яркое сходство демонстрируют, например, сосуды из погребений №№ 3 и 4 с корчагой, зафиксированной в 2004 году на краю котлована постройки № 2 (рис. 6, 1–3). Здесь оно выражено в очень близких формах и глубоких горизонтальных расчёсах, придающих внешней поверхности посуды характерную рельефность. Налицо абсолютное единство гончарной технологии. То же самое можно сказать о сосудах из девятого погребения и хозяйственной ямы № 8, относящихся к одному типу слабопрофилированных горшков с высокими венчиками (рис. 6, 4, 5). Факт местного происхождения костяной втулки от рукояти плети или скипетра опосредованно подтверждается находкой в столбовой ямке № 23 из первой постройки Песковатского поселения (рис. 6, 7). Это поперечный спил трубчатой кости, явно заготовка для изготовления поделки, аналогичной втулке из девятой могилы (рис. 6, 6). Мелкие бронзолитейные операции и придомная металлообработка также производились на хуторе. Фрагмент жестяной облатки от деревянной посуды из третьей могилы (рис. 5, 2) имеет аналог в очажном комплексе первой постройки, где в развале крупной корчаги, стоявшей в кострище на краю колодца № 3, лежала такая же, тонко прокованная бронзовая пластинка с загнутым краем, приготовленная к перешлавке.

Данные вертикальной стратиграфии насыпи (отсутствие могильных выкидов, признаков подготовки подкурганного пространства) и планиграфии (ярковыраженная меридиональная рядность погребений) позволяют предпо-

лагать, что первоначально это место захоронений обитателей поселения функционировало как грунтовое кладбище (рис. 2). В связи с этим точное определение наиболее раннего комплекса в могильнике представляется неоднозначным.

По таким признакам, как размеры и сложность погребальной конструкции, пышность обряда и характер инвентаря, проще всего было бы считать основным и наиболее ранним комплексом погребение 9 в сложной яме с продольными ступенями, где отмечено сравнительное обилие вещей и даже инсигния власти – кальцитовая булава. Ясно, что погребенный здесь человек при жизни был отмечен особым статусом, скорее всего положением родового старейшины или руководителя большесемейной общины. Но совершенно очевидно, что необязательно он был первым умершим и похороненным здесь членом коллектива. Скорее наоборот, его смерть, повлекшая за собой естественную сегментацию как большой семьи, так и хозяйственной системы, привела к завершению культовых отправления на родовом кладбище, что выразилось именно в сооружении здесь курганной насыпи. По принципу социального ранжирования девятое захоронение, безусловно, является главным, но не самым ранним в могильнике. И этому не противоречат такие признаки, как северная ориентировка умершего, его традиционная поза адорации, типично срубный сосуд и другие предметы инвентаря, маркирующие устоявшиеся культурные традиции развитого периода.

С другой стороны, погребения №№ 3 и 4, при очевидной своей синхронности, наиболее вероятно являются и самыми ранними. Прежде всего следует отметить восточную ориентировку, явно отличающую их от всех остальных комплексов, а затем характер керамики, поверхностная обработка которой (глубокие горизонтальные и косые расчёсы, образующие характерную рельефность) напоминает внешний облик покровских сосудов. Анализ керамического комплекса Песковатского поселения показал, что время жизни здешней общины начинается именно в позднепокровское время формирования срубной культуры, а завершается уже на развитом этапе. При подавляющем большинстве чисто срубной керамики в материалах поселения имеется компактная группа фрагментов, отмеченных известными покровскими признаками (рис. 6, 8–19). Это в различной степени выраженная колоколовидность формы и внутреннее ребро с внутренней стороны венчика (рис. 6, 8, 9, 11, 14), характерный широкий каннелюр (рис. 6, 10) и расчёсы штампом на шейке (рис. 6, 12, 18), узкозональное построение декора (рис. 6, 8), наличие в примесях некоторых фрагментов толчёной раковины. В целом этот небольшой комплекс – индикатор позднепокровского времени.

По-видимому, две первые смерти обитателей поселения (погребения 3 и 4) пришлись как раз на период нивелировки последних покровских традиций в развитии местного гончарства. На сосудах из указанных могил (рис. 5, 3, 5; 6, 1, 3) присутствует только один покровский признак – расчёсы, и уже нет характерной колоколовидности и ракушечной примеси. Очевидно, остатками тризны, посвящённой третьему захоронению, следует считать кости мелкого рогатого скота, отмеченные в насыпи, в непосредственной близости от могилы, и это также выделяет его как первичный комплекс. Восточная ориентировка умерших еще раз подтверждает их ранние позиции в хронологии кургана. Этот показатель обрядности соответствует аналогичным при-

знакам первой обрядовой группы Смеловского грунтового могильника, исследованного в Заволжье, где могилы с восточной ориентировкой одни из самых ранних и ложатся в покровский период формирования срубной культуры [Лопатин, 1997. С. 73–75].

Возможно, относительно одновременно первым двум захоронениям погребение № 2 с северной ориентировкой, где обнаружены глиняный сосуд и костяная поясная пряжка ромбической формы (рис. 5, 1, 4). Это предположение основано на позиции данного комплекса в западном ряду могил вместе с погребениями 3 и 4, а также в связи с наличием здесь характерного и довольно раннего для срубной культуры атрибута – поясной пряжки. Поясная фурнитура из кости типична для комплексов культуры многоваликовой керамики, которая, по некоторым сведениям, принимала участие в формировании срубной культуры в западных областях Нижнего Поволжья. Исследованиями последних лет установлен даже ареал восточной периферии «бабинского очага культуругенеза», влиявшего здесь на культуурообразующие процессы в посткатакомбное время [Литвиненко, 2004. С. 102–108].

Чрезвычайно интересен сосуд из второго погребения. При всей типичности его формы для срубного керамического комплекса, орнаментальная композиция имеет глубокие корни в предшествующей среднебронзовой эпохе. Декор выполнен коротким зубчатым штампом и занимает верхнюю треть внешней поверхности. На венчике и шейке сосуда отгиснут короткошаговый зигзаг, от вершин которого вверх и вниз отходят короткие прямые отрезки. Для срубной керамики это крайне редкий вариант орнаментации. В одной группе с ним следует поместить более поздние производные мотивы: зигзаги с косыми заполнителями (штрихованные) и зигзаги с «бахромой». Между тем, эти весьма отдалённые аналоги в орнаментах поздней бронзы можно воспринимать как угасающие реминисценции некогда важной идеологии.

Прообразы данного мотива отмечены в некоторых орнаментальных комплексах катакомбной керамики и связаны они со сложной семантикой иконографии змея [Кияшко, 2001. С. 25–43]. Сам по себе зигзаг – один из наиболее распространённых сюжетов в срубном комплексе орнамента. «Особенное» привносится аранжировкой, дополнительными деталями, которые представлены короткими отрезками. В исследовании А.В. Кияшко подобные аранжировки «зигзага – змея» трактуются как технические приёмы формовки зигзаговидного валика, переходящие позже, уже при чисто начертательной технике исполнения, в «самоценный, демиургический процесс и сексуальную символику». Это вполне вероятно, поскольку в подобных сюжетах катакомбного орнамента можно заметить не только фаллические прямые отрезки, обрамляющие «змея», но и классические женские знаки в виде полукруглых фестонов [Кияшко, 2001. С. 38, рис. 8]. В целом отражающие идеи плодородия, эти мотивы фаллических и более древних женских культов представляют в орнаментальных кодах некую динамику идеологических воззрений на фоне становления патриархальных позднеродовых отношений. Этот вопрос требует специального исследования, нам же интересен сам факт реальной преемственности древней орнаментальной традиции в раннесрубном комплексе. В инвентаре второго погребения Песковатского могильника зримо присутствуют элементы посткатакомбного влияния. Это оригинальный декор сосуда и костяная фурнитура пояса.

В своей сводной работе Н.М. Малов отметил пряжки ромбовидной формы как наиболее характерные для погребальных комплексов с покровской керамикой, сосредоточенных именно в Волго-Уралье [Малов, 1992. С. 44]. О.В. Кузьмина возводит костяные пряжки к культурной традиции КМК, но при этом уточняет позицию фигурных вариантов, и в том числе ромбических, в рамках покровских древностей [Кузьмина, 1995. С. 44, 45, рис. 7, 3, 4]. Фиксируемые в ранних комплексах Северского Донца подобные типы пряжек, по мнению В.В. Отрощенко, относятся к местному варианту «покровской срубной культуры», предшествующему дальнейшей диахронии поздней бронзы [Отрощенко, 2001. С. 277, рис. 31].

Принимая во внимание вышеизложенное, предположим, что ромбовидные типы поясной фурнитуры из кости, представляя собой одно из поздних направлений развития пряжек КМК, получили наибольшее распространение именно в ареале покровских памятников, в том числе на стадии формирования срубной культуры. Таким образом, планиграфически обособленные в западном ряду могильника захоронения 2, 3, 4 следует признать здесь наиболее ранними и относящимися к завершающему этапу формирования срубной культуры. И тогда необходимо отметить, что круглая поясная пряжка из погребения № 9 (восточный ряд могил), изготовленная из фоссилизированной раковины (рис. 5, 12), явно представляет другую линию развития классических круглых пряжек КМК и, видимо, самый поздний вариант, выработанный уже срубной традицией. Они известны в погребениях развитой срубной культуры Поволжья и Приуралья, например, в погребении 6 кургана 8 Лузановского могильника [Васильев, 1977. С. 43, рис. 20, 10], а также в погребении 5 кургана 3 из башкирского Акназарово [Обыденнова и др., 1985. С. 45, рис. 4, 10]. В позднесрубных комплексах подобные вещи не отмечены.

Девятое захоронение пожилого человека отмечено инсигнией власти – скипетром с каменным навершием (рис. 5, 11). Вряд ли песковатская булава могла быть предметом вооружения, слишком непрочен и хрупок материал, из которого она изготовлена. Вместе с тем, многочисленные аналоги из диорита, гранита, серпентинита, встречающиеся на огромном историческом пространстве Евразии, справедливо оцениваются как эффективное оружие ближнего боя, а также, знаки воинской власти. По классификации Н.М. Малова, наше навершие относится к варианту «А» второго типа каменных булав – «грушевидных с бортиком в основании», характерных для раннесрубных комплексов и продолжающих линию развития архаичных образцов эпохи средней бронзы [Малов, 1991. С. 31; 34, рис. 6, 5–7; 35–36]. В исторической диахронии процесс развития и время существования таких булав занимает довольно значительный период. Они отмечены в катакомбных, синташтинских, покровских и срубных комплексах на огромной территории Волго-Уралья.

Зафиксированная здесь же, в погребении № 9, костяная втулка (рис. 5, 13) интересна прежде всего с точки зрения своей функциональности. Подобные вещи встречаются в погребальных комплексах чаще всего в одном экземпляре, в единичных случаях, в богато орнаментированных наборах, составляя рукояти плетей или стержни скипетров. Наш вариант не совсем ясен, поскольку предмет мог быть как деталью плети, так и скипетра с каменным навершием. Вторая трактовка вполне вероятна, поскольку втулка лежала около умершего

на одной линии с булавой, как бы фиксируя нижний конец скипетра и определяя его общую длину размером в 87 см, параметр абсолютно аналогичный изображениям в древнеегипетской и ближневосточной иконографии. В любом случае, булава, плеть, пояс, присутствующие в комплексе, направлены на подтверждение высокого статуса умершего. Характерный орнамент на костяном кольце – резные зигзаги в виде краевых опоясывающих фризов – типичен для данного времени, в основном для костяных дисковидных и желобчатых псалев, аналогичных колец и втулок, встречаемых в престижных покровских, потаповских, синташтинских, срубных захоронениях. Но нам не известен абсолютно точный аналог «приталенной» песковатской втулке.

Возвращаясь к аспекту знаковой символики булав, заметим, что эти инсигнии необязательно маркировали исключительно воинскую власть. Подобное мнение уже высказывалось в добротном исследовании В.В. Цимиданова и А.В. Евглевского, где авторы провели широкий пространственный анализ различных инсигний, выделили их основные типы, районы наибольшей концентрации и, в частности, отметили реальную градацию булав из разряда вооружения к знаку власти [Цимиданов, Евглевский, 1993. С. 99–112]. Думается, что в срубное время булава ещё могла входить в оснастку воина. Но напершия из кальцита, порфирита, мела, прочих известняков и нефрита принципиально не могли быть оружием в силу уже отмеченных показателей прочности. Эти минералы легки в обработке и красивы, они эффектно выглядят именно в качестве знаков, венчая вотивные скипетры. Поэтому уместно предположить, что булавы, как атрибуты власти, отмечали не только военачальников, но и другие социально выраженные категории, например, родовых старейшин и даже глав больших патриархальных семей. Похоже, что в девятой могиле Песковатского кургана погребён человек, соответствующий именно данной социальной категории. Яркая выраженность, материальная вещественность знака его власти предполагает значимые общественные функции руководителя первичной ячейки позднепервобытного общества. По всей вероятности, это, прежде всего, представительство в собрании племени с правом совещательного голоса, подтверждённое наличием у делегата инсигнии определённого ранга. Не исключено, что конкретные формы булав, их цвет, материал могли соответствовать определённой знаковой символике родов, фратрий, племён, так же как украшения или традиционные орнаменты отмечали эту специфику у этнографических народов уже на уровне семейно-родовых различий.

На фоне данных рассуждений не вполне понятен статус подростка, погребённого с булавой во втором кургане Кизильского могильника [Стоколос В.С., Стоколос Г.И., 2004. С. 239, рис. 2]. Ситуация в Кизильском «комплексе памятников» очень похожа на песковатскую. Срубные комплексы поселения соответствуют некоторым захоронениям в ближних курганах, это отмечено авторами, правда, только в первой части статьи и исключительно в порядке констатации. Второй кизильский курган действительно является культовым местом гипотетического рода, проживавшего на поселении в срубное время. Вначале это было грунтовое детское кладбище, позже перекрытое земляной насыпью. Здесь такая же рядная планиграфия, но не меридиональная, а широтная, отсутствует выкид из центральной могилы, представлены исключительно северные ориентировки. Думается, что сосуды,

зафиксированные в насыпи, все же являются остатками детских захоронений, а не тризнами. Очень часто скелеты маленьких детей не сохраняются в агрессивных кислотных-щелочных почвах. Поэтому ситуация примерно соответствует той, что отмечена в Песковатке: вначале возникал грунтовый могильник с размещением погребений по линии «восток – запад», а после прекращения родового культа был насыпан курган. Странно то, что в центре ритуальной площадки погребен подросток с инсигнией родовой власти – каменной булавой, по форме почти идентичной песковатской [Там же. С. 240, рис. 3, 5]. Этот факт требует объяснения, но вряд ли следует предполагать возможности неких династических проявлений на данном этапе или наделения подростков властными полномочиями. Неубедительна и «версия амулета», приведённая в авторской публикации [Там же. С. 255]. Может быть, в данном случае мы имеем дело с редким вариантом обряда трансферной коммуникации, а именно попыткой передачи именной инсигнии из мира живых в мир мёртвых человеку, обладавшему властью при жизни и погибшему на стороне. Этот вариант трактовки также требует специального исследования.

Представляется, что строительство погребальной площадки Песковатского могильника начиналось именно с западной линии погребений (№№ 2, 3, 4), оставленных в позднепокровское время жизни поселения, затем были совершены захоронения восточного ряда (№№ 6, 9, 10, 11), после чего образовался грунтовый могильник перекрытый земляной насыпью. Керамика, обнаруженная в комплексах восточного ряда, характеризуется чисто срубными показателями (рис. 5, 9, 10). Типичны для этого времени и бронзовые украшения желобчатого типа, зафиксированные в погребениях 6 и 11 – овалы височные подвески и браслеты.

Уже в насыпь кургана и на уровень древнего горизонта самыми поздними обитателями посёлка бронзового века были впущены погребения №№ 1, 5, 7. Два сосуда из этой группы могил имеют такие же типично срубные характеристики (рис. 5, 7, 8). Предполагается, что причины ухода людей с этого места могли быть связаны с естественными изменениями в экологической нише. Прежде всего, это истощение кормовых пастбищных ресурсов, возможно, временное исчезновение древесных видов растительности, создавшее дефицит топлива и стройматериалов. Но эти разрушительные антропогенные факторы совпали во времени ещё и с катастрофическим подъёмом уровня грунтовых вод, сделавших существование на поселении не совместимым с нормами жизни и ведения хозяйства. Вода, активно поступающая снизу в штольни домашних колодцев, постоянно подтапливала жилище, что отмечено многочисленными рудообразованиями в нижних пластах заполнения котлована. Этот водный режим наблюдается и в настоящее время.

Диапазон развития посёлка и могильника на реке Мокрая Песковатка невелик, не более 100 лет. Приблизительно его можно поместить в рамки второй половины XVI–XV вв. до н. э.

Было бы ошибкой считать «комплекты памятников» исключительным явлением. Археологические культуры как объекты исследований представлены именно поселениями и некрополями, за исключением тех вариантов, где погребальный обряд завуалирован особой спецификой древней идеологии. В любом случае, гипотетическая модель первобытного общества не может не отражать духовных идей жизни и смерти. Всегда в истории человека

присутствовали сферы обитания и пределы жизни, материализованные в особых погребальных объектах. Поэтому любому поселению должен соответствовать свой некрополь – кладбище, место сожжения или сокрытия в водах, сакрального оставления умерших на земной поверхности или в ветвях деревьев. В срубной культуре эпохи поздней бронзы некрополи поселений могли представлять собой простые грунтовые могильники (Алексеевский, Танавский, Смеловка, Съезжее, Калач, Новопривольное, Генеральское), грунтовые кладбища, перекрываемые в определённый момент земляной насыпью (Песковатка, Кизильский, Преображенка, Кайбелы), более древние курганы, рассматриваемые в качестве предковых. Думается, что во многих курганах группы впускных однокультурных захоронений, фиксируемых в определённых планиграфических системах, следует рассматривать как родовые некрополи, соответствующие ближайшим поселениям. Чтобы убедиться в этом, достаточно по-новому пересмотреть известные материалы. Таким образом, «комплекты памятников» – это не исторический феномен, не редкое стечение обстоятельств в ходе археологических исследований, а логически естественная, культурно-историческая закономерность.

Литература:

- Васильев И.Б.* Лузановский курганный могильник (материалы раскопок) // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.
- Захарук Ю.Н.* Выдающиеся произведения марксизма и проблемы археологии // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
- Захарук Ю.Н.* Проблемная ситуация и научная критика // Проблемная ситуация в археологии. Киев, 1987.
- Захарук Ю.Н.* Спорное и бесспорное в изучении археологической культуры // КСИА. М., 1990. Вып. 201.
- Зданович Д.Г.* Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск, 2002. Кн. 1.
- Кияшко А.В.* Морфология и орнаментика керамики эпохи средней бронзы Волго-Донских степей // Нижневожский археологический вестник. Волгоград, 2001. Вып. 4.
- Кривцова-Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. М., 1948. Вып. XVII.
- Кузьмина О.В.* Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. Часть II.
- Литвиненко Р.А.* Восточная периферия Бабинского очага культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Лопатин В.А.* Смеловский грунтовый могильник (к проблеме формирования срубной культуры в степном Заволжье) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей. Саратов, 1997.
- Лопатин В.А., Филимонова С.А.* Курганный некрополь Преображенского поселения // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.
- Малов Н.М.* Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.

Минаева Т.М. Керамика Покровского селища // Труды секции археологии РАНИОН. Саратов, 1929. Т. 4.

Обыденнова Г.Т., Рутто Н.Г., Исмагилов Р.Б. Акназаровский курганный могильник срубной культуры // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001.

Стоколос В.С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник ЧГПУ. Сер. 1. Исторические науки. Челябинск, 2004.

Стоколос В.С., Стоколос Г.И. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал // Вестник ЧГПУ. Сер. 1. Исторические науки. Челябинск, 2004.

Цимиданов В.В., Евглевский А.В. Классификация погребений с инсигниями власти срубной общности // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2.

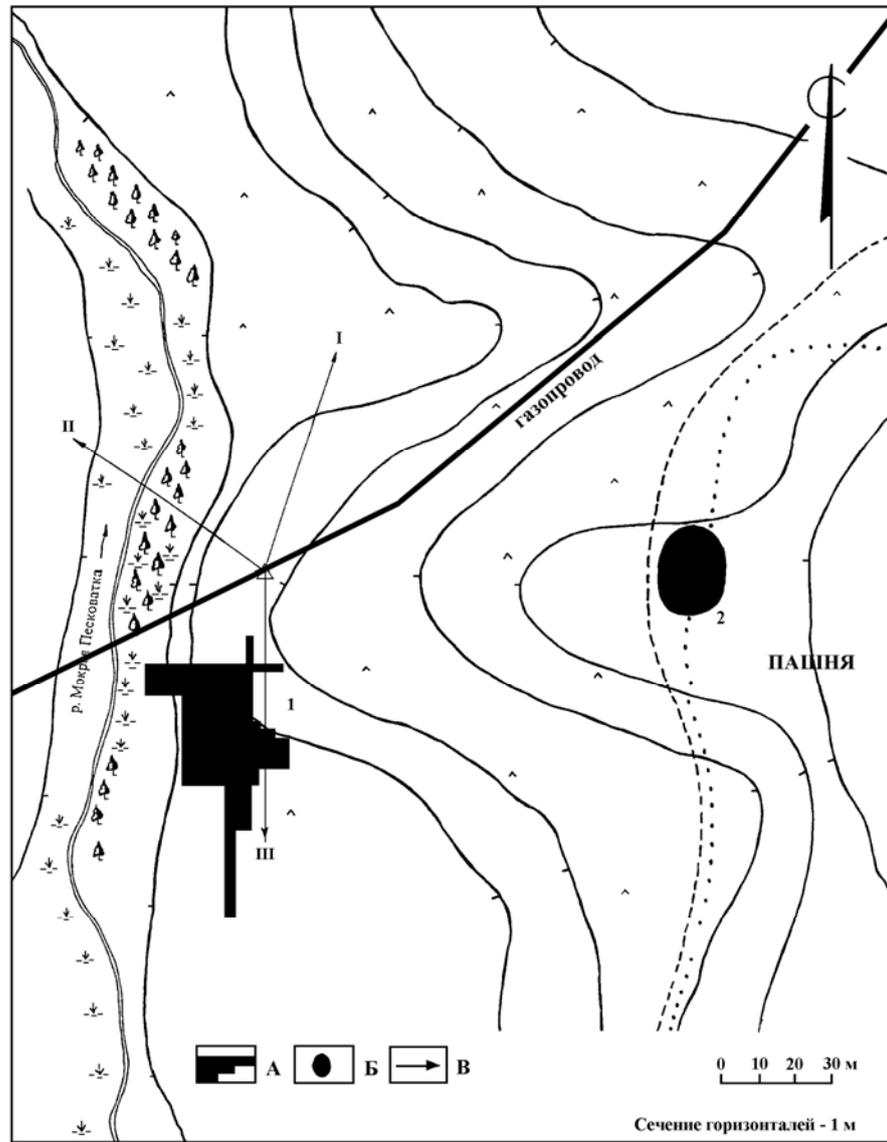

Рис. 1. Поселение (1) и курган (2) на р. Мокрая Песковатка.
 А - раскоп 2004 г.; Б - раскоп 2005 г.; В - направления привязок (I - с. Большие Копены - 6 км,
 II - до р. Медведицы - 2 км, III - Волгоградская область - 3 км).

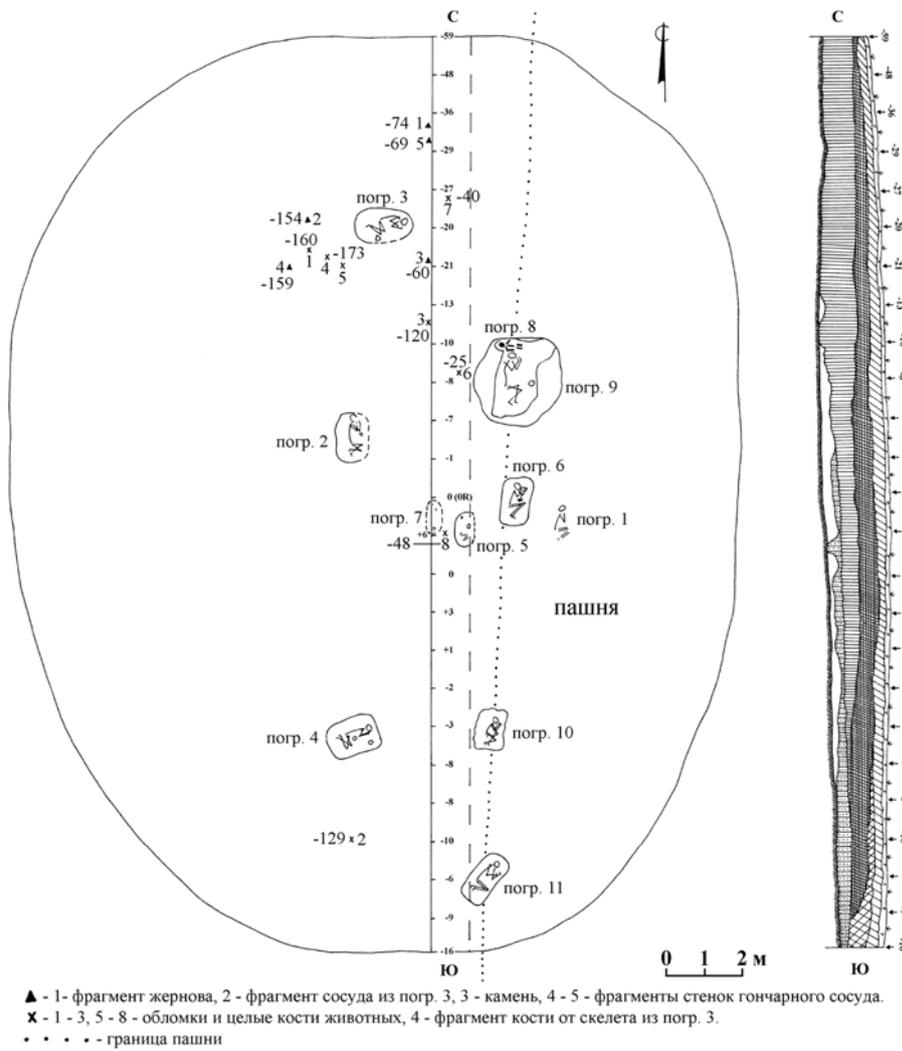

Рис. 2. Курган на р. Мокрая Песковатка. План кургана и западный фас стратиграфической бровки С-Ю.

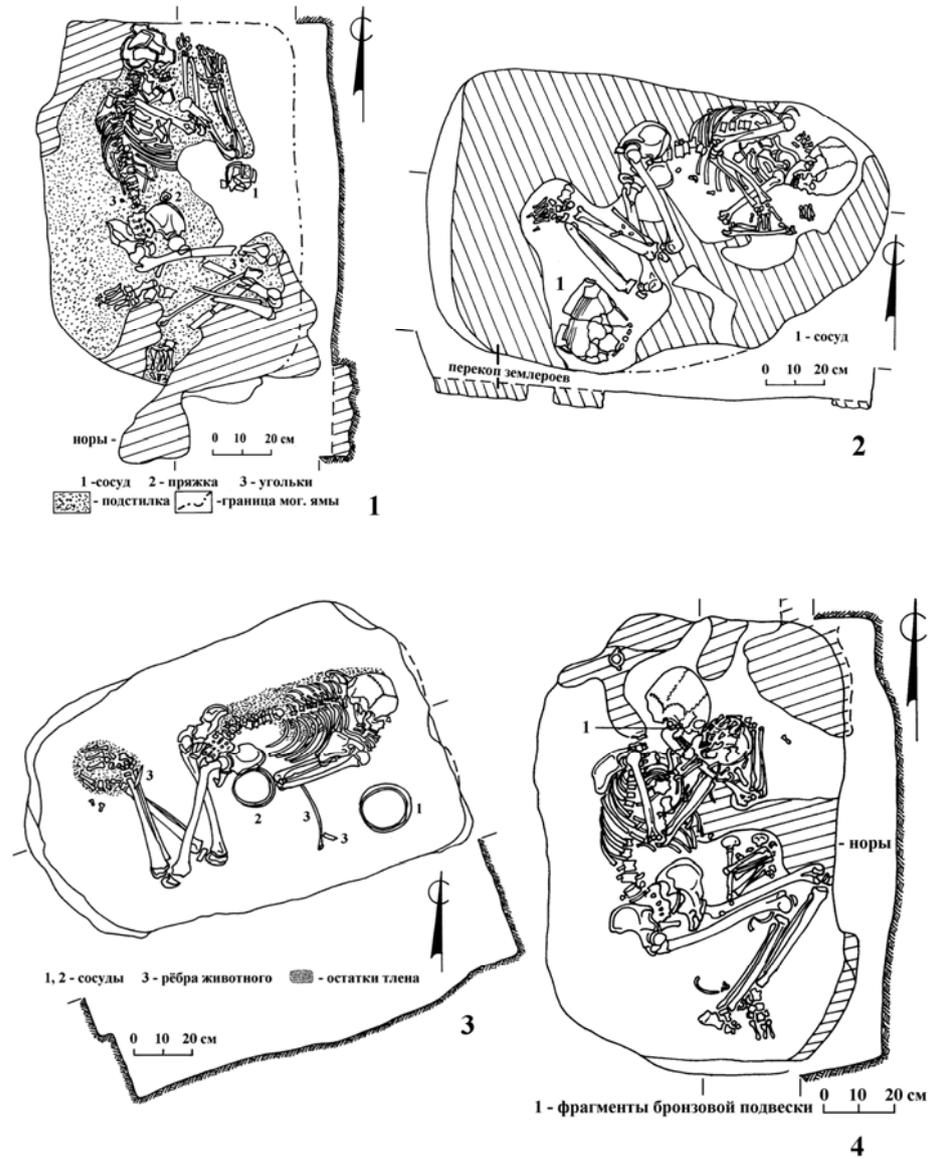

Рис. 3. Курган на р. Мокрая Песковатка. Планы и профили погребений 2(1), 3(2), 4(3), 6(4).

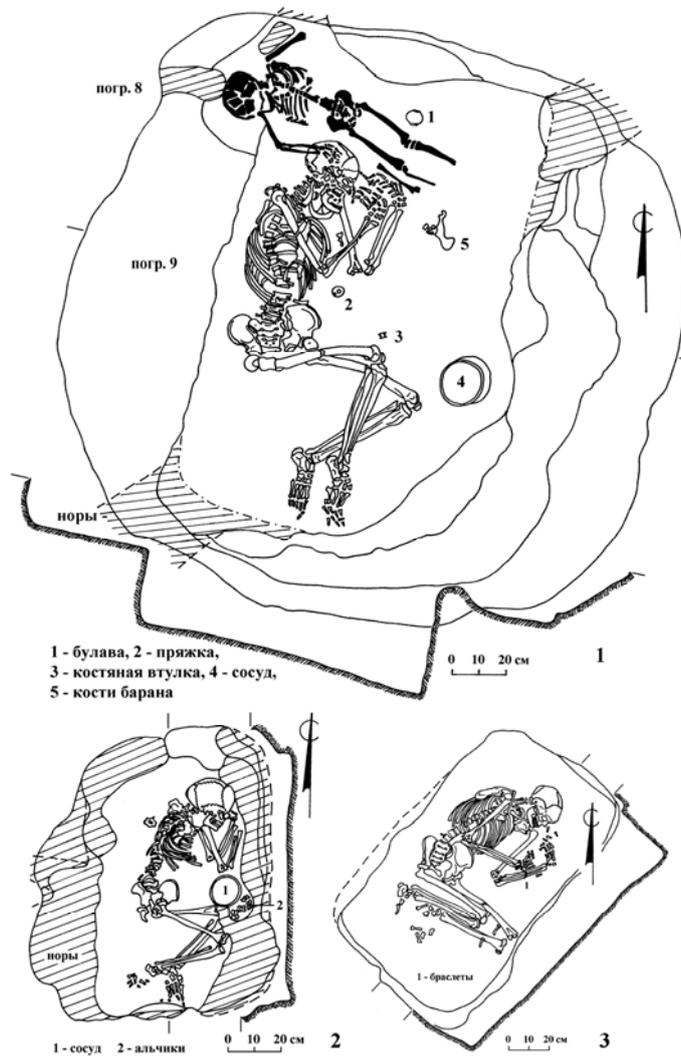

Рис. 4. Курган на р. Мокрая Песковатка. Планы и профили погребений 8-9 (1), 10(2), 11(3).

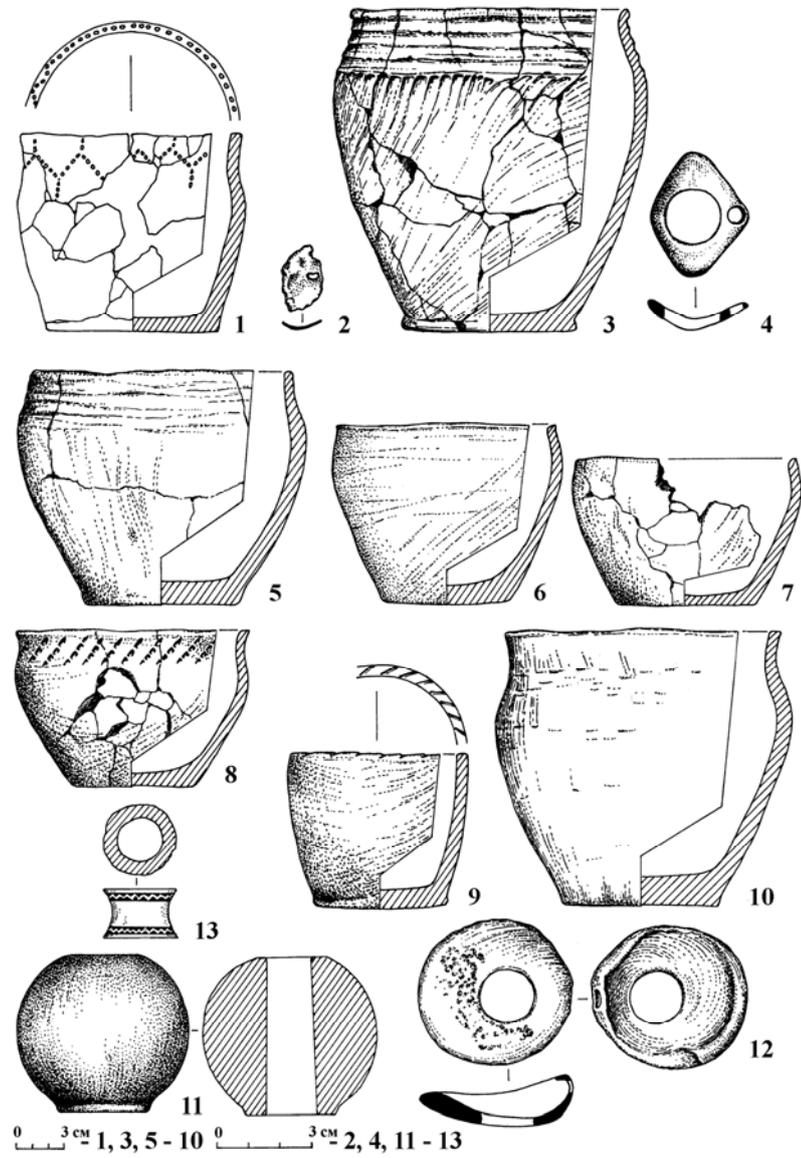

Рис. 5. Курган на р. Мокрая Песковатка. Находки из погребений:
2(1,4), 3(2,3), 4(5,6), 5(7), 7(8), 9(10-13), 10(9).

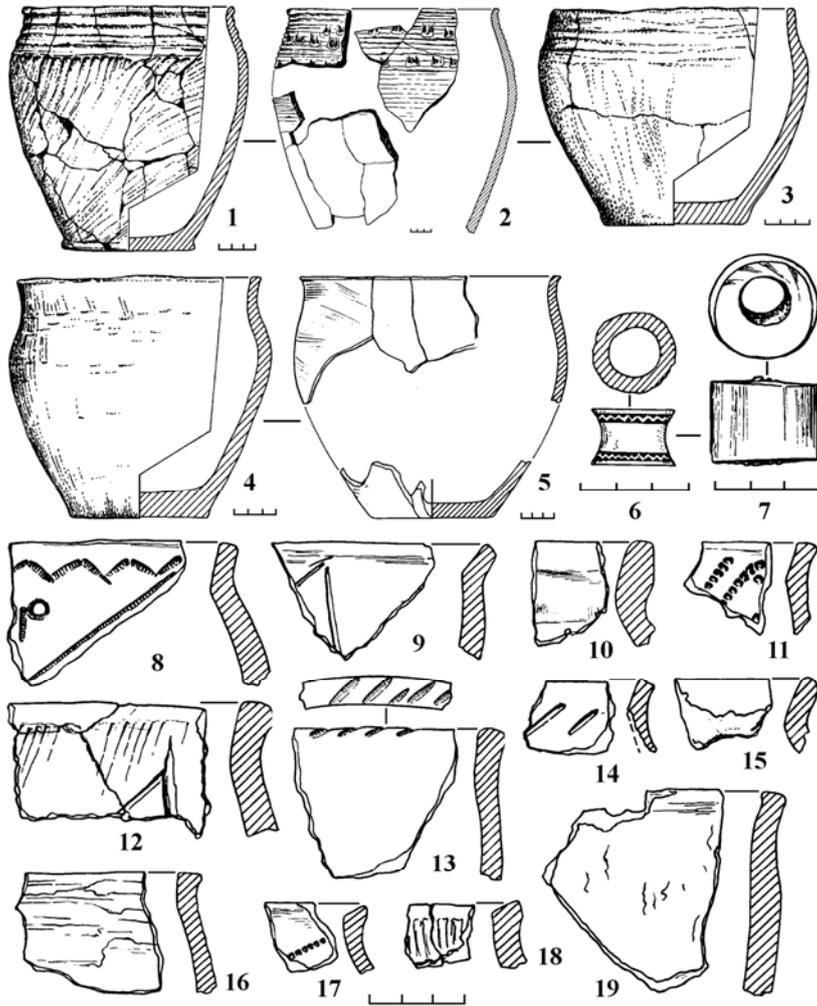

Рис. 6. Прямые аналогии погребальному инвентарю кургана в материалах поселения «Мокрая Песковатка»: 1 - погребение 3; 2 - поселение, постройка 2; 3 - погребение 4; 4, 6 - погребение 9; 5 - поселение, яма 8; 7 - поселение, яма 23. Керамика покровского типа из культурного слоя поселения «Мокрая Песковатка» (8-19).

Сергеева О.В.

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ
 ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
 ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Рассмотрение общества как целой макросистемы дает широкие возможности для исторических реконструкций, и поэтому важно иметь представление о ее количественных параметрах, которые подлежат обеспечению. С этой целью проводятся палеодемографические и палеоэкономические расчеты, которые имеют вероятностный характер.

Соответствующие оценки производятся различными методами. По одному из них оценка осуществляется на основе археологической карты и идет снизу вверх – от определения числа обитателей одного жилища до населения поселка, группы поселений и изучаемого региона в целом [Массон, 1990. С. 62].

Оптимальные пределы заселения экологической ниши, или «демографическую емкость ландшафта» могут дать расчеты биомассы, на основе которых определяются верхние пределы населения, которое могло бы прокормиться на этой территории при реконструируемом способе получения питания [Массон, 1990. С. 62; Агеев, 1981. С. 107-108; Иванов, Васильев, 1995. С. 47-61; Луковская и др., 1996. С. 37-42]. Задачей палеоэкономического анализа является установление уровня экономического развития общества через определение численности исследуемого коллектива, а также природной среды и уровня развития производственных сил, составляющих ресурсы общества [Ковалева, Шгадлер, 1989. С. 153-164; Корякова, Сергеев, 1989. С. 165-177]. Общепринятой методики определения этих параметров для прошлых эпох в настоящее время не существует, поэтому расчеты были произведены по нескольким из них.

Первую попытку определения численности населения отдельного поселка для территории Нижнего Поволжья предпринял И.В. Синицын после раскопок Успенки и Максютново. Не указывая основания, на которых строятся выводы, исследователь определяет численность населения поселка равной 50-70 человекам. При этом она, по заключению автора, «...отражает реальную картину численности населения отдельных родовых групп, сообща занимающихся всеми видами производства» [Синицын, 1947. С. 153].

М.П. Грязнов считал, что жилая часть одного помещения могла вмещать 2-3 семьи и, таким образом, общее число жителей Ляпичева хутора с его 10

землянками могло составлять 100–200 человек. Само же поселение являлось типичным примером родового поселка [Грязнов, 1953. С. 146–148]. Более подробных расчетов для территории Нижнего Поволжья не проводилось.

Для других регионов срубной культурно-исторической общности исследователи определяют численность населения отдельного поселка в следующих цифрах. С.С. Березанская считает, что в 10–11 одновременно бытующих на поселении Усово Озеро жилищах проживало около 100 человек, из расчета семь–девять человек на один дом [Березанская, 1990. С. 92]. На Мосоловском поселении, просуществовавшем длительный промежуток времени, на раннем этапе проживало 40–50 человек (две постройки). К развитому этапу численность населения возрастает до 140 человек (шесть жилищ) и уже не изменяется к заключительному периоду (пять жилищ) [Пряхин, 1993. С. 72]. А.Х. Халиков определяет численность населения полностью раскопанного Сусканского поселения (Среднее Поволжье) в 200 человек, отмечая, что это число характеризует численность средней родовой группы срубной культурно-исторической общности. Исходя из количества известных на тот момент срубных поселений (600), исследователь предположил, что все население края могло насчитывать 80–100 тыс. человек [Халиков, 1969. С. 357].

Таким образом, принципиально важным для палеодемографической реконструкции является подсчет численности жителей отдельного жилища и поселка. Сегодня этому вопросу уделяется все больше внимания, совершенствуются методики исследования, разрабатываются новые критерии и подходы. Например, в «демографической археологии» существует большое число специальных исследований, в которых обосновываются нормы площади пола жилища на одного человека [Халиков, 1969. С. 344; Хлобыстин, 1972. С. 31; Евдокимов, 1984. С. 17; Бузин, 1990. С. 35; Буров, 1993. С. 28–29; Крадин, 2001. С. 86 и др.]. При определении числа жителей в помещениях Мосоловского поселения А.Д. Пряхиным учитывалась площадь, занятая под нарами, которые, судя по расположению столбовых ям, составляли примерно половину площади углубленной части котлована, из расчета 2–3,5 кв. м площади нар на каждого человека [Пряхин, 1993. С. 71]. На наш взгляд, достаточно сложно в площади жилых помещений выделить пространство нар, если таковые не представляют собой материковых возвышений, как на Трумбицком, Гуселке 2, Успенке, Осинов Гае, Быково 1, Максютово и др. В.В. Евдокимов, опираясь на этнографические данные, вычислил норму площади пола на одного человека для эпохи бронзы степного Притоболья, которая составляла в среднем 5,5 кв. м [Евдокимов, 1984. С. 17].

Первоначально подсчет численности населения был произведен нами на основе численности жителей каждого дома. Мы использовали усредненную цифру – 4 кв. м площади пола жилища на человека. В расчетах численности использовались данные по жилым и комплексным постройкам. При этом в комплексных постройках учитывалась их жилая площадь, если таковая отделялась перегородкой, либо выделялась планиграфически. Общая численность жителей отдельного поселка определялась суммированием количества обитателей жилых домов.

На территории Нижнего Поволжья размеры построек эпохи поздней бронзы (срубные и хвалынские) варьируют от 12,6 (Ершовка) до 325 кв. м (Преображенка п. № 3), при средней величине жилых и комплексных построек

ек 95 кв.м. В большинстве жилищ проживало от 13–18 (Медведицкое, Максютово) до 25–30 (Преображенка, Смеловка, Осинов Гай) человек. В малых постройках могла проживать семья из 3–4 человек (Ершовка, ст. Красавка, Ершовка 3). Максимальное число жителей составляло 35–40 человек (Новая Покровка 1, Липовый Овраг). Полученные данные не противоречат цифрам, приводимым для других территорий.

Так, количество жителей одного дома Мосоловского поселка развитого этапа варьирует от 11–14 до 44–45 человек [Пряхин, 1993. С. 71]. С.С. Березанская считает, что в жилище Усова Озера обитала одна малая семья, состоящая из семи–девяти человек [Березанская, 1990. С. 92]. Представляется маловероятным, чтобы малая семья занимала жилище площадью 70–80 кв. м и по подсчетам самого автора, затрачивала на его постройку около двух месяцев. На наш взгляд, это нерациональное использование человеческих ресурсов, если учесть, что они должны были заниматься еще и основными видами хозяйственной деятельности.

Анализ численности жителей одного дома по хронологическим периодам на данном источниковедческом уровне не выявил никаких закономерностей. Она остается неизменной на протяжении всей эпохи поздней бронзы.

Число раскопанных построек либо западин, обнаруженных археологическими разведками на поселениях эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья, колеблется от одного до десяти. Чаще всего, на 70% бытовых памятников, встречается одно–два сооружения, 15% имеют по три постройки. Таким образом, поселки из одного–трех домов, по-видимому, являлись наиболее оптимальной хозяйственной ячейкой срубного общества и представляли собой типичный хутор, где проживала одна большая семья, а сам поселок состоял, как правило, из одной жилой или комплексной постройки, хозяйственного и иногда производственного помещения [Лопатин, 1992. С. 42–52; он же, 2002. С. 45; Агапов, Иванов, 1989. С. 133–144; Горбунов, 1992. С. 81–91; Халыпина, 2000. С. 85 и др.].

Итак, примем за основу среднее число жителей одного поселка в 30 человек. Так как Нижнее Поволжье расположено в нескольких географических зонах и большие участки его южных заволжских районов занимает полупустыня, из-за чего заселены они были спорадически, принято решение дальнейшие расчеты проводить только для территории Саратовской области. Всего здесь обнаружено 973 поселения эпохи поздней бронзы, и, таким образом, общее минимальное количество населения края составило около 30000 человек. Эту цифру вполне правомерно увеличить до 50–60 тысяч, т. к. существовали поселки, особенно на третьем этапе, в которых проживала не одна, а несколько больших семей. Кроме этого, думается, что не все бытовые памятники обнаружены археологическими разведками, и большая часть не исследована раскопками.

Закономерно возникает вопрос о возможности проживания такого количества населения на данной территории, т. е. о «демографической емкости ландшафта». Исследователи считают, что в пределах экосистемы при определенном уровне развития производительных сил численность населения имеет тенденцию возрастать до точки равновесия, определяемой наличными природными условиями [Долуханов, 1978. С. 39]. Однако данный метод определяет только потолок численности, но не в состоянии показать, насколько

общество приближалось к нему. Реальный же объем используемой биомассы зависит не только от природных, но и от культурных факторов. Разница между реальной и потенциальной численностью может быть значительна.

П.М. Долуханов, исходя из среднего потребления биомассы северных племен, питавшихся продуктами охоты, определил демографическую емкость ландшафтов охотничьих племен лесостепи (дубравы) – 17,3 человека на 100 кв. км [Долуханов, 1978. С. 40]. Следовательно, здесь могли прокормиться 17–18 тыс. человек. Однако охота удовлетворяла лишь 30% пищевых потребностей [Там же]. Ведущей же отраслью хозяйства населения Нижнего Поволжья эпохи поздней бронзы было пастушеское скотоводство с разной степенью подвижности, основанное на разведении крупного и мелкого рогатого скота. Наиболее подвижный тип имело население степного Поволжья, в лесостепи – умеренно-подвижный [Горбунов, 2001. С. 34; Косинцев, 2003. С. 136]. Изучение споро-пыльцевых включений из культурного слоя поселений Волго-Уралья показывает отсутствие следов возделывания и употребления культурных злаков [Горбунов, 1992. С. 15]. Исключением является находка зерен проса в землянке около г. Волгограда. Поэтому полученные цифры значительно ниже реальных.

Исходя из того, что для скотоводческо-земледельческих племен Европы эпохи неолита плотность населения составляла 0,8–2 человека на 1 кв. км [Агеев, 1981. С. 108], можно предположить, что на территории Саратовского края могло проживать 80–200 тыс. человек. Таким образом, мы видим, насколько велика разница в численности населения, подсчитанная разными методами. Поэтому для получения более достоверной оценки численности, она была подсчитана по возможности большим числом методов.

В кочевниковедении применяют метод определения численности населения, основанный на моделировании энергетических процессов в экосистемах, определении вероятной численности диких и домашних животных, а также людей на основе первичной биопродуктивности аридных пастбищ [Иванов, Васильев, 1995. С. 53–61; Крадин, 2001. С. 71–94; Железчиков, 1984. С. 65–68; Халдеев, 1987. С. 230–231; Гаврилюк, 1989. С. 17–24]. Поскольку человек является одним из компонентов экосистемы, людей может быть столько, сколько их способно прокормиться за счет имеющихся в экосистеме ресурсов. Следовательно, численность кочевников прямо опосредована количеством разводимых животных. В свою очередь, численность домашних животных зависит от объемов пастбищных ресурсов [Крадин, 2001. С. 73]. Используем в своих расчетах формулу из работы Н.Н. Крадина, которая выглядит следующим образом:

$$\begin{aligned} \text{Числ.}_{\min} &= (K_c \times U \times P_{\text{зим}}) : (K \times D); \\ \text{Числ.}_{\max} &= K_{\max} \times (K_c \times U \times P_{\text{зим}}) : (K \times D). \end{aligned}$$

Где U – урожайность в килограммах кормовых единиц на 1 га, K – суточная потребность в кормах (0,91 к.е. – по Крадину), D – количество зимних дней (90), $P_{\text{зим}}$ – площадь зимних пастбищ, K_c – коэффициент поправки на социальное расслоение (0,0202 – по Крадину), K_{\max} – коэффициент максимального изъятия корма.

Урожайность различных участков степи и лесостепи Нижнего Поволжья колеблется от 15 до 28 ц/га [Базилевич, 1993; Базилевич и др., 1970; Кузьмина, 1981. С. 27; Базилевич и др., 1986. С. 11]. Определим среднюю величину урожайности в 20 ц/га. Продуктивность пастбищ в зимнее время составляла 35–38% от валового урожая трав. Примем условную величину отчуждаемого травостоя с зимних пастбищ за 7 ц/га. Также известно, что питательная ценность одного килограмма зимних трав равняется примерно 0,32 кг условных кормовых единиц [Крадин, 2001. С. 76]. Следовательно, величина У будет равна 224 кг к.е./га.

Площадь зимних пастбищ обычно составляет 30–50% от общей площади территории пастбищ. Численность сельскохозяйственных угодий в Саратовской области оценивается в настоящий момент в 7,9 млн. га [Энциклопедия., 2002. С. 403]. Таким образом, численность зимников могла равняться 2370–3950 тыс. га.

Окончательные расчеты количества населения, способного прокормиться на территории современной Саратовской области в эпоху поздней бронзы, выглядят следующим образом:

При $P_{зим.} 30\%$:

$$\text{Числ.}_{min} = (0,0202 \times 224 \times 2370000) : (0,91 \times 90) = 130937 \text{ человек.}$$

при $P_{зим.} 50\%$:

$$\text{Числ.}_{max} = (0,0202 \times 224 \times 3950000) : (0,91 \times 90) = 218229 \text{ человек.}$$

Производить расчет максимального количества населения представляется нецелесообразным, т. к. коэффициент поправки на социальное расслоение, участвующий в расчетах и отражающий имущественную и социальную дифференциацию в сложных номадных обществах, выше, чем у оседлых экстенсивных скотоводов. Примем полученные цифры условно за максимальные.

По другой методике оценки численности населения в различные археологические эпохи [Иванов, Васильев, 1995. С. 47–61; Луковская и др., 1996. С. 37–42] используется формула:

$$K = LDT/P,$$

где D – плотность обнаруженных археологических памятников на 100 лет данной эпохи, L – среднее единовременное население одного археологического памятника (поселка), T – длительность существования одного памятника, P – вероятность обнаружения памятников. Данная методика была предложена И.В. Ивановым и И.Б. Васильевым для расчетов численности модельного участка Рын-песков. Используя ее в работе, получаем следующие результаты:

$$K = 30 \times 216,2 \times 30 \times 1 = 194,580 \text{ тыс. человек.}$$

Для расчетов было использовано среднее минимальное значение T = 30, т. к. по этнографическим данным землянки и полуземлянки могли просуществовать без ремонта не более двух–четырёх десятилетий [Хлобыстин, 1974. С. 24]. Правильность используемого значения подтверждается данными хо-

зайства. Так, оседлая форма скотоводства лимитирует возможный радиус пастбищ и строго ограничивает численность поголовья стада. Человеческая деятельность в свою очередь вступает в противоречие с ограниченными ресурсами природной среды, в связи с чем, даже при наиболее рациональной радиально-кольцевой системе распределения пастбищ, за 20–25 лет происходит перевыпас степи. Это обуславливает необходимость переноса срубных поселений каждые 20–25 лет на новое место [Кузьмина, 1994. С. 205].

С другой стороны, этнография свидетельствует, что землянки, содержащиеся в порядке, могли просуществовать до 150–200 лет [Салманович, 1968. С. 37]. При использовании максимального значения $T=150$ получаем численность населения почти в миллион человек. Думается, что эта цифра значительно завышена, по сравнению с реальной.

Итак, суммируя полученные результаты, можно сделать вывод о том, что численность населения эпохи поздней бронзы на территории Саратовской области могла составлять 30000–200000 человек. С другой стороны, показатель плотности населения – это не просто «арифметическое число жителей на единицу площади земли. В нем получает известное отражение и направление хозяйства, и пригодность того или иного типа среды для производственной деятельности людей» [Брук, 1981. С. 58–59].

Площадь Саратовской области составляет 100,2 тыс. кв. км. По нашим подсчетам, общее население края насчитывало от 3000 до 200000 человек. Таким образом, плотность населения составит 30–200 человек на 100 кв. км или 0,3–2 человека на 1 кв. км. Именно такую плотность населения – в 2 человека на 1 кв. км – выводит А.Т. Синюк для эпохи бронзы Среднего Подонья [Синюк, 1996. С. 290]. Близкую цифру получает Ю.Е. Березкин для Аркаима и его окружи, на основании подсчета площади построек и их наполняемости [Березкин, 1995. С. 31–36]. По его мнению, в Аркаиме как административно-религиозном центре, выполнявшем социальные, информативные и сакральные функции, и на территории радиусом в 20–30 км вокруг него могло проживать до 2000 человек, что составит не менее 2 человек на 1 кв. км.

Численность населения Рын-песков, входящих в состав Нижнего Поволжья, в срубное время была 5–8 человек на 100 кв. км. Это меньше, чем в другие исторические эпохи [Иванов, Васильев, 1995. С. 159].

С.С. Березанская, используя так называемый микрорегиональный метод, привлекает данные групп памятников, расположенных в небольшом хорошо обследованном микрорегионе. Микрорегион Усова озера состоит из шести поселений, пять из которых одновременны. Если на каждом из них проживало в среднем по сто человек, то во всем микрорегионе обитало 500 человек, т. е. плотность заселения его была примерно 12,5 человек на 1 кв. км. Думается, что такие подсчеты не вполне корректны, т. к. они учитывают лишь небольшой участок территории вокруг группы поселений (около 40 кв. км) и не дают целостной картины заселения. К тому же, полученные цифры будут на несколько порядков выше, чем плотность населения по региону в целом. Расчеты, сделанные для приказанской и срубной культур Волго-Камья [Калинин, Халиков, 1954. С. 168], приблизительно те же, что и для Северского Донца [Березанская, 1990. С. 93].

В настоящее время большинство исследователей отмечают тесную связь между ростом плотности населения и усложнением внутренней структуры

социального организма [Хазанов, 1979. С. 141–144; Коротаев, 1991. С. 148–150]. А.В. Коротаев, произведя подсчеты плотности населения, уровня социальной стратификации и индекса государственности экстенсивных скотоводов, на основе базы данных атласа Дж. Мердока, включающего сто восемьдесят шесть обществ [Коротаев, 1991. С. 157], показал, что ранние земледельцы, превосходя экстенсивных скотоводов по плотности населения, тем не менее не отличаются существенно по уровню социального расслоения и политического развития. Это объясняется заметно более высоким развитием у скотоводов, особенно у кочевников, средств коммуникации. Так, уровень социального развития 58,3% обществ экстенсивных скотоводов соответствует зачаткам социально-экономической дифференциации, а для некоторых указано наличие зачатков кастового деления или рабства. Явно выраженной классовой стратификации для таких обществ в атласе Дж. Мердока не зафиксировано. В 58,8% случаях плотность населения экстенсивных скотоводов составляет 1–25 чел./кв. милю, что в пересчете на квадратные километры составляет 0,3–9,6 человек. Таким образом, полученная нами для Саратовской области плотность населения соответствует большинству скотоводческих обществ. Говоря об индексе государственности, в котором учитывалось число уровней надобщинной политической интеграции и уровень развития аппарата принуждения, А.В. Коротаев указывает, что наиболее характерными для них являются вождества и самостоятельные общины с развитой внутренней структурой – 75,5% [Коротаев, 1991. С. 141].

Итак, численность населения эпохи поздней бронзы на современной территории Саратовской области могла достигать 30000–200000 человек. Плотность населения составляла 30–200 человек на 100 кв. км, что типично для большинства скотоводческих обществ. А данные этнографии указывают, что наиболее характерными для них являются вождества и самостоятельные общины с развитой внутренней структурой.

Литература:

- Агапов С.А., Иванов А.Ю.* Металлообрабатывающий комплекс поселения Липовый Овраг // Поселения срубной общности: Сб. науч. тр. ВГУ. Воронеж, 1989.
- Агеев Б.Б.* Пьяноборский союз племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала: Сборник статей. Уфа, 1981.
- Базилевич Н.И.* Биологическая продуктивность в экосистемах северной Евразии. М., 1993.
- Базилевич Н.И., Гребенчиков О.С., Тишков А.А.* Географические закономерности структуры и функционирования экосистем. М., 1986.
- Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). – Саратов, 2002.
- Базилевич Н.И., Родин Л.Е., Родин Н.Н.* Географические аспекты изучения биологической продуктивности. Л., 1970.
- Березанская С.С.* Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев, 1990.
- Брук С.И.* Население мира: Этно-демографический справочник. М., 1981.

Березкин Ю.Е. Аркаим как церемониальный центр: взгляд американиста // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: Тез. науч. конф. СПб, 1995.

Бузин В.С. Поселения и жилища волосовской культуры как источник социологической реконструкции // СА. 1990. № 3.

Буров Г.М. Нео-энеолитические землянки крайнего северо-востока Европы в аспекте социальной организации его древнего населения // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993.

Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992.

Горбунов В.С. Срубная культурно-историческая общность как одна из фундаментальных проблем двадцатого столетия // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунауч. конф. «К столетию переодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001.

Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону // КСИИМК. 1953. Вып. 50.

Долуханов М.П. Истоки миграции (моделирование демографических процессов по археологическим и экологическим данным) // Проблемы археологии: Сб. ст. ЛГУ. Л., 1978. Вып. 2.

Евдокимов В.В. Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1984.

Железчиков Б.Ф. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н. э. – I в. н. э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.

Луковская Т.С., Иванов И.В., Васильев И.Б. Методы оценки параметров экосистем, численности населения в различные археологические эпохи (на примере Рын-песков) // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии: Тез. докл. конф. Самара, 1996.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье // МИА. 1954. Вып. 42.

Ковалева В.Т., Штадлер М.Ю. Палеоэкономическая реконструкция поселения раннебронзового века // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале: Сб. науч. тр. Свердловск, 1989.

Коротяев А.В. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития: Сб. науч. труд. Ин-та истории СССР АН СССР. М., 1991. Ч. 1.

Корякова Л.Н., Сергеев А.С. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры (опыт палеоэкономического анализа селища Дуванское II) // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале: Сб. науч. тр. Свердловск, 1989.

Косинцев П.А. Животноводство у населения Самарского Поволжья в эпоху поздней бронзы // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке: Сб. науч. тр. Самара, 2003.

Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2001.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.

Кузьмина Е.Е. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских пле-

- мен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала: Сб. науч. тр. Уфа, 1981.
- Лопатин В.А.* Постройки срубных поселений степного Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.
- Лопатин В.А.* Срубные поселения степного Волго-Уалья: Учеб. пос. Саратов, 2002.
- Массон В.М.* Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990.
- Салманович М.Я.* Типы румынского народного жилища // Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы: Сб. ст. М., 1968.
- Синицын И.В.* Древние памятники в бассейне Иргица по раскопкам 1938–39 гг. // Ученые записки СГУ. Саратов, 1947. Т. 27.
- Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
- Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Воронеж, 1993.
- Хазанов А.М.* Классообразование: Факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
- Хлобыстин Л.П.* Проблемы социологии неолита Северной Азии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
- Халыпина О.А.* Картографический и формально-типологический анализ поселений эпохи поздней бронзы из Западного Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала: Сб. науч. тр. Орск, 2000.
- Халдеев В.В.* Сколько было сарматов? СА. 1987. № 3.
- Хлобыстин Л.П.* Жилище и его экологическая и социальная обусловленность // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам поселений и жилищ: Тез. докл. на объединенном симпозиуме методолог. семинара и сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР. Л., 1974.

Малов Н.М., Бугров Д.Г.

**«АЛЕКСЕЕВСКИЙ», «ГУСЕЛЬСКИЙ»
И «НИЖНЕ-СЕМЕНОВСКИЙ» КОСТЯНЫЕ ПСАЛИИ
ИЗ ТАТАРСТАНА И САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ**

Псалии, являющиеся элементами конской узды эпохи поздней бронзы Евразии, относятся к выразительной категории предметов, традиционно привлекающих внимание исследователей. Мы рассмотрим три таких изделия. Два из них происходят с поселений срубной культуры Алексеевское-V и Гуселка-II. Ранее публиковавшееся фото гусельского псалия недостаточно полно отражало его конструктивные детали. Этот пробел восполняет данная публикация. Алексеевский и ниже-семеновский псалии из Татарстана впервые вводятся в научный оборот.

Селище срубной культуры Алексеевское-V расположено в 400–500 м к северо-востоку от райцентра Алексеевское Республики Татарстан, на левом берегу речки Архаровки, левого притока р. Камы, в настоящее время подтопленной Куйбышевским водохранилищем. Поселение занимало площадь 500 x 20 м и было перекрыто юго-западным краем средневекового болгарского селища Алексеевское-XIII. В 1966–1967 годах памятник обследовался экспедицией Казанского филиала АН СССР, возглавляемой П.Н. Старостиным. Селище Алексеевское-V отнесено казанскими исследователями к развитому этапу срубной культуры и датировано третьей четвертью II тыс. до н. э. [Габяшев и др., 1976; Археологические памятники..., 1988].

В 1988 году подъемный материал был собран на селище Алексеевское-V между урезом воды и обрывом надпойменной террасы, на участке протяженностью 250 м с юго-запада на северо-восток [Бугров, 1988]. Селище размыто, материал прослежен на «приплёске» у подножья обрыва надпойменной террасы высотой до 2 м. Он представлен лепной керамикой срубной культуры, толстостенными фрагментами серо-желтого, серого и коричневого цвета с примесью органики и шамота в тесте. Некоторые из них орнаментированы различными вдавлениями и прочерченными линиями. В средней части обрыва надпойменной террасы на глубине 55 см от поверхности, в слое погребенной почвы обнаружено скопление керамики. Оно содержало неполные развалы двух лепных сероглиняных сосудов с примесью шамота в тесте. Орнамент одного сосуда состоял из прочерченных «флажков» и «елочки», вы-

полненной оттисками гребенчатого штампа, другой был орнаментирован гребенчатым штампом и округлыми вдавлениями.

Кроме керамики здесь найден костяной желобчатый псалий (рис. 1, 1), хранящийся в археологическом музее Казанского государственного университета (№ АКУ 250/188). Он сделан из расколотой метаподии крупного рога того скота, или лошади. При его изготовлении использована техника раскалывания, отески, резки, пиления шнуром, сверления и, вероятно, абразивная обработка. Желобчатая пластина псалия, полученная из диафиза массивной трубчатой кости (плюсневой или пястной), сохранила в нижней части естественный поперечный изгиб исходного сырья – до 1/3 окружности. Длина предмета 15,9 см, ширина 3,3 см, максимальная толщина 1,5 см.

На выпуклой лицевой стороне псалия прослеживаются продольные трещины, связанные, возможно, с процессом раскалывания трубчатой кости. Как правило, перед продольным раскалыванием кость подвергалась длительному обезжириванию или просушке. При этом образовывались трещины, служившие направляющими для раскалывания [Бородовский, 1997]. С внутренней стороны заметен рудимент мозгового канала – остатки губчатого тела, удаленного при изготовлении. Нижняя и более широкая часть изделия располагалась ближе к эпифизу. После продольного раскалывания пластину отесали рубящим орудием. При этой операции на одной продольной грани сформирован специальный выступ – зубец, который должен быть обращен к углу рта упряжной лошади. Затем в нем просверлили малое боковое отверстие.

Сглаженные следы затесов прослеживаются на боковых внутренних кромках–гранях выше и напротив этого выступа. Верхний конец псалия, вероятно, был опилен шнуром, поскольку на торце хорошо заметен полукольцевой пропилен округлого сечения, не доведенный до конца. Ненужный край был отломлен по месту пропила, а оставшиеся на изломе заусенцы частично сглажены абразивом.

В верхней части планки, где крепился наносный ремень, в той же технике выполнены три поперечных желобчатых пропила. Профили желобков полукруглые, края пропилов заходят на внутреннюю сторону псалия, что происходит именно при пилении шнуром. В процессе нанесения пропилов был утрачен небольшой фрагмент изделия выше верхнего желобка. Позже этот скол также был частично сглажен абразивом. Пиление продолжили со стороны внутренних боковых кромок–граней, отчего здесь образовались пропилены «второго порядка», расположенные под углом к первоначальным.

В последнюю очередь в разных местах просверлили четыре отверстия. Два овальных располагались рядом на верхней планке, обращенной к переносице животного, между средним и нижним желобчатыми поперечными пропилами. Третье отверстие, центральное, большое, круглое, высверлено с двух сторон. Через него проходил конец мягких удил с петлей, к которой крепился повод. Четвертое круглое отверстие, меньшего диаметра, для нащёчного ремня, расположено в боковом выступе–зубце. Все отверстия сверлились перпендикулярно к поверхности кости, отчего их каналы располагаются как бы «веером», сходящимся к продольной оси трубчатой кости. При сверлении верхних овальных отверстий, или позже, в процессе эксплуатации, между ними был утрачен небольшой фрагмент. В завершение предмет обработан абразивом, были сглажены грани боковых кромок и упомянутые выше дефекты.

Алексеевский псалий относится к первому типу подобных изделий из продольно расколотовой трубчатой кости с центральным большим отверстием для продевания ремня, с одним ниже расположенным малым боковым и несколькими малыми отверстиями на верхней широкой части планки, предназначенными для крепления ремней. Данный тип псалиев встречается на Волго-Уральских и Казахстанских памятниках срубной и андроновской культурно-исторических областей. Эти памятники, в основном, предшествуют времени распространения валиковой керамики [Смирнов, 1961]. Судя по месту расположения бокового отверстия для нащечного ремня, алексеевский прямоугольно-желобчатый псалий располагался с левой стороны мягкой ременной уздечки и оголовья. По конструктивным особенностям (прямоугольная верхняя планка с желобками и отверстиями, боковое малое отверстие на зубце, отсутствие других зубцов на продольных гранях) алексеевский псалий наиболее близок изделиям Усатовского кургана и поселений Моечное озеро, Капитаново-I и Шиловское [Смирнов, 1961; Чердниченко, 1968; Килейников, 2003].

Во время раскопок 1964–1967 годов в культурном слое селища срубной культуры Гуселка-II, расположенного в 8 км вверх по течению Волги от г. Саратова, был найден псалий из трубчатой, продольно расколотовой кости [Синицын, Фисенко, 1972]. Авторы раскопок опубликовали фото псалия без указания пласта, квадрата или комплекса, где он был обнаружен. Недавно родственники И.В. Синицына передали этот предмет в археологические фонды Саратовского областного музея краеведения (СМК № 40857), где хранится также керамическая коллекция памятника.

Гусельский псалий (рис. 1, 2) изготовлен из кости толщиной 0,5 см, с использованием таких же технологических приемов, которые отмечены на алексеевском экземпляре. Длина предмета 9,5 см, ширина 3–3,2 см. Внешняя выпуклая сторона и шипы-зубцы хорошо заполированы. Внутренняя сторона предмета шероховатая, с рудиментом мозгового канала. На каждом из внутренних торцов продольных граней вырезано по 6 зубцов. Головка правого зубца на торцевой стороне планки двойная, еще в древности она была слегка повреждена.

Верхняя планка псалия длиной 4 см, где крепился наносный ремень, имеет подтреугольные очертания. С внутренней стороны ее окончание еще в древности было слегка обломлено по краю. Вполне возможно, что это произошло еще при изготовлении псалия. Для крепления наносного ремня на верхней планке в один ряд просверлены три округлых отверстия. Диаметры двух крайних, самых малых отверстий 0,3–0,4 см, а третьего, более крупного, расположенного между ними, 0,5–0,7 см. Планка отделена от корпуса псалия рельефным валиком-упором. Валик заполирован, его ширина составляет 0,5 см.

В центре псалия просверлено самое крупное, круглое отверстие диаметром 1–1,1 см. Сквозь него продергивали мягкие удила, к которым крепился повод. Внутренняя сторона около центрального отверстия имеет следы потертости, вероятно, от мягкого уздечного ремня. С внешней стороны вокруг этого отверстия слабо просматриваются несколько заполированных концентрических окружностей. Они могут представлять собой остатки циркульного орнамента, но могли также появиться в результате концентрического трения поллой трубчатой части сверлильного устройства или ременного узла, образовавшегося

ся в месте крепления повода с уздечной петлей. Авторы раскопок допускали, что окружности могли образоваться в результате концентрического трения ремня. В самой нижней части одной из боковых стенок просверлено пятое, самое малое боковое отверстие диаметром 0,4–0,5 см, предназначенное для крепления конца нащечного ремня. Здесь, у основания корпуса псалия, есть второй рельефный валик–упор такой же ширины, как и верхний.

Гусельский экземпляр также крепился на уздечных ремнях или оголовье слева и относится к первому типу желобчатых псалиев по классификации К.Ф. Смирнова. Однако по своим конструктивным особенностям (подтреугольная форма верхней планки, два валика, шесть зубцов с каждой стороны) он морфологически более близок к аналогичным изделиям из Комаровского кургана и Ершовского селища [Смирнов, 1961].

Многочисленная коллекция керамики и прочий инвентарь Гусельского селища относятся к срубной культуре. Вместе с тем, здесь были встречены единичные экземпляры хвалынской валиковой и покровской керамики, стратиграфические и планиграфические условия обнаружения которых авторами раскопок особо не отмечены. Несколько венчиков принадлежит поздним покровско–срубным сосудам, с абашевскими элементами [Малов, 1986; он же, 1992]. В их форме «покровско-абашевский» компонент фиксируется лишь в виде желобка или уступа на внутренней стороне венчиков (рис. 2, 5; 3, 3,5). В рамках покровской культуры такую керамику можно считать поздней и относить ко времени сосуществования поздней покровской и срубной культур, или покровско-срубных комплексов срубной культурно-исторической области Евразии. В форме сосудов и профилировке венчиков, технологии изготовления, примесях, орнаментации более ранние покровско-абашевские и синташтинско-аркаимские элементы, как, например, на фрагменте (Хранится в Пугачевском Музее краеведения) из с. Ивановка в Заволжье (рис. 2, 3), отсутствуют. Кроме того, более поздний облик покровской керамики Гуселки подтверждает результаты расчетов коэффициента сходства по форме и орнаментации, согласно которым этот памятник занял пятое, предпоследнее место из шести сравнивавшихся селищ Саратовского Правобережья [Сергеева, 1991].

В 1991 году главный научный сотрудник Института истории АН Республики Татарстан Е.П. Казаков обнаружил своеобразный костяной псалий (рис. 1, 3). Он был найден в Приустьевом Закамье на Нижнем Семеновском острове в Спасском районе Татарстана. Вскоре после возвращения из экспедиции Е.П. Казаков любезно позволил Н.М. Малову зарисовать этот экземпляр. При этом он сообщил, что ниже-семеновский псалий – это именно отдельная находка, встреченная на размываемом острове «случайно» в виде подъемного материала. Недавно автор находки разрешил опубликовать зарисовку этого псалия, за что мы искренне ему признательны.

Ниже-семеновский псалий изготовлен из дугообразно изогнутой пластины прямоугольного сечения. По своим конструктивным особенностям он относится к особому типу. Первоначальной заготовкой для псалия, вероятно, послужило ребро животного. Максимальная длина псалия 10,5 см, ширина в средней части 3 см, на концах – около 1,5 см. В центре пластины просверлено самое крупное центральное отверстие округлой формы и диаметром 1–1,2 см для уздечного ремня, к которому крепился повод.

Около боковой грани, рядом с центральным отверстием, просверлена пара малых округлых отверстий диаметром 2–3 мм, вероятно, для наносного шнура или ремня. Между ними на внешней стороне имеется узкий желобок длиной 7 мм и шириной 1,5–2 мм. На внутренней стороне между этими отверстиями есть желобчатая потертость дугообразной формы. Она могла образоваться здесь от трения очень тонкого наносного ремешка, проходившего через оба отверстия. Такие же парные малые отверстия иногда встречаются на костяных пряжках эпохи поздней бронзы.

С другой стороны от центрального отверстия есть четвертое щелевидное боковое отверстие, вероятно, для подгубного или нащечного ремня, размером 8 на 2 мм. На внутреннюю сторону псаля оно косо выходит к центральному отверстию в виде щели размером 10 на 2 мм и соединяется с ним через желобок шириной 5 мм. Такие торцевые отверстия, иногда соединяющиеся с центральным уздечным отверстием, встречаются на псалях Приишимья и Приуралья [Зданович, 1986; Обыденнов, Обыденнова, 1992].

Внешняя поверхность псаля украшена резным геометрическим орнаментом. По его краю проходит сплошная кайма в виде резной рамки. Между рамкой и боковыми гранями по всему периметру двенадцатью группами расположены короткие черточки. При этом, около коротких торцовых сторон расположено по одной группе параллельных черточек, по четыре в каждой. По самой длинной дуговой стороне расположены шесть групп черточек, от 3 до 7 в каждой. Вдоль противоположного края имеется четыре группы черточек, по три в каждой. Внутри орнаментальной рамки, при помощи циркульного инструмента, нанесены S-видные фигуры, прямые линии и точки. В разных сочетаниях эти элементы встречаются на костяных и металлических изделиях эпохи бронзы широкой географической зоны. Они достаточно давно привлекают внимание исследователей, в связи с сопоставлением орнаментов Бородинского клада, а также «микенских», карпато-дунайских, андроновских и срубных орнаментальных стилей эпохи бронзы. Тем не менее, нам не удалось найти очень близкие аналогии орнаментальному сюжету псаля с Нижнего Семеновского острова.

Что касается конструктивных деталей нижне-семеновского псаля, то прямые аналогии этому предмету нам также не известны. По дугообразной форме он близок к роговым венгерским экземплярам, а также псалям, изображенным на ассирийских рельефах [Смирнов, 1961]. Но на этом сходство заканчивается, так как нижне-семеновское изделие плоское, а не трубчатое и не роговое. Самой же существенной конструктивной особенностью является то, что все отверстия для узды, ремней или шнуров оголовья расположены рядом друг с другом в центральной части. Поэтому при реконструкции способа крепления оголовья возникают определенные затруднения, придающие возможным вариантам дискуссионный характер.

Литература:

- Археологические памятники Центрального Закамья. Казань, 1988. С. 43, № 263.
- Бородовский А.П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э.). Новосибирск, 1977.
- Бугров Д.Г.* Отчет о разведках в Алексеевском районе Татарской АССР в 1988 г. // Архив ИА РАН. Фонд Р-1. Л. 6.
- Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А.* Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
- Зданович Г.Б.* Щитковые псалии из Среднего Приишимья // КСИА. М., 1986. Вып. 185. С. 64, рис. 4.
- Килейников В.В.* Трасологическое исследование орудий труда Шиловского поселения доно-волжской абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 170, рис. 2, 1.
- Малов Н.М.* Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 30, рис. 2, 19.
- Малов Н.М.* «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (памятники покровского типа): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб, 1992.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Северная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара, 1992. С. 131, рис. 43, 9, 10.
- Сергеева О.В.* Характеристика керамики срубно-абашевских поселений Саратовского Правобережья // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья.: Тезисы вторых Рыковских чтений. Саратов, 1991.
- Синицын И.В., Фисенко В.А.* Поселение срубной культуры Гуселка-II в окрестностях Саратова // АМА. Саратов, 1972. Вып. 1. С. 24–26, рис. 9, 1.
- Смирнов К.Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1. С. 46–60, рис. 1.
- Чередниченко Н.Н.* Археологические исследования на Луганщине // Археологические исследования на Луганщине в 1967 г. Киев, 1968. Вып. II. С. 102–104, рис. 1.

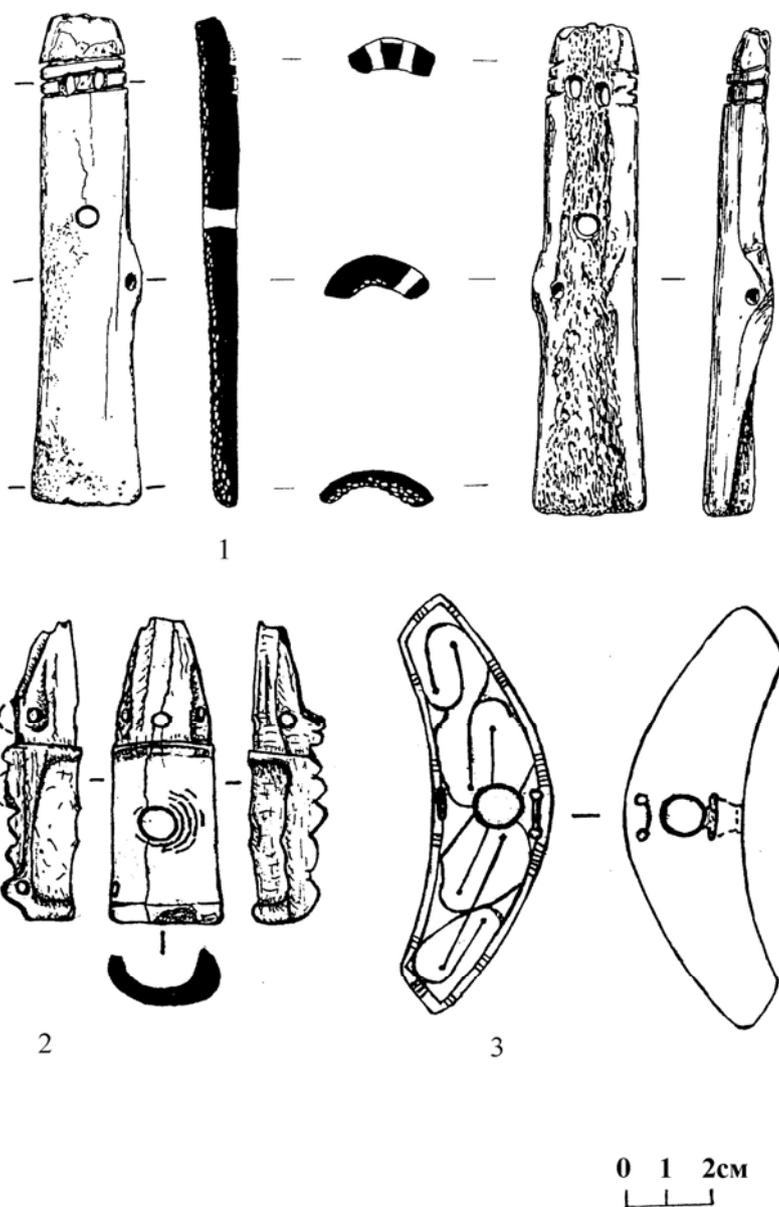

Рис. 1. Костяные псалii из Татарстана и Саратовского Поволжья. 1 – Алексеевское-V; 2 – Гуселка-II; 3 – Нижний Семеновский Остров.

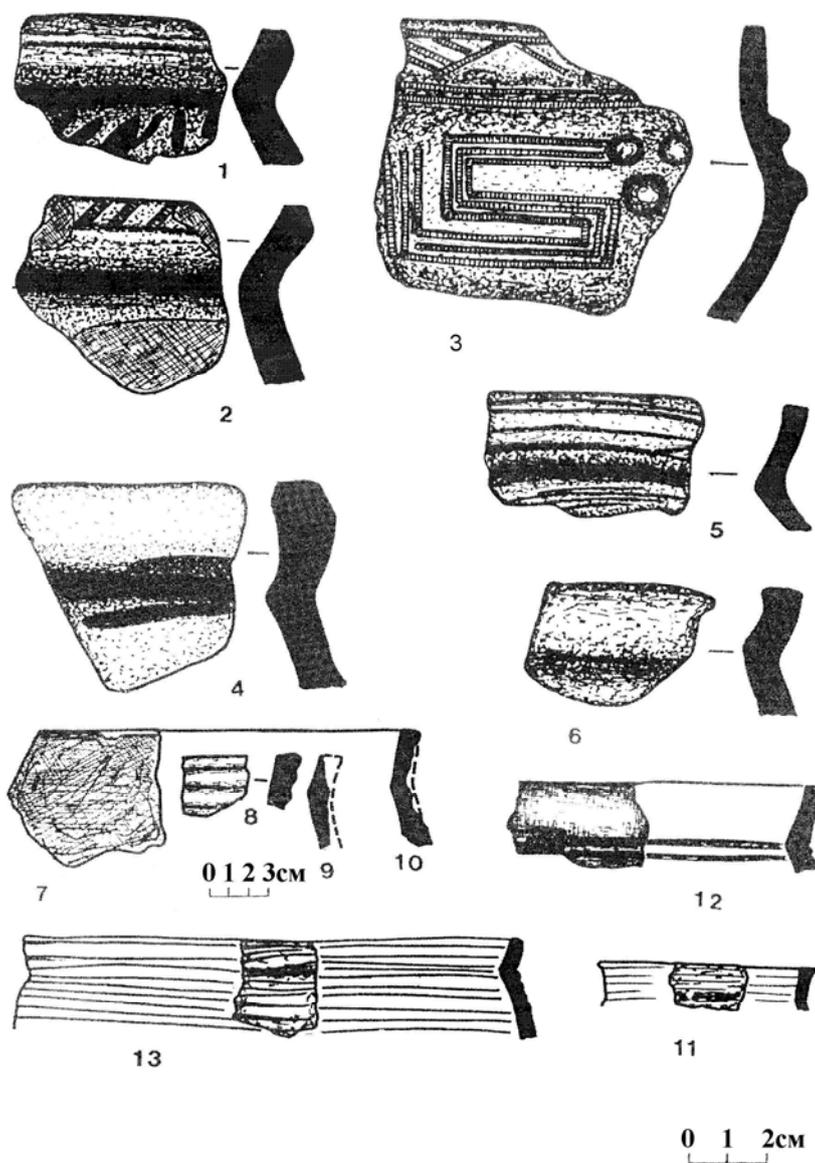

Рис. 2. Покровская и синташтинско-аркаимская керамика с поселений Нижнего Поволжья.
 1,2 - Пристанное; 3 - Ивановка (фонды Пугачевского музея краеведения);
 4 - Нижняя Покровка-П; 5 - Гуселка-П; 6 - Вертуновка; 7-13 - Нижняя Покровка-И.

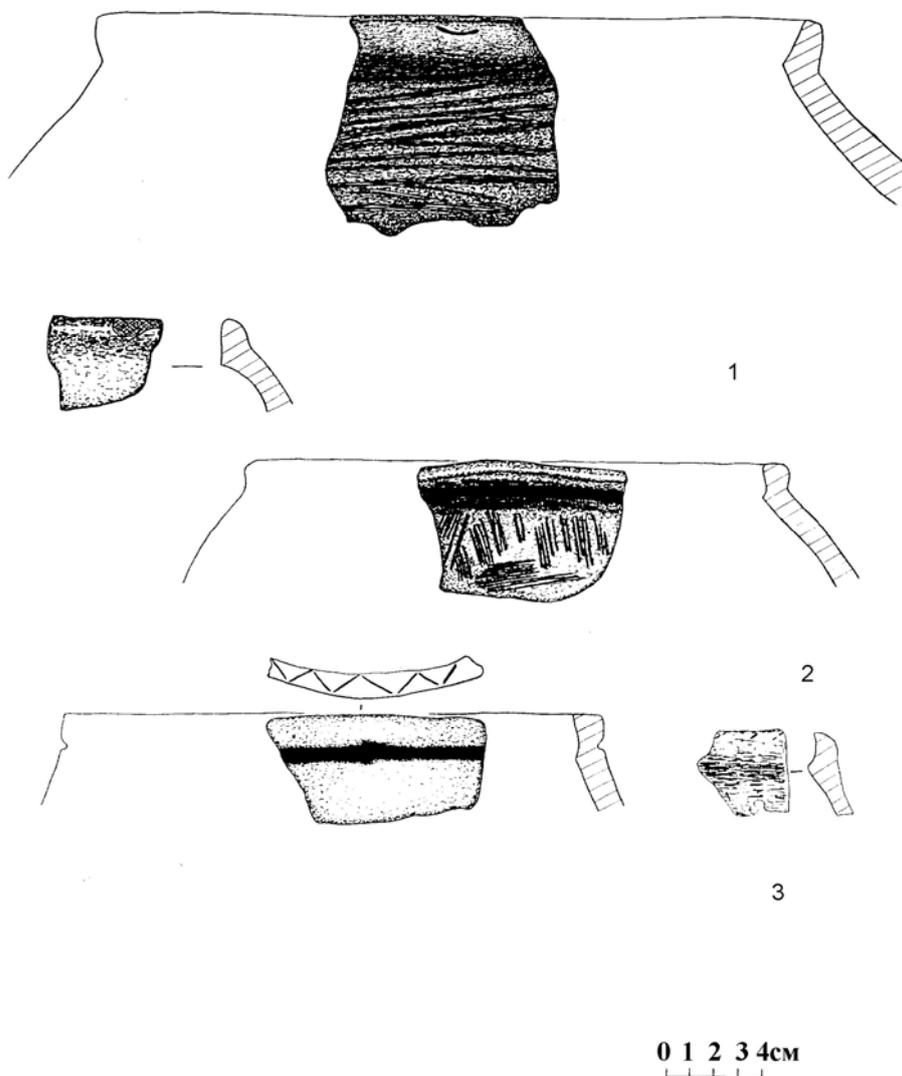

Рис. 3. Покровская керамика с поселений Саратовского Правобережья. 1 - Хвалынские городища; 2 - Нижняя Красавка-II; 3,5 - Гуселка-II.

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Хреков А.А.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ПРАВОБЕРЕЖНЫХ РАЙОНАХ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н. Э.

Заключительный период раннего железного века и начало средневековья характеризуются чрезвычайно активными и сложными процессами, охватившими степные и лесостепные регионы Восточной Европы, в том числе и правобережные районы Саратовского Поволжья. В этнокультурном плане археологические памятники Саратовского Правобережья оказались весьма разнородными и явно не составляют единого культурного массива. На сегодняшний день представляется возможным выделить как минимум три культурно-хронологические группы населения II–IV вв. н. э., оказывавшие значительное влияние друг на друга. Материалы, относящиеся к первой группе, представлены позднесарматскими могильниками (Каменка, Рыбушка, Двоекна, Большая Дмитриевка, Аткарск, Машевка, Ключи, Власовка и др) II–III этапов по А.С. Скрипкину [Скрипкин, 1984. С. 101–116]. По данным А.Д. Матюхина [Матюхин, 1992. С. 145], А.А. Хрекова [Хреков, 1986. С. 82], К.Ю. Ефимова [Ефимов, 1988. С. 26], В.Д. Березуцкого [Березуцкий, 1988. С. 36], они сосредоточены в Правобережье Волги, бассейне реки Медведицы и Прихоперье (рис. 1). Погребальный инвентарь включает лучковые и сильнопрофилированные фибулы; зеркала с боковым ушком и центральной петелькой; мечи и кинжалы с кольцевидным навершием и без металлического навершия и перекрестия; пряжки с овальной рамкой, такой же обоймой и прогнутыми язычками; квадратные курительницы; сероглиняные миски нижнедонского и прикубанского производства. Хронологические интервал существования перечисленных изделий соответствуют концу II–III вв. н. э., что не исключает наличие более поздних комплексов.

Особенно в этом плане показательны большинство комплексов Большедмитриевского могильника, которые А.Д. Матюхин датирует второй половиной III века н. э. [Матюхин, 1997. С. 165]. К более позднему времени он относит позднесарматское погребение из кургана 13, в инвентаре которого встречено большое количество дорогих импортных вещей, украшения, сильнопрофилированные фибулы, римская стеклянная фиала, трехсоставной черняховский гребень с полуовальной спинкой III–IV вв. н. э. [Матюхин, Ляхов, 1991. С. 139–144]. В погребальном обряде появляются узкопрямоугольные ямы, катакомбы, деформация черепов, северная ориентировка. Изменение

погребального ритуала, проникновение западноевропейских, черняховских, северокавказских изделий (стеклянная фиала, черняховский гребень, янтарные грибовидные бусы, гончарная посуда и др.) автор связывает с переселением части сарматских племен под давлением готов на территорию Саратовского Правобережья [Матюхин, 1997. С. 165–166].

Наряду с погребениями кочевников в Саратовском Правобережье и Прихоперье известны синхронные им поселения, городища и грунтовые могильники круга «полей погребения». В Прихоперье это позднезарубинецко-раннекиевские древности инясевского типа [Хреков, 1994. С. 56]. Как правило, памятники занимают песчаные всхолмления, останцы или пониженные участки пойменных террас. Стационарными раскопками исследованы поселения Шапкино I–II, Подгорное, Разнобрычка, Репное, Борисоглебское IV, могильники и культовые объекты Инясево, Рассказань III [Хреков, 1997. С. 326; Мулкиджанян, 1998. С. 180–187].

На поселениях строительные комплексы представлены немногочисленными постройками подквадратной, прямоугольной и овальной форм, а также хозяйственными ямами.

Могильники по конструкции ям, обряду и облику сопровождающего инвентаря подразделяются на два типа. К первому (Инясево), наиболее раннему, относятся ямные, безурновые сожжения с большим количеством мелких кальцинированных человеческих костей, остатками костра, фрагментами грубой и лощеной керамики, украшениями, в том числе круга «выемчатых эмалей» [Хреков, 1991. С. 116–126].

Второй тип – ямные погребения «мемориального» характера (Рассказань III), заполненные спекшейся углистой супесью, отдельными фрагментами, развалами грубой и лощеной керамики (часто вторично обожженной), костями животных, рыб, немногочисленными кальцинированными косточками и, очень редко, какими-либо изделиями – ножами, шильями, пряслицами [Хреков, 1997б. С. 47–55], что является характерной особенностью погребального обряда киевской культуры [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 39–44; Обломский, 1991. С. 62]. Вероятно, эти различия носят не только хронологический, но и этнический характер, связанный с притоком нового населения.

Набор прихоперской посуды (пропорции, соотношение форм, орнаментация, технология изготовления) является как бы переходным от керамического комплекса позднезарубинецких памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2 к раннекиевским типа Шишино 5, Шмырево, Приоскольское 2, Попово – Лежачи 4, Днепровского левобережья [Обломский, 2003а. С. 19–20].

Хронология памятников инясевского типа пока укладывается в рамках конца II – середины III вв. н. э. [Хреков, 2000. С. 174–177].

По своему происхождению постзарубинецкие памятники, несомненно, связаны с позднезарубинецким населением Верхнего и Среднего Поднепровья и Левобережья Днепра [Хреков, 1997. С. 335]. Вместе с тем, и это существенно, на формирование памятников инясевского типа и смежных культур Правобережья оказали влияние пшеворские культурные традиции. В керамическом комплексе серия лепных лощеных сосудов, по форме и орнаментации близких к пшеворским прототипам, известна на поселении Шапкино 2 [Хреков, 1995. С. 15] в Тамбовской области, поселении Разнобрычка Саратов-

ской области [раскопки автора в 2005 г.], Ахунском городище в Пензенской области [Калмыкова, 1971. С. 74, рис. 3, 1], поселении Славкино и городище Лбище в Самарской области [Матвеева, 1997. С. 207–209]. Западное происхождение имеют некоторые изделия, например, фибула «Авцисса», восьмеркообразные пряжки из погребальных комплексов Андреевского кургана [Вихляев, 2000. С. 47] и железная шпора с пластинчатой дужкой, сужающимися загнутыми концами и остроконечным шипом конической формы с поселения Разнобрычка. По классификации В.Б. Перхавко она относится к III типу и датируется III–V вв. н. э. [Перхавко, 1978. С. 120]. Близкая аналогия из бронзы известна в материалах раннекиевского поселения Попово-Лежачи 4 [Обломский, 2003а. С. 174, рис. 23, 9], где она определяется периодом C1a–C1в, то есть весь III век н. э. без последней его четверти. В пшеворской культуре такие шпоры отнесены к типу F-3 по Е. Гинальскому [Ginalski, 1991. S. 66–67].

Все эти факты свидетельствуют о западной линии связей постзарубинецкого населения Прихоперьья в конце II – первой половине III вв. н. э. не только с Поднепровьем, но и с пшеворскими племенами Центральной Европы. Определить характер этих связей пока не представляется возможным. Что касается местного населения городецкой культуры, то оно в основной массе, по периодизации В.Г. Миронова, во II–III вв. н. э. перемещается в лесную зону и трансформируется в древнемордовский этнос [Миронов, 1995. С. 79]. Это позволяет предположить наличие неких контактов местных финно-угорских племен с пришлыми постзарубинцами. Процесс ассимиляции местного городецкого населения западными группами фиксирует в Среднем Поволжье Г.И. Матвеева. В результате этого городецкая культура претерпевает настолько существенные изменения, что памятники её позднего этапа, датируемые с I по V вв. н. э., можно выделить в особую культуру [Матвеева, 1986. С. 158–159], что вполне согласуется с материалами Прихоперьья.

Памятники третьей группы пока локализируются вдоль правого берега Саратовского Поволжья. Несмотря на то что эта территория находилась в центре внимания многих исследователей, поселенческие памятники первой половины I тыс. н. э. практически не были известны. Ситуация стала меняться со второй половины 90-х годов XX в, когда в Прихоперьье были выделены постзарубинецкие древности инясевского типа [Хреков, 1994. С. 59], а на Вернем Дону памятники типа III Чертовичского городища [Медведев, 1998. С. 59].

Особый интерес представляет гладкостенная (грубая, лощеная) керамика, выявленная на ряде нижеволжских городищ (Чардымское I–II, IV – раскопки П.С. Рыкова, Н.И. Шестова, В.Г. Миронова; Ахматское – раскопки А.А. Спицина; Хлопковское – раскопки Н.М. Малова; Андриановское – раскопки В.В. Филипченко; Алексеевское – раскопки П.С. Рыкова, И.В. Синицина, О.В. Кочерженко, А.И. Юдина и др.). Обычно она занимала верхнее стратиграфическое положение и воспринималась как позднего городецкая или сопоставлялась со скифо-сарматским воздействием на городецкое население лесостепи.

Н.В. Трубникова отмечала, что подобная посуда не поддается хронологическому выделению, т.к. существовала на протяжении всей скифо-сарматской эпохи, хотя на северных приокских памятниках она относится к позднему периоду железного века [Трубникова, 1950. С. 129].

Заметное сходство гладкостенных горшков с посудой из сарматских погребений отмечал и П.С. Рыков при исследовании Чардымского I городища [Рыков, 1933. С. 63–64].

В ряде своих статей и автореферате диссертации В.Г. Миронов часть гладкостенной керамики отнес к городецкому комплексу, а подавляющее большинство сопоставил с верхнедонскими памятниками раннего железного века [Миронов, 1976. С. 20]. Присутствие подобной керамики на нижневолжских городищах он объяснял процессом некоего «симбиоза» оседающих на землю сармат с обитателями городецких поселений [Миронов, 1995. С. 79]. Близкой точки зрения придерживается К.Ю. Моржерин, изучавший лепную лощеную керамику Саратовских городищ [Моржерин, 1997. С.162–163].

Выделение в Прихоперье памятников инясевского типа позволило автору данной статьи высказать гипотезу о принадлежности гладкостенной (грубой) керамики с правобережных городищ к новому «культурному образованию», возникшему в результате инфильтрации сарматского и постзарубинецкого населения в лесостепную зону и какое-то время сосуществовавшего с позднегородецким [Хреков, 2000. С. 5–7].

Более детально остановился на этом вопросе А.И. Юдин при исследовании Алексеевского городища. По его мнению, появление гладкостенной керамики было связано не только с контактами городецких и сарматских племен, но и с зарубинецким импульсом, который достигает Волги как в районе Самарской Луки, куда, по мнению исследователей, переселилось население из Поднепровья и Припятского Полесья [Матвеева, 2000. С. 94–95], так и в районе Саратова на южной кромке лесостепи [Юдин, 2001. С. 54].

Таким образом, указанный керамический комплекс видимо претендует на самостоятельный культурно-хронологический статус и является основой для выделения нового пласта памятников типа Чардымского II – Алексеевского городищ, как наиболее полно изученных. По общему облику, технологии изготовления эта керамика разнородна в культурном происхождении, что заметно отличает её от посуды предшествовавших скифоидной и городецкой культур.

Основу этого комплекса составляют округлобокие сосуды с прямым, плавно или резко отогнутым наружу венчиком, расширение их тулова приходится на середину и верхнюю половину высоты (рис. 2, 1–7; 3, 1–5,7–8). Часть этих сосудов по характерному профилю и форме венчика обнаруживает сходство с лепными горшками I–VII типов верхнедонских памятников круга III Чертовицкого – Замятино [Акимов, Медведев, 2002. С. 161–165]. Истоки этого комплекса, как считают исследователи, исходят скорее всего, от населения сейминско-днепровского варианта киевской и отчасти черняховской культур [Акимов, Медведев, 2002. С. 167]. Вместе с тем, гладкостенная керамика обнаруживает определенные параллели с позднесарматскими лепными плоскодонными горшками типов I–II, IV [Скрипкин, 1984. С. 28, 142], отличаясь несколько более крупными размерами, хотя точные аналогии не известны.

Специфической категорией лепной посуды Чардымского – Алексеевского городищ, являются горшки (рис. 2, 8–11; 3, 9–10) с резким, зачастую ребристым изнутри переломом шейки и раструбообразным горлом (тип 3), доживающие до финала древностей круга Чертовицкого – Замятино. По мнению

Обломского, этот тип обнаруживает скифо-сарматские традиции в Черняхове [Обломский, 2003б. С. 31].

Немногочисленными пока фрагментами и развалами представлена керамика постзарубинецкого облика (рис. 2, 14; 3, 11–13). Горшковидные сосуды имеют слабую профилировку, едва намеченное ребро на тулове и слегка отогнутый венчик. Керамика отличается массивностью, крупными размерами и грубостью изготовления. Наиболее близкие и многочисленные аналогии такой керамики обнаруживают в лесостепном Прихоперье [Хреков, 1997. С. 47–55].

Кроме горшков, на нижневолжских памятниках круга Чардымского II – Алексеевского городища, встречены лепные лощеные миски (рис. 2, 15–21). Большая часть их происходит с Чардымского II городища. Четыре из них соответствуют II–III и VIII типам по классификации Д.В. Акимова и А.П. Медведева [Акимов, Медведев, 2002. С. 168–169]. Подобные или близкие миски известны по всей территории распространения памятников киевского типа, где традиция их изготовления восходит еще к пшеворским и зарубинецким прототипам, а тип III имеет истоки на черняховских памятниках.

Помимо лепных, известны типичные сарматские миски нижнедонского происхождения (Ахматское, Березняковское, Алексеевское), которые часто встречаются в позднесарматских погребениях Нижней Волги [Скрипкин, 1984. С. 30, 145] и поселениях круга III Чертовицкого. Чернолощеных фрагментов немного, преобладает подлощенная керамика серого цвета.

Выделение каких-либо строительных комплексов на памятниках типа Чардымского II – Алексеевского в настоящее время проблематично. Постройки Чардымского I городища традиционно относили к городищной культуре [Смирнов, Трубникова, 1965. С. 12], хотя форма (квадратная, прямоугольная), размеры (4x4 м; 4x6 м), следы плетня и глиняной обмазки предполагают связь с черняховскими и киевскими памятниками Днепроовского левобережья [Обломский, 2001. С. 129; Акимов, 2001. С. 142–154]. В заполнении построек, помимо рогожной, присутствовала гладкостенная керамика с защипами по верху. Частой находкой являлись глиняные пирамидальные грузики.

Коллекция бытовых предметов, обнаруженных на памятниках типа Чардымского II – Алексеевского, представлена биконическими и плоскими пряслицами (рис. 2, 24; 3, 16–19), пирамидальными грузиками для ткацких станков (рис. 2, 22–23; 3, 15), фрагментом крышки или вазочки на полом поддоне (рис. 3, 14), пастовыми и стеклянными бусинами, по классификации Е.М. Алексеевой, укладываемыми в конец II–IV вв. н. э. Правда, перечисленные изделия имеют широкий хронологический диапазон, но в целом характерны для черняховской культуры, а на памятниках киевской археологической общности они получают распространение лишь в период черняховского влияния [Обломский, 2001. С. 128].

Появление этого нового для Саратовского Правобережья этнокультурного комплекса, видимо, определяется временем не ранее первой половины III в. н. э. Не исключено, что это явление результат распространения носителей различных приднепровско-причерноморских групп готского союза, в состав которого в качестве одного из основных этнических компонентов входило ираноязычное сарматское население, возможно, родственное поволжскому и постзарубинцы. Это в какой-то степени согласуется с рассказом Иордана о походах готского короля Германариха на восток в сторону мест

расселения меренс, морденс (памятники древней мордвы доходили до широты Саратова, верховьев Медведицы и Хопра) и о завоевании им венетов.

Таким образом, уже сейчас можно предположить, что этнокультурные процессы в лесостепных районах Правобережья Волги протекали в одном русле с соседними регионами, население которых в первые века нашей эры прямо или косвенно было связано с этногенезом славян.

Исследование памятников типа Чардымского II – Алексеевского в Саратовском Правобережье находится на самой начальной стадии, но перспективность их изучения не вызывает сомнений. Неизвестно также, какое население занимало территорию лесостепного Правобережья в раннем средневековье. Прояснить ситуацию смогут лишь новые полевые исследования.

Литература:

Ginalski J Ostrogi kablakowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny, 38. Wrocław, 1991.

Акимов Д.В., Медведев А.П. Керамический комплекс верхнедонских поселений типа III Чертовицкого городища. // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.

Акимов О.В. Постройки 2-й четверти середины I тыс. н. э. в бассейне Верхнего Дона и лесостепного Хопра. Воронеж, 2001. Вып. 2.

Березуцкий В.Д. Сарматские погребения Власовского могильника // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 12.

Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск. 2000.

Ефимов К.Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 12.

Калмыкова В.А. Ахунское городище в Пензенской области // Вестник Моск. Ун-та. Серия IX. М., 1971.

Матвеева Г.И. Некоторые итоги изучения именьковской культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3.

Матвеева Г.И. Памятники эпохи великого переселения народов (II–IV вв. н. э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.

Матюхин А.Д. Сарматские памятники I–IV вв. Саратовского Правобережья. // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.

Матюхин А.Д. Большедмитриевский могильник в системе сарматских древностей Волго-Донского междуречья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997.

Матюхин А.Д., Ляхов С.В. Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском Правобережье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.

Медведев А.П. III Чертовицкое городище. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж, 1998.

Миронов В.Г. Городецкая культура: состояние, проблемы и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995. Вып. 4.

Миронов В.Г. Памятники городецкой культуры и проблемы ее локальных вариантов. Автореф. дис ... канд. истор. наук. М., 1976.

Моржерин К.Ю. Сарматская керамика на нижеволжских городищах городецкой культуры // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. (материалы международной научной конференции) Саратов, 1997.

Мулкиджанян Я.П. Поселение Борисоглебское - 4 в Прихоперье. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж. Вып. 12. 1998.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н. э. М.; Сумы, 1991.

Обломский А.М. О памятниках лесостепного Подонья позднееримского времени. // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднееримское и гуннское время (середина III-V в. н. э.). М., 2003а.

Обломский А.М. Этнокультурные процессы на территории Днепровского лесостепного Левобережья в III-V вв. н. э. // РА. 2003б. № 1.

Перхавко В.Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА. 1978. № 3.

Рыков П.С. Чардымское городище // Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения им. М. Горького Т. VI. Саратов, 1933.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов. 1984.
Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ вып. Д I-14. М., 1965.

Тертиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры. Киев, 1992.

Трубникова Н.В. Городецкие племена и связи их со скифами и сарматами. // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV.

Хреков А.А. Исследования в бассейне р. Хопер // АО 1984 года. М., 1986.

Хреков А.А. Грунтовый могильник с сожжениями на западе Саратовской области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.

Хреков А.А. Проблемы этнокультурного развития населения лесостепного Прихоперья в первые века н. э. // Российский исторический журнал. № 1. Балашов, 1994.

Хреков А.А. Раннесредневековое поселение Шапкино II в лесостепном Прихоперье // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Хреков А.А. Археологические исследования в районе с. Рассказань // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996. Вып. 2. Саратов, 1997.

Хреков А.А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья // Проблемы славянской археологии: Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т 3. М., 1997.

Хреков А.А. О позднегородецких памятниках междуречья Хопра и Волги // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Саранск, 2000.

Хреков А.А. Хронологические индикаторы постзарубинецких памятников инясевского типа в лесостепном Прихоперье // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии (материалы международной научной конференции). Саратов, 2000.

Юдин А.И. Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Вып. 4. Саратов, 2001.

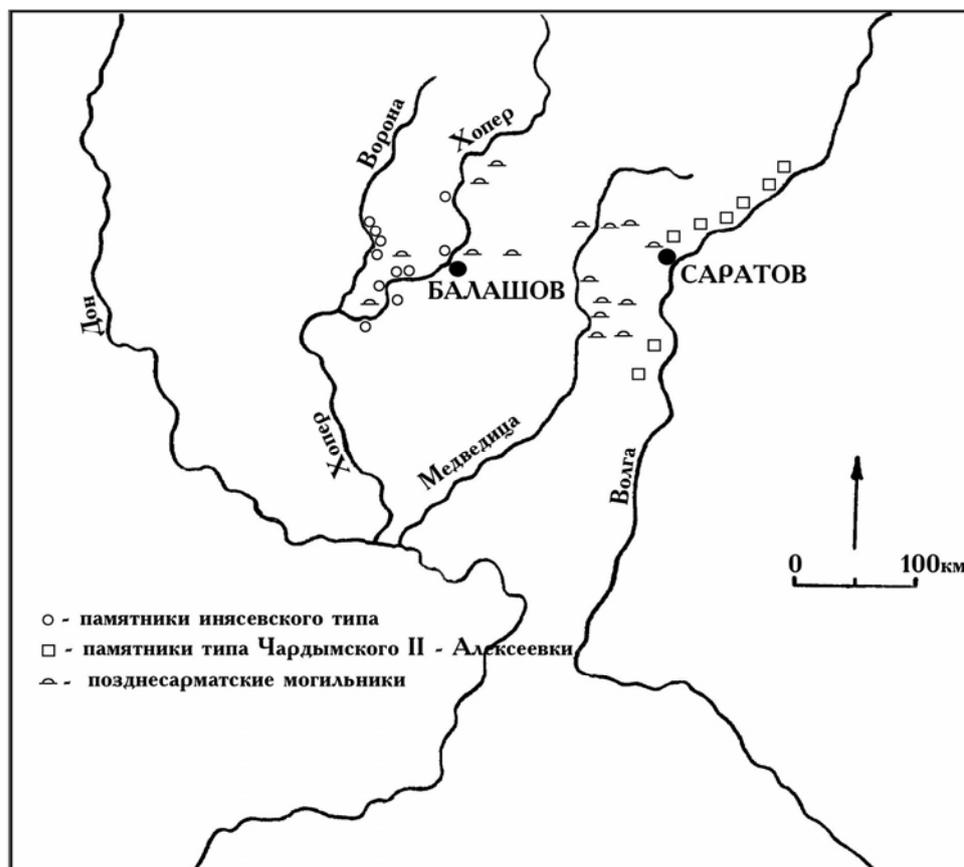

Рис. 1. Карта памятников первой половины I тыс. н. э.

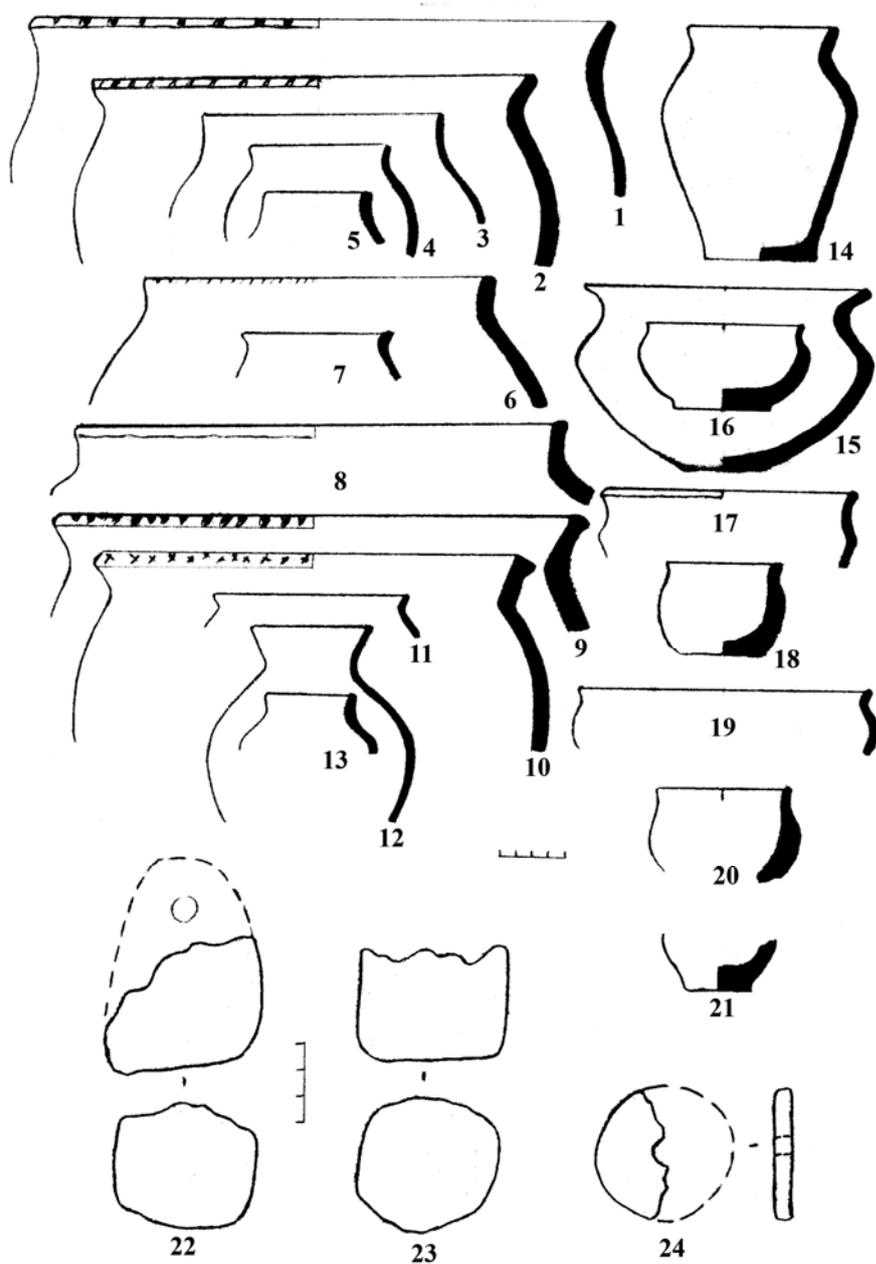

Рис. 2. Керамика и предметы из глины Чардымского II городища.

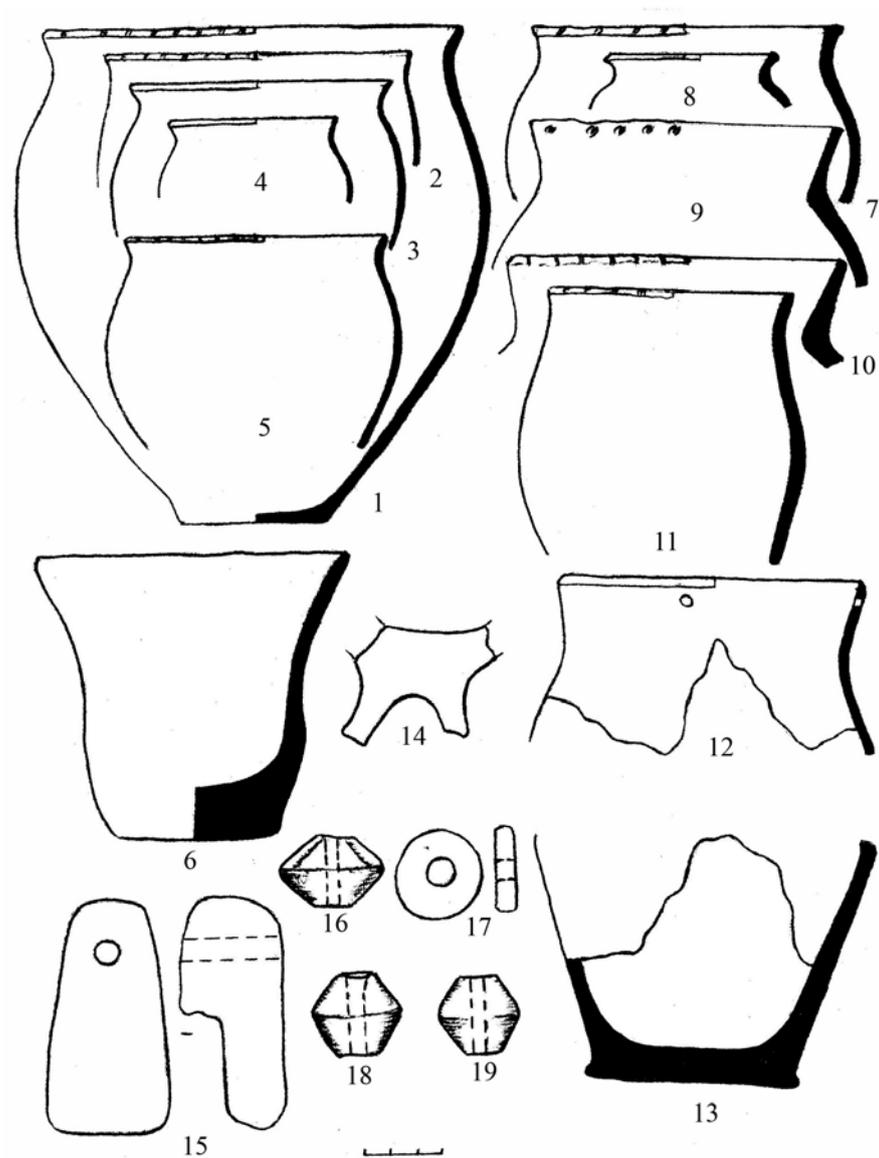

Рис. 3. Керамика и предметы из глины Алексеевского городища.

Захариков А.П., Матюхина Ю.А.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК «БОЛЬШИЕ КОПЕНЫ-2»

В результате проведенных в 2003 году охранных работ в зоне проектируемого магистрального газопровода «Починки-Изобильное», в Лысогорском районе Саратовской области, авторами были исследованы 4 кургана могильника Большие Копены-2 (рис. 1).

Памятник находился на вершине вытянутого с юго-запада на северо-восток останца (абсолютная высота – 149 м над уровнем моря по Балтийской системе), довольно круто обрывающегося к пойме р. Мокрая Песковатка (бассейн реки Медведицы, притока Дона). Останец хорошо заметен на местности, от соседних водораздельных террас он отделен широкими промоинами с пологим рельефом. Вдоль его гребня курганы располагались цепочкой, с юго-запада на северо-восток (рис. 1, Б). К началу раскопок поверхности курганных насыпей были задернованы.

Раскопки проводились с использованием автоскрепера МОАЗ, параллельными траншеями. Насыпи были убраны с оставлением центральных стратиграфических бровок, ориентированных как по широте (курганы 1,2,4), так и по меридиану (курган 3).

Курган 1. Юго-западная часть насыпи была нарушена выборкой грунта в виде траншеи, вытянутой с северо-запада на юго-восток. Максимальная высота насыпи, прослеженная стратиграфически в южном фаше, составляет 45 см.

Здесь выявлено одно погребение (условно № 1), располагавшееся в полуметре к юго-востоку от условного центра кургана. Материковый выкид из могильной ямы фиксировался на северо-западной, западной, южной и восточной сторонах. На плане выкид имел форму неправильного полумесяца и занимал площадь 3,75х2,55 м. Над погребением была сооружена округлой формы насыпь диаметром 8 м.

Могильная яма подпрямоугольной формы была сориентирована с юго-запада-запада на северо-восток-восток (рис. 3, А). Её размеры составляли 2,5х0,8 м. Глубина ямы 1,73–1,82 м от условной вершины кургана и 1,25 м от уровня древнего горизонта.

На дне, в центре могилы, обнаружен скелет плохой сохранности. Он зафиксирован в положении на спине, вытянуто, черепом на юго-запад-запад. Левая рука вытянута вдоль тела, кости предплечья перекрывают левое крыло таза. Правая рука сохранилась фрагментарно. Череп лежал на левой стороне,

скуловым выступом поверх левого плечевого сустава. Выше скелета, в заполнении могильной ямы, зафиксированы остатки деревянной погребальной конструкции – фрагменты плах длиной до 40 см, шириной до 15 см и толщиной 3 см. Наиболее крупные из них лежали поверх стоп и за черепом погребенного. Судя по сохранившимся фрагментам конструкции, перекрытие было продольным. Севернее левой руки погребенного, на дне могильной ямы, обнаружены кусочки древесного угля.

Под левым предплечьем лежало бронзовое зеркало с орнаментом на обратной стороне (находка 1). Перед лицевым отделом черепа обнаружена круглая бусина из белого стекла. Возле правого плеча лежал берестяной предмет удлинненной формы (рис. 3, Б), по-видимому, деталь шапочки типа «бокки» (находка 4), рядом зафиксированы фрагменты железного предмета (находка 5). Здесь же обнаружено глиняное дисковидное пряслице (находка 2), под которым фиксировался черный тлен, структурно напоминающий остатки кожи. Под остатками бокки обнаружен мелкий бисер белого цвета, в количестве 31 экземпляра (находка 7) и фрагмент стеклянного украшения светло-зеленого цвета (находка 8) на слое темного органического тлена толщиной до 1,2 см (рис. 3, В). Рядом, на деревянной плашке, лежал железный нож (находка 9), поверх которого зафиксированы фрагменты ткани. При окончательной зачистке под черепом были обнаружены две бронзовые серьги (находки 6а и 6б).

Описание инвентаря:

1. Зеркало бронзовое круглое (рис. 4, 1). Обратная сторона декорирована четырьмя рельефными концентрическими кругами. Между вторым и третьим кругами, на широком поле, нанесен стилизованный геометрический орнамент, детали которого плохо различимы из-за сильной патинизации. На зеркале сохранились остатки шелковой ткани.

2. Пряслице глиняное, дисковидное, широкое, с просверленным отверстием (рис. 4, 2). Обжиг ровный, кирпичного цвета.

3. Бусина круглая, прозрачная, стеклянная, с коническим отверстием (рис. 4, 3).

4. Предмет из бересты – деталь шапочки-бокки (рис. 4, 4). Представляет собой свернутую из бересты трубочку, деформированную упавшим перекрытием. Края трубочки крепились внахлест и прошивались (отверстия от прошивки сохранились на обоих краях).

5. Фрагменты железного, сильно корродированного предмета прямоугольного сечения с отпечатками ткани (рис. 4, 5).

6. Две серьги бронзовые, круглые, в форме кольца со слегка заходящими друг на друга концами (рис. 4, 6). Выполнены из круглого в сечении прутка.

7. Бисер стеклянный, белого цвета (31 шт.) (рис. 4, 7).

8. Фрагмент стеклянного украшения светло-зеленого цвета, в форме заостренного цилиндра (рис. 4, 8).

9. Железный, сильно корродированный, черешковый нож с уступом (рис. 4, 9). На клинке имеются отпечатки ткани.

В представленном наборе инвентаря наибольший интерес вызывает круглое бронзовое зеркало диаметром 7 см, с остатками шелковой ткани, декорированное с обратной стороны четырьмя рельефными концентрически-

ми кругами, а также деталь берестяной бочки, по-видимому, оббитой тканью и расшитой мелким белым бисером.

Курган 2. Форма насыпи удлиненно-полусферическая (рис. 2, В), слегка вытянутая с юга на север, в центральной части несколько уплощенная.

Стратиграфия (рис. 5):

- Дерновый слой - черно-серый, песчанистый суглинок мощностью от 0,05 до 0,1 м. В профиле хорошо заметно фиксировавшееся и на поверхности понижение в центральной части кургана, вероятно, связанное с ямой позднейшего перекопа.

- насыпь «1» - серо-бурый, с палевыми включениями, мешанный песчанистый суглинок. Мощность насыпи в профиле - 0,5 м от уровня погребенной почвы. Восточнее условного центра насыпь «1» прорезана ямой погребения № 2, выкид из которого лежал на насыпи «1» глинистой линзой мощностью до 10 см.

- насыпь «2» перекрывала выкид из погребения № 2. От насыпи «1» она отличалась несколько более темным цветом и большей однородностью. Общая совокупная мощность обеих насыпей от уровня погребенной почвы составляет 0,65 м. В центральной части кургана они нарушены грабительским перекопом.

- погребенная почва - черно-серая гумусированная супесь мощностью от 0,05 до 0,15 м. Глубина залегания древнего горизонта - 0,7 м под точкой условного репера.

- материк - тяжелая супесь рыжевато-желтого цвета.

В кургане обнаружены три захоронения (рис. 5). *Погребение 1 (основное)* находилось на расстоянии 1,5 м к северо-востоку от условного центра кургана. Выкид не зафиксирован. *Погребение 2* обнаружено в 0,78 м к юго-востоку от R. Впускное в материке, оно прорезало насыпь «1» и частично разрушило погребение 3. Материковый выкид из погребения 2 залегал на насыпи «1» полукольцом с севера и северо-запада от погребения 2. *Погребение 3* сохранилось фрагментарно (разрушено погребением 2). Сохранившаяся юго-восточная стенка погребения 3 зафиксирована на расстоянии 1,80 м к юго-востоку от R. Впускное (основное ?) в материке. Погребение 3 было перекрыто насыпью «1», диаметр которой составлял 11 м. Насыпь «2» диаметром 13 м, связанная с погребением 2 и перекрывающая выкид из этого погребения, являлась последним этапом в сооружении кургана (рис. 5).

В центральной части кургана зафиксирована яма позднего перекопа округлых очертаний, размерами 3,2x2,5 м. Контуры ямы прослеживались довольно условно. Грабительским лазом перекрыты погребения 2 и 3. В границах этого перекопа зафиксировано скопление костей животных 1.

Кроме того, в насыпи «1», в 2,5 м к юго-востоку от центра, на глубине 0,53 м, обнаружен развал глиняного сосуда (ОН-1). На насыпи «1» обнаружены фрагменты керамики (ОН-2).

Скопление костей животных обнаружено под дерновым слоем в насыпи «2», на глубине 0,25 м от R. Скопление костей МРС зафиксировано в 0,5 м к югу от центра, в плане оно имело неправильно округлую форму, диаметр скопления - 1,8 м. В профиле скопление имело форму плоско-выпуклой линзы толщиной до 6 см. В скоплении представлены челюсти и кости конечностей некрупных особей МРС (не менее 20). Селекционный характер костного

материала в скоплении, явно имеющий не случайное происхождение, наводит на мысль о его ритуальном значении.

Отдельная находка 1 (ОН-1) – развал глиняного лепного сосуда (рис. 5). Обнаружен при снятии насыпи скрепером в южной поле кургана. Сосуд глиняный, лепной, округлой формы, с утолщенным, слегка отогнутым наружу венчиком и намечающимся внутренним ребром (рис. 6, Б). Поверхность песочного цвета, покрыта интенсивными расчесами гребенкой. Черепок в изломе серого цвета, в тесте примесь толченой ракушки. По характерной форме, примеси и особенностям внешней обработки сосуд может быть отнесен к раннему этапу эпохи поздней бронзы. Подобные сосуды определяются разными исследователями как раннесрубные, срубно-абашевские или покровские.

Отдельная находка 2 (ОН-2) – 5 фрагментов керамики, обнаруженные при снятии насыпи скрепером в южной поле кургана, на глубине 0,5 м от R, на насыпи 1 (рис. 5). Среди них отметим фрагмент боковины сосуда глиняного лепного, поверхность кирпичного цвета. Фрагмент декорирован орнаментом, выполненным зубчатым штампом (одна горизонтальная линия и под ней ряд косых оттисков). Черепок в изломе кирпичного цвета. Остальные фрагменты однотипны. Это боковины глиняных лепных сосудов кирпичного цвета, с расчесами, без орнамента. На изломах черепки темно-серые. Все обнаруженные фрагменты происходят от лепных сосудов эпохи поздней бронзы.

Погребение 1 (основное в материке). Располагалось северо-восточнее условного центра (рис. 5). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы с округленными углами, заужена в северной части (рис. 6, А). Длинной осью яма ориентирована с юга на север. Размеры ямы 1,45x0,9 м, глубина 1,7-1,74 м от R (1,2 м от уровня древнего горизонта).

На дне обнаружен скелет в положении скорченно на левом боку, черепом на юг. Ноги согнуты под прямым углом к телу в тазобедренных суставах и под острым углом в коленях («среднескорченно»), кости стоп в положении на боку. Руки согнуты в локтях, также под острым углом. Запястье левой руки перед лицом, запястье правой руки на локтевом сгибе левой.

Погребение безынвентарное. По погребальному обряду может быть отнесено к эпохе поздней бронзы.

Погребение 2 (впускное в материке) (рис. 5). Обнаружено в 0,8 м к юго-востоку от условного центра кургана. Могильная яма удлинненно-подпрямоугольной формы ориентирована с юго-запада на северо-восток (рис. 6, В). Размеры могильной ямы 2,45x0,8 м, глубина 1,63-1,77 м от R (0,7 м от уровня древнего горизонта и 1,1 м от уровня насыпи «1», в которую она была впущена).

Обнаруженный в могиле скелет погребенного сохранился фрагментарно. Судя по костям черепа и левой ноги, предположительно зафиксированным в положении «in situ», погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на северо-восток.

В центре могилы, юго-западнее черепа, обнаружены фрагменты деревянной плахи размерами 40x10 см и толщиной 1,5 см. Плаха залегала вдоль продольной оси ямы. Под черепом зафиксирован темно-коричневый тлен.

Поверх костей черепа лежало бронзовое зеркало (находка 1), обратной стороной вверх, а в 10-ти см западнее обнаружены железные ножницы (находка 2). Рядом с ножницами найдены фрагменты железного клинка ножа

(находка 5), другого неопределимого предмета из железа (находка 8) и бусина (находка 3). Здесь же зафиксированы берестяной предмет (находка 6), изделие из железа S-видной формы (находка 7) и фрагменты другого ножа, возможно, с остатками ножен (находка 4).

Описание инвентаря:

1. Зеркало бронзовое круглое, с невысоким тонким бортиком (рис. 7, 1). Обратная сторона декорирована рельефным растительным орнаментом с шестиугольной звездой в центре.

2. Ножницы железные шарнирные (рис. 7, 2). Кольцо плохо сохранилось, скорее всего, оно было овальной формы.

3. Бусина белая четырехгранная, подквадратной формы (рис. 7, 3), со сквозным круглым отверстием.

4. Нож железный черешковый, с обломанным узким длинным клинком и костяной рукоятью (рис. 7, 4). Сохранились остатки коробчатых деревянных ножен. Сильно корродирован.

5. Нож железный черешковый (рис. 7, 5), с круглым концом (во фрагментах). На черене остатки деревянной рукояти, на клинке отпечатки ткани.

6. Предмет из бересты (фрагментирован) с одним прямосрезанным краем, вдоль которого имеются шесть отверстий от прошивки (рис. 7, 6).

7. Предмет железный S-видный (рис. 7, 2), сильно корродирован.

8. Фрагменты предмета железного (2 шт.) с отпечатками ткани (рис. 7, 7), сильно корродированные.

Зеркало, обнаруженное в погребении, – бронзовое, круглое, диаметром 7,8 см, с невысоким тонким бортиком, обратная сторона декорирована рельефным растительным орнаментом с шестиугольной звездой в центре. Орнамент представляет из себя распутившиеся бутоны, как бы «вырастающие» поочередно от края и от центра зеркала. Подобные зеркала встречаются в позднекочевнических погребениях как Нижнего Поволжья [Ляхов, 1992. С. 158-168], так и Северного Кавказа [Уварова, 1900], Волжской Булгарии [Культура Биляра, 1985. С. 123] и Южного Урала [Кригер, Железчиков, 1980. С. 301]. Зеркало, практически аналогичное (но худшей сохранности) зеркалу из нашего погребения 2 кургана 2, происходит из Царевского курганного могильника (курган 15) в Волгоградской области [Мамонтов, Ситников, 1993. С. 198, рис. 8, 6]. Известно аналогичное зеркало, происходящее с Увека [Nedashkovsky, 2004, Fig. 6]. Они довольно точно датируются по найденным в погребениях у с. Зауморье Саратовской области монетам ханов Узбека и Джанибека [Ляхов, 1992. С. 166, рис. 1А; 10, 2], т. е. относятся к 40-м – 60-м годам XIV века. Г.А. Фёдоров-Давыдов относит их к самым распространенным зеркалам золотоордынского периода [Федоров-Давыдов, 1994. С. 115]. Следуя типологии, выработанной Г.Ф. Поляковой (отделы по форме бортика), и добавляя подразделение на типы по изображению, А.И. Ракушин и Л.Ф. Недашковский относят подобные зеркала к отделу А типу 2 [Недашковский, Ракушин, 1998а. С. 32-52].

Погребение 3 (впускное? в материке) (рис. 6, В). Обнаружено в 1,6 м от условного центра. Почти полностью разрушено погребением 2. Сохранился лишь юго-восточный угол могильной ямы и часть южной и восточной стенок, размеры сохранившейся части ямы 0,5х0,3 м. Дно могилы зафиксировано на глубине 1,12-1,17 м от R (0,55 м от уровня древней поверхности).

На дне могильной ямы обнаружены два глиняных сосуда (находки 1, 2):

1. Сосуд глиняный лепной, баночной формы с прямым венчиком (рис. 8, 1). Обжиг ровный, кирпичного цвета. По верхнему краю декорирован орнаментом в виде наклонных вдавлений. В верхней части имеется одно отверстие. Дно неровное, сформовано грубо. Черепок в изломе черного цвета.

2. Сосуд глиняный лепной, баночной формы со слегка прикрытым устьем (рис. 8, 2). Обжиг ровный, кирпичного цвета. По верхней трети тулова проходит орнамент в виде двойных перевернутых треугольников, выполненных крупнозубчатым штампом. Черепок в изломе темно-серого цвета.

Погребение 3, по обнаруженным в нем глиняным сосудам, датируется эпохой поздней бронзы и может быть отнесено к древностям срубной культуры.

В кургане 2 в результате раскопок выявлены 3 погребения, 2 насыпи, 2 отдельные находки, а также скопление костей и яма позднего (грабительского?) перекопа. Последовательность обрядовых действий по этапам представляется автору следующей:

1 этап – сооружение безынвентарного погребения 1 (выкид не обнаружен) и насыпи «1», в которую в качестве тризны, помещается глиняный сосуд (ОН-1) – покровское (раннесрубное) время;

2 этап – в курган впускается погребение 3 (выкид не обнаружен), с которым возможно связаны фрагменты керамики (ОН-2), обнаруженные на насыпи «1» – развитый этап срубной культуры;

3 этап – сооружение погребения 2 (выкид лег на насыпь «1») и насыпи «2» над ним – средневековье;

4 этап – ритуальное (?) ограбление погребения 2. Поверх грабительской ямы выборочно укладываются части туш МРС – средневековье.

Курган 3 крайний юго-западный в группе (рис. 1, Б). Высота насыпи, прослеженная стратиграфически, 0,35 м. В кургане выявлено одно погребение в яме подпрямоугольной формы. Материковый выкид из погребения 1 залегал в виде подковы неправильной формы с северной, западной и южной сторон непосредственно на погребенной почве (рис. 9, А). Выкид прослежен на площади 3,5х3,5 м, ширина выкида в плане от 0,8 до 1,4 м.

Погребение расположено в 0,5 м южнее условного центра и перекрыто одной насыпью диаметром до 8,5 м, слегка вытянутой с северо-запада на юго-восток. Могильное сооружение представляло собой подпрямоугольную яму со слегка скругленными углами (рис. 9, Б). Ориентировано по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Глубина ямы 1,2–1,26 м от R (0,85 м от уровня древней поверхности), размеры ямы – 2,1х0,7 м.

На дне могилы, несколько ближе к ее южной стенке, расчищен скелет взрослого человека, погребенного на спине вытянуто, головой на запад-юго-запад. Череп лежал на затылке, глазами вверх. Руки вытянуты вдоль тела, Кисти лежали на бедренных костях, в положении «ладонями вниз». Стопы развернуты пятками друг к другу, плюсневые кости и фаланги пальцев вытянуты.

Под левой плечевой костью, ближе к локтевому суставу, обнаружено серебряное зеркало (находка 1) лицевой стороной вверх, петелькой вниз. Поверх зеркала зафиксирован белый тлен и остатки дерева. К одному краю зеркала прикипели остатки железного предмета (находка 3). Под зеркалом зафиксированы фрагменты кожаной сумочки (находка 4). Там же отмечены остатки золотого шитья и дерева.

Поверх грудины, позвоночного столба и тазовых костей, вдоль скелета, зафиксированы остатки деревянной плахи. Остатки той же плахи прослежены над правым коленным суставом и правой стопой.

К югу от таза и правого бедра, вдоль скелета, острыми концами к ногам, лежали железные ножницы (находка 2). Поверх ножниц зафиксирован деревянный тлен и железное шило с деревянной рукоятью (находка 6), под ножницами – остатки ткани.

При разборке скелета под черепом, у правой височной кости обнаружена бронзовая серьга (находка 5).

Описание инвентаря:

1. Зеркало серебряное круглое, с невысоким бортиком и петелькой на обратной стороне (рис. 10, 1). На той же стороне нанесен рельефный орнамент (в центре круг, а вокруг него растительный узор, заключенный в спирали). Вокруг петельки был обвязан фрагмент витого шнура.

2. Ножницы железные шарнирные, с овальными кольцами (рис. 10, 2), сильно корродированные.

3. Предмет железный, в форме скобки плосковыпуклого сечения (рис. 10, 3). Обнаружен на зеркале, сильно корродирован.

4. Сумочка кожаная (во фрагментах). Один фрагмент лепестковой формы, по краям отверстия от прошивки (рис. 10, 4). Подогнутый узкий край дополнительно оформлен наложенной полоской кожи, расшитой витой нитью. Второй небольшой фрагмент также оформлен расшитыми полосками.

5. Серьга бронзовая, изготовленная из круглого в сечении прутка (рис. 10, 5).

6. Шило железное с уступом и остатками деревянной рукояти (рис. 10, 6), сильно корродированное.

Серебряное зеркало из погребения в кургане 3 имеет круглую форму и диаметр 7,7 см. С обратной стороны нанесен рельефный орнамент – в центре две окружности, а вокруг него расположен сложный растительный узор, заключенный в спирали. В это переплетение включены изображения голов различных животных и головы человека в короне. В центре тыльной стороны диска находился припаянный бронзовый держатель в виде ширококоленчатой петельки желобчатого сечения. Этот тип зеркал был широко распространен в степях Восточной Европы от Волго-Камья до Кавказа [Уварова, 1900]. М.Г. Крамаровский относит подобный тип зеркал к XIII – началу XIV века [Крамаровский, 1991. С. 13], но в могильнике Бахтияровка II (курган 46, погребение 1) зеркало данного типа [Кригер, 1983, рис. 6, 8] было найдено вместе с гюлистанским дирхемом Бирдибека 759 г.х. (1357–1358 гг.), что дало основание исследователям отнести прекращение изготовления и использования подобных зеркал ко второй половине XIV в. [Недашковский, Ракушин, 1998б. С. 32-52]. По принятой этими исследователями классификации, данное зеркало относится к 5 типу отдела А.

Курган 4 занимал крайнее северо-восточное положение в группе (рис. 1, Б). Высота насыпи, прослеженная стратиграфически в южном фазе, максимально 0,6 м.

В кургане выявлено одно погребение в простой яме. Оно располагалось в 2 м к юго-западу от условного центра и было перекрыто одной насыпью диаметром 11,5 м (рис. 11, А). Выкид из погребения не прослежен. Могильная яма

удлиненно-прямоугольной формы, со скругленными углами, ориентирована по линии «северо-восток – юго-запад» (рис. 11, Б). Ее размеры 2,1x0,5 м. Могильная яма незначительно заглублена в материк, поэтому ее стенки прослежены на глубину чуть более 0,2 м. Глубина могильной ямы – 0,98 м от R (0,65 м от уровня древнего горизонта).

На дне, в центре ямы, обнаружен не полностью сохранившийся скелет погребенного. Отсутствовали кости стоп, кистей рук, позвонки, почти все ребра и некоторые другие части скелета. Вместе с тем, было заметно, что умерший погребен в положении вытянуто на спине, головой к юго-западу. Череп, раздавленный упавшим перекрытием, лежал на затылочной части глазницами вверх. Руки вытянуты вдоль тела, дистальные части предплечий лежали поверх крыльев таза.

На локтевом сгибе левой руки лежал железный черешковый нож с остатками деревянных ножен (находка 3). Здесь же, у лучевой кости, зафиксирован кресальный кремь (находка 4). При расчистке между верхней и нижней челюстями обнаружен небольшой железный предмет (находка 5), который рассыпался при снятии. У правой лучевой кости находились фрагменты железных предметов удлиненной формы (находка 6). Рядом лежали железные наконечники стрел с остатками деревянных древков (находка 1), черешками на северо-восток, и фрагменты еще одного неопределимого железного предмета (находка 2).

Описание инвентаря:

1. Наконечники стрел железные черешковые (3 экземпляра) во фрагментах (рис. 12, 1). На черешках остатки деревянных древков и оплетки полосками бересты (ткани?). Фрагменты сильно корродированы.

2. Фрагменты железного предмета (обкладки седла или колчана?) сечением 0,8 см x 0,5 см (рис. 12, 2). На фрагментах остатки дерева и бересты, на некоторых сохранились вставленные в отверстия железные гвоздики. Фрагменты сильно корродированы.

3. Нож железный, с выраженным скосом обушка (рис. 12, 3). И на черене и на клинке заметны остатки дерева;

4. Кремь кресальный, с многочисленными ступенчатыми сколами и заломами по краям (рис. 12, 4). Кремь полосчатый, темно-серый.

5. Фрагменты железных предметов (обкладки седла?) (рис. 12, 5). Имеют удлиненную форму и плоско-выпуклое сечение (0,8 см x 0,6 см). На плоских поверхностях имеются остатки дерева. На некоторых фрагментах сохранились вставленные в отверстия железные гвоздики. Фрагменты сильно корродированы.

Погребение по погребальному обряду и инвентарю относится к золотоордынской культуре эпохи позднего средневековья.

Четыре погребения из курганов могильника Большие Копены-2, три из которых, судя по инвентарю, женские, а одно – мужское (антропологические определения еще не проведены), относятся к золотоордынскому времени и датируются второй половиной XIII – первой половиной XIV века. Аналогичные описанным погребения были обнаружены в Саратовском Заволжье и опубликованы С.В. Ляховым [Ляхов, 1992. С. 158-168]. Для них типичны как характер, так и местонахождение инвентаря. К стандартным наборам вещей (зеркала, ножницы, ножи, височные подвески), видимо, в более богатых жен-

ских погребениях добавляются шапочки-бокки, расшитые бисером, как и в погребении 1 кургана 1 Большекопенского курганного могильника. В единственном мужском погребении этого могильника также зафиксирован типичный инвентарь. Что касается типологии погребений по ориентировке погребенного, то, по классификации Л.Ф. Недашковского [Недашковский, 2000], погребения в 1, 3 и 4 курганах относятся к типу 2 (головой на юго-запад), а погребение в кургане 2 – к типу 4 (головой на северо-восток).

В данной работе особое внимание уделено описанию найденных в погребениях зеркал. Сделано это по той причине, что по этим находкам можно проследить культурные связи Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. В V–VII веках зеркала встречаются в погребениях на Северном Кавказе и в Поволжье, что, видимо, связано с постсарматско-аланской традицией. Зеркала с геометрическим орнаментом широко бытовали в восточноевропейских степях в половецкое время, их происхождение исследователи связывают с алано-кавказской традицией изготовления бронзовых зеркал [Плетнева, 1956; Федоров-Давыдов, 1966. С. 116].

Довольно большое распространение бронзовые зеркала получают в золотоордынскую эпоху, и в это время мы также находим сходные типы зеркал в погребениях Нижнего Поволжья и Кавказа, входивших с середины XIII века в улус Джучи. Г.А. Федоров-Давыдов справедливо отмечал, что в период образования Золотой Орды правители ориентировались на существовавшие прежде этнические границы у кочевников и уровень их общественного развития [Федоров-Давыдов, 1966. С. 130].

Литература:

- Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М, 2001.
- Крамаровский М.Г. Новые находки золотоордынского серебра из Приобья. Северо-китайские и исламские черты в торевтике XIII–XIV вв. // Восточный художественный металл Северного Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки. Л., 1991.
- Кригер В.А. Отчет о раскопках Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1983 г. ИА РАН Р-1, Д10342.
- Кригер В.А., Железчиков Б.Ф. Позднекочевнические погребения у пос. Рубежка и Алебастрово Уральской области // СА. 1980. № 1. Культура Биляра. М., 1985.
- Ляхов С.В. Новые золотоордынские погребения Саратовского Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992.
- Мамонтов В.И., Ситников А.В. Средневековые погребения Царевского курганного могильника // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1993. Вып. 3.
- Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.
- Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища // ТА № 1(2). 1988а.
- Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И. Бронзовые зеркала 2-ой половины X–XIV вв. из музеев Саратовской области // ТА № 2(3). 1998б.
- Плетнева С.А. 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА, № 62. 1958.

- Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа. МАК. М., 1900. Т. VIII.
Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
Nedashkovsky L.F. Ukek. The Golden Horde city and its periphery. BAR. International Series. 1222. Oxford. England. 2004.

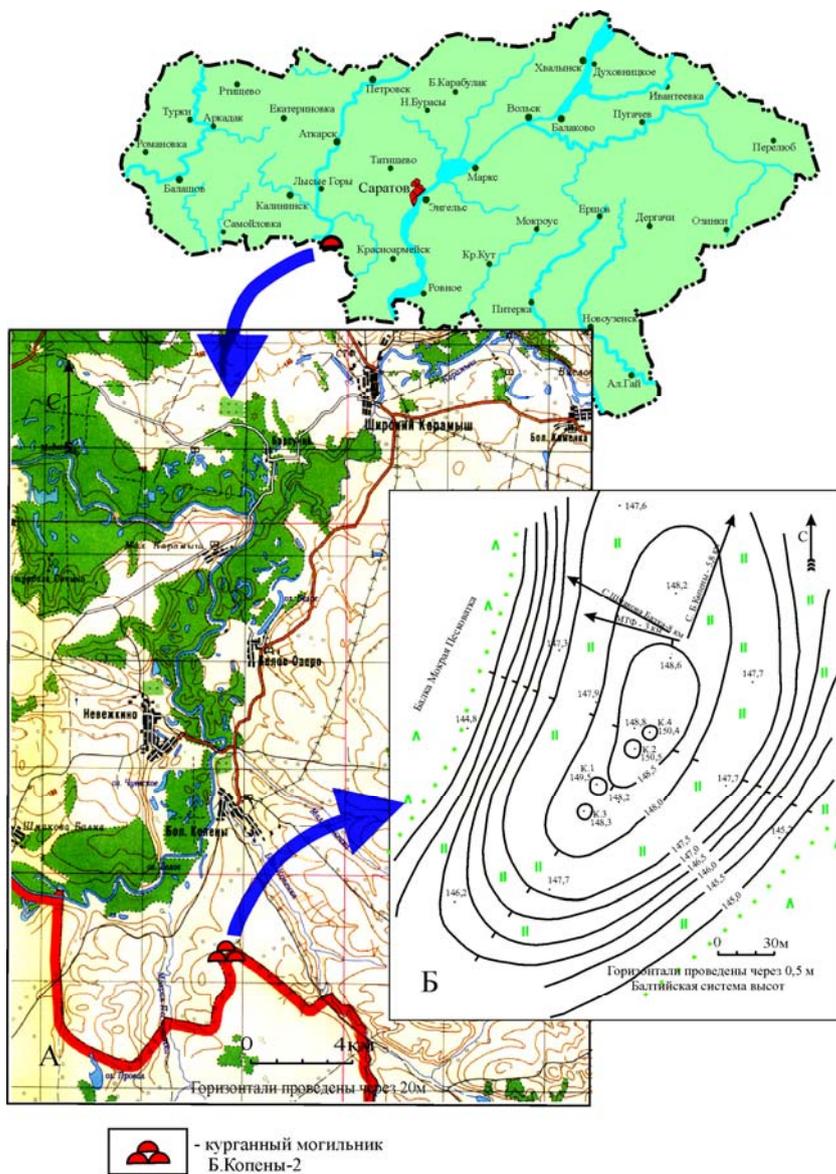

Рис. 1. А – карта южной части Лысогорского района и местоположение курганного могильника Б. Копены-2; Б – топографический план памятника.

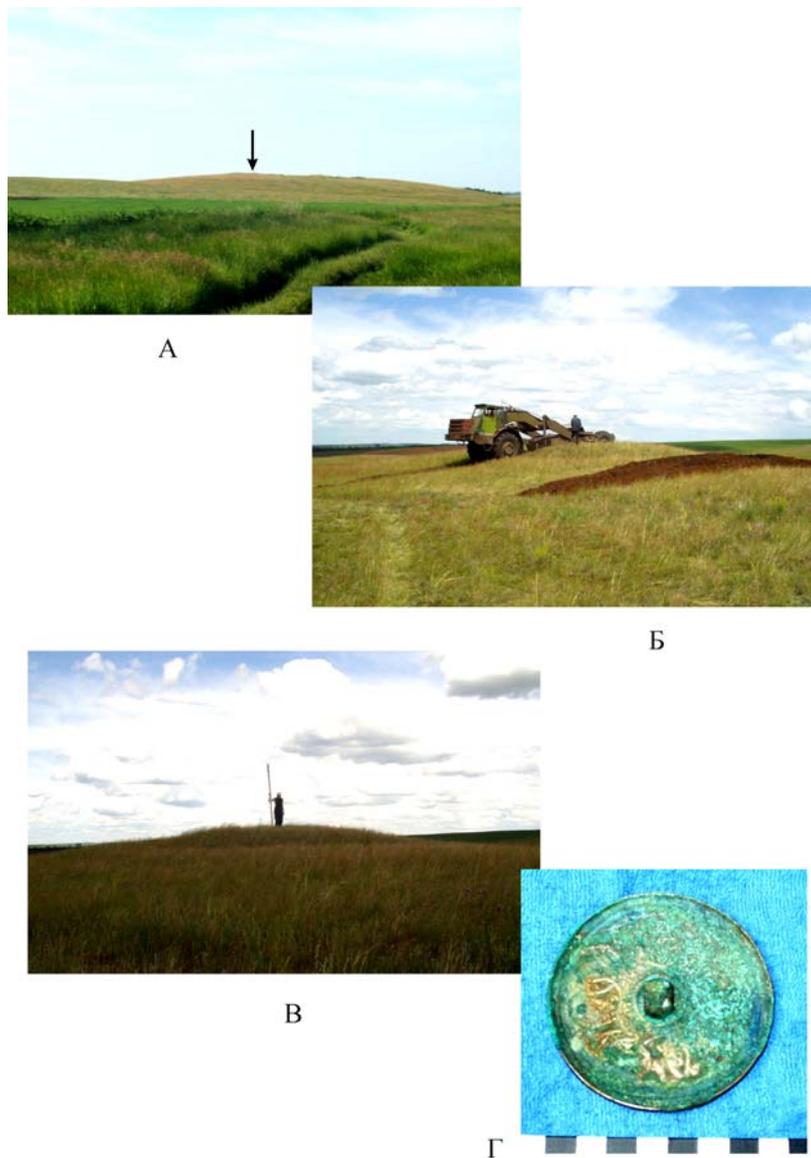
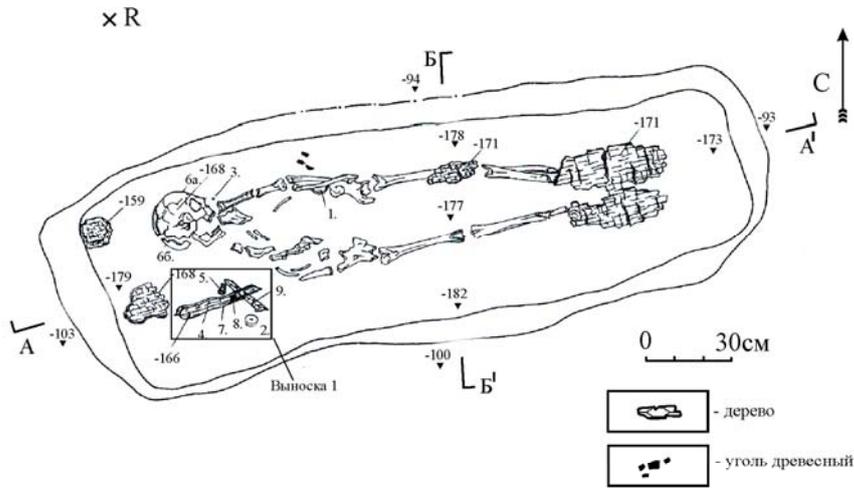

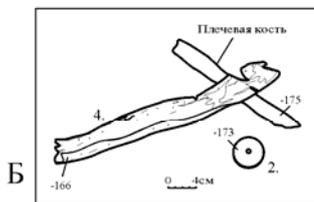
Рис. 2. А - курганный могильник Б. Копены-2, общий вид с северо-запада; Б - процесс снятия насыпей; В - курган 2, вид с юга; Г - зеркало (курган 3 погр. 1).

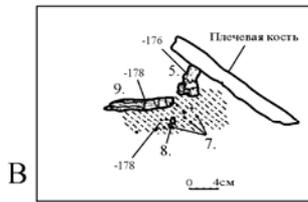
- 1 - находка 1. Зеркало бронзовое
- 2 - находка 2. Пряслище
- 3 - находка 3. Бусина
- 4 - находка 4. Предмет берестяной (деталь бочки)
- 5 - находка 5. Предмет железный

- 6a, 6б - находки 6a, 6б. Серьги бронзовые
- 7 - находка 7. Бисер (31 шт)
- 8 - находка 8. Фрагмент стеклянного украшения
- 9 - находка 9. Нож железный

А

Находки 2 (пряслище глиняное),
4 (предмет берестяной)

органический тлен

Находки 5 (предмет железный), 7 (бисер),
8 (фрагмент стеклянного украшения),
9 (нож железный)

Рис. 3. Б. Копень-2. Курган 1. Погребение 1. А - план погребения. Б - выноска 1, первый уровень фиксации. В - выноска, второй уровень фиксации.

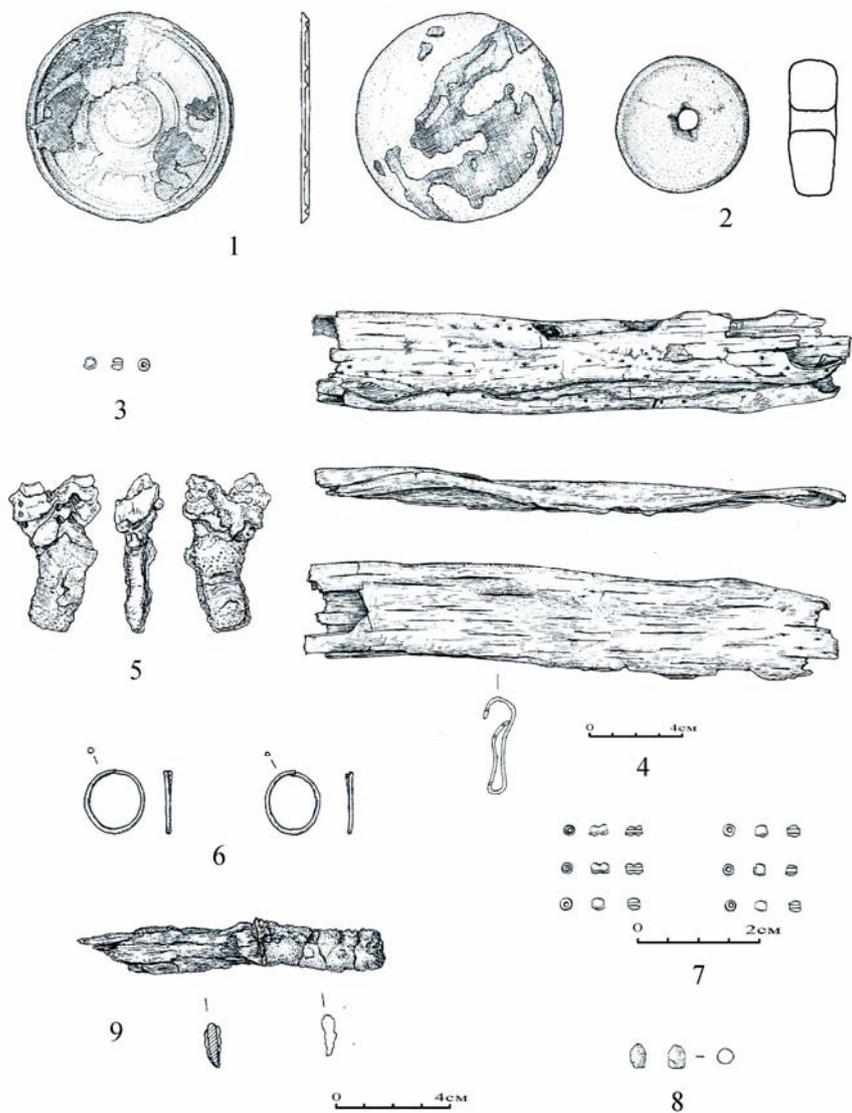

Рис. 4. Б. Копены-2. Курган 1, погребение 1. Инвентарь: 1 - находка 1, зеркало бронзовое; 2 - находка 2, пряслице глиняное; 3 - находка 3, бусина стеклянная; 4 - находка 4, предмет берестяной; 5 - находка 5 предмет железный; 6 - находки 6а и 6б, серьги бронзовые; 7 - находка 7, бисер; 8 - находка 8, фрагмент украшения стеклянного; 9 - находка 9, нож железный.

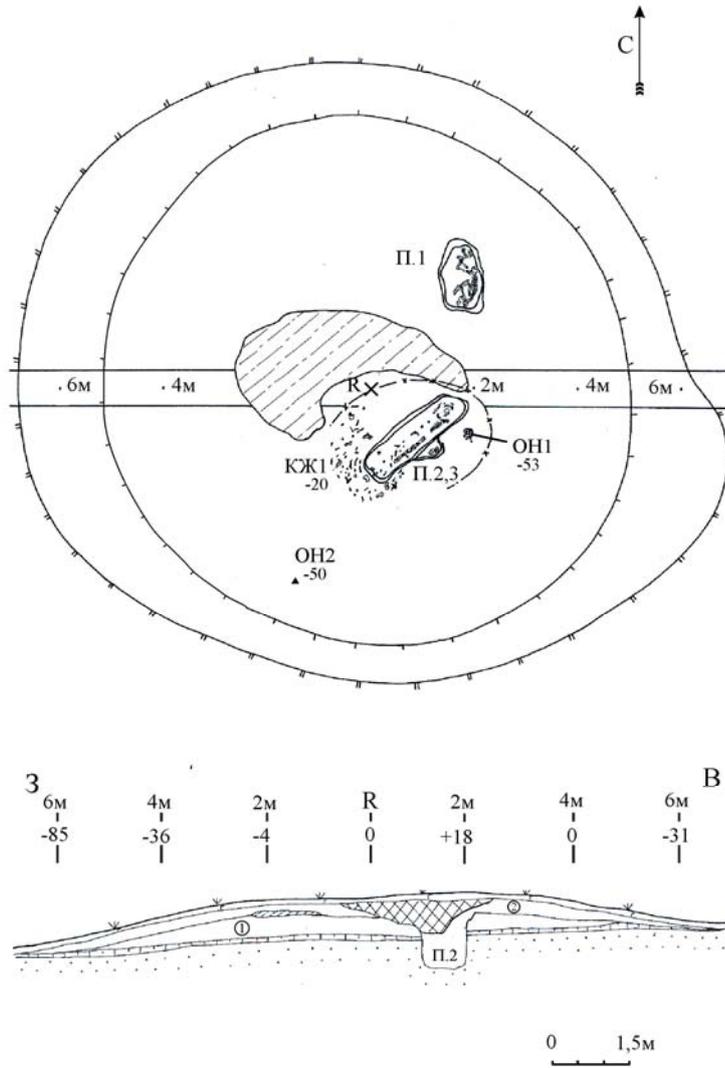

Рис. 5. Б. Копены-2. Курган 2. План и южный фас центральной бровки.

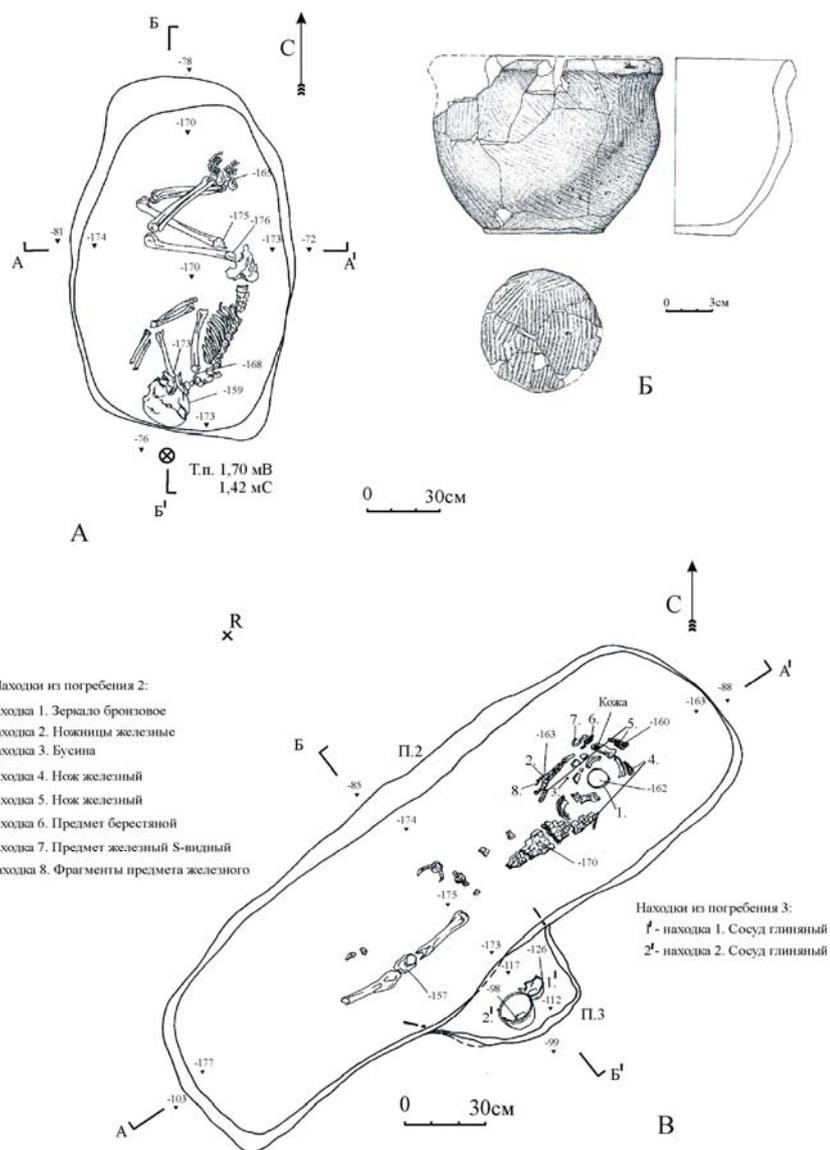

Рис. 6. Б. Копены-2. Курган 2. А - план погр. 1;
 Б - отдельная находка 1; В - план погр. 2 и 3.

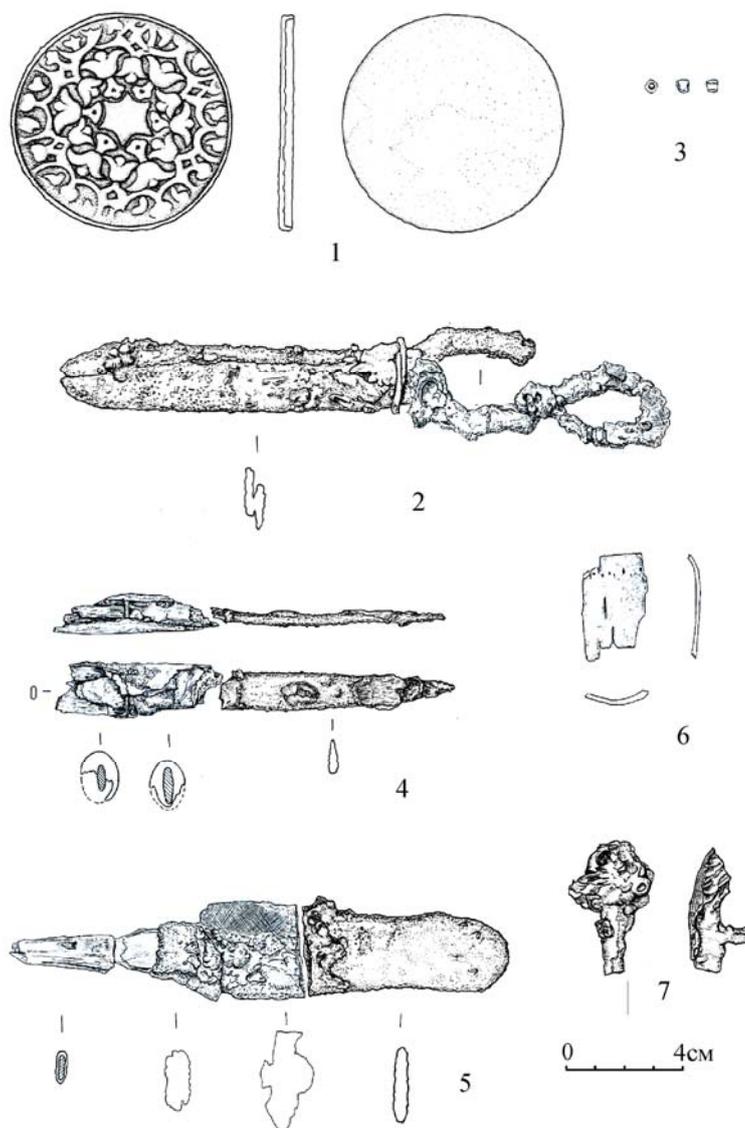

Рис. 7. Б. Копены-2. Курган 2. Погр. 2. Инвентарь. 1 – находка 1, зеркало;
 2 – находка 2, ножницы железные; 3 – находка 3, бусина;
 4 – находка 4, нож железный с костяной рукоятью;
 5 – находка 5, нож железный с округлым концом; 6 – находка 6, предмет берестяной;
 7 – находка 8, предмет железный.

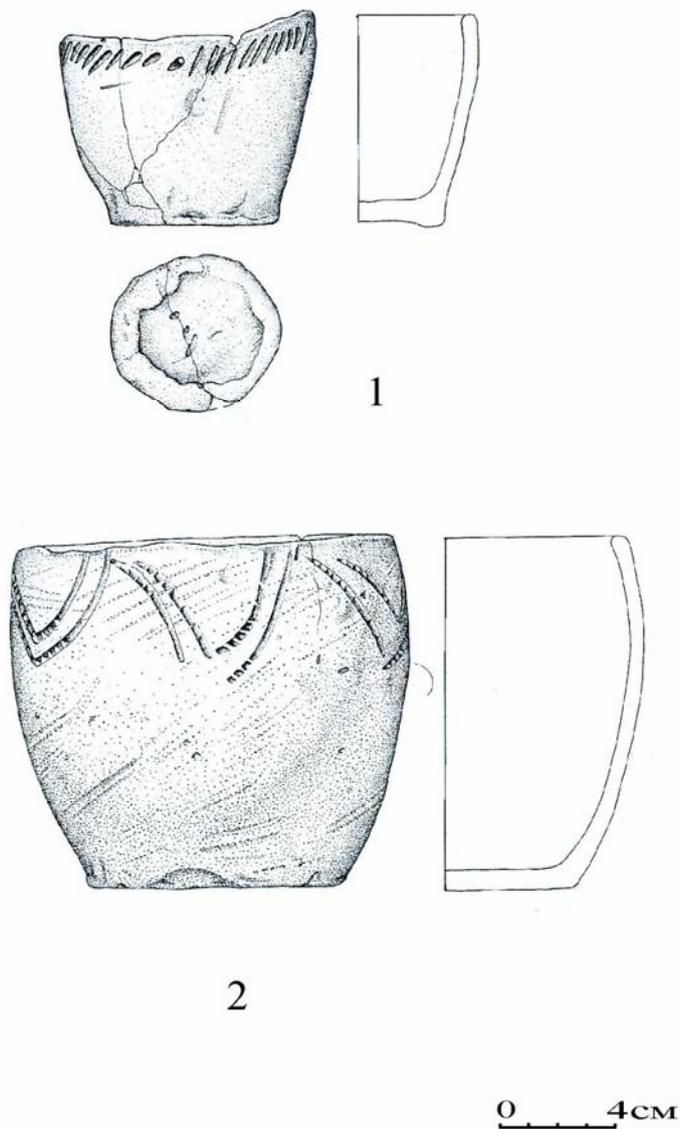

Рис. 8. Б. Копены-2. Курган 2. Погр. 3. 1- сосуд глиняный 1;
2 - сосуд глиняный 2.

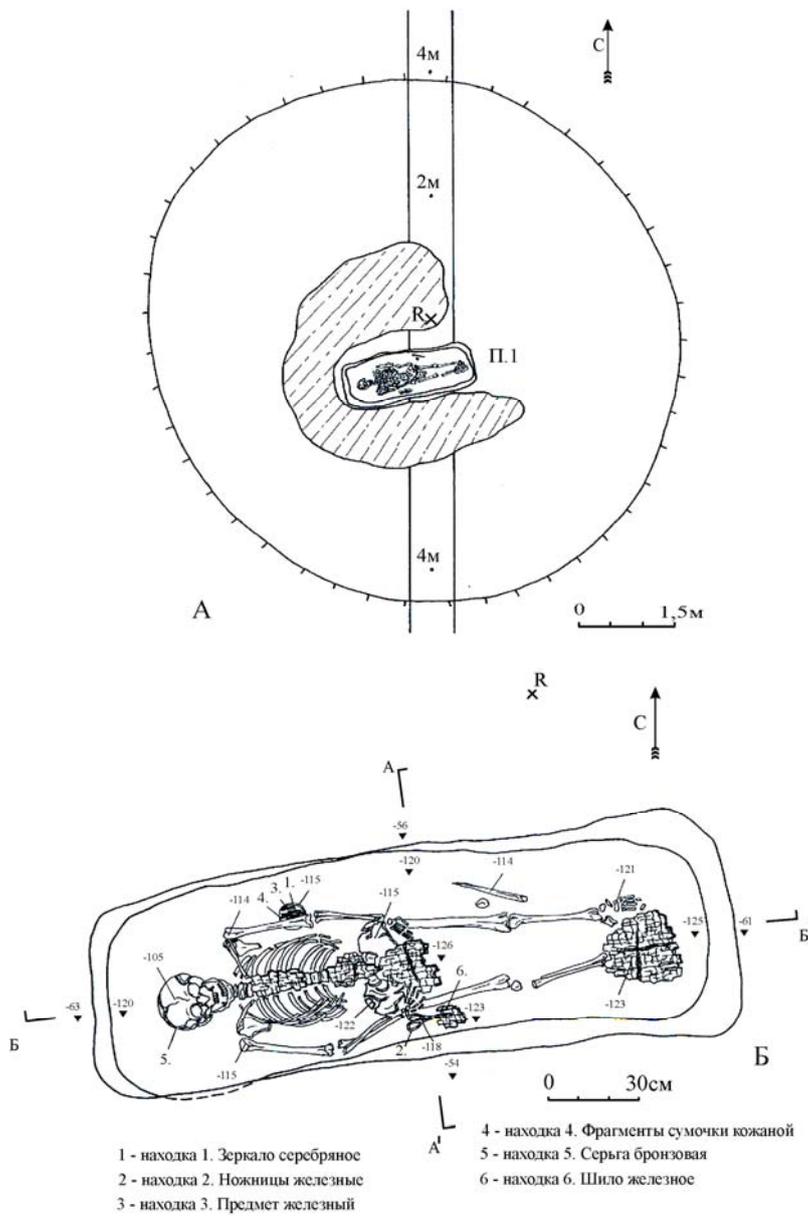

Рис. 9. Б. Копены-2. Курган 3. А - план кургана; Б - план погр. 1.

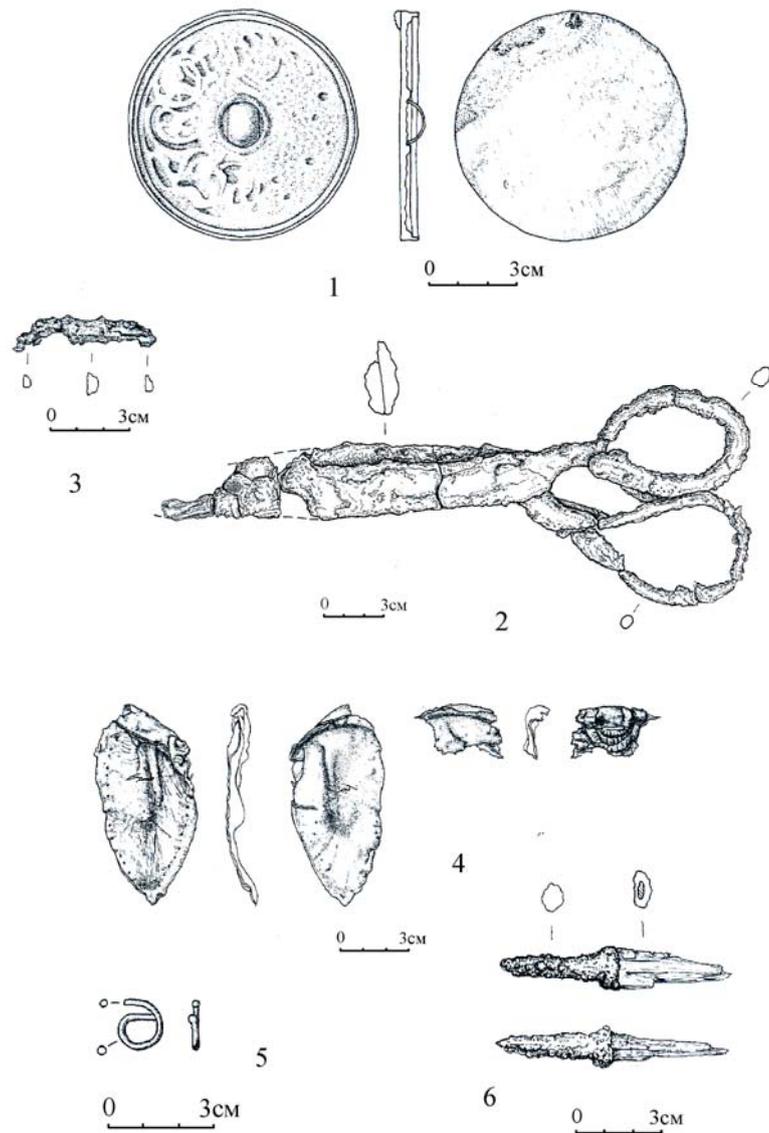
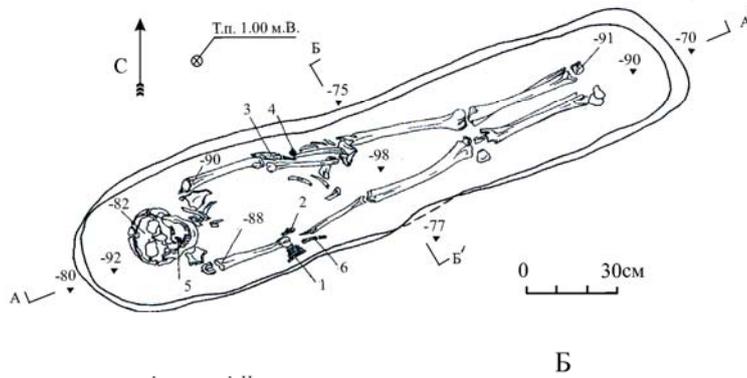
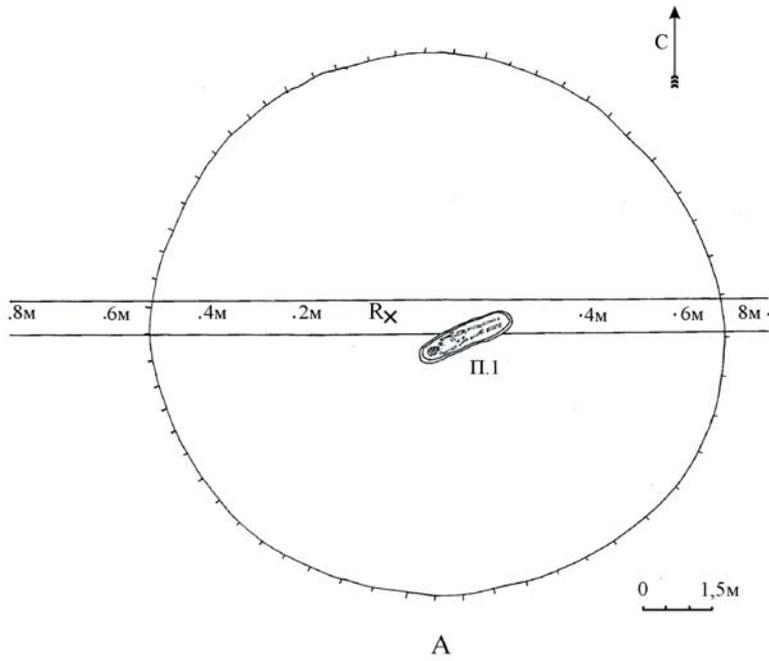

Рис. 10. Б. Копены-2. Курган 3. Погр. 1. Инвентарь. 1 - находка 1, зеркало;
 2 - находка 2, ножницы железные; 3 - находка 3, предмет железный;
 4 - находка 4, фрагменты сумочки кожаной; 5 - находка 5, серьга бронзовая;
 6 - находка 6, инструмент (шило?) железный с остатками деревянной рукояти.

- Б
- 1 - находка 1. Наконечники стрел железные
 - 2 - находка 2. Фрагменты предмета железного
 - 3 - находка 3. Нож железный
 - 4 - находка 4. Кремь кресальный
 - 5 - находка 5. Предмет железный
 - 6 - находка 6. Фрагменты предметов железных

Рис. 11. Б. Копены-2. Курган 4. А - план кургана; Б - план погр. 1.

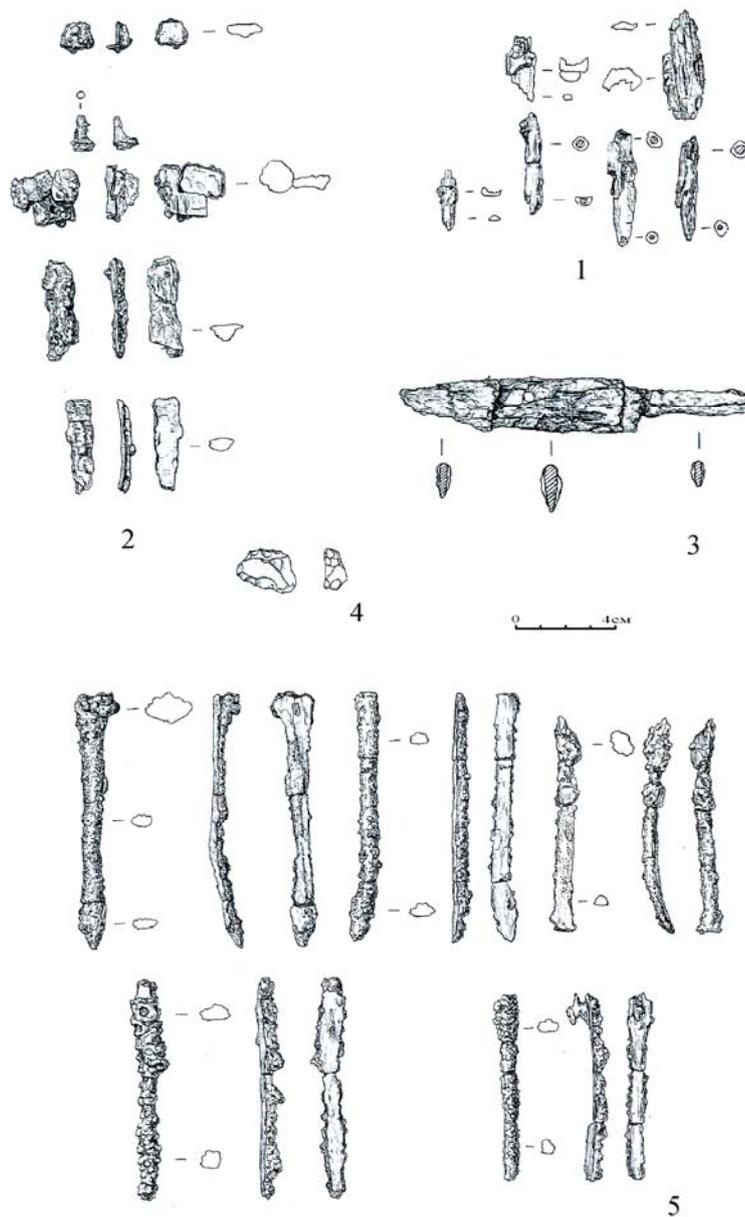

Рис. 12. Б. Копены-2. Курган 4. Погр. 1. Инвентарь. 1 - находка 1, наконечники стрел железные; 2 - находка 2, фрагменты предмета железного; 3 - находка 3, нож железный; 4 - находка 4, кремьнь кресальный; 5 - находка 5, фрагменты предмета железного.

Малышев А.Б.

СООБЩЕНИЕ АНОНИМНОГО МИНОРИТА
О МИССИОНЕРСКИХ ПУНКТАХ ФРАНЦИСКАНЦЕВ
В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ В XIV В.

В период существования Золотой Орды на её территории взаимодействовали различные конфессии. Наряду с государственной религией – исламом – и имевшим в Восточной Европе прочные позиции православием, борьбу за влияние на мировоззрение золотоордынского населения и элиты вели католики. Однако католичество не имело серьёзных этнических корней в Восточной Европе. Католические миссионеры и священники пытались решить в Золотой Орде несколько задач, соотношение которых в разные периоды времени и в зависимости от политической конъюнктуры, было различным: 1) проповедь католичества; 2) обслуживание общин католиков; 3) идеологическое и политическое влияние католиков и папства на элиту и общество в целом (обращённых или лояльных к католичеству); 4) дипломатические связи; 5) разведка и сбор полезной информации.

Отношения католических миссионеров и священников с монгольскими и золотоордынскими ханами начались ещё в 1240-х гг. Однако церковная и миссионерская организации католиков в Золотой Орде стали складываться с конца XIII в., в период активизации торговли итальянских «морских» государств с Северным Причерноморьем и Золотой Ордой.

В 1286–1287 гг. была учреждена Северная Татарская Викария или просто Северная Викария («*Vicaria Tartariae Aquilonaris*») Францисканского ордена. В XII–XV вв. в католической Европе под термином «викария» могли подразумеваться: наместничество, представительство, миссия как часть католической церковной организации, находившаяся на территории, которая в силу особых причин не могла быть епархией. Как правило, викарии создавались на миссионерских территориях. В Северной Татарской викарии было два округа (кустодии): 1. Газария («*Custodia Gazariae*»), включающая Крым, Подунавье, Приднепровье, с городами Кафа (центр кустодии), Солхат, Кырк-Ер (Kerqueti) и Вичина (Vicum); 2. Сарай («*Custodia Sarayaе*») с постоянным местопребыванием в столице Золотой Орды [Golubovich, 1913. P. 262, 266, 443–445; Soranzo, 1930. P. 471–473; 544–545; Fedalto, 1973. P. 408–409; Свет, 1968. С. 57–58; Фёдоров-Давыдов, 1998. С. 32]. Термин «кустодия» в переводе с латыни означает: «охрана, надзор, пост, убежище». В данном случае этим тер-

мином обозначалась территориально-иерархическая единица (округ) Францисканского Ордена, входившая в какую-либо викарию.

С конца XIII в. Францисканский Орден стал вести активную миссионерскую деятельность по всему Востоку. В 1279–1283 гг. появилась Восточная Татарская Викария («*Vicaria Tartaria Orientalis*») – в государстве ильханов хулагуидов и на подконтрольных им территориях, а в 1291 г. Китайская Викария («*Vicaria Cathay*») – в Монгольской империи Юань [Golubovich, 1913. P. 262]. С деятельностью католических миссионеров в Золотой Орде в конце XIII – начале XIV вв. связан «*Codex Sumanicus*» – половецко-латинский словарь (гlossарий и разговорник) [Kuun, 1981; Расовский, 1929. P. 191–214; Самойлович, 1924. С. 86–89; Малов, 1930. С. 347–375]. В первой четверти XIV в. на территориях Северной Викарии начала формироваться церковная организация: в 1300 г. появилась епархия в Тане (Азов) [Eubel, Van Gulik, Schmitz Kallenberg, Gauchat, Serin, 1898. P. 497], в 1303–1304 гг. – в Херсоне и Воспоро (Керчь) [Богданова, 1991. С. 32–33], в 1315 г. – в Сарая [Mosheim, 1741. P. 107], в 1320 г. – в Кафе (Феодосия) [Mosheim, 1741. P. 107; Eubel, Van Gulik, Schmitz Kallenberg, Gauchat, Serin, 1898. P. 154–155; Baronio, 1749. P. 200; Fedalto, 1978. P. 61]. В XIV в. наступает расцвет церковной и миссионерской организации католиков в Золотой Орде.

О деятельности католиков в Золотой Орде сохранилось небольшое количество документов, содержащиеся в них сведения безусловно ценны, но отрывочны и неполны. Однако они позволяют в общих чертах проследить пространственное распространение миссионерства в Золотой Орде и в отдельных пунктах. Ценнейший фонд таких документов содержится в отделе англосаксонских и латинских древних рукописей библиотеки Британского Музея в Лондоне, которая в 1973 г. вошла составной частью в структуру Национальной библиотеки. Здесь, помимо прочего, представлены документы Ордена Францисканцев о миссионерской деятельности на Востоке в средние века. Значительная часть этих документов была опубликована во II томе сборника Г. Голубовича, том числе сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев на Востоке в 1320–1330 гг. Орден Миноритов (Меньших братьев) в то время был составной частью Ордена Францисканцев. Документ написан на средневековой латыни и датируется не позднее 1329 г. По содержанию документ представляет собой список миссионерских пунктов Ордена Францисканцев и Ордена Проповедников (одно из названий Ордена Доминиканцев) в различных городах и поселениях Востока, иногда с добавлением сведений об этих местопребываниях и отдельных лицах, связанных с ними (проповедники, святые-мученики, правители). По назначению документ, скорее всего, является кратким отчетом о деятельности Ордена Францисканцев на Востоке в 1320-е гг., составленным для руководства Ордена и, возможно, для папства.

Документ озаглавлен следующим образом: «О местопребываниях Братьев Миноритов и Проповедников в Татарии». Термином «Юса» (места, местопребывания) обозначались точные места расположения миссий. В начале документа идет перечисление этих местопребываний – «монастырей» («*monasteria*») в Северной Татарии (Северной Татарской Викарии на территории Золотой Орды), которая существовала на протяжении XIV в. Наличие на одной территории викарии и епархии (Сарайская католическая епархия),

видимо, свидетельствует о том, что они выполняли разные функции: епархия управляла (в духовной сфере) общинами католиков, викария осуществляла прежде всего миссионерскую деятельность. Далее повествуется о том, что в Северной Татарской Викарии имеется восемнадцать (18) постоянных монастырей, хотя в тексте было перечислено всего семнадцать (17). Акцент на «постоянные» или «неподвижные» монастыри указывает на наличие также и передвижных миссий, о которых сообщалось в других источниках. Термин «монастырь» использовался, видимо, вследствие наличия в постоянной миссии нескольких монахов, живущих по правилам католических монастырей. Однако назначение данных «монастырей» заключалось, большей частью, в осуществлении миссионерской деятельности. В других источниках применялись также термины «убежище» и «место».

Первым пунктом в списке стоит поселение Вичина (*vicina*), название которого приведено, в отличие от других, не с заглавной, а с прописной буквы, что, вероятно, указывает на негородской характер населённого пункта. Также возможно, что это название местности, этнической или территориальной общины. В тексте говорится, что это место находится по соседству с Данубией (*danubin*). Данубией в средние века называли область на северо-западном побережье Чёрного моря, прилегающую к нижнему течению Дуная. В настоящее время эта местность локализуется на черноморском побережье Румынии (Добруджа), Болгарии и, возможно, Молдавии. Таким образом, Вичина скорее всего располагалась на северо-западном побережье Чёрного моря.

Следующим пунктом в списке назван Мауро кастро (*Mauro castro*), что является средневековым итальянским названием Белгорода-Днестровского, расположенного в устье Днестра при впадении в Чёрное море. Несколько пунктов располагались в Крыму: Херсонес (*Cersona*), Чембало (*Cimbalo*) – средневековое итальянское название Балаклавы; Барассон (*Barason*) – скорее всего, средневековое итальянское название Карассу-Базара; Солдаия (*Soldata*) – средневековое итальянское название Судака, упоминаемого в русских источниках как Сурож, в греческих – как Сугдея. В итальянской Кафе (Capha) – современной Феодосии – было два пункта. Далее приведены пункты на восточном побережье Чёрного моря: Тана (*Thana*) – средневековое итальянское и греческое название золотоордынского Азака и современного Азова; а также два места в Куммагерии (*Cummageria*) – средневековое итальянское название местности на Таманском полуострове, которая точно не локализуется, но, возможно, располагалась на территории средневековой Тмутаракани (Матреги).

Наиболее интересными для исследователей истории Золотой Орды являются сведения о пунктах католических миссионеров в Нижнем Поволжье. Главный пункт был в столице – в Сарае (*Saray*), другой – в местности, называемой «Святой Иоанн» (*Sancto Johanne*), где находилась могила Коктогана (*Coktogani*), сына императора. Место расположения миссии Святого Иоанна в данном и других текстах точно не локализовано. По другим сообщениям известно, что миссия находилась в трёх милях (~5 км) от Сарая [Golubovich, 1913. P. 170–171]. Коктоган, или Котогонт, известен и по другим францисканским источникам из собрания рукописей библиотеки Британского музея [Golubovich, 1913. P. 170–171]. По восточным источникам его можно идентифицировать с Кутуганом – сыном Менгу-Тимура, братом Токты-хана [Тизенгаузен, 1884. С. 104, 108, 155, 157; 1941. С. 51]. Третий в Нижнем

Поволжье пункт находился в Укеке (*Ugek*). Укек встречается и в других списках миссий в нескольких транскрипциях: «Ugek», «Ügueth», «Uguesch». Издатели и комментаторы данного текста ошибочно помещали Укек на полпути между Булгаром и Самарой [Golubovich, 1913. P. 570; Soranzo, 1930. P. 502–503]. При этом они ссылались на утверждение Лакруа во Всемирной Истории [Storia universale, 1771. P. 362 e nota L]. Видимо, это произошло от ошибочного прочтения сообщения Абульфиды, помещавшего Укек на полпути между Булгаром и Сараем.

Нельзя считать окончательно выясненным местонахождение следующей миссии, которая называется Делена или Селена (*Delena / Selena*). Имеется несколько версий её локализации: 1) на золотоордынской территории Нижнего Поволжья или Предкавказья; 2) на западном побережье Каспийского моря недалеко от Баку; 3) в Грузии; 4) в Крыму [Golubovich, 1913. P. 565–566].

Две последние францисканские миссии, относящиеся к Северной Татарской Викарии, находились в Грузии – Иверии (*Yveria*).

Кроме того, в тексте документа упоминаются миссионерские пункты в Китае и в Индии: четыре местопребывания в Китае (*Catay*) и в Зайтоне (*Zayton*), который помещён в Великой Индии (*magna India*). Название Катай (*Catay*) – это средневековое европейское наименование всего Китая, либо северного Китая. Под Зайтоном, скорее всего, следует понимать средневековый город Чжан-Чжоу в юго-восточном Китае. Локализация Зайтона в Великой Индии, видимо, ошибочна и связана с неточностью географических представлений в средние века.

Также, кроме францисканских миссий, в тексте документа упоминаются находящиеся на территории Золотой Орды доминиканские миссии в Кафе (*Capra*) и Тане (*Thana*).

Далее в документе сообщается о двенадцати (12) миссиях в Восточной Татарской Викарии – в государстве иранских монголов и на зависимых от них территориях, хотя в тексте упомянуто только одиннадцать (11) миссий: в Солтании (*Soldania*) – столице государства ильханов хулагуидов, которая находилась в северном Иране юго-восточнее Тебриза и была также известна в европейских источниках как Конгорлаум; две миссии в Тебризе (*Taurisio*) – современный Тебриз на севере Ирана; в Салмастро (*Salmaastro*) – поселении, расположенном где-то недалеко от Тебриза, в районе оз. Урмия; в Каракизии (*Carachisia*) – в современной Армении недалеко от Эрзерума; в Эрзеруме (*Arzerono*) – в Армении; в Тбилисси (*Thephelisia*) – в Грузии; в Порсико (*Porsico*) – которое, скорее всего, находилось где-то в северном Иране, недалеко от Эдессы; в Карпи (*Carpy*) – возможно, располагалось в Турции, где-то в районе Трапезунда; в самом Трапезунде (*Tarphexunda*); в поселении Сумиссо (*Summisso / Sumnusso / Simmisso*) – под которым, вероятно, подразумевается современный Самсун на черноморском побережье в Турции.

Последними в тексте документа упомянуты доминиканские пункты в Восточной Татарской Викарии: в Тебризе (*Taurisio*), в Мараге (*Marga*) – известном средневековом городе в северном Иране (современное название – «Мераге»), и в городе Диагоргане (*Diacorogon*), который располагался между Тебризом и Марагой.

Содержание документа (с небольшими сокращениями) следующее:

Латинский текст:

«De locis Fratrum Minorum et Predicatorum in Tartaria. – [e. an. 1320–30].

In *Tartaria Aquilonari* fratres Minores habent monasteria immobilia 18, in civitatibus et villis infra scriptis, videlicet: in *vicina iuxtra danubin*. In *Mauro castro*. In *Cersona*, ubi beatus Clemens fuit exulatus, et ibi fundavit lxx ecclesias... (...). In *Cimbalo*. In *Barason*. In *Soldaia*. In *Capha* duo loca. In *Thana*. In *Cummageria* duo loca. In *Saray*. In *Sancto Johanne*, ubi est sepulcrum *Coktogani* filii Imperatoris. In *Ugek*. In *Delena* (o *Selena*?). In *Yveria* duo loca, ubi rex illius gentis, et multi de populo istis annis sunt conversi... (...).

Item in *Catay* quatuor loca. In *Zayton*, que est in *magna India*, unus locus.

Loca fratrum Predicatorum duo tantum: videlicet in *Capha*, ubi dimisimus duos fratres sacerdotes, et duos clericos, et duos conversos; et in *Thana*, ubi dimisimus tres fratres.

In *Tartaria Orientali* fratres Minores habent xii monasteria, infrascripta, videlicet: In *Soldania*. In *Taurisio* duo loca. In *Salmastro*, ubi b. Bartholomeus fuit martirizatus. In *Carachisia*, ubi apostolus Thadeus fuit martirizatus et ibi ostenditur corpus suum. In *Arzerono*. In *Thephelisis*. In *Porsico* (sic). In *Caryp*. In *Tarphexunda*. In *Summisso* (o *Sumnusso*, o *Simmisso*).

Loca Predicatorum tria, videlicet: in *Taurisio* unus. In *Marga*. In *Diacorogon*.»

Перевод:

«О местопребываниях Братьев Миноритов и Проповедников в Татарии (1320–1330 гг.)

В Северной Татарии у Братьев Миноритов имеется восемнадцать (18) постоянных монастырей, а именно в общинах и городах, указанных ниже: Вичина (*vicina*) по соседству с Данубией (*danubin*); в Мауро кастро (*Mauro castro*); в Херсонесе (*Cersona*), где Святой Климент был в изгнании и основал там 70 храмов... (...); в Чембало (*Cimbalo*); в Барассоне (*Barason*); в Солдайе (*Soldaia*); в Кафе (*Capha*) в двух местах; в Тане (*Thana*); в Куммагерии (*Cummageria*) в двух местах; в Сарае (*Saray*); в месте Святой Иоанн (*Sancto Johanne*), где находится могила Коктогана (*Coktogani*), сына императора; в Укеке (*Ugek*); в Делене (*Delena/Selena*); в Иверии (*Yveria*) в двух местах, где царь этого народа и многие из людей были обращены... (...).

Также в Китае (*Catay*) в четырёх местах; в Зайтоне (*Zayton*), то есть в Великой Индии (*magna India*) в одном месте.

У Братьев Проповедников только в двух местах: разумеется, в Кафе (*Capha*), куда мы отправили двух священников, двух клириков и двух обращённых, и в Тане (*Thana*), куда мы послали трёх братьев.

В Восточной Татарии у Братьев Миноритов имеется двенадцать (12) монастырей, о которых рассказывается ниже, а именно: в Солтании (*Soldania*); в Тебризе (*Taurisio*) в двух местах; в Салмастро (*Salmastro*), где Святой Варфоломей принял мученичество; в Каракизии (*Carachisia*), где апостол Фадей принял мученичество и был погребён; в Эрзеруме (*Arzerono*); в Тбилиси

(*Thephelasio*); в Порсико (*Porsico*); в Карпи (*Carpy*); в Трапезунде (*Tarphexunda*); в Сумиссо (*Summisso / Sumnusso / Simmisso*).

У Братьев Проповедников – три местопребывания, а именно: одно в Тебризе (*Taurisio*); в Мараге (*Marga*); в Диагоргане (*Diacorogon*).»

Приложение.

Кроме данного публикуемого документа, существует ещё несколько сообщений, где упоминаются францисканские миссии на Востоке, в том числе в Золотой Орде. Эти данные были обработаны Г. Голубовичем и Г. Федальто и сведены в таблицы упоминаний о различных миссиях [Golubovich, 1913. P. 266–269, 272; Fedalto, 1973. P. 470]. Из них наиболее полное представление даёт Г. Голубович в Таблице IV [Golubovich, 1913. P. 266]:

Северная Викария

	1286 г.	1320 г.	1334 г.	1390 г.
1. Custodia Gazariae	Kerqueti	-	-	-
	Capa	Capa (S. Francisci)	Cafa (S. Francisci)	Cafa (S. Francisci)
	-	Capa (S. Mariae)	Cafa (S. Mariae)	Cafa (S. Mariae)
	-	Soldaia	Soldaya	Soldaia
	-	Cimbalo	Cimbulum	Cimbalo
	-	-	-	Ylice
	Solhaten	-	Sulcata	Solcath
	-	Barason	Barasson	Carassu
	-	Maurocastro	Maurum castrum	-
	Vicum	Vicina	Vicena	-
-	Cersona	-	-	
2. Custodiae Sarayae	-	Thana	Tana	Thana
	Saray	Saray	Saray	Saray
	-	S. Johannes	S. Johannes	-
	-	-	-	Comuch
	-	-	-	Tarchis
	-	-	-	Mamucci
	-	Cummageria (2 loca)	Maieria (2 loca)	Mager
	-	Ugek	Ugek	Ugueth
	-	-	-	Acsaray
	-	Selena	-	-
	-	-	Veler	-
	Iberia	Yverie (2 loca)	Vierie (2 loca)	-

Некоторые топонимы в данной таблице нуждаются в объяснении и уточнении:

Kerqueti – искажённое название г. Кырк-Ер (Чуфут-Кале).

Ylice – не локализуется.

Solhaten (Солхат) – центр золотоордынского наместничества (улуса) в степной части Крыма.

Comuch (Кумух) – локализуется в горном Дагестане. Современное название Кази-кумух.

Tarchis (Тарки) – городище в современном Дагестане вблизи Махачкалы.

Мамусси (Мамук или Мичач / Микак) – локализуется в современном горном Дагестане.

Ассарай (Аксарай) – золотоордынское поселение локализуется в степной части Крыма, вблизи Симферополя.

Veler – данное место не локализуется. Возможно, это искажённое название Иверии (Грузии).

Большинство католических миссий в Золотой Орде прекратили существование в период нашествия Тамерлана 1395–1396 гг. В 1400 г. указывалось, что в Северной Викарии существовало четырнадцать (14) миссий, хотя их названия не приводились [Golubovich, 1913. S. 260–261, 274]. Видимо, использовалась статистика по предыдущим годам. После 1400 г. сохранились известия лишь о миссиях в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе.

Литература:

- Богданова Н.М. Церковь Херсонеса X–XV вв. // Византия. Средневековье. Славянский мир. М., 1991.
- Малов С.Е. К истории и критике Codex Cumanicus // Изв. АН СССР. Сер. VII, Отделение гуманитарных наук. 1930. № 5. С. 347–375.
- Расовский Д.А. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus // Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archeologie. Histoire de l'art. Etudes byzantines. Prague, 1929. Т. III.
- Самойлович А.Н. К истории и критике Codex Cumanicus // Доклады Российской Академии Наук. Серия В. Л., 1924. Апр.–Июнь.
- Свет Я. После Марко Поло. М., 1968.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884; Т. II. Л., 1941.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.
- Baronio C. (Raynaldo O.) Annales Ecclesiastici. Roma, 1749. Т. V.
- Eubel C., Van Gulik L., Schmitz Kallenberg P., Gauchat R., Serin. Hierarchia Catholica medii aevi. Monasterii, 1898. Т. I.
- Fedalto G. La chiesa latina in Oriente. Verona, 1973. Т. I.
- Fedalto G. La chiesa latina in Oriente. Verona, 1978. Т. II.
- Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica. Quaracchi, 1913. Т. II.
- Kuun G. Edited by G. Kuun with the prolegomena to the Codex Cumanicus by L. Ligeti. Budapest, 1981.
- Mosheim J.L. Historia Tartarorum Ecclesiastica. Helmstadt, 1741.
- Soranzo G. Il Papato l'Europa cristiana e i Tartari. Milano, 1930.
- Storia universale. Amsterdam, 1771. Т. V.

Кубанкин Д.А.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА

На территории Увекского городища¹ зафиксированы многочисленные средневековые погребения, детальное исследование которых очень важно для изучения социальной, религиозной, этнической структур местного населения. Могильники, как правило, устраивались на окраине города и переставали активно действовать после того, как входили в черту плотной застройки.

В данной работе будет рассмотрена часть погребальных памятников средневекового Увека. На сегодняшний день накопился многочисленный, порой разрозненный материал об увекских некрополях, который не может уместиться в рамках одной публикации. Для нас представляется важным ввести в научный оборот наиболее представительные и полные материалы, уточнить сведения об известных объектах и рассмотреть их как комплексы, объединенные по территориальному, культурному и хронологическому признакам.

Юго-западный некрополь (рис. 1, 1). Мавзолей № 1² (рис. 1а, 2). В 1905 году член СУАК Б.В. Зайковский обнаружил следы построек на вершине гряды у юго-западной окраины Увекского городища. Здесь им собраны различные предметы: пул с двуглавым орлом, чекан Гюлистана 766 г. х. (1364/1365 гг.) [Янина, 1970. С. 205. № 48]; обломок серебряного дирхема Токты 1305/1306 г; фрагмент колечка из голубого стекла; черная, с белым узором стеклянная бусина; фрагменты глиняной посуды [Фонд Кроткова. Д. 135. Л. 4–4 об., 6]. В 1913 г. в этом месте было раскопано «здание», оказавшееся мавзолеем.

Строение располагалось углами по сторонам света, а по форме напоминало прямоугольник (21,3x12,5 м), вытянутый с северо-запада на юго-восток (рис. 2). Близкий по размерам двухкомнатный мавзолей известен у пос. Красный хутор Воронежской области [Левашева, 1960. С. 179–180; Власов, Савицкий, 2004. С. 166–167]. Внутреннее пространство увекского мавзолея разделялось перегородкой на 2 неравные комнаты. В усыпальнице (гур-хана), площадью около 27 кв. м, обнаружено 2 погребения. В комнате для оплаки-

¹ Расположено на южной окраине г. Саратова.

² Написано по материалам публикации и черновиков А.А. Кроткова, дополнений П.Н. Шишкина и археологических материалов СОМК.

вания (зиярат-хана), площадью около 57 кв. м, вскрыто 5 могил³. В гур-хане погребения и вымостки расположены вплотную к стенам здания, а в зиярат-хане – на некотором отдалении. Возможно, в комнате оплакивания вдоль длинных стен располагались суфы, как это было в одном из мавзолеев Водянского городища [Егоров, 1980. С. 83].

Общая площадь здания по внешнему обмеру 273 кв. м. Каждая комната имела отдельный вход с улицы, обрамленный порталом-пештаком. Между собой комнаты соединялись внутренним проходом, от которого сохранились следы дубового порога. Все дверные проемы лежали на одной прямой продольной оси здания, таким образом, продольно-осевая композиция мавзолея строилась двумя порталами и двумя комнатами. В продольных стенах зиярат-ханы имелись отверстия для дверных или оконных проемов [Бернштам, 1956. С. 91]. В северо-восточной стене ширина проема 1,1 м, а в юго-западной – 2,3 м. К восточной стене примыкала открытая площадка из необработанного камня, залитая известковым раствором [Кротков, 1915. С. 113].

А.А. Кротков отметил также наличие каменных ступеней в юго-западном углу гур-ханы. Вероятно, эта лестница вела на галерею второго этажа, как в одном из мавзолеев Маджара [Ртвеладзе, 1973. С. 272].

Стены у основания здания были сложены из кирпича крупного размера: 27,7x22,2x6,7 см. Для золотоордынских памятников Нижнего Поволжья типичен меньший формат, к тому же квадратной, а не прямоугольной формы [Федоров-Давыдов, 1994. С. 72]. В основании стены, по углам здания, через 2 ряда квадратных кирпичей укладывался еще ряд «половинчатых», размером 26,7x13,3x6,7 см. [Кротков, 1915. С. 113; Баллод, 1923. С. 108, рис. 35].

Здание не имело фундамента, стены уходили в неглубокую траншею, которая заполнялась кварцитовым щебнем. Возведение построек без фундамента – довольно распространенное для Средней Азии явление. Стены мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави (конец XIV в.) уходили от дневной поверхности на глубину 25–30 см, а котлован под минаретом и порталом был набит крупной галькой и землей [Массон, 1930. С. 13]. Мавзолей Кинязяк-хатун, известный как «Гумбез Манаса», расположенный в долине Таласа (30-е гг. XIV в.), также сложен на грунте и углублен на 15–25 см [Массон, Пугаченкова, 1950. С. 60]. Основания стен мавзолея № 2 Водянского городища были углублены в материк на 15 см [Егоров, 1980. С. 77], стены мавзолея № 1 у молдавского с. Бравичены углублены в землю на 10 см [Чеботаренко, Бырня, 1960. С. 45].

Траншеи под основания для стен увекского мавзолея с кварцитовым бутом заливались особым раствором. А.А. Кротков пишет о нем следующее: «При высыхании этот раствор, вначале довольно жидкой консистенции, образовывал ровную горизонтальную поверхность, «черновой ватерпас», на которую клались четыре ряда квадратных кирпичей уступом, т. е. два нижних ряда выступали на ½ кирпича из-под верхних. На выдвинутую часть кирпичей укладывались отесанные с внутренней стороны, прилегающей к кирпичам, сосновые бревна, толщиной до 4 вершков (17,8 см) и шириною в 4 ½ вершка (20 см). Над 4 слоями кирпича и несколько выступающими дере-

³ Данные получены в результате промеров по плану мавзолея. Однако в статье [Кротков, 1915. С. 112] указываются следующие размеры для гур-ханы и зиярат-ханы: соответственно 51,1 и 60,5 м.

вянными боками наливался опять тот же землистый черный раствор, толщиной в 1 – местами в 1 ½ вершка. Этот раствор служил... «беловым ватерпасом» при начале кладки стен, которые непосредственно начинались с этого слоя» [Кротков, 1915. С. 113]. Скорее всего, раствор представлял собой ганч с примесью золы, древесного угля и глины. Подобная смесь предназначалась для кладки там, где существовала повышенная влажность. Эта смесь хорошо известна в Средней Азии с древних времен и называлась «кыр» [Бачинский, 1949. С. 10; Воронина, 1951. С. 123]. «Сложность изготовления и применения кыровых штукатурок, – писал Н.М. Бачинский, – компенсируется их долговечностью и абсолютной надежностью. По словам местных мастеров, кыр может служить 400–500 лет, пока не начнет разрушаться само сооружение» [Бачинский, 1949. С. 10–11]. Известен случай применения подобного раствора при строительстве одной из частных бань средневекового Азака [Перевозчиков, Масловский, 2000. С. 315].

Отметим также наличие деревянных деталей в кирпичной кладке у основания стены увекского мавзолея. Подобное сочетание встречается в средневековых монументальных постройках Средней Азии и Азербайджана [Масон, Пугаченкова, 1950. С. 60; Маргулан, Басенов, Мендикулов, 1959. С. 100; Бретаницкий, 1966. С. 293]. Дерево придавало кирпичным стенам больший запас прочности и увеличивало их пластичность, что очень быстро оценили в сейсмоопасных зонах. Наконец, деревянные выступающие брусья использовались мастерами в качестве основания для легких лестниц-временок, необходимых при строительстве [Бретаницкий, 1966. С. 293]. В кладке стен мавзолея Айша-Биби (XI в.) деревянные связи встречались через каждые 60–80 см по вертикали [Маргулан, Басенов, Мендикулов, 1959. С. 100].

Относительно перекрытия данного здания сведений не имеется. Установлено, что одним из самых распространенных типов мавзолеев в Золотой Орде и сопредельных государствах со второй половины XIII в. стали портално-купольные постройки [Джахангиров, Засыпкин, 1951. С. 227–228; Мендикулов, 1951. С. 234; Ртвеладзе, 1973. С. 271–272, 274–275].

С внешней стороны здания, на расстоянии 1,8 м от северо-восточной стены, рядом с поверхностью, покрытой камнем и известью, обнаружена часть упавшей стены из кирпичей с зеленовато-голубой поливой. «Кирпичи лежали узким ребром к земле...» [Кротков, 1915. С. 114]. Определить, относятся ли эти кирпичи к стене изучаемого мавзолея или к другой постройке, вряд ли теперь представляется возможным. Вблизи обнаружены «обломки поливных кирпичей, берцовая кость человека, обломок сырцового кирпича с рельефным рисунком, голубая тонкая плитка из «силиката» или гипса» [Кротков, 1915. С. 114].

Возле юго-восточной стены зафиксированы следы внешнего декора, предположительно, юго-восточного портала – рельефные красноглиняные кирпичи с поливой голубого цвета. Здесь же, возле дверного проема, обнаружена ганчевая(?) плитка с резным орнаментом в виде восьмиконечной звезды и поливой голубого цвета [Кротков, 1915. С. 114, рис. 2]. В СОМК хранятся элементы архитектурного декора из раскопок мавзолея: одноцветные кашинные плитки для мозаик с поливой голубого, синего, бирюзового цветов; майолика на кашине, украшенная рельефным белым бордюром или растительным орнаментом по зеленому фону; майолика на кашине с композицией

из двух пересекающихся белых полос с черной подводкой, которые делят поле на четыре части, в одной из частей – штампованное изображение трилистника в виде лилии с черной подводкой (рис. 3, 3); майолика на кашине с подглазурным орнаментом в виде чередующихся белых и синих полос с черной подводкой; красноглиняные кирпичики с бирюзовой и зеленой поливой, с рельефом и без него [СОМК. Инв. №№: НВСП 43543/1-13 – 43682/1-2, 43870-43877/1-5].

Внутри стены были оштукатурены, о чем свидетельствуют три фрагмента орнаментированных полосами известковой штукатурки толщиной 2,5–3,7 см [СОМК. Инв. № НВСП 43878/1-3]. Подобный способ внутренней облицовки стен был распространенным в золотоордынских мавзолеях [Алихова, 1973. С. 230; Егоров, 1980. С. 74]. Пол, вероятно, был глинобитным. По крайней мере, следов кирпичного или иного покрытия не отмечено. Из находок близ северо-западной стены упоминаются железный перегоревший нож, несколько фрагментов поливных красноглиняных кирпичей.

Внутри здания, в нижних пластах строительного мусора обнаружены интересные, в том числе датирующие, предметы: в зиярат-хане, возле прохода в гур-хану – золотоордынская медная монета с изображением крупной шестилепестковой розетки на аверсе и потертым реверсом (судя по экземплярам джучидских монет из коллекции музея СУАК, А.А. Кротков ориентировочно относит ее к 752 г. х. (1352–1353 гг.), времени Джанибека.); онгон, вырезанный из медного или бронзового листа, 5,3 см в длину и 2,8 см в ширину [Кротков, 1915. С. 115].

Гур-хана. Погребение 1 находилось в северо-восточной части комнаты сразу после выхода из зиярат-ханы (рис. 2). Юго-восточнее погребения № 1 имелась кирпичная вымостка, возвышавшаяся на одну ступеньку и выложенная квадратным кирпичом, предположительно, в 2 ряда. Ступенчатое надгробие имело форму квадрата со сторонами 1,8 м.

Рядом с вымосткой находился кирпичный склеп со сводом и без дна. Большая часть погребальной камеры выложена кирпичами с поливой синего цвета. Это еще одно указание на особый статус погребенного. В кладке присутствовали также типичные золотоордынские красные кирпичи и несколько кирпичей из серовато-белой массы [Кротков, 1915. С. 118]. Длина склепа – 2,3 м; в изголовье он шире, чем в ногах. Высота усыпальницы 1,1 м⁴. Высота стенок до свода 0,7 м. Свод состоял из 2-х кирпичей с каждой стороны основания и 1-го замкового. Кирпичи в стенках были связаны известью, а свод сложен был без нее и залит известью только сверху [Кротков, 1915. С. 117].

Внутри находился гроб из дубовых досок, скрепленных железными гвоздями. Его длина 1,8 м, ширина в изголовье 0,5 м, в ногах – 0,4 м [ГАСО. Д. 975. Л. 29 об]. Днище было из коры дерева и не связывалось со стенками. От земли оно отделялось 4 узкими дощечками, которые лежали на расстоянии друг от друга в 0,4–0,5 м [ГАСО. Д. 975. Л. 29 об]. Двускатная крышка состояла из 2 досок, прибитых к стенкам гвоздями.

Судя по найденным в захоронении вещам, погребение женское. Скелет прикрыт сверху парчовым западным халатом серовато-дымчатого цвета. Он

⁴ В черновике статьи [Фонд Кроткова. Д. 139. Л. 10 об.] указывается глубина 1 арш. 8–10 верш., в статье [Кротков, 1915. С. 117.] – 2 аршина.

«был положен на покойницу так, что левая пола его прикрывала ноги, правая – голову, ворот халата лежал с правого бока, подол же был свернут у левой стенки гроба. Лицевой стороной халат обращен кверху» [Кротков, 1915. С. 118; Доде, 2006. С. 89–91]. На умершую был надет короткий, доходивший до колен, шелковый халатик [СОМК. Инв. №: СМК 57946]. Установлено, что изначально камчатый шелк имел голубой цвет, застежки и обшивки рукавов – синий. В качестве красителя использовался индиго [Пржиемский, 1987]. На шелке прослеживается узор в виде облаков и растительных мотивов (рис. 3, 12). Сюжет облаков часто встречается на китайском шелке и в конце XIII–IV вв. получает распространение в Иране, обретая «условность и декоративность» [Доде, 2006. С. 134]. Покрой халата прямой, без запаха. С правой стороны пришиты шелковые петельки, на которые застегивали пуговицы из шелковой узкой ленты, завязанной в узелок. Размеры выкройки: общая длина двух рукавов – 138 см, общая длина изделия с учетом передней и задней его части – 221 см.

Лицевой отдел черепа прикрыт куском шелковой материи, размерами 30x45 см [СОМК. Инв. №: СМК 57936]. Изначально ткань была темно-синего цвета (обнаружены следы красителя индиго), на которую в технике набойки нанесен орнамент белого цвета [Елкина, 1985] в виде рядов из цветков хризантем (рис. 3.11). Череп, как и другие кости скелета, оказался сильно разрушенным. На голову умершей была надета шапочка-бокка, скроенная из парчи и орнаментированная рисунком в виде побегов лотоса, цветка пиона и шестиконечной звезды, внутри которой располагалась шестилепестковая розетка (рис. 3, 13). Схожее изображение шестилепестковой розетки внутри шестиконечной звезды имеется на реверсе анэпиграфного пула [Пырсов, Недашковский, 2002. С. 14. Кат. № 1000]. Верхняя берестяная часть головного убора напоминает по форме букву «Г». Длина подобной конструкции 21 см, диаметр 4 см [СОМК. Инв. №: СМК 57946]. Верх, или «клюв», бокки имеет следующие размеры: 8,5x3,2–3,5 см [СОМК: Инв. № СМК 58386]. Весь берестяной каркас был обшит шелком. Сохранились два фрагмента тростниковых трубочек, частично обернутых в золотую фольгу, длиной 8,5 и 9,5 см, диаметром 3,2–3,5 и 4–6 мм соответственно [СОМК. Инв. № 58386]. Шапочка-бокка появилась в степях Поволжья вместе с монголами не ранее середины XIII в. Ее ношение было выражением имперской моды среди замужних женщин не только монгольских, но и многочисленных тюркских родов [Федоров-Давыдов, 1966. С. 156, 157; Мыськов, 1995. С. 42–43; Крамаровский, 2000. С. 144].

Бокку украшали «листочки из проволоки, обмотанной зеленым шелком, и зёрна мелкого ... жемчуга» [Кротков, 1915. С. 120]. В книге поступлений музея СУАК записана 1 половинка и 5 целых листочков [АО № 327/3]. Вероятно, к украшению берестяной трубки принадлежит подвеска (?), орнаментированная чеканным растительным узором, фон которого заполнен мелким пуансоном (рис. 2, 8). В центре – вставка из горного хрусталя или стекла. По одному краю украшения, в верхней его части – две петли. Размер: 3,5x4,4 см [Кротков, 1915. С. 120. Сним. 6; Фонд Кроткова, Д. 152. Л. 1; Книга ... № 2441]. А.А. Кротков предположил, что это верхняя половинка капторги. Назначение подобного украшения из увекского мавзолея может быть уточнено деталями бокки из женского захоронения кургана № 9 могильника «Олень-Колодезь» Воронежской области. В месте скрепления трубки и верхней части

воронежской бокки находилась прямоугольная тонкая подвеска из серебряной с позолотой фольги с растительным орнаментом, функцию которой выполняла и наша подвеска [Ефимов, 2001. С. 177, 178, рис. 8, 3]. В этой же части головного убора из погребения кургана № 9 крепилась цилиндрическая подвеска [Ефимов, 2001. С. 177, 178. Рис. 8, 6]. Не исключено, что ее функцию на увекской бокке выполняла золотая бусина-подвеска битрапециевидной формы с шаровидными концами и рельефными выступами по центральному кругу, выполненная в технике скани и зерни (рис. 3, 10). Еще одним украшением увекской бокки была бляшка каплевидной формы (рис. 3, 9), поляя внутри, со сквозным продольным отверстием [Фонд Кроткова. Д. 152. Л. 2]. Лицевая сторона орнаментирована растительным узором. В СОМК сохранился фрагмент фигурной нашивной бляшки для бокки (рис. 3, 7) размером 2,1x1,5 см, в виде цветка лотоса (сохранились нижние лепестки). Он сделан из серебра с позолотой, в технике накладной скани, и сохранил следы цветной эмали в заполнениях [СОМК. Инв. №: СМК 58386]. Подобное завершение нижней части лотоса отмечено у серебряной бляшки головного убора из кургана № 7 курганного могильника у с. Маляевки Волгоградской области [Железчиков, Кутуков, 1998. С. 130, 139, рис. 4, 1e].

«Волосы, по-видимому, были забраны в сетку, от которой сохранились лишь небольшие клочки» [Кротков, 1915. С. 118]. У черепа – пара золотых серег в виде знака вопроса с жемчужинами на конце. Еще один признак высокого положения покойника – два золотых «обола» без рисунка, по форме напоминающих монету (14x13 мм), весом 1,13 г, обнаруженных в районе челюсти [Недашковский, 2001. С. 353, 362, рис. 3, 1,2].

На обоих запястьях найдено по 1 серебряному пластинчатому браслету, шириной в 0,5 см и тремя продольными рельефными линиями. На ногах – шелковые сапожки. «Верхний край голенищ их был вышит в мелкий крестик темно-коричневым или черным шелком, узор городчатый, зубцами вверх; вдоль голенища спереди нашиты в несколько рядов разноцветные шелковые шнуры» [Кротков, 1915. С. 129; Фонд Кроткова, Д. 139. Л. 11 об].

В изголовье справа лежали следующие бытовые вещи: зеркало, гребень, кисет. Зеркало [СОМК. Инв. №: СМК 57950] – без выраженного бортика, диаметром 15,4 см. Внешняя сторона покрыта амальгамой серебра и орнаментирована двумя перекрещивающимися валиками, составляющими крест, в центре которого – арочная петля [Кротков, 1915. С. 119. Сним. № 3; Федоров-Давыдов, 1966. С. 81; Недашковский, Ракушин, 1998. С. 37–38; Недашковский, 2000. С. 58, 61, рис. 11, 12]. Здесь же лежал деревянный резной двусторонний гребень с концентрическим орнаментом [Кротков, 1915. С. 119, 120. Сним. № 4] и вязаный крючком шелковый кисет (рис. 3, 4) размером 7,5x9 см [СОМК. Инв. № СМК 71306]. Кисет орнаментирован чередующимися зубчатыми полосами светлого и желтого тонов. В верхней части он стянут двумя витыми шелковыми шнурами из нитей золотистого и зеленого цветов. В нижней части – три декоративные шелковые кисточки (сохранилось только две). Центральная кисть, выполненная из золотистого шелка, перевита у основания кисета полоской позолоченной кожи. Для окраски предмета использовались тониносодержащие красители и индиго [Спуть, 1997]. По сведениям П.Н. Шишкина, на шнурочке был привязан костяной цилиндр [ГАСО. Д. 975. Л. 29 об; Книга № 2441]. Это оказался костяной игольник (рис. 3, б), в котором

обнаружен моток ниток зеленого цвета и железная иголка (АО 327/13). В КЗВМ СУАК отмечается, что в кيسете было обнаружено арбузное семечко (Книга № 2441/12).

С левой стороны стенки гроба, у головы покойницы, обнаружено поставленное на ребро, деревянное блюдо овальной формы, 14x9 см при высоте 2,5 см [Книга № 2441/7]. Рядом находился обломок деревянной ложки (рис. 3, 5) с отломанной ручкой. Еще одна деревянная чаша с высоким бортиком лежала в изголовье слева [АО № 327/14], и под ней найдена серебряная с позолотой чаша диаметром по венчику 9 см (рис. 3, 2). «На дне ея, в круглой рамке из линейных украшений, изображен идущий влево лев с загнутым на спину стилизованным в цветок хвостом. Кругом льва украшения – растительный орнамент. Боковые стенки сосуда представляли 12 выпуклых медальонов с срезанным основанием. 6 медальонов гладких, позолоченных, на 3-х медальонах с рисунками был представлен кречет с загнутой назад головою, на 3-х стилизованные цветы или “древо жизни”» [Кротков, 1915. С. 120–121]. Схожая серебряная с позолотой ложчатая чаша происходит из Сайгатинского 1 святилища. На ней из 12 ложков – 3 с растительным узором в виде цветка и 3 орнаментированы фигурами козлов с растительной веткой [Восточный ..., 1991. С. 26–27]. Эта находка из Приобья датируется концом XIII – первой половиной XIV в. [Крамаровский, 2000. С. 176]. Изображение сокола на увекской чаше А.А. Кротков сравнивает с весьма схематичным рисунком на медной монете хана Узбека, чекан Сарая 726 г. х. (1325/26 г.) [Кротков, 1915. С. 121; Френ, 1832. С. 7. № 41; Пырсов, Недашковский, 2005. С. 11. № 62].

В публикациях и в архивных документах нам не встретилось описание шелкового чехла для зеркала из погребения № 1 (рис. 3, 1). Однако в СОМК длительное время вместе с тканью, обнаруженной на лице умершей, хранился подобный экземпляр. Экспонат представляет собой фрагментарно сохранившуюся центральную часть чехла зеркала. На шелковой основе шитьем «в прикреп» выполнено «профильное изображение бегущего козла, терзаемого когтистой лапой хищника. Остальное поле занимают стилизованные растительные побеги». В прядении, помимо шелка, использовалось золото. Обнаружены красители: марена, индиго [Спуть, 2]. Таким образом, чехол был выкрашен в темно-синий и темно-красный цвета.

В статье А.А. Кроткова положение и ориентировка костяка не приводятся, однако в черновых записях такая информация имеется. Покойница была положена на спину, руки вдоль туловища, ноги вытянуты, голова на затылке и ориентирована на северо-восток [Фонд Кроткова, Д. 139. Л. 12 об]. Погребение № 1 имеет много общего с инвентарем из женского захоронения с восточной ориентировкой, датированного увекскими дирхемами, в сырцовом мавзолее могильника «Маячный бугор» Астраханской области [Васильев, 1998].

Погребение 2 находилось в юго-западной части комнаты, сразу после выхода из зиярат-ханы, напротив погребения № 1 (рис. 2). Южнее погребения № 2 находилась кирпичная вымостка прямоугольной формы 2,1x1,4 м. Площадка, возвышающаяся на одну ступеньку, была выложена в три ряда кирпичей по вертикали. От дна могилы до дневной поверхности в погребении № 2 – 1,1 м. Однако погребальная камера была ниже, чем в предыдущем погребении, т.к. свод склепа состоял из одного кирпича с каждой стороны в основании и одного замкового [Кротков, 1915. С. 122]. Внутри находился ду-

бовый гроб, конструкция которого аналогична предыдущему. В погребении № 2 гроб оказался «более изящной отделки» и с внешней стороны сохранил следы красной краски. На момент вскрытия склепа двускатная крышка гроба уже была продавлена внутрь [Фонд Кроткова, Д. 139. Л. 12об]. Сам гроб разрушился при вскрытии могилы. Сохранность костяка плохая.

На ногах умершего – кожаные сапожки без каблуков (рис. 3, 4), с прямыми носами и мягкой кожаной подошвой [СОМК: Инв. № СМК 57947/1–2]. В изголовье найдены обломки трех деревянных сосудов. Одна из двух целых чашечек имела «ручку тонкой резьбы, представляющую человеческое лицо с завитками вокруг головы», а также фрагмент одной «овальной тарелочки, раскрашенной красной и черной красками» [Кротков, 1915. С. 123]. Рядом с деревянной посудой находился кошелек размером 6х8 см (рис. 3, 3), сотканный из шерстяных коричневых нитей основы и шелкового утка золотистого цвета [СОМК: Инв. № АО № 327/13]. Узор выткан шелковыми нитями золотистого, зеленого и коричневого цветов. Верхняя часть перетягивалась двумя частично сохранившимися шелковыми шнурками. У основания заметны следы трех декоративных кисточек (сохранилась одна). Отмечено присутствие следующих красителей: тониносодержащие, марена красильная, индиго, куркума [Спунль, 1995]. Ткань изначально была окрашена в коричневый, золотистый, красный и зеленый цвета. На завязке было 3 голубых и 2 желтых стеклянных бусины⁵. Внутри найдены 2 серебряные монеты, 715 г. х. (1315/1316 г. н. э.) или 717 г. х. (1317/1318 г. н. э.), относящиеся ко времени правления хана Узбека [Кротков, 1915. С. 122]. Автор пишет, что «положение костяка подобно положению в первом склепе». Это значит, что погребенный лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые, голова на затылке и обращена на северо-восток. Однако на фотографии погребения № 2 видно, что руки сложены на груди [Кротков, 1915. С. 122. Сним. № 8].

Зиярат-хана. Погребение № 3 находилось в юго-западном углу комнаты рядом с входом в гур-хану (рис. 2). Над юго-восточной стороной погребения – кирпичная вымостка плохой сохранности в форме буквы «Г», предположительно в два кирпича. Размеры сохранившейся части, исходя из данных плана мавзолея, приблизительно 2,5х0,5–1,1 м. Дно склепа находилось на глубине 2,5 м [Кротков, 1915. С. 123]. Усыпальница в общих чертах похожа на погребальные камеры двух предыдущих могил. Только свод в погребении № 3 был намного выше. Он состоял из 6 кирпичей с каждой стороны в основании и 7-го венчающего в качестве замка. Боковые стенки и свод, за исключением верхнего венчающего кирпича, были положены на известь. Дно земляное. Размеры склепа 2,27х0,80 м. Гроб схож с предыдущими. Его длина – 1,9 м, ширина у изголовья – 0,6 м, у ног – 0,5 м. Умерший лежал на подстилке из коры дерева [ГАСО. Д. 975. Л. 30]. Крышка гроба провалилась под тяжестью просочившейся земли.

Костяк хорошей сохранности. Погребенный лежал на спине, головой на северо-восток, на левой щеке, лицом на юго-восток, кисти рук сближены в

⁵ В статье А.А. Кроткова [Кротков, 1915. С. 122] упоминается лишь о трех бусинах, но в рукописи П.Н. Шишкина имеются поправки к вышеназванной работе [ГАСО. Д. 975. Л. 30]. Среди поправок есть указание на то, что бусин было пять, а не три.

паху⁶, ноги вытянуты. В районе головы обнаружены две золотые проволочные серьги в виде знака вопроса с крупными жемчужинами. В районе челюсти – два золотых гладких «обола» [Недашковский Л.Ф., 2001. С. 353, 362, рис. 3, 3–4]. На каждой руке – по одному узкому золотому браслету без орнамента. На среднем пальце левой руки – золотой перстень с гладким щитком. Позже, при просеивании земли из склепа, был найден еще один такой же перстень [Кротков, 1915. С. 124]. В ногах скелета обнаружено несколько обрывков шелковой материи.

Погребение № 4 располагалось около юго-западной стены, северо-западнее погребения № 3 (рис. 2). Над его юго-восточной частью проходила кирпичная вымостка прямоугольной формы с двумя ступеньками. Внутреннее пространство выложено битым кирпичом, а края обложены целым. Ступенчатое надгробие, по мнению А.А. Кроткова, было разрушено еще до раскопок. Склеп имел дно и был выложен кирпичами насухо, без известки. Свод отличается по устройству от предыдущих погребальных камер. Его основание составляют 5 кирпичей с каждой стороны, которые венчают два кирпича, положенные плашмя. Стены усыпальницы были густо выбелены или слегка оштукатурены. Длина 2,05 м, ширина у изголовья 0,58 м, у ног – 0,4 м.

Гроб в погребении не обнаружен. Скелет находился на тонкой доске или на подстилке из коры дерева. Положение костей умершего, по мнению А.А. Кроткова, свидетельствует о том, «что покойник в склепе был помещен в сидячем положении, или, вернее, он был посажен на корточки, причем руки были сложены на животе»⁷.

Среди костей обнаружен кожаный пояс во фрагментах, украшенный «10-ю серебряными бляхами и двумя массивными серебряными же кольцами. Две серебряные бляхи с ушками и колечками украшены выпуклыми изображениями зайца и китайского дракона, прочие же резным травяным орнаментом. Застегивался пояс двумя бляхами: одной круглой, имеющей в середине прорезь, и другой, входившей в эту прорезь» [Кротков, 1915. С. 124]. Обращают на себя внимание небольшие размеры данной гарнитуры. Л.Ф. Недашковский «по отдельным элементам форм и декора ... и построению композиции» находит схожие элементы в деталях пояса XIII в. из Самарканда и считает, что наш экземпляр был изготовлен не позднее начала XIV в. [Недашковский, 2000. С. 31, 40]. К многочисленному списку «аналогий и прототипов» добавим поясной набор из разрушенного погребения Старая Калитва 2 Воронежской области [Кравец, 2004. С. 226–228, рис. 4]. Ориентировка костяка по сторонам света нам не известна. Из плана мавзолея ясно лишь то, что погребальная камера вытянута по оси северо-восток – юго-запад.

Погребение № 5 располагалось у северо-восточной стены (рис. 2). Оно не имело склепа и гроба и содержало три костяка. Находилось на глубине 2,5 м, т.е. на одном уровне с погребением № 3. Вероятно, здесь покоились останки членов одной семьи, которые были подзахоронены в разное время. В могиле были захоронены, по мнению А.А. Кроткова, мужчина (с северной стороны), женщина (с южной), между ними ребенок. Скелет мужчины лежал на спине,

⁶ П.Н. Шишкин в своей записке исправляет неточность А.А. Кроткова и отмечает нахождение рук скелета в районе таза, а не в вытянутом положении [ГАСО. Д. 975. Л. 30.]

⁷ В черновике А.А. Кроткова: «... руки находились между ногами» [Фонд Кроткова. Д. 139. Л. 14].

руки вдоль туловища, ноги вытянуты, головой обращен на северо-восток. Около правого плеча – серебряная со следами позолоты чашечка диаметром 9,5 см и глубиной 3 см [Кротков, 1915. С. 125. Сним. 14; Книга ... № 2445/1]. Возле нее – остатки деревянной чашечки с приставшими к ним металлическими нитями (мишуры). Около головы – следы дерева и железные гвозди. Среди костей – несколько поясных блях⁸ в виде полушарий и 2 массивных серебряных кольца [Кротков, 1915. С. 125]. В СОМК сохранилась бронзовая нашивка полусферической формы [СОМК. Инв. № НВСП 30219], с припаянной с тыльной стороны проволокой в виде петли [Недашковский, 2000. С. 32, 36, рис. 6, 30].

Второй костяк, предположительно женский, также ориентирован головой на северо-восток. У левого виска обнаружено золотое проволочное незамкнутое колечко диаметром 2 см [Книга № 2445/2; АО № 329]. В полости рта находился золотой гладкий «обол» в виде монеты. Кости ребенка лежали в беспорядке. В КЗВМ СУАК отмечены также следующие предметы из погребения № 5: «медная монета – джучидская с розеткой», «3 железных обломка неопределенных предметов», «5 медных пуговиц, из которых одна на остатке расшитой медными нитками материи», «две серебряных браслетки, диаметром по 4 см» [Книга № 2445/3, 5, 7, 9].

Интересно отметить, что у погребений №№ 5–7 не обнаружено кирпичной вымостки и, возможно, они никак не были обозначены на поверхности пола в мавзолее. Это заметно и на плане А.А. Кроткова, где погребение № 5 врезается своей юго-восточной стороной в северо-западную часть погребения № 6 (рис. 1, 2).

Погребение № 6 расположено в северо-восточном углу, возле входа в гур-хану, юго-восточнее погребения № 5 (рис. 2). На глубине 2,5 м обнаружен разрушенный и разграбленный склеп. «Кости ... были частью выброшены из склепа, а частью находились в земле, наполнявшей неразрушенную часть склепа, за исключением голенных костей и костей ступней, находившихся нетронутыми около юго-западной стены склепа. Судя по их положению, костяк лежал головой на северо-восток, на спине с прямыми ногами» [Фонд Кроткова. Д. 139. Л. 15–15 об.]. Внешнее устройство склепа схоже с погребениями №№ 3–4: длина 2,10 м, ширина в изголовье 80 см, в ногах 44 см, наибольшая высота остатков склепа 67 см⁹. Никаких других предметов, кроме «сходящихся вершинами равнобедренных треугольников из материи, вышитой мишурой», которые А.А. Кротков считает фрагментами костюма, обнаружено не было [Кротков, 1915. С. 125].

Погребение № 7 расположено практически против северо-западного входа с небольшим отклонением к северо-восточной стене (рис. 2). Склеп находился на глубине около 0,20 м от поверхности. Свод имел в основании с каждой стороны по три кирпича, а сверху венчался двумя кирпичами, положенными плашмя. Размеры склепа снаружи: длина 3,02 м, ширина в изголовье 1,34 м, в ногах 1,02 м.

⁸ В черновике А.А. Кроткова: «серебряных блях». [Фонд Кроткова. Д. 139. Л. 14 об.] Вероятно, их было обнаружено четыре, т.к. в ордере на списание указаны 4 утраченные «серебряные поясные полушарные бляшки».

⁹ Данные П.Н. Шишкина [ГАСО. Д. 975. Л. 30]. Сведения из черновика А.А. Кроткова: 2,27x0,71x0,71 м [Фонд Кроткова. Д. 139. Л. 15].

Внутри склепа, в грунте, обнаружены кости грызуна. На глубине 0,27 м от поверхности усыпальницы, «в восточном углу и посередине были замечены зольные пятна и здесь же найден обломок сильно истлевшего деревянного полого цилиндра со вставленной в него частью серебряной тонкой трубочки, на которой сохранились рельефные арабские буквы, идущие вокруг. Вблизи лежал какой-то сплошной деревянный цилиндрик. Несколько ниже найдена костяная поделка неизвестного назначения, черепок глиняной посуды, железные гвозди» [Кротков, 1915. С. 126].

«На дне склепа, выложенном кирпичом, без видимых остатков гроба, находился костяк в полусидящем положении с вытянутыми ногами, лицом на юго-запад. Череп откатился несколько в сторону. Руки были вытянуты вдоль туловища. Возле головы покойника были найдены 2 золотых серьги с петлями из проволоки внизу, на которых, по-видимому, раньше были надеты жемчужины, распавшиеся еще до вскрытия погребения» [Кротков, 1915. С. 126]. В черновике А.А. Кроткова имеется указание, что «возле СВ и ЮЗ стен склепа на дне из кирпичей сделаны возвышения в виде одной ступени» [Фонд Кроткова. Д. 139. Л. 8 об].

Таким образом, монетный материал позволяет предположить, что мавзолей был построен в конце XIII – начале XIV вв. и еще действовал в 1360-х гг., хотя не исключаем расширения указанных рамок. Здание построено в т.н. среднеордынский период (конец XIII – первые две трети XIV вв.), для которого характерна «стабилизация экономики и становление культуры степных городов, где еще при Берке оседает значительная часть монгольской элиты» [Крамаровский, 2000. С. 145]. Это было время расцвета Укека. Тогда ислам еще не являлся официальной религией правящих слоев золотоордынского государства. Л.Т. Яблонский, исходя из ориентировки погребенных в мавзолее № 1, предположил, что захороненные в нем «могут быть связаны с представителями монгольской аристократии» [Яблонский, 1975. С. 79]. Одним из подтверждений данного тезиса можно считать погребения в сидячем и полусидячем положении, внутри вышеназванного мавзолея, которые принято связывать с монголами или выходцами из Средней Азии [Терасимова, Рудь, Яблонский, 1987. С. 154].

Возведение увекского мавзолея по строительным приемам Средней Азии (использование «кыра», отсутствие глубокого фундамента, присутствие дерева в кирпичной кладке, наличие пештака-портала) создает видимость исламской постройки. Однако богатые вещами захоронения и северо-восточная ориентировка говорят об обратном: перед нами образец языческого захоронения, в котором проявились элементы старой кочевой имперской культуры и новой, нарождающейся культуры городов Золотой Орды. Внутри здания был обнаружен онгон – еще одно подтверждение языческого характера постройки. Принято считать, что в Поволжье онгоны были принесены монголами и превратились здесь в пережитки шаманизма [Федоров-Давыдов, 1965. С. 275–276].

Вероятно, перед нами фамильная усыпальница, в которой самые ранние захоронения расположены в гур-хане. Эти два погребения находятся в отдельной комнате и содержат многочисленный, довольно богатый сопровождающий материал. Сам мавзолей имел достаточно большие размеры для зо-

лотоордынского города и, находясь на возвышенном участке, был хорошо заметен с дальнего расстояния.

«Холм Уейского» (рис. 1, б). В 1913 г. инженер Уейский, «воодушевленный» результатами раскопок СУАК, на одном из соседних от мавзолея № 1 холмов незаконно вскрыл богатое захоронение в склепе (погребение № 1). В погребении им были найдены: фрагмент шелкового одеяния, серебряная чаша (рис. 4, 5), человеческий череп с нижней челюстью [ГАСО. Д. 244. Л. 26–27, 30 об.–32 об., 59–59 об.; Д. 245. Л. 224–225, 242]. Чаша некоторое время находилась в музее СУАК. Сохранилось изображение этого поясного серебряного ковша с ручкой в виде протомы дракона, глаза которого инкрустированы аметистами [Фотоархив ИИМК. Q 443–16; Спицын, 1914. С. 104, 106, рис. 40; Кротков, 1915. С. 126–127]. Диаметр сосуда 14 см. На бортах в технике резерва нанесены чередующиеся изображения лотосовидных цветков и круглых розеток. На дне – шестилучевая розетка. Узор позолочен, поле вокруг него заполнено мелким округлым пуансоном. Близкие по технике исполнения и орнаменту чаши обнаружены в кладе у с. Губдор Чердынского у. Пермской губ. [Смирнов, 1909. Табл. СХХVII. № 315; Крамаровский, 2000. С. 223. 347], в Сайгатинском 1-м святилище [Восточный..., 1991. С. 27. № 20], в погребении кургана 9 курганного могильника «Олень-Колодезь» [Ефимов, 2000. С. 178. Рис. 8.11; Крамаровский, 2000. С. 223. № 48], на Северном Кавказе [Смирнов, 1909. Табл. CI. № 248]. Изображение головы дракона на ручке сильно искажено и приобрело черты птицы. М.Г. Крамаровский относит эту поясную чашу к «среднеордынскому периоду» и датирует концом XIII – началом XIV в. [Крамаровский, 2000. С. 86, 88].

В 1919 г. на том же холме Б.В. Зайковским было вскрыто погребение № 2. Над ним находилась кирпичная вымостка в виде прямоугольника, длинной стороной расположенная по оси северо-восток – юго-запад. Надмогильное сооружение состояло из трех рядов кирпича (по семь кирпичей в каждом ряду). На 40 см ниже вымостки обнаружен кирпичный склеп размерами 154x54 см. В основании его свода – два кирпича и один замковый над ними. В погребении обнаружен «детский костяк, лежавший головой на северо-восток, лишь нижняя челюсть лежала не на месте, а около левого плеча. В склепе были найдены кости грызунов. Руки были сложены над тазовой костью; около колена левой ноги прослежены следы бересты» [Баллод, 1919. С. 14–15; Баллод, 1923. С. 77].

Таким образом, датировка ковша из погребения, разграбленного Уейским, и северо-восточная ориентировка погребения, вскрытого Б.В. Зайковским в 1919 г., сближает их с захоронениями мавзолея, расположенного чуть более чем в 200 м к западу-юго-западу от «холма Уейского» и раскопанного в 1913 г.

Погребения на холме возле саманного здания (рис. 1.в). На той же гряде, к северо-востоку от мавзолея, располагалась жилая саманная постройка, частично раскопанная Ф.В. Баллодом в 1919 г. К востоку и западу от строения были зафиксированы площадки, оставшиеся неизученными. Западная, меньшая, как удалось выяснить, служила местом для двух погребений. Погребение № 2 расположено у восточной стены, западнее погребения № 1.

Погребение № 1 выявлено на глубине 0,42 м от поверхности. Кирпичное надгробие прямоугольной формы (9x5 кирпичей) было вытянуто по линии

север-юг. Вымостка имела два ряда кирпичей, нижний из которых покоился на саманной подушке. На глубине 0,90 м от поверхности обнаружен свод кирпичного склепа (2,49 м – длина; 0,8 м ширина). Пол усыпальницы был земляным, стены высотой в 9 кирпичей, а 10-й лежал в основании с напуском внутрь [Баллод, 1923. С. 109. Рис. 36]. Свод состоял из 7 кирпичей с каждой стороны и восьмого замкового. В заполнении могилы встречались отдельные уголки.

Внутри стоял дубовый гроб размерами 1,7х0,5 м. Плоская крышка сколочена железными гвоздями с шляпкой. Авторы раскопок не исключают проникновение в погребение грабителей. Ф.В. Баллод восстанавливает положение погребенного следующим образом: головой на север, вытянуто на спине, руки сложены на груди. В районе таза обнаружена поясная гарнитура в виде медного кольца и пряжки с остатками матерчатого пояса [Недашковский, 2000. С. 30–31, рис. 5, 1,6]. В ногах – следы кожаных сапог: оторочка голенища, части подстилки и тонкой подошвы [СОМК. Инв. №: НВСП 17337/8]. Ф.В. Баллод считал погребение мужским, вероятно, исходя из находки фрагментов пояса [Баллод, 1923. С. 76].

Погребение № 2 разрушено в процессе неграмотной расчистки [Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1/1921. Д. 103. Л. 135; Баллод, 1919. С. 13]. Конструкция склепа аналогична предыдущему. Внутри найден «кусок дубового гроба с ... железным гвоздем (до 7 см длины)» [Баллод, 1923. С. 77].

В северо-западном углу могилы обнаружены «кусочки бересты и полуразрушенной бокки» [Баллод, 1923. С. 77]. Ее украшали следующие предметы: золотая нашивная бляха в форме лотоса, выполненная в технике скани (рис. 4, 10), которая имеет некоторое сходство с верхней частью нашивной бляхи в виде цветка лотоса из Симферопольского клада [Мальм, 1977. С. 128. Рис. 1, 2; Крамаровский, 2000. С. 314. № 479]. Деталью бокки являлась золотая бусина-подвеска, аналогичная подвеске из погребения № 1 мавзолея № 1 (рис. 3, 10).

Из украшений зафиксированы: золотая в виде знака вопроса серьга с жемчужиной, сердоликовая шестигранная плоская бусина и три голубые, продолговатые и шестигранные бусины. «Золотой амулет ...», который украшен рамкой и орнаментом выше рамки в виде треугольника-сердца с завитками, каковые встречаются на монетах Токтогу-хана, чеканенных в Сарае в 1310 году» [Баллод, 1919. С. 29; Янина, 1970. С. 189. № 2]. Этот медальон (рис. 4, 9), судя по рисунку из отчета, имеет два сквозных отверстия и содержит надпись на арабском языке, которую В.В. Бартольд прочел по рисунку в отчете, как тюркское слово «кутлуг» – счастливый [Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1/1921. Д. 103. Л. 127].

В СОМК хранятся стеклянные бусы из погребения № 2 [СОМК: Инв. №№ СМК 52035, НВСП 29766]. Из них 15 – круглые шаровидные из черного непрозрачного стекла с орнаментом из трех пятен белого, желтого или красного цветов, диаметром 1–1,6 см, 5 – круглые шаровидные из черного непрозрачного стекла с глазками-ресничками белого и красного цветов, диаметром 1,1 см, 1 – прямоугольной формы со срезанными углами из черного непрозрачного стекла, размером 1,7х1,3 см.

Здесь же обнаружен медный щитковый перстень с боковыми выступами (рис. 4, 6). Л.Ф. Недашковский отмечает наличие подобного экземпляра с Увекского городища в фондах Эрмитажа и указывает на формочку для изго-

товления аналогичных предметов, также найденную на Увеке. Автор приводит аналогии из Хорезма и северо-западного Ирана XII–XIII вв., Шехр-Ислама и Болдыревского могильника XIV в., Селитренного городища 30–80-х гг. XIV в., Турции конца XIV–середины XV вв. [Недашковский, 2000. С. 41, 43, рис. 12; Недашковский, 2001. С. 354–355, 364. Рис. 5.4].

В погребении, вероятно, находилась кожаная сумка, к которой относится бронзовая накладка (рис. 4, 7) с двумя трехлепестковыми отверстиями и креплением в нижней части для язычка замка. Л.Ф. Недашковский относит данную находку к предметам поясной гарнитуры и находит аналогии в Юльяльском могильнике XIV–начала XV вв. [Недашковский, 2000. С. 32, 34. Рис. 6, 13]. Найдена также бронзовая восьмилепестковая бляшка (рис. 4, 8). По мнению Л.Ф. Недашковского, это деталь поясного набора, которая имеет схожие черты в погребении монгольского воина начала XIV в. в Средней Азии [Недашковский, 2000. С. 32, 33, рис. 6, 6].

Умершую сопровождали деревянная посуда, железные ножницы. Обнаружен небольшой фрагмент бронзового зеркала (рис. 4, 2) [СОМК. Инв. №: НВСП 17337/6] и центральная часть шелкового чехла для него (рис. 4, 1) [СОМК. Инв. № АО 331/1]. Чехол диаметром 9 см выполнен шитьем «в прикреп» и гладью золотыми нитями по шелковой основе. В центре – профильное изображение зайца, стоящего на задних лапах. Вокруг него – растительный побег. Подобный сюжет происходит из китайской мифологии и находит распространение в средневековых монгольских государствах. Согласно мифу, белый Заяц «живет на Луне и толчет в ступе гриб «линчжи» для приготовления снадобья бессмертия» [Доде, 2000. С. 135–136]. Установлено присутствие в нитях ткани красителей индиго и кармина [Спуль, 1997в], т. е. на ярко-красном фоне – зеленые побеги и золотое изображение зайца. Техника изготовления предмета позволила сделать реставраторам предположение о его византийском происхождении и датировать находку концом XIII – началом XIV в. [Спуль, 4]. Помимо прочего, в погребении обнаружены предметы, которые атрибутированы Ф.В. Баллодом как «часть золотой обивки ремешка...», кусочки тонкой бронзовой цепочки» [Баллод, 1923. С. 76–77].

Исходя из положения тазовых костей, Ф.В. Баллод пишет о северной ориентировке погребенной. Захоронения у саманного здания датируются началом XIV в. Погребение № 2 имеет схожие черты в погребальном обряде и инвентаре с погребением № 1 мавзолея № 1.

В целом, следует отметить хронологическую, культурную и территориальную близость захоронений мавзолея № 1, погребений на той же гряде около саманного здания и на близлежащем «холме Уейского». Перед нами элитарные погребальные комплексы периода расцвета Уека конца XIII – начала XIV вв., расположенные в юго-западной части городища. Это, как правило, могилы в кирпичных склепах, с многочисленным богатым инвентарем и северо-восточной или северной ориентировкой, характерной для народов Сибири в монгольское время [Яблонский Л.Т., 1975. С. 79].

Захоронения в указанном месте встречаются часто. Местные жители сообщили нам, что на той же гряде в районе мавзолея № 1 при земляных работах неоднократно попадались человеческие кости. На одном из огородов зафиксированы многочисленные обломки золотоордынских кирпичей, где

краеведом А.В. Фадеевым¹⁰ найден анонимный пул с изображением льва и солнца, чекан Сарая (подобный тип принято датировать 737 г. х. – 1336/1337 г.), что совпадает со временем существования мавзолея № 1. На южной окраине этой гряды, вероятно, располагался карьер, где в 1909 г. зафиксирован культурный слой со следами построек и погребений. Один костяк лежал на левом боку, головой на северо-запад, лицом на север, с согнутыми в коленях ногами. Два других – на правом боку с подогнутыми ногами, головой на запад, лицом на юг. У одного из них возле черепа обнаружены две серебряные серьги с жемчужинами, в районе груди – «много стеклянных, мастиковых и бирюзовых бусин»; у другого – на ногах кожаные сапоги и, предположительно, следы поясной гарнитуры в виде полумесяца [ГАСО. Д. 184. Л. 28–28 об, Д. 975. Л. 29–29 об.; Книга № 1045, 1151–1154; Археологическая хроника, 1909. С. 95–96]. На схематичном плане Увекского городища А.А. Кроткова на данном участке обозначены золотоордынские погребения и «погребение с ковром» [Малов, 2003. С. 40, рис. 1]. Из данной местности происходит также находка оторочки ткани (савана?) в виде узкой полоски, сотканной из золоченых нитей [СОМК. Инв. № 35039]. Погребения у карьера демонстрируют мусульманскую обрядность, но при этом иногда присутствуют языческие пережитки (иная ориентировка, наличие погребального инвентаря), довольно часто встречаемые на исламских могильниках Селитренного городища [Яблонский, 1987. С. 129].

Западный некрополь (рис. 1.3) представляет собой относительно ровный участок, ограниченный с северо-запада склоном горы Каланчи, с юго-востока грядой и Мамайским шиханом. В данной части городища местные крестьяне часто находили захоронения и каменные надгробные плиты с геометрическим орнаментом размерами 2,1x1,3 м [Саблуков, 1884. С. 307–308; Краснодубровский, 1890]. Здесь же находили известняковые плиты 0,7x0,4x0,3 м [Гусев, 1891; Голицын, Краснодубровский, 1893. С. 98], подобные тем, что встречаются на могильнике Бабий бугор в Болгаре [Ефимова А.М., 1960. С. 188; Ефимова, 1974. С. 26]. В 2005 г. за дворами 8-го Увекского проезда, на вершине гряды, нами были обнаружены следы разрушенного погребения в виде фрагмента черепной крышки и позвонков человека, а также отдельные золотоордынские кирпичи. В результате хозяйственной деятельности на 8-м Увекском проезде обнаружены захоронения в вытянутом положении, ориентированные головой на запад с незначительными отклонениями. Могилы прослежены в юго-восточном направлении, параллельно склону Каланчи и ближайшей гряды на протяжении около 600 м. Эти погребения мы пока условно относим к западному мусульманскому некрополю золотоордынского времени.

На северо-восточной стороне этого кладбища, на Мамайском шихане, в его западном обрыве, нами зафиксированы могильные пятна. В начале XX в. рядом был раскопан мавзолей № 2 (рис. 1, г; 4, 11). В 1919 г. Ф.В. Баллод фрагментарно выявил следы двух стен саманной постройки [Баллод, 1919. С. 18–19; Баллод, 1923. С. 81–82]. Раскопки продолжил в 1923 г. П.Н. Шишкин. Был обнаружен мавзолей, имевший очертания прямоугольника, приближенного

¹⁰ Выражаю глубокую признательность краеведу А.В. Фадееву за предоставленную информацию о найденных им на Увекском городище монетах.

к квадрату, со сторонами 5,9x5,3 м¹¹, общей площадью по внешней стороне стен 31,1 кв. м [ГАСО. Д. 980. Л. 4–5]. Углами ориентирован по сторонам света и, вероятно, был однокомнатным. Входа не обнаружено.

Изначально на месте работ строители мавзолея проводили нивелировку площадки особым раствором толщиной около 7 см. Он обнаружен Ф.В. Баллодом на глубине 60 см от поверхности почвы [Баллод, 1923. С. 81]. Стены оконтурены с двух сторон сырцовым кирпичом, а их внутреннее пространство в нижнем слое засыпано песком с примесью глины, выше – исключительно землей. Не совсем понятны обнаруженные на раскопе битый кирпич и известь [Баллод, 1923. С. 81; ГАСО. Д. 980. Л. 9]. П.Н. Шишкин предположил, что жженым кирпичом позднее могли быть обложены саманные стены [ГАСО. Д. 980. Л. 9] или пол. Средний размер сырцового кирпича из кладки составлял 36–47x20–25x9–13 см [Баллод, 1923. С. 81]. Толщина северо-западной стены – 1,2 м, юго-западной – 0,98 м [ГАСО. Д. 980. Л. 4–5]¹². Именно эти две стены сохранились лучше и позволили авторам раскопок дать описание здания.

П.Н. Шишкин обнаружил в мавзолее следы двух погребений. Однако в архиве А.А. Кроткова хранится набросок плана, на котором имеется третье погребение. Оно обнаружено на глубине около 0,7 м и расположено практически в центре мавзолея с небольшим отклонением к северо-западной стене [Фонд Кроткова. Д. 152. Л. 21].

Погребение 1. Еще раскопками Ф.В. Баллода в 1919 г. в северном углу во внутреннем заполнении стены были зафиксированы 2 сырцовых кирпича, а также следы деревянной конструкции – «дубовые полубрус и доска, поставленная на ребро. Было обнаружено ... несколько крупных гвоздей» [Баллод, 1923. С. 82]. Возможно, это остатки погребальной конструкции над погребением № 1 или дополнительное укрепление междустенного пространства в углах постройки [Федоров-Давыдов, 1994. С. 72]. Внутреннее пространство северо-западной стены у северного угла было свободно от самана. Здесь стоял сбитый железными гвоздями дубовый гроб длиной 1,07 м, шириной 0,40 м в изголовье и 0,31 м – в ногах. Крышка гроба плоская. Его стенки в изголовье и в ногах не обнаружены [ГАСО. Д. 980. Л. 5–6].

В гробу лежал скелет ребенка в вытянутом положении, головой на северо-восток. На погребенном – короткий парчовый халат «красно-карминного» цвета, доходивший до голени. Под одеждой прослеживалась шелковая подкладка или второй халат. На ногах кожаные сапожки, длина голенищ – 20 см. «Слева от покойника, вдоль ЮВ стены гроба, от пятки до плеча шла тонкая круглая деревянная палочка. Возле плеча лежали обломки железного кольца [СОМК. Инв. № НВСП 31378] и костяного корпуса, расположенного к палочке перпендикулярно и давлением земли втиснутого в стенки гроба.... Возле поясицы, несколько правее вышеуказанного предмета лежала деревянная ложка удлинненно-овальной формы. Ручка ее с обеих концов украшена неглубокими надрезами в виде ромбиков. Возле левого виска найдена золотая серьга ... в виде знака вопроса» [ГАСО. Д. 980. Л. 6, 8]. В КЗВМ СУАК, помимо

¹¹ У Ф.В. Баллода: 12,8x12,8 м. [Баллод Ф.В., 1919. С. 19; Баллод, 1923. С. 81.]

¹² Ф.В. Баллод определил толщину стен в 1,16 м при толщине внутреннего пространства в 0,71 см [Баллод, 1923. С. 81. Рис. 29].

указанных выше предметов, к погребению № 1 приписано железное шильце [СОМК. Инв. № НВСП 31379], за которое, на наш взгляд, ошибочно принят железный гвоздь [Книга № 3586].

Погребение 2. Внутри помещения, в западном углу, обнаружен разрушенный кирпичный склеп, ориентированный длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Общая его высота от дна до верхнего венчающего свод кирпича – 0,71 м, длина – 2,13 м, ширина – 0,60 м. Свод сложен из четырех кирпичей и пятого положенного над ними плашмя [ГАСО. Д. 980. Л. 8–9]. Относительно обнаруженных находок из погребения № 2 П.Н. Шишкин пишет следующее: «В склепе обнаружены лишь остатки дубового гроба.... Ни костей человека, ни вещей не осталось. Возле его юго-восточного угла, в окружающей земле найдена выброшенная грабителями нижняя часть головного женского убора (бокки)» [ГАСО. Д. 980. Л. 9].

В 0,45 м к востоку от северного угла здания сложена приступка из 4-х жженных квадратных кирпичей золотоордынского типа. Параллельно северо-западной стене на небольшом расстоянии от нее обнаружена «дорожка» в один жженный кирпич [Баллод, 1923. С. 81–82]. Не исключено, что это следы кирпичного забора. Последующих раскопок в этом месте не проводилось, и на сегодняшний день территория застроена жилыми и хозяйственными постройками. В районе мавзолея, возле бывшей пожарной части, краеведом А.В. Фадеевым обнаружено два одинаковых пула с изображением шестиконечной звезды с пятью точками внутри, чекана Мохши 758 г. х. (1356/1357 гг.).

Отметим некоторые схожие черты мавзолеев №№ 1, 2. Оба здания находятся на возвышенных участках, ориентированы углами по сторонам света, погребенные лежат головой на северо-восток, что подтверждает их общую культурную принадлежность.

К югу от Мамайского шихана расположена территория бывших складов Нобеля (рис. 1, 4), где неоднократно встречались захоронения в вытянутом положении, как в склепах, так и без них, ориентированные головой на юг и северо-запад [ГАСО. Д. 975. Л. 30–30 об]. Из вещей иногда сохранялись кожаные сапоги или парчовая одежда [Книга № 775]. На этом участке обнаружена каменная могильная плита [ГАСО. Д. 138. Л. 35]. Известно о двух каменных надгробных плитах с арабскими надписями размерами 1,0x0,6x0,2 м, обнаруженных на крестьянской земле Увека, еще одна якобы хранилась в Британском музее [ГАСО. Д. 193. Л. 40]. В конце XVI в. английский купец Х. Бэрроу видел на Увекском городище каменные надгробные плиты. «На одной из могил, – пишет он, – можно еще рассмотреть изображение коня с сидящим на нем всадником, с луком в руке и со стрелами, привязанными к его боку. Был также там на одном камне обломок герба с высеченными на нем письменами; часть их истреблена непогодой, а часть остается в полуразрушенном виде. Однако очертания букв еще сохранились, и мы сочли их армянскими. Мы нашли высеченные письмены и на другой еще могиле» [Английские путешественники ..., 1937. С. 265]. Вероятно, к этому участку возле «складов Нобеля» относятся открытые рабочими в конце XIX в. погребения на «435 версте», кирпичные склепы которых были высотой около 1 м. В одном из них найден шелковый кафтан [Духовников, 1893]. Обращает на себя внимание нестандартная для ислама южная ориентировка некоторых погребений, несмотря

на наличие могильных плит с арабским текстом. Перед нами, вероятно, ранний мусульманский могильник с неустоявшимся погребальным обрядом. На указанном участке, по сведениям краеведа А.В. Фадеева, найдены анонимный пул без года, чекан Сарай ал-Джедид со стилизованным изображением двуглавого орла и дирхем Токты, чекан Сарай ал-Махруса 710 г. х. (1310/1311 гг.). Наличие кирпичных склепов и надгробий на указанных территориях возле Мамайского шихана и бывших «складов Нобеля» свидетельствует о высоком социальном положении умерших [Яблонский, 1975. С. 79].

Северный некрополь (рис. 1, 5). Территория в районе бывшего сада Шабловских на северной окраине городища известна как «кладбище беднейших обитателей Укека». В конце XIX в. еще были заметны небольшие земляные бугорки, предположительно, могильные холмики [Голицын, Краснодубровский, 1893. С. 94–95; Минх, 1881. С. 212]. Имеется описание одного из погребений в грунте с северной ориентировкой [Голицын, Краснодубровский, 1893. С. 94–95]. В 2005 г. на разрушаемом карьере участке нами вскрыто три погребения, совершенные по мусульманскому обряду. Одно из захоронений было перекрыто деревянными досками, лежавшими на земляных заплечиках. Костяк положен с завалом на правый бок и прислонен левым боком к северной стенке, руки согнуты в локтях, головой на запад, на правой щеке, лицом на юг.

Помимо указанных некрополей, единичные погребения фиксировались практически вдоль всего берега Волги в районе городища [Минх, 1881. С. 215; Духовников, 1893; Баллод, 1923. С. 73; Фонд Кроткова. Д. 135. Л. 2–3 об; Книга ... № 1045; ГАСО. Д. 184. Л. 28–28 об, Д. 975. Л. 29–29 об].

Таким образом, на площади Увекского городища можно выделить – пока условно – не менее пяти скоплений погребальных памятников, объединенных по территориальному признаку и близости обряда захоронения. Они «охватывают» территорию городища с трех сторон. Л.Т. Яблонский отметил близость погребального обряда на исламских могильниках Укека, Маджара, Селитренного городища и противопоставил его некрополям Болгара [Яблонский, 1975. С. 83].

Особо следует отметить юго-западный некрополь с чертами центрально-азиатской культуры в ориентировке костяка умершего и в предметах, сопровождающих его в иной мир. Это кладбище действовало в начале XIV в. или еще в конце XIII в. Однако мавзолеем с языческими захоронениями существовал еще в 1360-е гг., когда ислам уже занял место официальной религии правящих верхов. Какую функцию выполнял он в этот период – не известно. Захоронения мавзолея № 2 также с северо-восточной ориентировкой и содержат погребальный инвентарь, несмотря на то что рядом располагалось мусульманское кладбище. Три остальных, отмеченных нами некрополя содержат захоронения, совершенные по исламскому обряду. Кладбища в районе бывших складов Нобеля и на западной окраине городища имеют захоронения в кирпичных склепах и с каменными могильными плитами, что характеризует их как кладбища зажиточных мусульман Укека. Северный некрополь, напротив, обозначен погребениями небогатого исламского населения. Здесь фиксируются простые земляные могилы с деревянными перекрытиями или без них, с небольшими могильными холмиками.

Литература:

- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке.* Л., 1937.
- Алихова А.Е.* Мавзолей города Мохши-Наровчата // СА. 1973. № 2.
- Археологическая хроника.* Саратовская губерния. Археологические раскопки // ИАК. 1909. Прибавление к вып. 32.
- Баллод Ф.В.* Отчет о раскопках на Увеке летом 1919 года. Саратов, 1919.
- Баллод Ф.В.* Приволжские «Помпеи». М.; Пг., 1923.
- Бачинский Н.М.* Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.; Л., 1949.
- Бернштам А.Н.* К происхождению мавзолея Бабджи Хатун // КСИИМК. 1956. Вып. 61.
- Бретаницкий Л.С.* Зодчество Азербайджана XII-XIV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966.
- Буряков Ю.Ф., Крамаровский М.Г.* Поясной набор XIII в. из Самарканда // СА. 1974. 2
- Васильев Д.В.* Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // ДВДС. Волгоград, 1998. Вып. 6.
- Власов В., Савицкий Н.* Золотоордынский мавзолей у поселка Красный Воронежской области // Материалы XXVI Урало-Поволжской археологической студенческой конференции: Сб. статей. Пенза, 2004.
- Восточный художественный металл из Среднего Приобья.* Новые находки: Каталог выставки. Л., 1991.
- Воронина В.Л.* Об узбекских банях // СЭ. 1951. № 1.
- ГАСО.* Ф. 407. Оп. 2. Д. №№ 138, 184, 193, 244, 245, 975, 980.
- Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
- Голицын Л.Л., Краснодубровский С.С.* Укек // Труды СУАК. 1893. Т. III, вып. 2.
- Гусев С.* Город мертвых (С раскопки древнего Увека) // Русская жизнь. 1891. № 224 от 19.08
- Дебец Г.Ф.* Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии // Антропологический журнал. 1932. № 1.
- Джахангиров В.А., Засыпкин Б.Н.* Исследование мавзолея, приписываемого астроному Казы-заде Руми // Архитектура республик Средней Азии: Сб. статей. М., 1951.
- Доде З.В.* Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог // Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребение знати золотоордынского времени в междуречье Сала и Дона. М., 2006.
- Духовников Ф.* Древности на Набережном Увеке // Саратовский листок. 1893. № 200.
- Егоров В.Л.* Мавзолеи Водянского городища // СА. 1980. № 1.
- Елкина А.К.* Паспорт реставрации: ткань шелковая, 1985 // СОМК. Отдел фондов.
- Ефимова А.М.* Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // МИА. 1960. № 80.

- Ефимова А.М.* Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- Железчиков Б.Ф., Кутуков Д.В.* Раскопки у села Маляевка // ДВДС. Волгоград, 1998. Вып. 6.
- Книга... – СОМК: КЗВМ СУАК.*
- Кравец В.В.* Поясные наборы золотоордынских кочевников Среднего Подонья // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004.
- Краснодубровский С.С.* Научная экскурсия на Саратовское городище и Увек // Саратовский дневник. 1890. № 91.
- Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: Джучидская сокровищница // Сокровища Золотой Орды: Каталог выставки. СПб., 2000.
- Кротков А.А.* Раскопки на Увек в 1913 г. // Труды СУАК. 1915. Вып. 32.
- Левашева В.П.* Золотоордынские памятники в Воронежской области // Археологический сборник ГИМ. М., 1960. Вып. 37.
- Малов Н.М.* Археологические объекты и историческая топография золотоордынского города Увек // Золотоордынскому городу Увеку семь с половиной столетий: Материалы научно-практической конференции. Саратов, 2003.
- Мальм В.А.* Золотые бляшки в виде цветка лотоса // Древности Волго-Камья. Казань, 1977.
- Маргулан А., Басенов Т., Мендикулов М.* Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959.
- Массон М.Е.* Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Ташкент, 1930.
- Массон М.Е., Пугаченкова Г.А.* «Гумбез Манаса». М., 1950.
- Мендикулов М.М.* Памятники архитектуры Казахстана с коническими или пирамидальными куполами // Архитектура республик Средней Азии: Сб. статей. М., 1951.
- Минх А.Н.* Набережный Увек // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 1.
- Мысков Е.П.* О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // РА. 1995. № 2.
- Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Увек и его округа. М., 2000.
- Недашковский Л.Ф.* Металлические изделия и литейные формы с Увекского городища // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всеросс. науч. конф. Ижевск, 2001.
- Недашковский Л., Ракушин А.* Средневековые металлические зеркала с Увекского городища // Татарская археология. 1998. № 1.
- Перевозчиков В.И., Масловский А.Н.* И в Азаке бани строились // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов, 2000. Вып. 16.
- Пономарев П.А.* На развалинах города Увека, близ Саратова (Из путевых заметок) // Древняя и Новая Россия. 1879. № 4.
- Пржиемский М.Ю.* Паспорт реставрации: халатик знатной монголки, 1987 // СОМК. Отдел фондов.
- Пырсов Ю.Е., Недашковский Л.Ф.* Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань, 2002.
- Ртвеладзе Э.В.* Мавзолей Маджара // СА. 1973. № 1.

- Саблуков Г.С.* Остатки древности в с. Усть-Набережном Увече // ИОАИЭ. 1884. Т. III.
- Смирнов Я.И.* Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи СПб., 1909.
- Спицын А.* Некоторые новые приобретения Саратовского музея // ИАК. 1914. Вып. 53.
- Спуль, 1995* – Спуль Н.Б. Паспорт реставрации: мешочек, 1995 // СОМК. Отдел фондов.
- Спуль, 1997a* – Спуль Н.Б. Паспорт реставрации: кисет, 1997 // СОМК. Отдел фондов.
- Спуль, 1997б* – Спуль Н.Б. Паспорт реставрации: чехол зеркала, 1997 // СОМК. Отдел фондов.
- Спуль, 1997в* – Спуль Н.Б. Паспорт реставрации: чехол зеркала, 1997 // СОМК. Отдел фондов.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Бронзовые фигурки человека из средневековых памятников Поволжья // Новое в советской археологии (МИА. № 130). М., 1965.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Фонд – А.А. Кроткова.* СОМК. Оп. 1. Д. №№ 135, 139, 152.
- Френ Х.М.* Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб., 1832.
- Чеботаренко Г.Ф., Бырня П.П.* Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 году // Известия молдавского филиала Академии наук СССР. 1960. № 4.
- Яблонский Л.Т.* Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вестник Моск. ун-та. 1975. № 2 (серия историческая).
- Яблонский Л.Т.* Некрополи Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.
- Янина С.А.* Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959–1962 гг. // Поволжье в средние века (МИА. № 164). М., 1970.

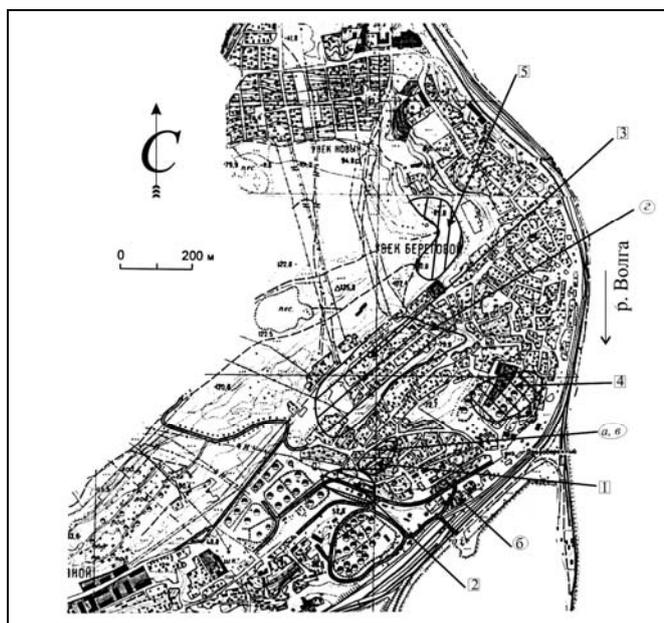

Рис. 1. Некрополи Увекского городища:

- 1 – юго-западный некрополь; 2 – некрополь на месте бывшего «карьера у ст. Нефтяной»;
 3 – западный некрополь; 4 – некрополь на месте бывших «нефтяных складов Нобеля»;
 5 – северный некрополь; а – мавзолей №1; б – погребения на «холме Уейского»,
 в – погребения у саманного здания; г – мавзолей №2.

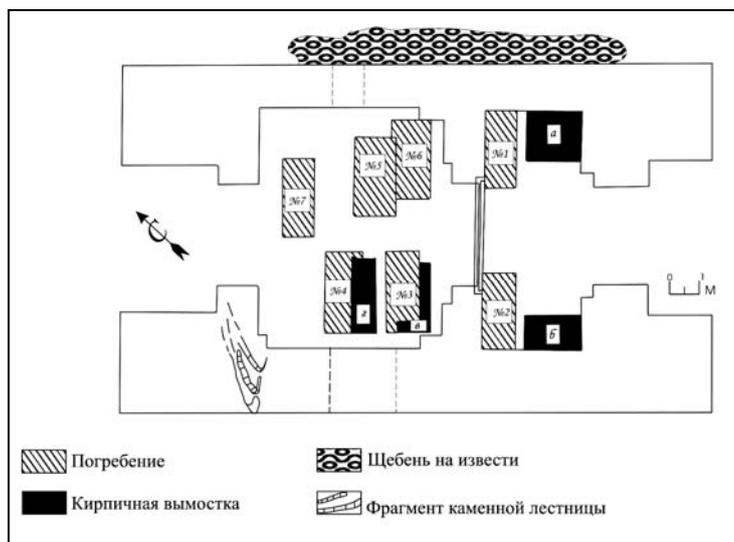

Рис. 2. План мавзолея №1 (по материалам статьи и плана А.А. Кроткова, 1915).

Рис. 3. Вещи из погребения №1 мавзолея №1:
 1 – фрагмент шелкового чехла для зеркала (СОМК. Инв. № АО 327/12); 2 – серебряная с позолотой чаша (по рисунку А.А. Кроткова: Фонд Кроткова. Д. 152. Л. 8-9);
 3 – деталь архитектурного убранства: майолика на кашине (СОМК: Инв. № НВ 43547);
 4 – кисет шелковый (СОМК: Инв. № СМК 71306); 5- фрагмент деревянной ложки (СОМК. Инв. № АО 327/16); 6 – костяной игольник (СОМК. Инв. № АО 327/13); 7 – фрагмент серебряной с позолотой бляшки (СОМК. Инв. №: СМК 58386-о); 8 – подвеска-капторга (?) (по рисунку А.А. Кроткова: Фонд Кроткова. Д. 125. Л. 1); 9 – бляшка (по рисунку А.А. Кроткова: Фонд Кроткова. Д. 125. Л. 2); 10 – золотая (?) бусина (по рисунку А.А. Кроткова: Фонд Кроткова. Д. 125. Л. 3); 11 – прорисовка узора на куске шелковой ткани с лицевой части черепа;
 12 – фото фрагмента узора шелковой ткани халатика; 13 – реконструкция узора на парчовой ткани шапочки-бокки.

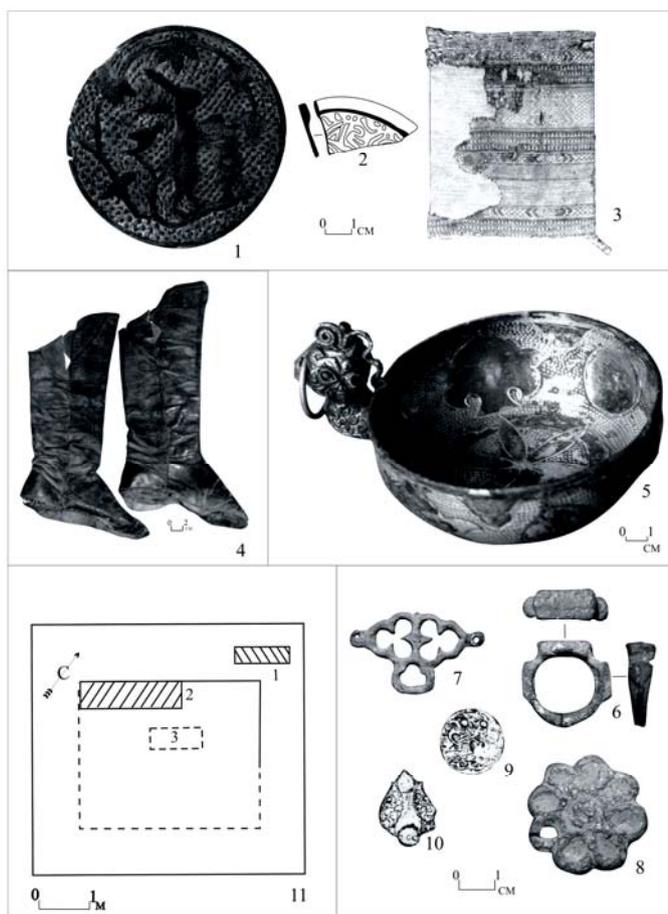

Рис. 4. Предметы из некрополей Уека:

1 – шелковый чехол зеркала. П. № 2 у саманного здания, раскопки Ф.В. Баллода, 1919 г. [СОМК. Инв. № АО 331/1]; 2 – фрагмент бронзового зеркала. П. № 2 у саманного здания, раскопки Ф.В. Баллода, 1919 г. [СОМК. Инв. №: НВСП 17337/6]; 3 – шелковый кошелёк. П. № 2, мавзолей № 1 [СОМК Инв. № АО № 327/13]; 4 – кожаные сапоги. П. № 2, мавзолей № 1 [СОМК. Инв. № СМК 57947/1-2]; 5 – поясной серебряный ковш. П. № 1 на «холме Уейского» [Фотоархив ИИМК. Q 443-16]; 6 – медный перстень. П. № 2 у саманного здания [СОМК: Инв. № СМК: 52026]; 7 – бронзовая накладка на сумку. П. № 2 у саманного здания [СОМК: Инв. № СМК: 52028]; 8 – бронзовая поясная накладка (?). П. № 2 у саманного здания [СОМК: Инв. № СМК: 52027]; 9 – золотая монетовидная подвеска. П. № 2 у саманного здания [по рисунку Ф.В. Баллода: Баллод, 1919. С. 40. Табл. № 3. Рис. 3]; 10 – фрагмент золотой бляхи. П. № 2 у саманного здания [по рисунку Ф.В. Баллода: Баллод, 1919. С. 40. Табл. № 3. рис. 4]; 11 – план мавзолея № 2 [по материалам рисунков П.Н. Шишкина, А.А. Кроткова]: 1 – погребение № 1, 2 – погребение № 2, 3 – погребение № 3 (есть только у А.А. Кроткова).

Ракушин А.И.

КОЧЕВЫЕ УЛУСЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ XIII–XV вв.)

Изучение политического и экономического строя кочевых каганатов невозможно без анализа проблемы формирования и развития их улусной системы. Не является исключением в этом смысле и улус Джучи, также известный как Золотая Орда. В основе возникновения кочевых феодальных держаний (улусов) средневековых монголов было понятие унаган-богол – «это зависимость одного рода от другого, причем зависимость такая, которая не исключает наличия аристократии в роде, составлявшем унаган-богол» [Федоров-Давыдов, 1966. С. 239]. После возникновения улуса Джучи все кочевые племена, обитавшие в Дешт-и-Кыпчак, попали в унаган-богол потомкам старшего сына Чингизхана. Это событие означало ломку традиционного родо-племенного деления населения южнорусских степей: половцев-куманов, кыпчаков, черных клобуков, печенегов и гузов, которые в скором времени трансформировались в новые военно-кочевые образования – тумены, тысячи, сотни. В рамках сформировавшейся военно-феодальной системы монгольские царевичи, нойоны и багатуры получили в подчинение завоеванные кочевые племена (ulus), проживающие на определенной территории (nutug).

Целью данной работы является попытка реконструкции кочевой улусной системы отдельно взятого региона Великой Степи. В золотоордынское время система подчинения унаган-богол пришла на смену традиционному родо-племенному делению, поэтому понятия «улус» – как административная единица кочевого государства и «эль» – как совокупность кланов различных племен, находящихся в феодальной зависимости, были очень близки. Позднее эти понятия еще более сближаются, поскольку пришлые и автохтонные тюрко-монгольские племена перемешиваются, их ареал расселения и маршруты кочевков подчиняются воле хана, что дает основания рассматривать процессы этногенеза тюрко-монгольских племен через призму административно-хозяйственного устройства кочевых золотоордынских улусов. В рамках Нижнего Поволжья попытки выделить этнокультурные особенности золотоордынских кочевников делались неоднократно. Позднекочевническая культура Поволжья и Заволжья золотоордынского периода, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, характеризовалась рядом черт, свойственных «мон-

голам и другим племенам, пришедшим с ними с востока» (подбойные захоронения, подсыпки мелом, погребения с заgrabной пищей и остатками огненного ритуала, наличие бокки и онгонов). Кроме того, в золотоордынское время отмечалось появление характерных огузо-печенежских погребений, которые исследователь связывал с насильственным переселением в Нижнее Поволжье племенного объединения «черных клобуков» [Федоров-Давыдов, 1966. С. 150–163]. Позднее на материалах золотоордынских курганов Н. Поволжья и Калмыцкой степи Е.В. Шнадштейн выделила локальный вариант позднекочевнической культуры, который характеризовался смешением разных этнических групп и образованием новых гибридных типов погребений, значительным увеличением погребений с северной ориентировкой, без коней, в ямах с подбоями, появлением курганов с сырцовыми вымостками [Шнадштейн, 1974. С. 160–161].

Новым шагом в изучении памятников золотоордынских кочевников стали исследования В.А. Иванова и В.А. Кригера. На материалах позднекочевнических курганов Нижнего Поволжья и Южного Урала были апробированы методы статистической обработки погребального обряда. В отличие от общепринятой типологии курганных насыпей (I–VII) и погребений на основе ориентировки, наличия костей коня и формы ямы (62 типа) по Федорову-Давыдову, была разработана матрица описания ПО на основе 482 признаков. Применение нового подхода дало неожиданные результаты – анализ нескольких сотен погребений XIII–XIV вв. в Заволжье и Приуралье позволил выявить два типа памятников, как в одном, так и в другом регионе. В Приуралье были выделены две обрядовые группы – Восточная и Западная, граница между которыми проходила по меридиональной линии у г. Актюбинска и верховью р. Сакмары, в Заволжье – Быковская (Северная) и Царевская (Южная). В качестве предварительных выводов В.А. Кригер указывал «на интересное совпадение сообщений нарративных источников о двух крупных племенных объединениях в кыпчакской конфедерации (кыпчаки, йемеки) и двух типах памятников, выявленных по археологическим источникам» [Кригер, 1986. С. 129]. Впоследствии В.А. Иванов отказался от интерпретации Восточной (каменные курганы) и Западной (земляные курганы) групп Приуральских памятников как различных племенных объединений кыпчаков. Работы последних лет показали, что границы ареала распространения каменных курганов уходят далеко на восток, поэтому вопрос об их этнокультурной принадлежности возможен только после анализа материалов юга Западной Сибири и Центрального Казахстана [Иванов, Кригер, 1988. С. 55–62].

Логическим продолжением совместной работы поволжских и уральских специалистов стала коллективная монография Г.Н. Гарустовича, А.И. Ракушина, А.Ф. Яминова «Средневековые кочевники Поволжья (конца IX–XV века)». На основе более широкого материала был пересмотрен ряд неоднозначных трактовок погребального обряда. За основу принята выборка более 400 погребений XIII–XIV вв., разбитых на четыре территориальные группы: Волго-Донскую, Быковскую, Царевскую и Южно-Приуральскую. Кроме того, было существенно уменьшено количество признаков ПО (78 признаков) за счет выделения представительных для имеющихся выборок [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С. 292–297]. Подсчет коэффициента типоло-

гического сходства перечисленных выше групп памятников показал следующие результаты:

- курганы правобережья Волги и Быковской группы - 0,59;
- Быковская группа и Приуральские курганы - 0,59;
- правобережье Волги и памятники Приуралья - 0,53;
- правобережье Волги и Царевская группа - 0,50;
- Царевские памятники и Приуральские - 0,48;
- памятники Быковской и Царевской групп - 0,45.

Интересно отметить, что при достаточно высоком коэффициенте типологического сходства, выявленного во всех группах памятников, наибольшие отличия были обнаружены в Быковской и Царевской группах. Однако основной причиной этого различия следует признать не этнографические особенности, а причины социально-экономического характера. «Именно в пределах расположения памятников Царевской группы находились столицы Золотой Орды - Сарай-Бату и Сарай-Берке, - которые являлись центрами распространения в Волго-Уральском регионе исламской религии..., влиянием исламских традиций определяется своеобразие массива памятников Царевской группы, а курганы правобережья Волги, Быковской группы и Южного Приуралья образуют своеобразную периферию, в которой «консервируются» языческие черты погребального обряда» [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С. 269]. Таким образом, анализ признаков ПО с использованием статистических методов показал, что не всегда полученные комбинации признаков являются отражением этнографических различий. Наиболее серьезные отличия были выявлены в мусульманском и языческом обрядах, а уже менее значительные отражали некоторые этнические особенности.

Краткий обзор археологических исследований материальной культуры золотоордынских кочевников Нижнего Поволжья выявил два основных подхода к интерпретации погребального обряда как этнического показателя. Первый - выделение определенных типов погребений, выявление ареала распространения и времени бытования, а также увязка их с известными письменными источниками. Второй - анализ признаков погребального обряда с использованием статистико-комбинаторных методов и определение их соотношений, свойственных различным группам выборки. Оба подхода давно используются в археологии и имеют свои преимущества и недостатки, поэтому при анализе позднекочевнических памятников следует учитывать некоторые факторы, существенно влияющие на общую картину.

Во-первых, необходимо разделение курганов на две обрядовые группы - «золотоордынские языческие» и «золотоордынские мусульманские». Подобный принцип уже предлагался В.А. Ивановым и В.А. Кригером, которые хронологически разделили кочевнические памятники Приуралья на золотоордынский языческий период (конец XIII - первая половина XIV вв.) и золотоордынский мусульманский (вторая половина XIV-XV вв.) [Иванов, Кригер, 1988. С. 39]. Последовательное хронологическое деление средневековых погребений кочевников, на наш взгляд, не всегда правомерно, поскольку на протяжении всего XIV в. в Золотой Орде одновременно бытовали как языческий, так и мусульманский обряды захоронения. Вместе с тем очевидно, что рассмотрение даже синхронных погребальных комплексов в одной выборке приведет к существенному искажению общей картины за счет принципиаль-

ных различий в погребальной обрядности тюрко-монгольского шаманства и шариата. Таким образом, более достоверной представляется частичная синхронизация датировки «золотоордынских языческих» и «золотоордынских мусульманских» курганов: соответственно – конец XIII–XIV вв. и XIV–XV вв.

Во-вторых, статистический анализ различных массивов кочевнических курганов, очевидно, должен основываться на определенных территориальных критериях, а не просто проходить по бассейнам крупных рек или приурочиваться к расположению крупных могильников. В качестве такого критерия можно предложить сообщения средневековых авторов и этнографические данные. Изначально степи Золотой Орды были разделены на 11–12 крупных улусов. На территории, традиционно связываемой с бассейном Волги, находились (по В.Л. Егорову): улус Сартаха (шестой), улус Берке (седьмой), улус Бату (восьмой) и улус, расположенный в правобережье Урала (девятый)[Егоров, 1985. С. 164]. Девятый и десятый улусы, расположенные на левом берегу Урала, на наш взгляд, следует отнести к восточной части Золотой Орды, то есть владениям хана Шибана.

В-третьих, немалое значение для интерпретации сведений археологических и письменных источников имеет анализ природных ландшафтов улуса Джучи. Наиболее эффективным способом занятия скотоводством в степях Нижнего Поволжья были меридиональные перекочевки улусов. Маршруты передвижения, проходящие по зимним, весенне-осенним и летним пастбищам, были далеко не случайны и определялись множеством факторов, среди которых главное место занимали: постоянное наличие в достатке воды и кормов в течении всего года, а в холодный период – размер снежного покрова, температурный режим и возможность укрытия стад от непогоды. Районы откочевки золотоордынских номадов по сути являлись экологическими нишами, контуры которых были обусловлены как необходимостью передвижения многочисленных стад скота с истощенных пастбищ на новые, так и резкой континентальностью климата Нижнего Поволжья.

Улус Сартаха (рис. 1). В домонгольское время кочевники Волго-Донского междуречья принадлежали восточному объединению половцев, возглавляемых династией Шаруканидов. После серии удачных походов русских князей 1103–1116 годов на вежи днепровских, донецких и нижнедонских половцев, часть из них откочевывает на восток, «за Дон, за Волгу, за Яик». В 1146 г. русские летописи отмечают появление в Волго-Донских степях кочевий родов «ельтукове», а в 1152 г. – «токсобичей» и «отперлюеве». В 1185 г. «токсобичи» среди других половецких племен участвуют в битве с полками князя Игоря Новгород-Северского. К началу XIII в. племенное объединение «токсоба», то есть девять родов, значительно усиливается и вступает в борьбу за господство в степи с западной ордой хана Котяна, известной как «дурут» или «тертробичи». В середине XIII в. кочевья повожских половцев отошли в удел царевичу Сартаку и стали частью правого крыла Золотой Орды.

По мнению В.Л. Егорова, наиболее вероятное месторасположение зимовки Сартака – золотоордынское городище близ пос. Енотаевка на правом берегу Волги, напротив Сарая ал Махруса (Селитренное городище)[Егоров, 1985. С. 117]. Пойма Волги и расположенная вблизи Сарпинская низменность были идеальным местом для зимовки скота. В районе зимней ставки Сартака Волга делится на массу рукавов и проток – «ериков» и «подстепков», обра-

зующих множество островов – «займищ», которые славятся богатыми сенокосными угодьями. Берега Волги и ее острова близ Енотаевки сохранили лесную растительность, главным образом из тальника и осокоря, поэтому вполне могли служить укрытием от сильных ветров, обычных здесь в зимний период.

К югу от Енотаевки характер природного ландшафта меняется, появляются значительные площади летучего песка, берег Волги значительно понижается и становится однообразнее. Очевидно, в наиболее суровые зимы или при недостатке пастбищ часть волго-донской орды переправлялась на левый берег Волги, поскольку зимовка в песчаных барханах южнее Енотаевки была бы крайне рискованна. Переправа скота могла происходить как по льду, так и вброд. В путешествии Ибн Батуты есть упоминания о зимней переправе по льду «на расстоянии 3 дней пути» выше Хаджитархана [Золотая Орда в источниках, 2003. С. 140]. В нижнем течении Волги в районе сел Сеитовки и Ходжетаевки – традиционных зимовок астраханских татар-карагашей, – известен так называемый «Ханский брод», издавна использовавшийся для переправы больших масс скота [Небольсин, 1851. С. 382–384].

Сарпинская низменность, очевидно, использовалась золотоордынскими кочевниками в качестве удобного пастбища не только зимой, но и ранней весной. Необходимость откочевки из поймы Волги диктовалась длительным затоплением луговых ландшафтов весной, в то время как многочисленные озера Сарпинской низменности могли быть укрытием для стад кочевников до наступления тепла. В начале мая картина менялась, степные ландшафты покрывались обильным разнотравьем, в то время как в полупустыне короткая весна заканчивалась, резко поднималась температура, иссякала влага в почве, трава высыхала, а заросли камыша, служившие укрытием от холода и ветра ранней весной, наполнялись тучами гнуса.

В конце весны огромные стада кочевников поднимались в район Переволоки и дальше, в среднее течение Дона. Интересные сведения относительно весенней откочевки татар сохранились в «Хождении Пименовом в Царьград». Отправившийся ранней весной с верховий Дона патриарх Пимен впервые встречает татар Сарыхозина улуса только 24–25 мая 1389 года в месте наибольшего сближения Волги и Дона: «...так оттуда нача нас страх обдержати яко видохом в землю Татарскую их же множество оба поля Дона реки, аки песок» [ПСРЛ, 1965. С. 96]. В следующие два дня путешествия Пимен был поражен еще более грандиозной картиной откочевки вверх по Дону еще двух золотоордынских улусов Бек-Булата и Ак-Бути: «...стада же Татарские видохоже толико множество, яко же ум превосходящее: овцы, козы, волы, верблюды, кони» [ПСРЛ, 1965. С. 96].

Осенью золотоордынские улусы возвращались на зимовку, очевидно, тем же маршрутом. Осенью-зимой 1481 года хан Тюменской Орды Ибак в союзе с ногайскими мурзами Мусой и Ямгурчи убили хана Большой Орды Ахмата в период движения его улусов на юг. Момент для нападения был выбран не случайно, поскольку 15 000 всадников переправились через Волгу и обрушились на ставку Ахмата только после того, как его улусы откочевали ниже среднего течения Дона и ушли на зимовку. После убийства хана очередь дошла и до его султанов: «... а Шибаны с Ногаи начаша Ахматову орду

грабити меж Доном и Волгой, на Донцу и на Малом близ Азова; и стоял Царь Ивак 5 дней на Ахматове Орде и поиде прочь» [Карамзин, 1842. С. 438].

В летний период улус Сартаха разделялся на множество частей и занимал огромную территорию по берегам притоков Дона – Вороны, Хопра, Бузулука, Медведицы, Аткары, Иловли – вплоть до границы с лесостепью. Передвижение кочевых улусов происходило, очевидно, по левому берегу Дона и его притоков в силу ассиметричного строения их долин (как правило, правые берега – высокие, крутые, местами обрывистые, левые – низкие, пологие, незаметно сливающиеся с водоразделами). Отдельные кочевые аилы улуса Сартаха поднимались еще севернее и останавливались на берегах небольших степных речек Терешки и Курдюма, впадающих в Волгу выше Саратова. Административным центром улуса летом, по всей вероятности, являлся город Укек, первые свидетельства о котором обычно связываются с путешествием Гильема Рубрика по Волге в 1253 году. Позднее небольшой поселок, основанный монголами для переправы послов через Волгу, стал крупным городом с собственным чеканом монеты. В начале XIV в. выпуск золотоордынской монеты в городе прекратился, что позволило предположить перенос центра улуса из Укека в другой город – Мохшу. Однако есть основание полагать, что это не оказало существенного влияния на маршруты кочевков nomadov, поскольку в тюркском дастане «Идегей», описывающем события конца XIV–XV вв., продолжает упоминаться местность «Сары-Тау – хребет реки», как традиционный маршрут кочевки татар [Идегей, 1990. С. 14].

Рациональное распределение пастбищных угодий, установление режима кочевий монгольской знатью в Волго-Донском междуречье требовало определенного опыта и времени. Однако с этой задачей новые хозяева степи быстро справились, об этом говорит тот факт, что одиночные захоронения кочевников среди курганов более ранних эпох вскоре сменили родовые кладбища золотоордынцев (10 и больше погребений), расположенные уже на устойчивых маршрутах кочевий. Обычно наиболее крупные скопления курганов возникали на летних, а чаще на зимних пастбищах, где постепенно вырастал могильник, возможно, узкой, близкородственной группы населения. Изучение таких могильников может представлять значительный интерес в плане выявления этнографических особенностей золотоордынских nomadov. В летний период население улуса Сартаха оставило несколько могильников в междуречье Волги и Дона: курганы у с. Свинуха на Хопре, Аткарский и Глазуновский на Медведице, Ютаевский на Иловле, Усть-Курдюмский на р. Курдюм. Данные могильники, видимо, следует признать родовыми кладбищами различных кланов улуса Сартаха. С наступлением холодов различные родовые подразделения улуса Сартаха откочевывали на юг и уже составляли более компактные группы в районе зимовок – на правом берегу в Сарпинской низменности и на левом в нижнем течении Ахтубы в районе Сарая ал Махруса. На правом берегу наибольшее скопление курганов отмечается в районе Старицы, Зубовки, Черного Яра и далее в степь, близ Кривой Луки и озер Сарпинской низменности. На левом берегу значительные золотоордынские могильники известны около Успенки и Бутырок (301 км).

Улус Берке (рис. 2). Интенсивное расселение половецких племен в прикаспийских и предкавказских степях в бассейне рек Сал, Маньч, Кума, очевидно, началось только в XII в. и было связано с откочевкой орды хана Отра-

ка, сына могущественного Шарукана, «в Обезы» – в предкавказские степи. Именно XII – началу XIII вв. принадлежит большая часть изваяний и курганов этого региона Половецкой Степи. В 1221 году половецкие племена предкавказской орды первыми столкнулись с монгольским корпусом Джебенойона. После окончательного подавления сопротивления половцев эти земли становятся улусом брата Бату-хана Берке и входят в правое крыло Золотой Орды.

В юго-восточной части прикаспийской степи находятся так называемые Черные земли (Хара газар), почти не покрывавшиеся зимой снегом, что позволяло калмыкам пользоваться ими в качестве зимних пастбищ [Эрдниев, 1980. С. 17–19]. Самая южная оконечность прикаспийской низменности – район Бэровских бугров – также нередко использовалась калмыками для зимовок. Встречающиеся между возвышенностями бугров широкие долины – «лиманы» – не только защищали от холодного ветра, но и имели более богатую растительность, так как вода сносилась с плоских увалов плодородный слой почвы в низины и увлажняла их. Заросшие камышом и чаканом протоки и рукава дельты Волги также находили свое применение, поскольку обеспечивали кочевников топливом и строительным материалом.

Интересно отметить, что сами золотоордынские кочевники зимние пастбища также называли «черные земли» или «черные пески». В тюркском дастане XV в. «Идегей» «черные пески» противопоставляются летним пастбищам – «адыр» [Идегей, 1990. С. 121,125]. В XVI в. ногаи Казыева улуса, кочевавшие между Азовом и Астраханью, зимовали в местности «Каракум» – «черные пески». Очевидно, подобное разделение было характерно для многих тюрко-монгольских кочевников. Например, казахи все пастбища делили на «каткыл» – твердый грунт (ковыльная и полынная степь, солончак, пригодные для осенне-летних пастбищ) и «кунгыр» – мягкий грунт (пески, кымышовые и луговые места, пригодные для зимовок) [Алекторов, 1900. С. 70–71]. Таким образом, наиболее удобным местом для зимовья улуса были пустынные и полупустынные районы прикаспийской низменности.

Административным центром улуса и местом зимовки самого Берке, очевидно, стоит считать окрестности золотоордынского города Маджар, поскольку Эннувери пишет: «Снова сразились в Дешт-и-Кыпчаке, и вскоре Беркая (опять) обратили в бегство. Эмир Илькай вслед за ним перешел через границу реки Терек и совершил бесчинства в зимовье Беркая». [Тизенгаузен, 1941. С. 92]. В XVI в. традиционной зимовкой Казыева улуса (Малая Ногайская Орда) оставался «Мажаров Юрт» на р. Кума.

Ранней весной паводковые воды ненадолго заливают огромные пространства в районах бассейнов рек Маньча и Кумы. После схода воды они на некоторое время густо зарастают луговыми травами, что позволяет скоту быстро нагулять вес после долгой зимовки и быть готовым к летним перекочевкам. Кумо-Маньчская впадина и частично реки Егорлык и Калаус по своим природно-климатическим особенностям очень удобны для скотоводства в осенне-весенний период за счет довольно большого количества лиманов и озер – Восточный Маньч, Яшалтинское, Царын, Цаган Хак и др. Кроме того, к системе Восточного Маньча принадлежат реки-балки: Шар-Шарадан, Мухур-Хора, Улан-Зауха, Минта, Мукта и др., которые полноводны большей частью только весной.

Летние пастбища калмыков находились северо-западнее, в районе Ергенинской возвышенности. Ергени (от калмыцкого «эрге» – крутизна, круча) начинаются в районе г. Волгограда и тянутся к югу до долины р. Маньч. Ергенинский ландшафт орографически является продолжением Приволжской возвышенности. Восточные склоны Ергеней круто спускаются к Сарпинской низменности. На западе они имеют пологие склоны, пересеченные долинами рек Донская Царица, Мышкова, Курмоярский Аксай и незаметно переходящие в Сальские степи. Ергени хорошо подходят для летних пастбищ, поскольку при богатом степном разнотравии располагают достаточным количеством находящейся близко к поверхности воды, благодаря многочисленным речкам и балкам. За сотни лет до калмыков монголы, впервые пришедшие на эти земли, не могли не отметить преимущества прикаспийской низменности для козового скотоводства: «Эта земля обильная пастбищами зимой и летом; есть в ней места прохладные летом со множеством пастбищ, и (есть в ней) места теплые зимой (также) со множеством пастбищ, то есть низменных мест на берегу моря» [Тизенгаузен, 1884. С. 26].

Картографирование исследованных могильников золотоордынского времени позволяет предположить аналогичный калмыцкому маршрут сезонных перекочевков: зима – «черные земли» и берег Каспия, весна-осень – Кумо-Маньчская впадина, лето – Ергени и Сальские степи. Грунтовые могильники Басы I, II, вероятно, были оставлены близ одной из зимовок кочевников улуса Берке в лиманах дельты Волги. Курганные могильники Восточный Маньч I, II, III, Три Брата I, II, III, Элиста, Лола I, II возникли в период весенней откочевки. Летние пастбища улуса, очевидно, находились в районе курганных групп Семенкин, Дорофеевский, Вербовый Лог, Жутово, Ясырев. К сожалению, объем исследованных золотоордынских памятников не позволяет более подробно отследить маршруты сезонных перекочевков номадов. Недостаток опубликованных позднекочевнических памятников с территории современных Дагестана и Чечни позволяет лишь предполагать, что зимние пастбища кочевников улуса Берке, а позднее и ногаев Казыева улуса, могли доходить до кавказских предгорий.

Улус Бату (рис. 3). В домоногольское время заволжские степи представляли собой пограничную область между Половецкой Степью и Дешт-и-Кыпчак. Единичные каменные изваяния и курганы не позволяют говорить о сколько-нибудь значительном постоянном присутствии половцев или кипчаков в этом регионе в XI–XIII вв. Не исключено, что периферийное положение заволжских степей в это время позволило частично сохранить за собой эту территорию побежденным гузо-печенежским (канглы) и алано-хазарским племенам. Аналогичная ситуация складывается на западной (бугоднестровские печенеги) и северной (черные клобуки, торки, дикие половцы) границе Половецкой Степи. Письменные источники XII–XIII веков обычно отмечают отличие народов этой области от половецко-кипчакских племен и называют их «саксин». Арабский историк Эльджезери пишет о возвращавшейся после похода на половцев монгольской армии: «Отправились они (оттуда) в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингизхану, и освободилась от них земля кипчаков» [Тизенгаузен, 1884. С. 28]. Монгольское завоевание коренным образом меняет значение заволжских степей. Итиль перестает быть границей, разделяющей Половецкую землю и Дешт-и-Кыпчак. В результате

миграции из завоеванных монголами областей существенно увеличилось сначала кочевое, а потом и оседлое население региона. Возникли крупные и мелкие города. Левый берег Итиля стал территорией улуса Бату – «доменом» хана, центром кочевого государства и войска.

Сведения о летних пастбищах улуса сохранились в сообщениях западноевропейских путешественников, утверждавших, что летний стан Бату-хана находился напротив города Укек и выше он никогда не поднимался. На карте XIV века на этом месте на левом берегу Волги нанесен значок и подпись «*uolachi*», близкое тюркскому слову «*яйлак*» – летовка [Чекалин, 1889. С. 18]. Археологические исследования Саратовского Заволжья выявили значительное поселение (около 60 гектаров) на левом берегу р. Б. Караман в урочище «Лисья балка» близ с. Советского, которое предположительно может быть сопоставлено с летней ставкой улуса Бату [Недашковский, 2000. С. 126]. Собственно летними пастбищами улуса, очевидно, следует считать берега небольших степных рек – Большой и Малый Караман, Торгун, Еруслан, Соленая Куба, впадающих в Волгу.

Зимние пастбища улуса Бату, вероятнее всего, занимали узкую полосу побережья Ахтубы от Верхнеахтубинского до Царевского городища. Еще в XIX веке исследователи древностей и краеведы наблюдали в этом районе на протяжении 70 верст «развалины почти сплошные и большей частью огромные» [Егоров, 1985. С. 111]. Сельскохозяйственная округа новой столицы Золотой Орды (Сарай ал Джадид), сплошь занятая различными строениями, садами и полями, была очень привлекательна для зимовки кочевников. Окрестности Сарая, известные в XVIII в. как Царевы Поды, или царские луга, очевидно, и раньше использовались для прокорма крупного рогатого скота и лошадей. Содержание овец и верблюдов в условиях полупустынных ландшафтов Прикаспийской низменности также не представляло больших проблем, поскольку сравнительно теплая зима, часто без устойчивого снежного покрова, вполне позволяла держать стада на подножном корму из полыни и солянок.

Наибольшее скопление кочевнических курганов на этой территории совпадает с расположением многочисленных оседлых городков и поселений, что позволяет говорить о существовании значительной контактной зоны двух культурных традиций Золотой Орды. Курганные могильники золотоордынских кочевников находятся в непосредственной близости с грунтовыми некрополями оседлого населения. Среди родовых кладбищ кочевников все чаще встречаются мазары и мавзолеи. Современные археологические исследования крупных могильников (около сотни насыпей и более) ахтубинской поймы – Царев, Бахтияровка I, II, III, Маляевка – с полной уверенностью позволяют говорить, что в XIV в. некоторые из обедневших кочевников уже остаются на зимовке и переходят к оседлости. Месторасположение осенне-весенних пастбищ улуса не совсем ясно, очевидно, они занимали промежуточное положение между летовкой и зимовкой, возможно, в районе Быково, где исследован достаточно крупный могильник, около 30 курганов. Распределение летних пастбищ требовало деления улуса на более мелкие части, поэтому в более северных широтах, на территории Саратовского Заволжья, могильников становится значительно больше, а количество захоронений в них уменьшается (в среднем 5–6 захоронений) – Покровск, Зауморье, Ровное, Мирное, Березовка и т. д.

Мангытский улус (рис. 4). Памятников кипчакско-половецкого времени в этом регионе сохранилось крайне мало. Полное отсутствие половецких изваяний в междуречье Волги и Урала (точнее, в бассейнах рек Самара, Иргиз, Узень) и отдельные погребения XI – начала XIII вв. позволяют предположительно считать этот район западной окраиной ареала расселения кипчакских племен. В середине XIII в. Гильем Рубрук пишет о кочевании по обеим берегам Яика двух тысячников, поэтому вполне логичным будет предположить возможность появления некоторого кочевого владения «монгольского тысячника» в междуречье Волги и Урала [Путешествие..., 1957. С. 70]. Вместе с тем следует признать, что письменные источники не дают серьезных оснований говорить о существовании в XIII – первой половине XIV вв. какого-либо крупного кочевого улуса между владениями Бату и Шибана, поэтому о времени появления мангытов как самостоятельного этнополитического объединения можно говорить лишь предположительно. Первые полулегендарные сведения о появлении этого народа обычно связываются с вполне реальной исторической личностью – золотоордынским беклярибеком Едигеем (1376–1420 гг.), который стал во главе небольшого мангытского юрта. Не исключена определенная преемственность мангытов и монгольских племен, есть мнение, что тюркоязычные мангыты унаследовали свой этноним от монголов-мангутов, относившихся к племени «нирун». В.В. Трепавлов в капитальной монографии «История Ногайской орды» обосновывает теорию джагайского происхождения мангытов и последующего их расселения в улусе Джучи в результате массового переселения из района Арала и Амударьи. Однако автор концепции восточного происхождения мангытов признает во многом ее гипотетичный характер, поскольку «все эти данные пока не могут быть подтверждены с помощью надежных источников» [Трепавлов, 2001. С. 70].

Первопричиной появления в конце XIV века в Волго-Уральских степях нового улуса, на наш взгляд, могло быть значительное увеличение кочевого населения в этом регионе. Первые признаки «кризисных демографических явлений» среди кочевого мира Золотой Орды начались уже в период правления хана Узбека и особенно отразились на центральных, столичных районах. Перенаселение поволжских улусов вело к истощению природных ресурсов степи и возникновению структурного социально-экологического кризиса. Столетие интенсивного использования пастбищ нарушило равновесие пастбищных экосистем. Следствием этого явилась «Великая Замытня» (1360–1380), которая «была не только борьбой за власть, но борьбой за пастбища, контроль над распределением которых государство утратило еще при Узбекхане, борьбой за ресурсы, за маршруты кочевков, а самое главное – борьбой за зимние пастбища – гарантии выживания» [Кульпин, 2006. С. 93–94].

Точное изначальное расположение мангытского юрта в Волго-Уральских степях локализовать достаточно трудно, хотя можно предположить, что возникновение его было связано с миграцией отдельных кочевых аилов и кланов улуса Бату и Шибана. По мнению В.В. Трепавлова, в XV в. мангыты кочевали в междуречье Яика и Эмбы, а в XIV в., видимо, обитали юго-восточнее, на территории Джагатайского улуса [Трепавлов, 2001. С. 52–55]. На наш взгляд, первоначальная территория мангытского юрта располагалась западнее и включала бассейны рек Самара, Бузулук, Иргиз, Камелик, Узень, поскольку история мангытов в конце XIV в. самым тесным образом была связана не

только с именем Едигея, но и его заклятого врага – золотоордынского хана Тохтамышша, который в дастане «Идегей» именуется как правитель татар и нугаев-мангытов. Направление военно-политической активности мангытов изменилось только после смерти Едигея, они начинают фигурировать как участники борьбы за власть в восточной части улуса Джучи. В 1446 г. внук Едигея Вокасс выступил на стороне Шибанида Абулхайра, положившего начало Узбекскому ханству. Позднее Вокасс стал беклярибеком при хане и принял активное участие в его завоеваниях.

В то же время в условиях нарастающей политической нестабильности и распада западной части улуса Джучи монгольское племя мангытов было основой, к которой в течении всего XV в. примыкали отдельные айлы кочевников-тюрок, по тем или иным причинам не ужившиеся со своими родичами. «Дикие татары», появление которых в 1478 году в заволжских степях отмечал Барбаро, по мнению некоторых исследователей, уже были ногаями, выросшими из «мангытского юрта» [Шнадштейн, 1989. С. 29–30]. После смерти хана Абулхайра (1468 г.) и последовавшего за ней распада государства кочевых узбеков Ногайская Орда уже проводила самостоятельную политику и значительно расширила свои владения за счет Сибирского (Тюменского) ханства. Летовки северо-восточного «Алтыулского» улуса ногаев располагались в верховьях Яика, Иртыша, Тобола, а зимовки – ближе к низовьям Сырдарьи. В 1481 г. мангыты, уже в союзе с сибирским ханом Ибаком, нанесли сокрушительное поражение Большой Орде и захватили берега Итиля. Заволжские степи (улус Бату) стали наследственными владениями «Нурадынова» улуса. После окончательного разгрома Большой Орды в 1502 г. крымским ханом Менгли-Гиреем правый берег Волги – «нагорная сторона» – некоторое время является предметом ожесточенных столкновений ногаев и крымцев, однако в 1530-х годах междуречье Волги и Дона (улус Сартаха) окончательно отходит во владения ногайского бия Урака. Последним в конце 1550-х годов был образован улус Казы или Малая Ногайская Орда, возникший в бассейне рек Маныча, Кумы и Кубани (улус Берке) [Жирмунский, 1974. С. 415–417]. Таким образом, улусная система Ногайской Орды в период своего расцвета в общих чертах копировала поволжские кочевые улусы золотоордынского времени.

Поскольку реконструкция маршрута кочевания мангытского улуса XIV века в междуречье Волги и Урала затруднена из-за недостатка письменных источников, остается ориентироваться только на более поздние данные: кочевки коренного улуса – орды «Больших Ногаев», а также картографирование курганных могильников золотоордынского времени. Книга Большому Чертежу отмечает протяженность кочевки орды Больших Ногаев в 1350 верст «от верху реки Бузувлук на полях и до Синего моря» [Книга., 1950. С. 140–147]. В частности, источник нередко отдельно отмечает расположение ногаев «на полях» – очевидно, традиционных летних пастбищах, и «на местах» – зимних кочевьях. По тексту книги можно предположить, что осенняя перекочевка улуса происходила в меридиональном направлении от самаробузулукских степей к р. Большой Иргиз, потом по р. Камелик и далее по Узеням еще южнее к Яику, где располагалась столица ханства Сарайчик.

Исследования курганных могильников XIII–XIV вв. в Самарском Заволжье (И.Н. Васильева), Б. Иргизе (А.И. Тереножкин), на Узенях и Западном Казахстане (И.В. Сеницын, Г.А. Кушаев) показывают удивительное единооб-

разие типов погребального обряда, традиционно связываемых с различными монгольскими и центральноазиатскими племенами (северная ориентировка с отклонениями, отсутствие костей коня – обычай «хойлган мори», деревянные и берестяные перекрытия). Достаточно единообразный погребальный обряд в рамках данного улуса позволяет предположить компактное расселение в этом районе пришлых племен монгольского круга, которые впоследствии вполне могли стать основой мангытского юрта и аккумулировать вокруг себя древнее огузо-печенежское население – канглов. Антропологические исследования кочевого населения Золотой Орды, проводившиеся Т.А. Трофимовой, выявили в захоронениях мангытского улуса два антропологических типа: «прекрасно выраженный монголоидный южносибирский тип без всяких следов метисации» (Давыдовка-Августовка) и «гибридный» европеоидный брахикранного типа с незначительными монголоидными признаками (курганы Букеевской степи) [Трофимова, 1936. С. 180–182].

Учитывая природно-климатические условия этого региона, можно предположить, что летние пастбища мангытского улуса в золотоордынское время располагались в районе Самарской Луки. В 1357 году отправившийся в Орду за ярлыком Митрополит Алексей пытался застать хана Джанибека в его летней ставке – урочище Ур-Тюпе, находившемся в междуречьи рек Волги, Сока и Курума [Григорьев, 2004]. Позднее гора Уру-Тюпя была известна как Царский Курган и часто связывалась с летним стойбищем «татарских царей». Точное расположение зимовки улуса указать несколько сложнее, поскольку в разное время ею могли оказаться как Камыш-Самарские озера в низовьях Узеней, так и пастбища в районе Сарайчика или даже нижнее течение Яика и берег Каспийского моря. В ногайском эпосе встречается достаточно много названий топонимов рек, урочищ, гор. Среди хорошо известных, таких как «Эдилъ», «Жаик», «Богдо», «Нарын», «Сары-Тау», встречаются и такие, сопоставить которые с современными названиями можно лишь предположительно. Например, «Идиля рукав – Ирмишал, Калтурган – Ирмишала приток» близки по звучанию рекой Иргиз и его притоком Камеликом или реки Ак-Тугай и Кек-Тугай могли быть древними названиями Большого и Малого Узеня. Тюркский топоним Тугай – «приречные леса, заросли кустарника» – мог быть древним названием Узеней, берега которых еще в XVII–XVIII веках изобиловали растительностью. Татарское название Б.Узеня – Улкан-Узень, т. е. «кустами заросший», калмыцкое – Модот-Узень, т. е. «лесом изобилующий».

В XVIII в. притоки Самары, верховья Б.Иргиза, Каралык, Камелик, Большой и Малый Узень на определенное время становятся областью кочевания башкирских племен – усерганов, бурзян, табынцев, которые дают ей название «Олостан» – Большой Стан. Со временем плотность населения За-волжья увеличивается, территория башкирских кочевий ограничивается, и в 1798 году по указу Екатерины II земли с Общего Сырта в бассейне рек Каменка, Чалыкла, Камелик и верховья Иргиза закрепляются за начинающими оседать на землю башкирами. В 1802 г. низовья Узеней и Рын-Пески в междуречье Волги и Урала отходят казахам Букеевской Орды.

Оригинальная концепция демографического взрыва и последовавшего за ним истощения природных ландшафтов в Золотой Орде, предложенная Э.С. Кульпиным, позволяет по-новому оценить ряд аспектов социально-

экономической и политической жизни кочевников поволжских улусов. Ярким примером тому является монография И.В. Зайцева «Астраханское ханство», где автор, проанализировав предпосылки упадка и распада Большой Орды, главной причиной ее ослабления считает максимальное сохранение экономики кочевого скотоводства при явном упадке земледелия [Зайцев, 2004. С. 203–210]. Истощенные пастбища уже не могли прокормить номадов, поэтому основным мотивом политики большеордынских ханов было желание выхода к более плодородным землям в южнорусских степях. Спасаясь от бескормицы, улус стремился занять пастбища между Доном и Днепром – территорию, формально принадлежащую Крымскому ханству. Суровая зима 1502 года приводит к массовому падежу скота и распаду Орды на отдельные части, которые становятся легкой добычей Крымского хана.

Описанная в монографии картина упадка Большой Орды вполне укладывается в концепцию истощения природных экологических ниш, основными этапами которого были:

- расширение экологической ниши (например, зимовки в зонах рискованного скотоводства и летовки в лесостепных ландшафтах);
- массовые миграции или экспансии кочевого населения;
- политико-экономический кризис, распад кочевого объединения и переход к другому типу хозяйствования (как правило, оседание и занятие земледелием) [Кульпин, 2006. С. 92].

Есть основания полагать, что в позднезолотоордынский период в поволжских улусах уже существовала проблема перевыпаса скота, истощения пастбищ и локального опустынивания. В пользу этого можно привести следующие доводы:

1. Очевидно, в XIV в. зимовки и летовки улусов не могли прокормить многократно возросшее количество скота. Если проблема летовок улуса стояла не очень остро, поскольку почти всегда можно было найти достаточное количество пастбищ в соседней экологической нише – лесостепи, то удобные зимовки были на «вес золота». Примером этому может служить улус Сартаха, летние пастбищные угодья которого простирались на огромной территории Волго-Донских степей, а при необходимости свободно заходили в лесостепные районы по берегам Хопра, Медведицы и Терешки (Асметовка, Рамзай, Марьевка, Царевщина). Недостаток зимовок улуса (правый берег Волги и Сарпинская низменность), очевидно, начинавший давать о себе знать в XIV в., заставлял переправляться части кочевников на другой берег Волги и периодически искать зимовки в ее дельте. Не меньшие проблемы с зимними пастбищами в определенный момент также стали испытывать кочевники улуса Бату, могильниками которых изобилует Волго-Ахтубинская пойма от Царева до Среднеахтубинского. В районе золотоордынской столицы возникают очень крупные кочевнические могильники (Царев, Бахтияровка), что свидетельствует об исключительно большой плотности населения улуса Бату на достаточно ограниченной территории зимних пастбищ.

В более поздний, ногайский период переправа через Волгу по льду в поисках удобной зимовки становится обычным явлением, поскольку одно время зимним стойбищем ногайцев был город Джигыд, располагавшийся близ Селитренного городка непосредственно напротив Енотаевского городища. В конце XV в. зимовка ногайских улусов смещается еще южнее – в дельту Волги.

В это время орда Муса-хана зимует в местности Турткуль. По-видимому, название этой местности сохранилось в священном для астраханских татар озере Тарат-кюль, расположенном близ с. Янго-Аскер Наримановского района Астраханской области. Другую зимовку ногайцев – местность Боксакты, или Боксак, можно сопоставить с ильменем Боксай, расположенным на р. Кичаг в Красноярском районе Астраханской области.

Окончательное изменение контуров экологической ниши кочевого хозяйства в Поволжье произошло в начале XVII в. и было связано с переходом от меридионального к широтному нижневолжскому типу кочевания. Новый цикл заключался в том, что зимовки ногаев находились в районе Астрахани, а летние пастбища находились на востоке, на р. Яик. Стесненные со всех сторон калмыками, казаками и воинственными казаками, ногайские улусы нередко были вынуждены не только переправляться через Волгу, но даже оставаться на зимовку в совершенно неудобных местах, но под защитой русских городов-крепостей.

2. Неограниченный рост поголовья скота в скором времени потребовал более интенсивного использования ранее слабозаселенных районов степи. Основным направлением миграции кочевого населения во второй половине XIV в., очевидно, становятся центральные районы медуречья Волги и Яика. Массовые откочевки из охваченного междоусобной войной улуса Бату, вероятно, начинаются во времена «Великой Замятни», что приводит к появлению в конце XIV в. небольшого, но уже достаточно самостоятельного «мангытского» улуса, который постепенно вырастает в могущественную Ногайскую Орду. Период «эмбрионального» развития мангытского улуса не нашел сколько-нибудь серьезного отражения в письменных источниках, что дает широкое поле для разных исторических гипотез о его возникновении. На наш взгляд, в данном случае мы имеем дело с широко распространенной в кочевой среде практикой «ухода в казаки», когда в результате неблагоприятных социально-экологических или политических обстоятельств происходят значительные миграции населения.

3. Наиболее ярко кризисные явления, связанные с социально-экологическими изменениями в кочевом хозяйстве, проявились в улусе Бату. Сравнительно небольшие размеры экологической ниши, позволявшей вести кочевое хозяйство, и наибольшая плотность населения столичного улуса предопределили необходимость оседания на землю определенной маргинальной части номадов уже в начале XIV в. Материалы курганных могильников, расположенных на зимовке улуса Бату близ Царевского городища, позволяют говорить о существовании двух культурных традиций в погребальном обряде: «кочевой-языческой» и «оседающей-мусульманской». Монетные находки в погребениях позволяют говорить об одновременном существовании на протяжении XIV в. в рамках одних и тех же могильников «языческих» и «мусульманских» захоронений, причем последние носят явно переходный характер. Синкретичность «мусульманских» погребений выражалась, с одной стороны, в явном влиянии исламской обрядности (кыбла, подбой-ляхды, саван, перекрытия-надгробия), с другой – проявлялась в наличии в могилах украшений, монет, бытовых вещей, остатков обуви и одежды. В отличие от «кочевых-языческих» погребений, где сохранялся обильный инвентарь, в том числе конская упряжь и оружие, продолжала бытовать тра-

диция сопровождающего захоронения коня или его частей, в «мусульманских» захоронениях возникает традиция возведения надмогильных сооружений из сырцового кирпича – оградок округлой или прямоугольной формы. Исследованные в насыпях курганов сооружения были достаточно близки известным зимним жилищам кочевников – юртам, обложенным сырцовым кирпичом, или простейшим домам с каном из того же кирпича, что позволило интерпретировать их как определенное свидетельство перехода от кочевой жизни к оседлой. Косвенным доказательством вынужденного постоянного проживания части кочевников на зимовке можно считать не только крайнюю бедность захоронений, но и значительное влияние исламской погребальной обрядности. Кочевники, выдвленные под влиянием обстоятельств из своей культурной среды, были вынуждены перенимать культуру оседлого населения столицы Золотой Орды и ее пригородов, основополагающим компонентом которой с начала XIV в. был ислам.

В рамках теории этногенеза Л.Н. Гумилев предложил для обозначения оседлого мусульманского населения Золотой Орды термин «саратульский народ». Производный от среднеазиатского «сарт», данный термин, по мнению ученого, наиболее точно характеризовал переход поволжских этносов в мусульманский суперэтнос [Гумилев, 2001. С. 566–567]. Распространение ислама и оседание кочевников на зимовьях укрепляло связь городской и кочевой стихий Золотой Орды. Переходным звеном в кочевых поволжских улусах, видимо, была прослойка «тумаков», известная по более позднему ногайскому периоду [Трепавлов, 2001. С. 520–521]. Астраханские и ногайские тумак – категория зависимого населения, проживавшая в низовьях Волги в районе зимовок кочевников и занимавшаяся отгонным скотоводством, земледелием и рыболовством. Отличительная особенность тумак – это несение особого рода наследственных обязанностей – «тума» – по отношению к своему феодалу, выражавшихся в определенных натуральных повинностях: просе, рыбе, соли. Ногайские бии и мирзы выступали в роли патронов и защитников своих тумак, которые, видимо, еще долгое время сохраняли тесные связи с кочевым миром.

Основными этническими компонентами кочевого населения улусов Нижнего Поволжья были автохтонный, половецко-кипчакский, и пришлый, монгольско-центральноазиатский. Смещение этих компонентов четко прослеживается на материалах погребений золотоордынского времени. Вместе с тем, в XIII–XIV вв. значительно увеличивается разнообразие типов погребального обряда поздних кочевников; наряду с известными ранее, появляется большое количество «гибридных» и «переходных», возникновение которых объясняется, с одной стороны, слиянием в улусы различных этнических групп, с другой – распространением мусульманства.

Выявление локальных особенностей погребального обряда «языческого» и «мусульманского» периодов различных улусов Нижнего Поволжья является достаточно трудоемкой темой, заслуживающей, в силу постоянного появления новых материалов и необходимости их серьезной математической обработки, специального исследования. Краткий статистический обзор имеющихся в распоряжении автора материалов позволяет лишь отметить некоторые этно-конфессиональные особенности обрядности улусов (см. таблицы № 1 и 2). Сравнение представленности типов погребального обряда по

Федорову-Давыдову показало наибольшую популярность в Нижнем Поволжье в «языческий период» (вторая половина XIII–XIV вв.) двух типов погребений АI (26,3%) и ДI (18,5%). Остальные 36 типов, составляющие 65,2%, представляют незначительные выборки от 0,3 до 6,5%, которые нельзя назвать сколько-нибудь показательными в данных территориальных рамках. Разделение всего массива «языческих» курганов (387 погр.) на отдельные поволжские улусы дает менее размытую картину и позволяет говорить об определенных локальных особенностях в рамках региона.

В частности, в погребениях улуса Сартаха (112 погр.), наряду с традиционными АI (26,7%) и ДI (28,5%), значительную долю занимает тип ВI (12,5%). Среди захоронений с конем наиболее часто встречаются типы БI и БII (8 погр.). Прямая зависимость между типами погребального обряда, традиционными для половецкого, монгольского и огузо-печенежского населения, и клановым составом орды прослеживается не всегда, поскольку различные этнические наслонения и взаимопроникновения естественно приводили к появлению смешанных типов ПО. Распространение большого количества погребений с северной ориентировкой, отмеченное на материалах золотоордынских курганов северо-западного Причерноморья, по мнению А.О. Добролюбского, могло быть свидетельством появления диахронных – «круговых» типов погребений, когда традиционная для половцев, кипчаков и печенегов ориентировка запад-восток менялась на меридиональную, свойственную монгольским племенам [Добролюбский, 1986. С. 39–44]. Распространение в улусе Сартаха типа ДI также не всегда свидетельствовало о центрально-азиатском происхождении кочевника, но могло быть отражением типа АI, испытавшего определенное «монгольское» влияние. Тип ВI, в домонгольское время широко распространенный в «половецкой степи», наиболее часто встречается в улусе Сартаха, что могло отражать сохранение на прежней территории остатков половецкого населения орды Токсоба. Сохранение типов БI и БII в улусе Сартаха является показателем продолжения огузо-печенежской погребальной традиции в XIII–XIV вв. либо за счет сохранения ее носителей в восточнополовецком союзе племен, либо в результате переселения в междуречье Волги и Дона канглов из Заволжья в золотоордынское время.

В улусе Берке (74 погр.) также значительную долю занимают типы АI (25,6%) и ДI (16,2%), а также разновидность ДI – захоронение в яме с заплечиками (13,5%). Несколько меньше по сравнению с улусом Сартаха представлен тип ВI (9,4%). Для захоронений с конем наиболее характерны комплексы с западной ориентировкой и целым костяком коня, расположенным на ступеньке или во входной яме подбоя (Б XIV, Б XIV и XIX – 6 погр.), а также в отдельной яме (БXXI, БXXII – 5 погр.). Как и в предыдущем улусе, нельзя не отметить значительное распространение меридиональной ориентировки, причем диахронность распространяется не только на тип АI, но и на АIV, в результате чего погребения в могильных ямах с заплечиками, свойственные тюркским кочевникам, ориентированы на север. Автохтонное население улуса Берке представлено несколькими достаточно характерными типами ПО, известными в «половецкой степи», причем захоронения с конем были представлены типами, широко представленными в западной части «половецкой степи». Очевидно, в золотоордынское время в улусе Берке сохраняется синкретичный харак-

тер разгромленного эля хана Отрака, возникшего в начале XII в. в результате миграций на юго-восток различных половецких объединений.

Наибольшее разнообразие типов погребального обряда (24 типа) наблюдается в улусе Бату (178 погр.). Наряду с широко представленным в соседних улусах типом AI (25,2%), нередки и его вариации с подбоями AVI (11,2%) и ступеньками AII (5,6%), AIV (5,6%). Другой особенностью улуса является значительно меньшая по сравнению с другими улусами, доля погребений типа DI (7%) и VI (1,7%). Для «всаднических» погребений наиболее характерны западная ориентировка человека и захоронение черепа и ног коня в различных вариантах – BI (6 погр.), BII (9 погр.), BIII (16 погр.), BIV (5 погр.), BVI (16 погр.). Многокомпонентный этнический состав улуса, очевидно, был связан с политикой заселения заволжских степей, ставших центром Золотой Орды. Среди типов погребений столичного улуса встречаются большинство известных в это время среди кочевнических захоронений улуса Джучи. В качестве иллюстрации к тезису о многокомпонентности кочевого населения улуса Бату можно назвать отдельные погребения, которые с определенной долей вероятности можно считать кыргызскими [Визенмиллер, 3 гр. К5 – Рыков, 1925] и уйгурскими [Подгорное – Кротков, 1930]. Однако основную долю мигрантов в ранее крайне слабо заселенный регион, очевидно, составили кипчаки и канглы из степей восточнее Волги. Значительную долю кочевнических погребений улуса Бату составили памятники огузо-печенежского и кипчакского облика, очень близкие земляным курганам кипчакского времени в Южном Приуралье. Сравнительно небольшой процент представленности типа DI можно объяснить тем, что в Заволжье монголы создали кочевое владение – «домен» золотоордынских ханов – на слабозаселенной территории за счет переселения кочевников из восточной части Дешт-и-Кыпчак. В отличие от правобережных улусов, у монголов улуса Бату не было необходимости инкорпорации в сохранившиеся остатки половецких орд, наоборот, было выгоднее подчеркнуть свое привилегированное положение среди пришедших вместе с ними кипчаков и канглов; видимо, поэтому здесь наблюдается меньше «переходных» погребений с северной ориентировкой. С другой стороны, известно, что завоевание половецких степей монголами заняло несколько десятков лет, поэтому переселившиеся в Заволжье восточные кипчаки и канглы могли иметь ранг «союзников» в войне против половец и, соответственно, быть здесь не побежденными, а завоевателями, также стремившимися сохранить свой «status quo».

Основные типы погребений мангытского улуса (23 погр.) относятся к DI (47,8%) и AI (30,4%). Захоронения с конем крайне немногочисленны и датируются инвентарем позднекочевническим периодом, что не позволяет с полным основанием утверждать наличие этой обрядности в золотоордынский период на территории улуса. Характерной чертой монгольской погребальной обрядности было отсутствие костей коня в погребении. Эта особенность объясняется южносибирским обычаем «хойлган мори», когда традиционное для кочевника сопроводительное захоронение коня совершалось на поверхности кургана в виде туши, чучела или шкуры. Абсолютное большинство погребений улуса совершено в простых ямах с северной или западной ориентировкой, без костей коня, что, видимо, является свидетельством значительного присутствия монгольского элемента при формировании «мангытского

улуса». В отличие от правобережных поволжских улусов, в мангытском эле изначально монгольская погребальная обрядность испытывала влияние тюркской традиции, а не наоборот. Очевидно, в основе улуса были монголы-мангуты, которые впоследствии и дали свое имя тюркоязычным мигрантам из соседних улусов.

Вторая группа золотоордынских курганов условно может быть названа «мусульманской» и датируется XIV–XV вв. Количество позднезолотоордынских погребений Нижнего Поволжья примерно равно предыдущему (470 погр.), однако количество типов погребения значительно меньше – всего 15. Господствующим типом захоронения в это время становится АІ (63,8%). Абсолютно преобладающей во всех поволжских улусах становится западная ориентировка (93,8%), позволявшая в совокупности с поворотом черепа на юг обеспечить требование исламской «кыблы». Гораздо большую представленность получают типы захоронений, отвечавшие шариатскому требованию «изоляции тела от земли» – могилы с заплечиками АІV (14,9%) и подбоями АV (7,1%) VI (4,4%). Кроме того, появляются погребения в «кирпичных ящиках» (АІХ), с кирпичными надгробиями или закладами, что характерно для некрополей мусульманского оседлого населения Золотой Орды.

Различия в погребальном обряде между поволжскими улусами касаются в основном уровня распространения ислама, а следовательно – степени развития шариатской обрядности и сохранения языческих пережитков. Наибольшее влияние шариата прослеживается на материалах погребального обряда улуса Бату (290 погр.) и Сартаха (99 погр.). Статистика показывает примерно одинаковую картину распространения типов обрядности в этих улусах: АІ (60,5–56%), АІV (19,7–11%), АV (6,1–15%), VI (5,1–6%). Другим существенным признаком, объединяющим эти улусы, является значительное распространение обряда возведения надмогильных сооружений из сырцового или обожженного кирпича. Возможная типология этих сооружений и направление их развития от сплошных выкладок к поздним конструкциям типа казахских «мазарок» предлагалась автором ранее [Ракушин, 1993. С. 170–175]. К этому можно добавить, что последующие раскопки в Волгоградской и Астраханской областях дают основания считать возможной преимущественную локализацию квадратных оградок в районе зимовок улуса Бату (Царев, Маляевка, Бахтияровка) и круглых в районе зимовок улуса Сартаха (Успенка, Бутырки). Появление подкурганых сооружений из кирпича, судя по находкам монет в погребениях, происходит в начале XIV в. и является свидетельством формирования позднезолотоордынской обрядности, имевшей переходный «языческо-мусульманский» характер.

Гораздо меньший отпечаток наложил шариат на погребальную обрядность улусов Берке и Мангыт. Недостаток знатоков «мусульманского закона» в степи отразился в упрощенном варианте захоронения: зачастую это простая яма с западной ориентировкой (АІ – 81,9–90,4%), редко – с перекрытием или в гробу, как правило, без каких-либо сооружений в курганной насыпи. Традиционный для ислама поворот тела или головы к югу (кыбла) также отмечался крайне редко, при этом в отдельных случаях даже ориентировка погребения была не всегда западная (улус Берке ВІ – 7,7%; улус Мангыт ЖІ – 7,1%; улус Сартаха ДІ – 6%). Возможно, датировка мусульманских погребений улусов Бату-Сартах и Берке-Мангыт может несколько различаться, поскольку рас-

пространение ислама в степи происходило волнообразно. Мусульманские погребения золотоордынских кочевников близ столичных Сараев относятся в основном к эпохе Узбека-Джанибека и датируются монетами первой половины XIV в. Остальная масса погребений кочевников могла принадлежать к более поздней эпохе, например, концу XIV–XV вв., когда большинство золотоордынских городов Поволжья лежало в развалинах и распространение ислама в степи шло за счет суфийских орденов [Ракушин, 1998. С. 14–17].

Краткий статистический обзор типов погребального обряда кочевников Нижнего Поволжья говорит о существовании в каждом из улусов конгломерата племен с определенной этнической доминантой. Многие из отмеченных типов погребений бытовали и в домонгольское время, а также имели определенный ареал распространения в Дешт-и-Кыпчак. Хотя делать окончательные выводы относительно этнографических особенностей поволжских улусов еще рано, среди общей массы золотоордынских кочевников Поволжья уже сейчас можно отметить пять компонентов: южносибирско-центральноазиатский («монголы»), печенего-огузский («канглы»), кипчакский («ильбари»), восточнополовецкий («шары-кипчаки», «кимаки»), западнополовецкий («куманы»). Предложенное этническое деление достаточно условно, однако более подробные поиски известных по письменным источникам названий племен и родов кипчаков в золотоордынских улусах вряд ли имеет смысл. Следует признать, что монгольское завоевание не только разрушило старое, но и создало новое этническое деление в Дешт-и-Кипчак: «...кипчаки практически утратили домонгольское племенное деление и стали обозначаться посредством этнонимов тех монгольских племен, в нутагах (юртах) которых им довелось оказаться. Кочевавшие в нутаге мангутов стали мангытами, в зоне хонкиратов – кунгратами, найманов – найманами, керейтов – керейтами, или керейями» [Трепавлов, 2001. С. 490]. Более перспективным в плане интерпретации археологической культуры поздних кочевников XIII–XV вв. может быть изучение клановой структуры постзолотоордынских тюрко-татарских образований, уже базировавшейся на совершенно других этнонимах – Аргын, Барын, Ширин, Мангыт, Кийят, Сиджиут, Конграт, Алчын, Дурман, Кушчи и т. д. Не меньший интерес представляет изучение синкретичного погребального обряда кочевников, принявших ислам, и сравнительный анализ обычаев астраханских татар, ногайцев, башкир и казахов. Принятие ислама в золотоордынское время наложило отпечаток на погребальные обряды этих народов, которые достаточно долго сохраняли различные доисламские пережитки и существовали в ситуации «двоеверия». Наряду с этнографическим аспектом реконструкции позднезолотоордынского обряда кочевников, не меньшее значение может иметь и его хронологический аспект, что может позволить выделить из общего массива мусульманских погребений более поздний ногайский пласт, датируемый концом XV – первой половиной XVII в.

Литература:

Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и записок о киргизах. Казань, 1900.

- Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конца IX–XV века). Уфа, 1998.
- Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским метрополитам: Историко-лингвистический анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.
- Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 2001.
- Добролюбовский А.О.* Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986.
- Егоров В.А.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л, 1974.
- Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2004.
- Золотая Орда в источниках.* Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М., 2003.
- Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского., СПб., 1842. Т. VI, прим.240
- Книга Большому Чертежу.* М., Л., 1950.
- Кригер В.А.* Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников). // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
- Кульпин Э.С.* Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. М., 2006.
- Небольсин П.Н.* Очерки Волжского Низовья. Ч.5. // ЖМВД. СПб., 1851.
- Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М, 2000.
- Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Гильяма Рубрука.* М, 1957.
- Ракушин А.И.* Подкурганые кирпичные сооружения золотоордынского времени в Нижнем Поволжье // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.
- Ракушин А.И.* Мусульманство у золотоордынских кочевников Нижнего Поволжья в XIII–XV вв.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Саратов, 1998.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. СПб, 1884. Т. 1.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. М.: Л., 1941. Т. 2.
- Трепавлов В.В.* История Ногайской орды. М, 2001.
- Трофимова Т.А.* Краниологический очерк татар Золотой Орды. // Антропологический журнал, 1936, № 2.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Чекалин Ф.Ф.* Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологическим данным. // Труды СУАК. Саратов, 1889. Т. 2, 1.
- Шнадштейн Е.В.* Формирование локального варианта позднекочевнической культуры в Нижнем Поволжье и Калмыцкой степи. // Вестник калмыцкого НИЯЛИ. Элиста, 1974. № 9.
- ПСРЛ, Т. 11, М., 1965.*
- Шнадштейн Е.В.* О происхождении астраханских татар. // Материалы II краеведческой конференции. Астрахань, 1989.
- Эрдниева Ц.Э.* Калмыки. Элиста, 1980.

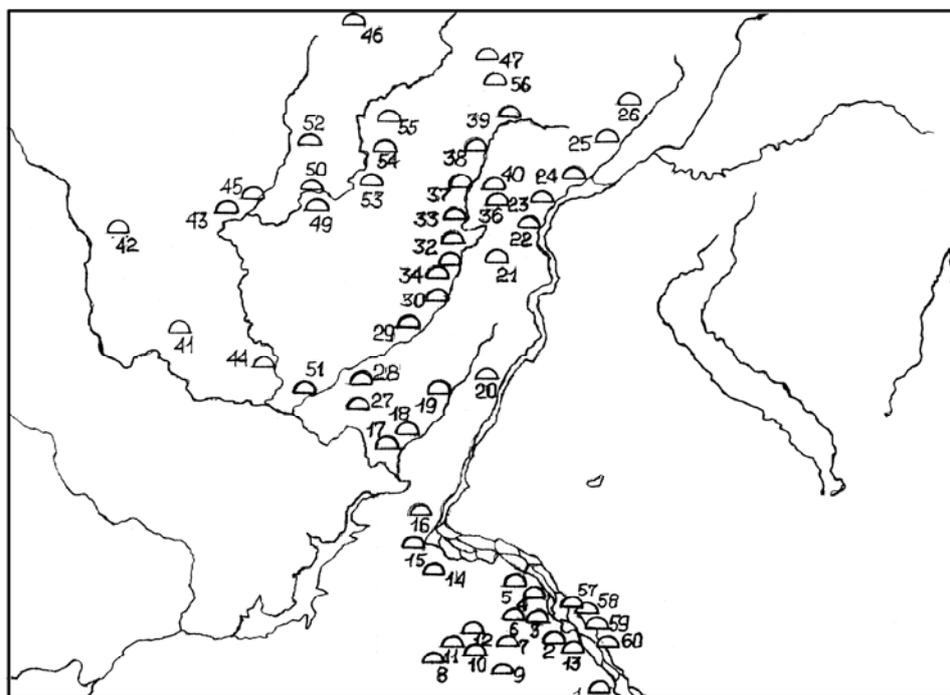

Рис. 1. Улус Сартаха: 1-Еногаевка, 2-Барановка, 3-Соленое Займище, 4-Черный Яр, 5-Старица, 6-Зубовка (Дмириевка), 7-Кривая Лука, 8-Заханата, 9-Джангар, 10-Купцин Толга, 11-Гува, 12-Б.Царын, 13-Никольское, 14-Цаца, 15-Сарепта, 16-Мечетное, 17-Иловля, 18-Ютаевский, 19-Гусевка, 20-Камышин, 21-Рыбушка, 22-Саратов, 23-Усть-Курдюм, 24-Чардым, 25-Медянново, 26-Царевщина, 27-Шляховской, 28-Ветюнев, 29-Сидоры, 30-Сенной, 31-Белый Мар, 32-Двоенка, 33-Б.Князевка, 34-Рудня, 36-Липовка, 37-Лысье Горы, 38-Аткарск, 39-Петровск, 40-Б.Дмитриевка, 41-Новая Меловатка, 42-Сафроновка, 43-Шемякинский, 44-Попов, 45-Власовка, 46-Рамзай, 47-Асметовка, 48-Бурлук, 49-Свинуха, 50-Лесное, 51-Глазуновский, 52-Родионовка, 53-Ключи, 54-Крутец, 55-Машевка, 56-Марьевка, 57-Успенка, 58-Бутырки, 59-Батаевка, 60-Золотушинское.

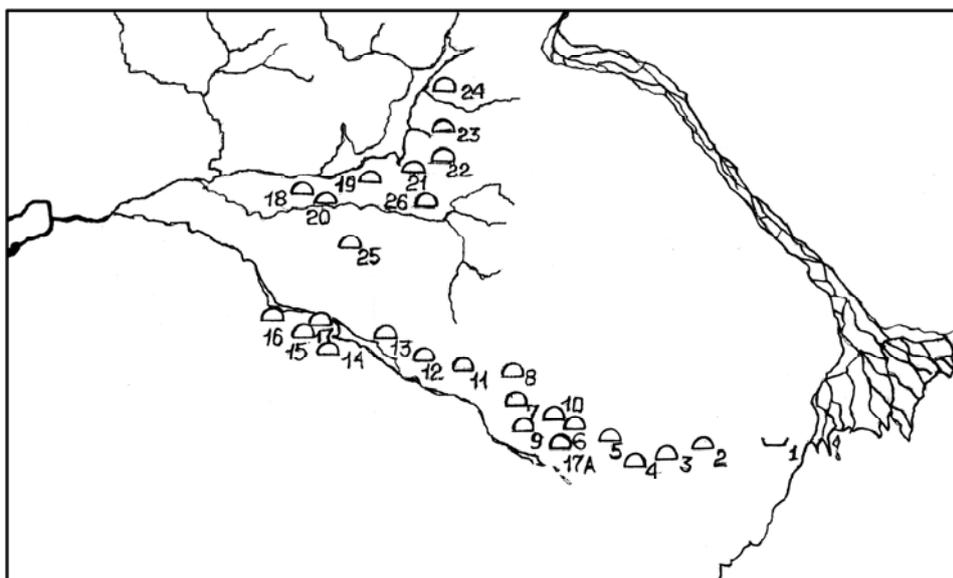

Рис. 2. Улус Берке: 1-Басы, 2-Станция-5, 3-Станция-6, 4-Станция-8, 5-Станция-10, 6-Три Брата, 7-Элиста, 8-Яшкуль, 9-Лола, 10-Гаршунский, 11-Бичкин-Булдук, 12-Максимово, 13-Восточный Маныч, 14-Восточный Маныч (пр.б.), 15 - Шихаевский, 16-Красный Кут, 17-Веселый, 17А-Архаринский, 18-Ясырев, 19-Вербовый Лог, 20-Семенкин, 21-Нагавский, 22-Терновский, 23-Дорофеевский, 24-Шебалино, 25-Каменная Балка, 26-Жутово П.

Рис. 3. Улус Бату: 1-Сайхин, 2-Колобовка, 3-Солодовка, 4-Царев, 5-Маляевка, 6-Ленинск, 7-Бахтияровка, 8-8 марта, 9-Заплавное, 10-Первомайский, 11-Среднеахтубинское, 12-Кияжковка, 13-Волжский, 14-Верхнепогромное, 15-Новоникольское, 16-Пролейка, 17-Степан Разин, 18-Быково, 19-Могута, 20-Комсомолец, 21-Политотдельское, 22-Бережновка, 23-Молчановка, 24-Осадная Балка, 25-Харьковка, 26-Курнаевка, 27-Лесной Кордон, 28-Иловатка, 29- Белокаменка, 30-Ровное, 31-Калиновский, 31А-Визенмиллер, 32-Потемкино, 33-Водянские, 34-Шульц, 35-Воронцовка, 36-Штрасбург, 37-Фриденберг (Мирное), 38-Кочетное, 39-Березовка, 40-Зауморье, 41-Скатовка, 42-Узморье, 43-Блюменфельд, 44-Покровск, 45-Суслы(Герцог), 46-Советское, 47-Боаро, 48-Козицкое, 49-Мариенталь, 50-Калмыцкий Бугор, 51-Кеппенталь.

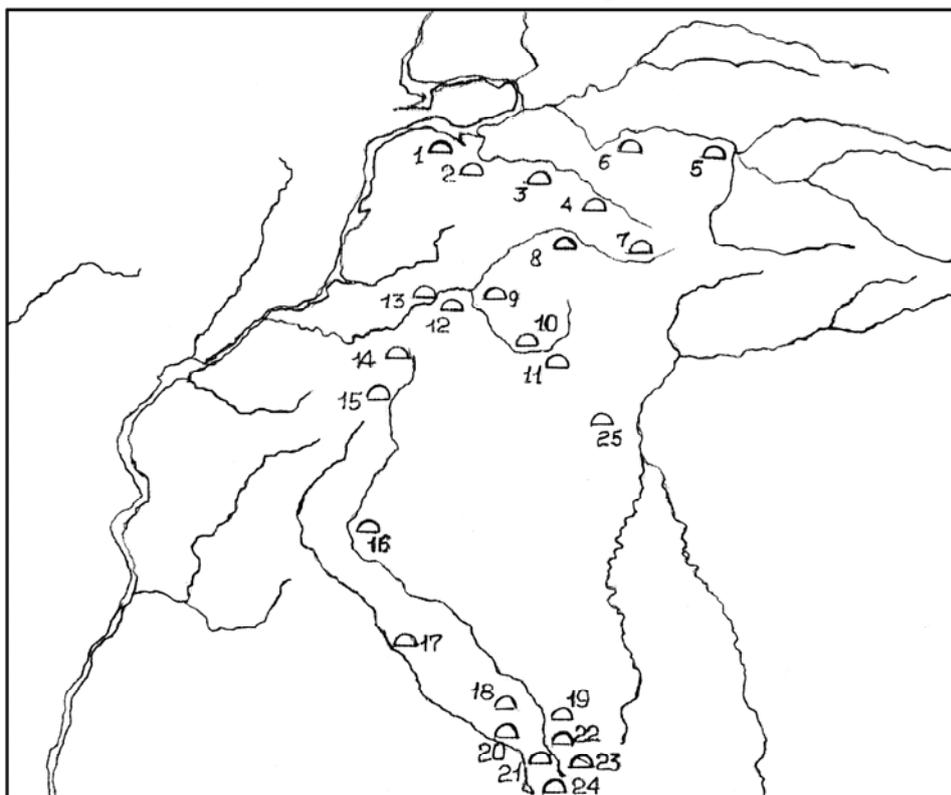

Рис. 4. Мангытский улус: 1-Александровский, 2-Новопавловский, 3-Кировский, 4-Александровка на Вязовке, 5-Покровский, 6-Утевка, 7-Теляковка, 8-Августовка, 9-Клевенки, 10-Максютово, 11-Светлое озеро, 12-Давыдовка, 13-Пугачев, 14-Сулак, 15-Римско-Корсаковка, 16-Новоузенск, 17-Таловка, 18-Сары-Айдин, 19-Мокринский, 20-Кара-Оба, 21-Риам, 22-Сакрыл, 23-Жанаулем, 24-Новая Казанка, 25-Зеленый.

Приложения:

Таблица № 1. Типы языческих золотоордынских кочевнических погребений поволжских улусов

	Улус Сартаха 112 погр.		Улус Берке 74 погр.		Улус Бату 178 погр.		«Мангытский» улус – 23 погр.		Суммарные показатели Н. Поволжья – 387 погр.	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
А I	30	26,7	19	25,6	45	25,2	7	30,4	101	26,3
А II	1	0,9			10	5,6			11	2,9
А IV					10	5,6			10	2,6
А V					4	2,2			4	1
А VI					20	11,2			20	5,2
Б I	3	2,7	3	4	6	3,7	1	4,3	13	3,4
Б II	5	4,4			9	5	1	4,3	15	3,9
Б III			1	1,3	16	7			17	4,4
Б IV					5	2,8			5	1,3
Б V	1	0,9							1	0,3
Б VI			2	2,7	16	7			18	4,7
Б VIII	1	0,9							1	0,3
Б IX			1	1,3					1	0,3
Б XIII	2	1,8							2	0,5
Б XIV			3	4	2	1,1			5	1,3
Б XV	2	1,8							2	0,5
Б XVI- XIX	1	0,9	3	4	3	1,7			7	1,8
Б XVII- XVIII	1	0,9			1	0,6			2	0,5
Б XXI- XXIII	3	2,7	1	1,3	2	1,1			6	1,7
Б XXII	1	0,9	4	5,4					5	1,3
Б XXXIV					1	0,6			1	0,3
В I	14	12,5	7	9,4	3	1,7	1	4,3	25	6,5
В II					1	0,6			1	0,3
В IV			1	1,3	1	0,6			2	0,5
Г I	1	0,9	2	2,7	1	0,6			4	1
Г II-IV	2	1,8							2	0,5
Г III			3	4					3	0,8
Г VII	1	0,9							1	0,3
Г VIII			1	1,3					1	0,3
Д I	32	28,5	12	16,2	16	7	11	47,8	71	18,5
Д I+зап			10	13,5	3	1,7			13	3,4
Д II-III	7	6,2	1	1,3	1	0,6	1	4,3	10	2,6
Д V	1	0,9							1	0,3
Д VI							1	4,3	1	0,3
Е II	1	0,9			1	0,6			2	0,5
Е III	1	0,9							1	0,3
Е IV					1	0,6			1	0,3
Ж I	1	0,9							1	0,3

Таблица № 2. Типы мусульманских кочевнических золотоордынских погребений поволжских улусов.

	Улус Сартаха 99 погр.		Улус Берке 39 погр.		Улус Бату 290 погр.		«Мангытский» улус 42 погр.		Суммарные показатели Н. Поволжья 470 погр.	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
А I	56	56	32	81,9	178	60,5	38	90,4	304	63,8
А II					13	4,4			13	2,7
А IV	11	11	2	5,1	58	19,7			71	14,9
А V	15	15	1	2,6	18	6,1			34	7,1
А VI	6	6			15	5,1			21	4,4
Б I					1	0,3			1	0,2
Б XXI- XXIII	1	1					1	2,4	2	0,4
Б XXII		0	1	2,6					1	0,2
В I	2	2	3	7,7	5	1,7			10	2
В V					1	0,3			1	0,2
Д I	6	6			1	0,3			7	1,5
Д I+зап	1	1							1	0,2
Д II-III	1	1							1	0,2
Ж I							3	7,1	3	0,6

Павленко Ю.А.

РУССКИЕ ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПЕРИОДА КОЛОНИЗАЦИИ

Этническую принадлежность этих памятников Нижнего Поволжья XVII–XVIII вв. обычно определяют как русскую, однако это не совсем так. Даже подчиненность Москве и военный статус не лишили их целого комплекса региональных особенностей, одной из которых являлся полиэтничный состав населения. Скорее, данная лингвистическая форма выражает их государственную принадлежность и характер административного управления.

Занимаясь в течение ряда лет изучением данной группы памятников, мы пришли к выводу о том, что все присущие им особенности, отличающие их от синхронных по времени возникновения и идентичных по типу памятников Среднего и Верхнего Поволжья, были обусловлены спецификой географического положения. В частности, это касается состава населения. Впервые массовое городское строительство на территории Нижнего Поволжья начинается в монгольское время, и его инициаторами являются представители полиэтничной, кочевой золотоордынской культуры. До этого, в течение многих столетий, эти степи также являлись зоной межэтнических контактов. Следует отметить, что славянское проникновение на территорию Нижнего Поволжья начинается в XIV в., но оно носит непроизвольный характер, а участники этого процесса находятся в достаточно незавидном положении, выступая на арене евразийской истории в качестве невольников. Конечные результаты этой «колонизации» мизерны и с известным трудом фиксируются только в материалах археологических исследований золотоордынских городов. Тем не менее, именно в XIV–XV вв. Нижнее Поволжье начинает осознаваться как ворота в Азию для централизованного русского государства, формирование которого являлось делом ближайшего времени.

Под периодом колонизации, подразумевается отрезок времени, началом которого является строительство русской крепости в Астрахани, сразу после падения Астраханского ханства, а окончание определяется возможностями археологии в исследовании памятников материальной культуры, унификация которой в XVIII в. приобрела значительные масштабы, а уже в XIX в. стала всеобщей. В результате большинство памятников к концу XVIII в. утрачивают характерные черты своих типов и уже не являются объектом исследования в рамках археологии.

Можно заметить, что в последнее время в исторической литературе появились новые подходы к оценке событий XVI в., связанных с продвижением России в Среднее и Нижнее Поволжье. Согласно мнению ряда историков, Казанское ханство – «первая жертва российской агрессии» – пало в самом начале процесса колониальной экспансии, продолжавшейся с XVI по XX вв. [Иордан, Кузеев, Червонная, 2001. С. 101–103]. Так, А. Капелер для оценки политики московского правительства, проводившейся в XVI–XVIII вв., использует термин «политика собирания земель Золотой Орды» [Иордан, Кузеев, Червонная, 2001. С. 183]. В этом свете строительство русской крепости в Астрахани, а также основание Царицына, Саратова, Красного Яра, Черного Яра и других крепостей представляются не как отдельные эпизоды истории борьбы с Астраханским ханством, а как часть глобального по своим масштабам процесса, охватившего евразийский регион. Весьма символичным является факт вторичного использования кирпичного лома с развалин обеих золотоордынских столиц для строительства крепостных укреплений и церквей в Астрахани и Царицыне. Отсчет военного продвижения России на Кавказ, который идет от момента основания на Тереке военных крепостей и казачьих станиц, также становится частью этого процесса. Таким образом, русские крепости не только играли роль опорных пунктов, обеспечивающих входные территории в состав государства, но были форпостами дальнейшего продвижения на восток и расширения границ империи.

Было бы неверно представлять данный процесс как односторонний акт агрессии со стороны России по отношению к мирному исламскому населению, находившемуся под покровительством Казани и Астрахани. Нижнее и Среднее Поволжье в условиях того времени не могли сохранить своей самостоятельности. Историческая альтернатива была такова: либо эти регионы вошли в состав России, либо должны были быть поглощены другим, более сильным государством. Если же абстрагироваться от стратегических целей, преследовавшихся Россией в ходе присоединения Нижнего Поволжья, то становится очевидно, что практически все города, основанные здесь, представляли собой военные крепости, выполнявшие задачи охраны границ и Волжского пути.

Общность признаков, как отслеженных в ходе проведенных археологических обследований, так и установленных на основании сохранившихся письменных источников или сообщений краеведов, позволяет выделить из массы населенных пунктов, основанных русским населением в Нижнем Поволжье в течение XVI–XVIII вв., несколько категорий памятников, из которых явно выделяются: 1. город – центр макро-региона Астрахань; 2. малые города – Саратов, Царицын, Красный Яр, Черный Яр, Терки, Гурьев, Енотаевск; 3. промысловые поселки и учуги постоянного характера – Селитренный городок на Ахтубе, Селитренный городок, Чаган, Камызяк, Иванчуг, Уваринский, Бахтемир, Бирюльский; 4. постоянные заставы при Астрахани – Круглинская, Урустобская; 5. казачьи станицы и городки – Курдюков, Гладский, Шадринский и Червленый городки, станица Новоладская; 6. форпосты и почты – всего от Астрахани до Царицына, по описаниям 1762 г., было 6 форпостов, 4 почты и 6 пунктов, в которых были и форпост и почта; 7. села и деревни – основная масса сел и деревень, известных по письменным источникам, возникла в конце XVIII–XIX вв. [Кириллов, 1977. С. 139; Косвен, 1957].

Первым и наиболее значительным из основанных городов была Астрахань. Малые города-крепости были второй категорией памятников. Наибольшее их количество (4) было основано в том же XVI в., 3 – в XVII в., 1 – в XVIII в. Данная тенденция, очевидно, свидетельствует о том, что с течением времени, несмотря на продолжавшиеся военные столкновения и другие перипетии политической истории, обстановка в Нижнем Поволжье постепенно стабилизировалась и надобность в основании новых крепостей возникала все реже.

Археологии давно и по праву принадлежит ведущее место в разработке совокупности проблем, объединенных понятием «древнерусский город» [Куза, 1978. С. 16]. Грань между крупными центрами и малыми городами эмпирически вполне отчетливо улавливается по площади занимаемой территории и количеству населения. Однако этот признак образует только внешнюю границу отличий, которая нуждается в конкретном наполнении рядом общих, характерных для всех малых городов, или, по крайней мере, для их подавляющего большинства, признаков.

Совершенно очевидно, что назрела насущная необходимость в составлении шкалы археологически уловимых признаков, характерных именно для малых городов. Опыт составления такой шкалы имеется для памятников XII–начала XIII вв. [Куза, 1989]. Однако он нуждается в корректировке, связанной с учетом позднесредневековой специфики и региональных особенностей. А.В. Куза исходил из того, что город, в отличие от других типов поселений, – это многофункциональный населенный пункт, отвечающий различным потребностям феодального общества. Его основные функции – военная, экономическая, административная, идеологическая, культурная [Куза, 1989. С. 49]. В соответствии с функциями были систематизированы «городские» признаки, ранее отобранные на примере стольных городов.

Откорректированная нами шкала археологически уловимых признаков городского характера поселений в Нижнем Поволжье для периода XVI–XVIII вв. приобрела следующий вид:

I. Экономика:

1. Ремесло (производственные комплексы, полуфабрикаты, орудия труда, стандартизация продукции).
2. Торговля (привозные вещи: а – массовый, б – единичный импорт; монеты).
3. Сельское хозяйство (орудия обработки почвы, орудия уборки урожая; кости КРС, МРС).
4. Рыболовство (детали рыболовных снастей, остеологический материал).

II. Административное управление (наличие острога, кремля, детинца, данные письменных источников).

III. Военное дело:

1. Наличие укреплений.
2. Предметы вооружения.

IV. Монументальное зодчество:

1. Каменные храмы.
2. Гражданские каменные здания.

V. Письменность.

1. Памятники эпиграфики.

2. Орудия письма.

VI. Быт горожан (мостовые, замки и ключи к ним, высокохудожественные ремесленные изделия).

VII. Топография.

1. Укрепления сложного плана.

2. Укрепления простого плана.

3. Наличие незащищенной части.

4. Усадебно-дворовая застройка [Гордеев, Павленко, 2004].

Перечисленные в данном списке показатели принадлежат к числу наиболее распространенных и легко устанавливаемых. Первые пять рубрик охватывают экономическую, административно-военную и культурно-идеологическую сферы. Шестая, фиксируя уровень урбанизации быта населения, в определенной степени затрагивает и культурную среду. Седьмая касается особенностей топографии памятников. При всей условности, эти признаки все-таки дают возможность для характеристики облика поселений и выделения их типов. Ниже, в таблице 1, малые города Нижнего Поволжья были определены на предмет соответствия откорректированной шкале археологически уловимых признаков малого города.

К сожалению, большинство памятников XVI–XVIII вв. Нижнего Поволжья практически не подвергались стационарным археологическим исследованиям, однако облик материальной культуры и хозяйственные занятия их населения могут быть представлены на основании сопоставления с имеющимися данными исследований, проводившихся в некоторых укрепленных пунктах, синхронных по времени существования с интересующими нас памятниками. В связи с этим представляется возможным опубликовать результаты археологических исследований Селитренного городища (в XVIII в. – Селитренный городок), дающие представление об экономике, быте, хозяйственных занятиях, особенностях материальной культуры русского населения Астраханского Поволжья, сконцентрированного в эту эпоху в немногочисленных укрепленных пунктах.

В 1999–2002 гг. на «Больничном бугре», на территории современного села Селитренного Астраханской области, были исследованы раскопы XXIII, XXV, XXVI, которые выявили ряд сооружений жилого, хозяйственного и производственного характера, датированных XVIII в. Им сопутствовали различные категории вещей, характеризующие материальную культуру русского населения Селитренного городка. Распределение вскрытых в эти годы сооружений по характеру их использования позволило прийти к некоторым выводам о конструктивных особенностях построек и хозяйственной деятельности населения городка. И то и другое является отражением общей ситуации, сложившейся в Нижнем Поволжье в XVII–XVIII вв. В итоге исследований были выделены следующие типы сооружений: жилые постройки (дома), сопутствующие им сооружения хозяйственного назначения, производственные сооружения, сооружения неопределенного назначения.

В ходе археологического исследования территории «Больничного бугра» было выявлено несколько жилых построек. Первый дом был исследован в 1999 г. В юго-восточном секторе раскопа XXIII, на уровне 4–5 условных пластов, были обнаружены траншеи с остатками деревянных бревен, являвши-

мися стенами дома. Траншеи ориентированы по линиям северо-запад и юго-восток. В их заполнении встречены фрагменты железных гвоздей и скоб, а также медная монета начала XVIII в. (период правления Петра I). Первую траншею пересекала под прямым углом другая траншея с бревном. Они представляли собой северо-восточный угол дома [Бурханов, 2000]. Длина сохранившегося нижнего венца дома с юго-востока на северо-запад – 320 см и с северо-востока на юго-запад – 430 см. В сохранившемся северо-западном углу дома вертикально был врыт квадратный столб сечением 10x12 см. Стены были построены из деревянных досок. Сооружение было ориентировано (как и все конструкции на «Больничном бугре») углами по сторонам света [Бурханов, 2000].

Дом был каркасный. Основание (каркас) дома рублено из круглых бревен, соединенных на углах в простой угол («в обло», «в чашу»), с выпуском концов бревен. Пол земляной. В северо-западной стене дома был оставлен проем шириной 46–50 см. По четырем углам дома, очевидно, были врыты деревянные столбы квадратного сечения, к которым крепились горизонтальные деревянные доски. Эти же столбы служили опорой для крыши. Можно предположить, что крыша дома была покрыта деревом или соломой, а стены обмазаны глиной и побелены. В XVIII в., по рисункам миниатюр, в крестьянских жилищах преобладала двухскатная кровля. Слеги крыш укреплялись на «самцах» (бревенчатом фронтоне). Снизу доски тесового покрытия поддерживались загнутыми сучьями («курицами»). Использование вместо теса соломой или тростника было характерной особенностью южных жилищ [Русские, 1999. С. 255]. Очевидно, это объяснялось нехваткой дерева. Отсутствие слюды говорит о том, что в окнах для пропуска света, вероятнее всего, использовались рамки с пузырем. Оконное стекло распространилось среди крестьян не ранее начала XIX в. [Бломквист, 1956]. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с наземной, неотапливаемой, однокамерной постройкой, по своей площади соответствующей средним размерам крестьянского дома XVIII в. Отсутствие внутри помещения печи свидетельствует о том, что его использование имело сезонный характер. Место для приготовления пищи было вынесено за пределы дома и находилось за его северо-западным углом, рядом с дверным проемом (кирпичная вымостка).

Вторая жилая постройка была исследована в 2001 г. В юго-восточной части раскопа XXV было выявлено сооружение, относящееся к строительному периоду, датированному концом 20-х – началом 30-х годов XVIII в. Первоначально была обнаружена кирпичная кладка из 6 рядов кирпичей. Кирпич обычного размера, золотоордынский, вторичного использования. Кладка находилась на массивном бревне, ориентированном по линии северо-восток – юго-запад и уходящем в бровку раскопа. Длина видимой части бревна – 220 см, диаметр около 20 см. Под прямым углом к нему находилось второе бревно. Оно имело ширину 22 см и толщину 10–12 см. Концы бревна уходили в восточный борт раскопа и в его бровку. Бревно лежало в направлении северо-запад – юго-восток. Перпендикулярно ему была расположена доска (390x15x8 см). Она упиралась в бревно в его середине и лежала в направлении северо-восток – юго-запад. В квадратах, примыкающих к описанным объектам, доски образовывали угловую конструкцию, внутреннее пространство которой было насыщено бесформенным кирпичным завалом. Фрагменты

кирпича лежали в слое почвы, содержащей обожженную глину и фрагменты древесного угля. Очевидно, вскрытая конструкция представляла собой деревянный «каркас», на который сверху были положены кирпичи. Сооружение было ориентировано сторонами по линиям северо-запад – юго-восток и северо-восток – юго-запад и имело подпрямоугольную в плане форму. В заполнении сооружения были зафиксированы фрагменты бересты, белой обмазки, керамической посуды [Гордеев, 2002].

Некоторые фрагменты кирпичей, находившихся на границе сооружения, были покрыты белой обмазкой. Вероятно, это следы наружных стен дома. Сооружение не было полностью исследовано, однако можно с большой долей вероятности предположить, что это наземная кирпичная постройка с несколькими комнатами небольшого размера. По нашему мнению, это трехкамерная постройка с земляным полом. Ее наружные стены были сооружены из массивных бревен, соединенных по углам в простой угол, и золотоордынского кирпича вторичного использования. Окна были закрыты рамками с пузырем. Изба (жилое помещение), сени и примыкающий навес были объединены общей крышей, крытой камышом. Внутреннее пространство дома было перегородено тонкими деревянными стенами из досок. В целом, планировка сооружения напоминает дом – пятистенок, однако его юго-западная «комната» – это огороженное с трех сторон крытое помещение, в котором находился очаг для вытопки рыбьего жира и приготовления пищи. В его восточном углу был выявлен вертикальный столб, который поддерживал крышу. Общие размеры дома составляли приблизительно 4х5 м, из них сени – 4х1 м, жилое помещение – 2,5х4 м. Данные размеры соответствуют средним параметрам крестьянского дома XVIII в. [Русские, 1999. С. 268]. Использование в строительстве кирпича свидетельствует об основательности постройки, однако отсутствие печи внутри исследованной части сооружения наводит на мысль о ее возможном сезонном характере.

Третье жилое сооружение было зафиксировано в раскопе XXVI. Данный строительный период охватывает 1720-е – 1730-е гг. Слой супеси, с которым связана постройка, содержал в себе обильные включения алебастровой крошки, угля и битого кирпича, что является следствием активной деятельности, уничтожившей культурный слой до материковой поверхности и разрушившей кирпичные сооружения ордынского периода. Характерно, что слой содержит три прослойки навоза толщиной 3–6 см, что указывает на содержание домашнего скота. Постройка размером 5,2х4,8 м, что соответствует средним размерам крестьянского дома. Описание устройства во многом соответствует описанию «русского дома» из раскопа XXIII 1999 г. Видимо, это одновременные сооружения, находившиеся недалеко друг от друга.

Сооружение представляло собой траншею с остатками деревянных бревен диаметром около 20 см. Углами сооружение было ориентировано по сторонам света, стены вытянуты в направлении северо-запад – юго-восток и северо-восток – юго-запад. В плане сооружение прямоугольной формы. По углам дома, а также в северо-западной и юго-западной стенах, ближе к западному углу, были установлены вертикальные сваи (всего 6 штук) диаметром около 20 см, которые поддерживали стены и крышу. В центре юго-западной стены отчетливо прослеживался дверной проем шириной 80 см, выходящий на обрывистую сторону Больничного бугра. Внутри дома были видны остатки завалившихся

бревен. В юго-западном углу дома была расположена яма округлой формы диаметром около 1,2 м [Зеленеев, 2003]. Очевидно, она была вырыта не случайно и являлась частью сооружения. Возможно также, что она была отгорожена от основного пространства дома перегородкой, закрепленной между двумя вертикальными сваями в северо-западной и юго-западной стенах. Вероятнее всего, это погреб для длительного хранения продуктов.

Таким образом, сооружение представляло собой однокамерную наземную постройку с земляным полом. Конструкция стен каркасная. Основа составлена из бревен диаметром около 20 см, которые расположены горизонтально и образуют периметр пола и крыши дома. По четырем углам дома, а также в северо-западной и юго-западной стенах, были установлены вертикальные круглые в сечении сваи, на которые были набиты горизонтальные доски, составлявшие стены дома. Возможно, стены были обмазаны глиной и побелены. Крыша была крыта камышом, по форме, вероятно, была двухскатной. Так как внутри сооружения печь, или иное место для приготовления пищи и отопления, обнаружены не были, то можно предположить, что они находились за его пределами, а само сооружение в зимнее время не использовалось как жилое.

Судя по прослойкам навоза, рядом с домом постоянно содержался скот. Место для содержания скота находилось северо-восточнее, сразу за стеной дома. В современном состоянии это место выглядело как углубленная в материк прямоугольная площадка, ориентированная в одном направлении с самим домом. Ее размеры, без учета площади двора, приблизительно 7,6х4,8 м [Зеленеев, 2003]. Сам двор, также углубленный в материк, имел Г-образную форму, охватывая дом с северо-западной и юго-восточной сторон. Примыкающий к дому двор не был накрыт кровлей, по его периметру располагались дворовые постройки. Место для содержания скота находилось в задней части двора, в передней – более «чистые» хозяйственные постройки (навесы, сараи и т. п.).

Таким образом, можно выделить ряд общих черт, присущих всем жилым постройкам XVIII в., исследованным на «Больничном бугре»:

1. Каркасная конструкция стен. Основа каркаса составлялась из круглых в сечении бревен, диаметром около 20 см, а сами стены делались из более дешевого материала – горизонтально набитых досок или местного кирпича вторичного использования. В ряде случаев стены могли быть обмазаны глиной и побелены.

2. Наземный характер построек, без подклета, что обусловлено теплым климатом. Бревна периметра основания домов лишь слегка углублены в грунт, возможно, под силой собственной тяжести постройки.

3. Земляной пол, что также объясняется теплым климатом и сезонным характером сооружений.

4. Отсутствие внутри построек печей или иных приспособлений для отопления, что указывает на сезонный характер их использования.

5. Сооружения, связанные с использованием огня (печи, открытые очаги для вытапливания жира и приготовления пищи, коптильни и т. п.) были вынесены за пределы жилых помещений, на открытое пространство. Вероятно, это сделано в целях пожарной безопасности.

6. Отсутствие слюды в заполнении сооружений говорит о том, что оконные проемы были либо закрыты рамками с пузырем, либо вообще не закрывались, так как сооружения эксплуатировались только в теплое время.

7. Все сооружения соответствуют средним размерам крестьянских домов XVIII в. (4х4 м – 5,5х6,5 м) [Русские, 1999. С. 268].

8. Крыши домов и хозяйственных построек, скорее всего, были крыты камышом, что являлось одной из региональных особенностей. На это указывает два обстоятельства: во-первых, южнорусские аналогии, во-вторых, отсутствие в заполнении сооружений тлена деревянных досок или теса, которые могли бы быть покрытием кровли.

Вполне закономерно, что жилым сооружениям сопутствовало множество построек хозяйственного назначения, без которых в рассматриваемый период времени был немислим не только крестьянский, но и городской быт. Не всегда можно точно определить их назначение, однако даже в этих случаях, как правило, хорошо прослеживается археологически уловимая специфика материальной культуры, присущая русскому населению Нижнего Поволжья. Перечисление сооружений хозяйственного назначения приводится в хронологической последовательности, по годам закладки раскопов.

Рядом с домом раскопа XXIII был обнаружен кирпичный завал и остатки кирпичной вымостки. Это может быть фрагмент летней печи или вымостка места для приготовления пищи. Кирпичи золотоордынские, вторичного использования. Кирпичи были ориентированы по направлению северо-восток – юго-запад. Сохранившаяся часть вымостки имела размеры 1х0,5 м. Вымостка была расположена на расстоянии около 1,9 м от северо-восточной стены дома, за углом от дверного проема. Судя по нивелировочным отметкам, вымостка и дом были сооружены в одно время и расположены на одном уровне. Автор исследований не упоминает о следах копти, нагара или рыбьей чешуи на вымостке [Бурханов, 2000].

В раскопе XXV к периоду конца 20-х – начала 30-х годов XVIII в. относились остатки деревянных конструкций, укрепляющих склон «Больничного бугра». Они были выявлены в северо-восточной части раскопа. Бревно, ориентированное по линии северо-запад – юго-восток, имело длину более пяти метров. Его северо-западный конец уходил в северный борт раскопа. В диаметре бревно достигало 20 см. Бревно укрепляло склон бугра. Рядом с бревном был выявлен деревянный столб, возможно, являвшийся частью конструкции. Диаметр столба – около 30 см. Южнее бревна, на расстоянии 30 см, параллельно ему была прослежена доска, лежащая на обломках обожженного кирпича. Ее ширина около 20 см, толщина 5–7 см. Ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Возможно, забор, укрепляющий склон бугра, был сооружен еще в начале XVIII в. Данная конструкция сохранилась в виде толстых досок, поставленных на ребро и зафиксированных вертикально вкопанными столбами. В более позднее время, под давлением грунта забор завалился в юго-западном направлении, о чем свидетельствуют его доски, лежащие в беспорядке в верхних слоях, относящихся к следующему строительному периоду. Существует также предположение, что нивелировка и рельеф этого участка существовали уже в золотоордынское время, а русскими поселенцами в XVIII в. были только восстановлены. Это укрепление было сооружено в первом строительном периоде (1714–1720-е гг.), существовало в течение второго

(конец 20-х – начало 30-х годов XVIII в.) и в его конце, т. е. приблизительно в 30-х гг. XVIII в. было разрушено и более не восстанавливалось [Гордеев, 2002].

В этом же раскопе 30-ми годами XVIII в. была датирована вымостка, сложенная из обожженного золотоордынского кирпича вторичного использования, положенного на глиняный раствор. Часть кирпича бита. Размеры сохранившегося кирпича: 20х20х5; 23х23х6 см. Раствор, использованный при сооружении вымостки, содержал большое количество органических примесей зеленоватого цвета. В районе вымостки было отмечено большое количество русской керамики XVIII в. и костей животных. Следов копошти не было обнаружено [Гордеев, 2002]. Точное назначение сооружения остается неясным, однако существует два возможных варианта его использования:

а). в качестве вымостки двора; б). в качестве места для свала рыбы перед ее дальнейшей переработкой (в данном случае назначение сооружения определяется как производственное).

К данному строительному периоду (30-у гг. XVIII в.) в раскопе XXV отнесены еще два сооружения хозяйственного назначения. Они были определены как печь и хозяйственная постройка (сарай). Сооружение № 1 (печь) было сложено из жженого золотоордынского кирпича, в перевязку, на глиняном растворе. Размеры сооружения – 140х170 см. Оно ориентировано по линии северо-запад – юго-восток, имело в плане подквадратную форму. Конструкция была сложена следующим образом: по периметру выложены кирпичи в один ряд и один слой высоты. Внутренний объем также заложен одним слоем кирпичей. С северо-восточной стороны на вымостку была поставлена стена в 4 слоя кирпича в высоту, сложенная в перевязь, на глиняном растворе. Аналогичная стенка была выложена на юго-западной стороне. С внутренней стороны к стенкам примыкали столбики, сложенные из половинок жженого кирпича на глиняном растворе. Максимальная сохранность кладки – 5 рядов. Расстояние между столбиками – 9–12 см. Заполнение внутреннего объема конструкции состояло из серой супеси с включением древесного угля и золы, мощностью до 6–7 см. Внутренняя поверхность конструкции подвергалась воздействию высокой температуры. Северо-восточная стена была пробита в более позднее время столбовой ямой [Гордеев, 2002].

При разборе сооружения было установлено, что кирпичная кладка стояла на деревянных плахах, лежащих на насыпной подушке, состоящей из рыхлой супеси с обломками жженого кирпича и алебастровой крошки. В северном, западном и восточном углах конструкции были обнаружены столбовые ямы с остатками дерева [Гордеев, 2002]. Определенно можно сказать, что это печь, использовавшаяся, вероятно, в одном комплексе с коптильней, находившейся в непосредственной близости (выявлена в том же раскопе).

В этом же раскопе было исследовано сооружение, определенное как сарай. Оно было ориентировано углами по сторонам света, имело подпрямоугольную форму, ориентировано длинной стороной по линии северо-запад – юго-восток. Конструкция сарая представляла собой деревянную раму из брусьев, сечением 15х7 см, уложенных по периметру конструкции. На брусьях лежали поперечные доски шириной 20–25 см и толщиной 5–7 см. Сверху деревянного настила, по периметру конструкции были выложены стенки из половинок обожженного золотоордынского кирпича, в перевязку на глиняном растворе. С юго-восточной стороны к сооружению примыкали верти-

кальные столбы, сечением 15х5–7 см, которые поддерживали крышу. Один столб находился у восточного угла конструкции, другой был расположен по центру торцевой части. Стены сарая, где хранился рыболовный инвентарь или другая утварь, вероятно, состояли из досок, горизонтально набитых на вертикальные бревна. Крыша могла быть крыта камышом, как и в жилых домах. При разборе сооружения, под деревянным настилом конструкции был обнаружен железный якорь и уложенные сбоку от него днища сероглиняных русских сосудов. Всего было обнаружено 5 днищ. Один из сосудов – миска, 4 – горшковидные плоскдонные сосуды большого диаметра. Якорь и керамические сосуды были уложены несколько раньше, чем сооружен настил пола. В профиле бровки раскопа было видно, что якорь и сосуды лежат в слое серой супеси, содержащей, вероятно, останки органики. Выше этого слоя залегал слой светло-коричневой супеси, мощность которого увеличивалась с юга к северу. Выше лежал деревянный настил сарая, прогнувшийся к середине [Гордеев В.И., 2002].

Серединой XVIII века было датировано кирпичное сооружение, назначение которого как хозяйственное определяется предположительно. Это могла быть как кухонная печь, предназначенная для приготовления пищи на улице, так и постройка другого назначения (кирпичный сарай?). В любом из вариантов можно отметить, что постройка находилась за пределами жилого дома. Конструкция ориентирована по направлению северо-запад – юго-восток. Сооружение было сложено из обожженного золотоордынского кирпича, вперевязку, на глиняном растворе; в плане прямоугольной формы, размерами 203х145 см. Сооружение имело форму кирпичной ограды, сложенной в один ряд, в 6 слоев в высоту. Конструкция была выложена на нивелировочную подушку из супеси с включением кирпичной и алебастровой крошки. В юго-восточной части конструкция имела забутовку, на которую были уложены сохранившиеся два слоя кирпича, с напуском в северо-западную сторону. Юго-западная стена ограды имела пролом почти в центре. Напротив были обнаружены остатки вертикально стоящего бревна диаметром около 20 см. С юго-восточной стороны сооружение имело, пристрой П-образной формы. Пристрой сооружения был сложен из обожженного золотоордынского кирпича, вперевязку, на глиняном растворе. Внутри пристрой был забутован аналогично основному сооружению. Назначение сооружения не определяется. Следов производственной деятельности или печного прокала в нем не было обнаружено [Гордеев, 2002].

Таким образом, можно констатировать, что описанные сооружения хозяйственного назначения условно делятся на три большие группы: кирпичные, деревянные, комбинированные. По функциональному принципу из их среды выделяются следующие группы: кирпичные вымостки территории двора или той его части, где в теплое время находилась кухня; печи, располагавшиеся за пределами жилых помещений и использовавшиеся для приготовления пищи в теплое время; сараи для складирования орудий труда, рыболовного инвентаря, неиспользовавшейся посуды; деревянная конструкция, террасного типа, укрепляющая сползающий склон холма.

Все производственные сооружения, выявленные в ходе исследования «Больничного бугра», связаны с рыбным промыслом. Следов выработки селитры и производственной деятельности, связанной с этим процессом, до

сегодняшнего дня на городище выявлено не было. Однако данное обстоятельство носит скорее положительный характер для решения стоящей перед нами задачи, так как селитренных городков на территории Нижнего Поволжья было только два, а занятия промыслом и переработкой рыбы были присутствию значительным массам русского населения. Можно также заметить, что теперь становится очевидна ограниченность информации, предлагаемой по этому вопросу письменными источниками. Ни один из них не приводит описания производственных сооружений, аналогичных тем, что были вскрыты на «Больничном бугре».

Первое из них было выявлено в раскопе XXV и датировано концом 20-х – началом 30-х годов XVIII в. Это кирпичная кладка, являвшаяся частью сооружения, связанного с обработкой рыбы (ее копчением). Кладка представляла собой конструкцию, сложенную из обожженного золотоордынского кирпича вторичного использования. Кирпич был выложен в три ряда на глиняный раствор. Ориентация по сторонам света отсутствовала. Кладка залегала под слоем серой супеси и тонкой прослойкой угля, мощностью до 2 см, в слое золистой супеси с включениями рыбьей чешуи и костей. Сохранившийся небольшой участок кладки (всего 6 кирпичей стандартного размера) не позволил уверенно определить полную конструкцию сооружения [Гордеев, 2002]. Такие сооружения позволяли заниматься копчением рыбы в больших объемах, это говорит о том, что ее часть шла на продажу, а промысел служил источником доходов для населения городка.

Второе производственное сооружение было выявлено у края трехкамерного жилого дома (раскоп XXV). Это топка открытого типа, сделанная из вертикально поставленных золотоордынских кирпичей вторичного использования, и округлая в плане кирпичная выкладка с деревянным столбиком в центре. Топка была сделана из золотоордынских кирпичей, поставленных на ребро и образующих стенки с юго-западной, юго-восточной и северо-восточной стороны. Юго-западный угол топки сложен также из ордынских кирпичей, лежащих плашмя, в два слоя. Пол топки – утрамбованная супесь – был покрыт слоем золы и древесного угля. Культурный слой соседних квадратов содержал в себе обильные вкрапления золы, угля и белого порошка, который является результатом сильного пережога костей при перетапливании рыбы. Сооружение, обнаруженное недалеко от топки, представляло собой округлую в плане кирпичную выкладку, составленную из обломков ордынского кирпича. Некоторые кирпичи поставлены вертикально [Гордеев, 2002].

Как известно по письменным источникам, вытапливание рыбьего жира производилось в металлических чанах. В данном случае чан ставился на описанную выше кирпичную конструкцию, которая служила как подставка и место разведения огня. Сооружение использовалось в одном комплексе с трехкамерным жилым домом. Однако находилась топка за пределами не только жилого помещения, но и за пределами крытого навеса, хотя и вплотную примыкала к нему. Очевидно, под навесом производились все остальные трудовые операции, тогда как сам процесс вытапливания – на открытом воздухе, что позволяло избежать неприятного запаха и пожарной опасности.

Следующее производственное сооружение было датировано 30-ми гг. XVIII в. Кладка из золотоордынского кирпича вторичного использования со-

хранилась фрагментарно и залегала в слое прокаленного грунта с частыми включениями древесного угля. Кладка была сложена из обожженного золотоордынского кирпича вторичного использования. Сохранилась частично. Точное назначение данного объекта определить невозможно. Предположительно, это остатки вымостки или открытой топки, о чем говорит характер слоя почвы, в котором она обнаружена. Можно также заметить, что сооружение было ориентировано по линиям северо-запад – юго-восток, северо-восток – юго-запад и имело изначально квадратную или подпрямоугольную форму. Размеры сохранившейся части сооружения 140х60 см. На более высоком уровне данного участка раскопа почва насыщена фрагментами битого кирпича, лежащего в беспорядке, но плотной массой. Возможно, это кирпич, составлявший разобранную конструкцию. Сохранившиеся кирпичи были уложены в один ряд, щели между кирпичами заполнены глиняным раствором [Гордеев, 2002]. Если данное сооружение изначально выглядело как кирпичная вымостка, то предположительно можно определить его назначение как место для свала пойманной рыбы. Здесь рыбу могли сначала собирать, затем перебирать и отправлять в дальнейшую переработку (в коптильню, жиротопную, на засолку, для выемки икры). Такие площадки обязательно должны были существовать там, где велся сезонный промысел рыбы.

К этому же строительному периоду относилось сооружение, определенное нами как коптильня. Вымостка была сложена из фрагментов обожженного кирпича обычного размера и большемерного, вторичного использования. Весь кирпич золотоордынского времени. Сама вымостка и площадь вокруг нее были покрыты слоем золы, рыбьих костей и чешуи. Визуально были определены такие виды рыбы, как сазан, щука, судак, осетровые. Мощность слоя золы достигала 5–7 см. Здесь же были обнаружены куски древесного угля. При сооружении вымостки использован кирпич следующих размеров: 40х40х6 см; 22х22х5 см; 19х19х4,5 см [Гордеев, 2002]. Производственный характер данного сооружения не вызывает сомнений, однако сама техника копчения в деталях остается неясной. Рыбу могли коптить либо прямо на кирпичах, либо на кирпичи могли устанавливать металлические решетки, а уже на них выкладывать подготовленную к копчению рыбу. В любом случае, указанная вымостка была местом разведения огня.

Наиболее интересным из категории производственных является сооружение, располагавшееся в центральной части раскопа XXVI. Оно было датировано 40–50 гг. XVIII в. [Зеленеев, 2003]. Это прямоугольная конструкция со сторонами 3,8х4,6 м, ориентированная в направлении северо-восток – юго-запад. Сооружение представляло собой полностью сохранившуюся вымостку пола, сложенную из золотоордынских кирпичей вторичного использования, огороженную по периметру кладкой шириной в один кирпич и высотой в пять рядов. В центре юго-западной стены был оставлен дверной проем шириной 1,5 м. Несколько кирпичей завалились внутрь проема. Перед «дверью» была оставлена прямоугольная неогороженная площадка размером 3,8х1,2 м [Зеленеев, 2003]. Таким образом, сооружение состояло как бы из двух частей: огороженной квадратной части с дверью и прямоугольной площадки перед дверью. Вся площадь сооружения вымощена кирпичом. Особенно тщательно выложен пол внутри сооружения, площадка перед входом несколько более

небрежно, с использованием большего количества битого кирпича [Зеленева, 2003].

Определенно можно сказать, что данное сооружение было нежилым в силу своих небольших размеров. Существует предположение, что это остатки печи, однако отсутствие нагара на кирпичах ставит под сомнение эту версию. По нашему мнению, данное помещение носило характер некоего «склада». Ширина дверного проема явно указывает на то, что это не печь. «Герметичное» помещение с вымощенным полом, каким являлось сооружение № 3, могло использоваться для хранения запасов соли, селитры, либо для сушки или хранения вяленой рыбы (последнее менее вероятно, т. к. рыба чешуя в большом количестве внутри помещения обнаружена не была). Промысловые рыбные поселки нуждались в большом количестве соли, необходимой для обработки пойманной рыбы и икры. Очевидно, для хранения последней должны были существовать какие-то специализированные помещения. Кирпичная вымостка пола сооружения навела на мысль о том, что оно использовалось для хранения каких-либо сыпучих продуктов, которые нужно было оберегать от влаги или вообще для хранения ценной продукции (икры?). Основательность постройки говорит о том, что ее крышей должно было служить не камышовое перекрытие, как у остальных наземных сооружений, а деревянные доски или тес.

Таким образом, обобщив полученный материал по функциональному принципу, можно выделить производственные сооружения следующих типов: коптильни (кирпичные сооружения со следами воздействия высокой температуры и содержанием рыбьей чешуи и костей в культурном слое); открытая топка для вытапливания рыбьего жира (ворвани); места для свала промысловой рыбы (кирпичные вымостки без следов огня, геометрически правильной формы); помещения для складирования запасов соли (однокамерное, кирпичное, наземное, небольшого размера, с кирпичным полом).

Вещи, датированные XVII–XVIII вв., полученные в результате археологических исследований на Селитренном городище, в Красном Яре и территории астраханского кремля достаточно однообразны. Все предметы можно разделить на следующие категории: изделия из железа, из других металлов, из кости, из стекла, из фаянса (фарфора), керамические. По функциональному принципу из общей массы находок выделяются следующие категории: орудия труда, предметы быта, украшения, предметы культа, детали одежды, предметы неопределенного назначения.

Орудия труда в подавляющем большинстве представлены изделиями из железа. Наиболее многочисленной группой находок являются кованые гвозди различных размеров – от 5 до 20 см в длину и от 0,5 до 1,5 см в сечении (в верхней части, у шляпки) [Гордеев, 2002; Зеленева, 2003]. Второй по распространенности группой железных предметов, которые можно отнести к орудиям труда, являются скобы, использовавшиеся в деревянном строительстве, а также для крепления к дереву изделий из металла [Гордеев, 2002; Зеленева, 2003]. Фрагменты железных гвоздей и скоб были зафиксированы в заполнении траншей, в которых находились бревна каркасной срубной основы жилого однокамерного дома раскопа XXIII на Селитренном городище [Бурханов, 2000]. В общей сложности 58 кованых гвоздей и 25 железных скоб выявлено в раскопах XXV и XXVI на Селитренном городище, 7 кованых

гвоздей было зафиксировано на Красноярском городище [Гордеев, 2002; Зеленева, 2003; Казаков, 1999]. Широко распространены и известны на русских памятниках разного времени, в том числе XVII–XVIII вв., железные кованые пробои. На Селитренном городище их длина колеблется от 4 до 7 см в длину, сечение прямоугольное, в среднем – 8х3 мм (в верхней части).

Менее распространены, но более информативны и значимы орудия труда, прямо указывающие на характер трудовой деятельности. Орудия, выявленные в ходе исследований 1999–2002 гг., непосредственно связаны с производственными сооружениями, вскрытыми на Селитренном городище. И те и другие отражают занятия русского населения рыбным промыслом и нижневолжскую специфику этого рода деятельности. При разборе пола хозяйственной постройки (предположительно – сарая) в раскопе 2001 г. под деревянным настилом конструкции был обнаружен железный якорь. Основная часть якоря лежала под сараем, его лапа – в другой части раскопа [Гордеев, 2002]. Металл сильно корродирован, что подтверждает длительное взаимодействие с водой. Сечение основания якоря круглое, диаметром 3–5 см, длина якоря – 67 см. Анфас лапы имеет ромбическую форму. Длина лапы – 18 см, ширина – 14,4 см.

В раскопе XXVI было обнаружено 3 железных крюка. Мы интерпретируем их как «вешала» для рыбы. Изделия использовались для подвешивания рыбы больших размеров во время потрошения, чистки, выемки икры, вяления, копчения. Можно отметить определенную стандартизацию изделий по форме и размеру. Высота крюков – 6,8 – 8 см; сечение круглое, диаметром – 6–7 мм, или квадратное – 4х4 мм [Зеленева, 2003].

Орудия труда изготавливались не только из металла, но и из кости. Кроме крюков, на занятия местного населения рыбным промыслом указывает костяная «игла» большого размера, использовавшаяся, очевидно, для вязания и ремонта рыболовных сетей. Длина изделия 18 см, в сечении прямоугольной формы, 1х1,6 см в средней части. Конец приостренный [Зеленева, 2003]. Судя по форме и следам на поверхности изделия, оно было изготовлено небрежно, при помощи обычного ножа, и не подвергалось дополнительной полировке и шлифованию. Это позволяет отнести его к предметам, изготовлявшимся прямо на месте промысла, не являвшимся предметом торгового обмена и оценить как обычный, широко распространенный рабочий инструмент.

Категория вещей, обозначенная нами как «предметы» быта, включает в себя самые разнообразные вещи, находившиеся в повседневном употреблении, но не связанные с производственной и промысловой деятельностью. Сюда входят вещи, изготовленные из железа, бронзы, керамики, стекла. Из железа были изготовлены грубоватые повседневные вещи, покупавшиеся в Астрахани или прилегающих к ней малых городах, в которых было кузнечное ремесленное производство. Наиболее распространенной группой железных вещей являются подковы, которые подразделяются на обувные и конские. Первые отличаются небольшой толщиной металла и формой (широкие в центре и сужающиеся к концам). Для вторых характерен большой размер – 7–14 см в высоту и ширину и значительная толщина металла. Подобные изделия широко распространены в материалах XVI–XVIII вв. не только на исследованных памятниках Нижнего Поволжья, но и по всей территории России. Они, в силу выполняемых функций, предельно стандартизированы и не

имеют региональных вариаций. В Нижнем Поволжье подковы обоих типов были выявлены на Селитренном городище [Гордеев, 2002; Зеленева, 2003].

Достаточно распространенной группой железных вещей, относящихся к бытовым, могут считаться ножи и шилья. На Селитренном городище был зафиксирован один фрагмент кованого ножа, датированный XVIII в. Размеры сохранившейся части – 8х2,5 см. Спинка лезвия закругленная, шириной 7 мм. Шило также было найдено в одном экземпляре. Рукоятка не сохранилась. Изделие кованое, квадратное в сечении. Размеры сечения в наиболее широкой части – 4х4 мм. Длина металлической части – 5,5 см.

В заполнении одного из жилых сооружений на Селитренном городище, под кирпичной кладкой, был обнаружен железный обруч, лежащий под углом 30° по отношению к материковой поверхности. Диаметр обруча 20 см. В нем сохранилось несколько заклепок. Железо сильно корродировано. Ширина полосы металла, из которой был сделан обруч, 2,5 см. Кроме обруча, в заполнении сооружения обнаружена железная пряжка, сильно корродированная [Гордеев, 2002]. К числу предметов быта, изготовленных из железа, относятся также железная накладка с заклепками, фрагмент железной ручки двери или сундука.

Изделия из стекла представлены осколками и фрагментами стеклянных вещей, преимущественно из-под спиртных напитков, – это горлышки, донышки и стенки штофов, четвертинок, поллитровок, бутылок из-под вина и т. д. Керамические предметы быта представлены светильником и курительной трубкой с штампованным орнаментом. К числу предметов быта можно отнести также оселок и бронзовый наперсток.

Украшения, предметы культа, детали одежды, помимо уже упоминавшейся выше железной пряжки, представлены медными нательными крестиками и пуговицей, изготовленной из того же материала.

Отдельно хотелось бы остановиться на обнаруженной там же, на Селитренном городище, вислой печати. Бронзовая печать датирована XVII – началом XVIII в. и относится к нижнему строительному периоду раскопа XXV. Печать имеет четкий оттиск. Ее диаметр 20 мм, толщина 1–2 мм (она утолщается к нижней части). На лицевой стороне – изображение всадника на коне, вправо, с луком в правой руке. На оборотной стороне печати – изображение симметричного дерева с тремя ветвями, на каждой из которых помещены лебеди. По краю нанесено несколько элементов растительного орнамента. В нижней части «ветви» дерева оканчиваются четыре «шишечками», представляющими собой стилизованное изображение плодов [Гордеев, 2002]. Находка печати свидетельствует об административном и торговом значении «Селитренного городка», являвшегося одним из пунктов русской колонизации на Нижней Волге. К тому же, согласно некоторым разработкам, печати и торговые пломбы являются одним из прослеживаемых признаков городского характера поселений.

Основанием для датировки слоев и строительных периодов на Селитренном городище послужил нумизматический материал. Всего в раскопах XXIII, XXV, XXVI на Селитренном городище было выявлено 8 медных монет. Одна из них была найдена в раскопе XXIII и относится к началу XVIII в., времени правления Петра I [Бурханов, 2000], к первому строительному периоду (1714 – начало 1720-х гг.). Этот период связан со слоем желтой супеси с кир-

пичной и алебастровой крошкой и золистой прослойкой, обнаруженной на уровне материка. Второй строительный период раскопа XXV был датирован по медной «полушке» 1731 г. Этот период представлен в основном слоем серой супеси, содержащей включения мелких фрагментов битого кирпича и алебастра, насыщенностью до 10%. Третий строительный период, по монетам времени правления Анны Иоанновны, был датирован 30-ми годами XVIII в. В слое серой супеси с включениями фрагментов древесного угля, кирпичного боя, костей животных, штукатурки, насыщенностью до 30%, были выявлены «денга» 1736 г., «денга» 1739 г., «денга» 1740 г. (до 1796 г. наименование номинала писалось без мягкого знака) [Гордеев, 2002]. В раскопе XXVI было выявлено 3 медных монеты – «полушка» 1731 г. и две «денги» 1739 г. [Зеленева, 2003]. Таким образом, наиболее распространенными являются монеты 1739 г.

В последнее время планомерно изучаются позднесредневековые памятники Среднего и Верхнего Поволжья, принадлежащие русскому населению. Во многих из них вскрыты достаточно большие площади. В Нижнем Поволжье подобные исследования только начинаются, но уже очевидно, что сравнительное изучение синхронных русских памятников Нижнего, Среднего и Верхнего Поволжья должно привести в науку значительные результаты. Специфика, обусловленная природно-географическими условиями, а также особенностями исторического развития, наложила отпечаток на материальную культуру русского населения различных регионов. Поиск и выявление этой специфики представляются одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед современной позднесредневековой археологией.

Литература:

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов: (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Т. XXXI. М., 1956.

Бурханов А.А. Отчет об основных итогах археологических исследований ТАО ПАЭ в Селитренном городище в Харабалинском районе Астраханской области в 1999 году // Фонды Астр. муз. зап. Астрахань, 2000. № 15701.

Гордеев В.И. Отчет об археологических исследованиях Селитренного городища Астраханской области в 2001 году // Архив МарГУ. Йошкар-Ола, 2002.

Гордеев В.И., Павленко Ю.А. Малый город Поволжья в позднем средневековье. Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 2. Йошкар-Ола, 2004.

Зеленева Ю.А. Отчет об археологических исследованиях Селитренного городища Астраханской области в 2002 году // Архив МарГУ. – Йошкар-Ола, 2003.

Иордан М.В., Кузев Р.Г., Червоная С.М. Ислам в Евразии: современные этические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. – М., 2001.

Казаков П.В. Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе Астраханской области в 1989 году // Архив Астр. краев. музей. Астрахань, 1999.

Кириллов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский... М., 1977.

Косвен М.О. Описание гребенских казаков XVIII в. // ИА. 1957. № 5.

Куза А.В. Археологическое изучение древнерусских городов // Краткие сообщения Института Археологии. Славяно-русская археология. М., 1978. № 155.

Куза А. В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989.

Русские. М., 1999.

Таблица 1
Археологическая характеристика малых городов Нижнего Поволжья
(нумерацию см. по шкале археологических признаков
городского характера поселений)

Памятники	Археологически уловимые признаки															
	I экономика				II Административное управление	III Военное дело		IV Мону-ментальное зодчество		V Пись-менность		VI Быт горожан	VII топография			
	1	2	3	4		1	2	1	2	1	2		1	2	3	4
Сара-тов	+	+	+	+	+	+	+	/	/	-	-	/	+	-	+	-
Цари-цын	+	+	+	+	+	+	-	/	/	-	-	-	+	+	+	-
Крас-ный Яр	/	+	+	/	+	+	-	/	-	-	-	-	-	+	+	-
Чер-ный Яр	+	+	+	+	+	+	-	/	-	-	-	-	-	+	+	-
Терки	-	+	-	-	+	+	-	/	-	-	-	-	+	-	+	-
Гурьев	-	+	+	-	+	+	-	/	-	-	-	-	-	+	+	-
Енота-евск	-	+	+	-	+	-	-	/	-	-	-	-	-	-	+	-

+ наличествует (по письменным источникам)
/ единичные находки (археологические находки)
- отсутствует (археологические находки)